

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

26 октября 2018 г.

г. Чита

Часть 2

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE

October 26, 2018

Chita

Part 2

Правительство Забайкальского края
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края
Забайкальское отделение ВПП «Единая Россия»
Забайкальский государственный университет
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чита
Центр научных исследований российско-китайских отношений
Забайкальское общество любителей истории

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

**Международная научно-практическая конференция,
посвящённая Году единения российской нации
и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкалье**

26 октября 2018 г.

г. Чита

Часть 2

Чита
Забайкальский государственный университет
2018

УДК 94(082)
ББК 63.3я43
ББК ТЗя43
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Ю. А. Головин, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль
Н. В. Гордеев, д-р ист. наук, профессор, советник директора по научно-информационному взаимодействию, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (отв. редактор), В. К. Геберт, А. В. Дроботушенко, Н. Г. Дятчина, Т. К. Клименко, В. Н. Лаврикова, Ю. Н. Ланцова, М. Б. Лига, М. В. Пряженникова, И. А. Романов, Д. В. Сергеев, Ю. С. Токарева, Е. Г. Фоменко, А. Н. Хатькова, О. А. Яремчук

П 755 **Приграничный регион в историческом развитии** : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году единения рос. нации и 80-летию высш. пед. образования в Забайкалье : [в 3 ч.] / Забайкал. гос. ун-т ; [отв. ред. Е. В. Дроботушенко]. – Чита : ЗабГУ, 2018.
ISBN 978-5-9293-2165-8

Ч. 2. – Чита, 2018. – 195 с.
ISBN 978-5-9293-2167-2

В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников международной научно-практической конференции, состоявшейся в г. Чите в октябре 2018 года. В них нашли отражение самые разные вопросы истории и современного состояния Забайкальского края, отечественной и всеобщей истории, истории международных отношений, аспекты теоретического осмысления категории «регион». Значительными по объёму являются разделы, посвящённые филологическим, лингвистическим и литературоведческим аспектам, проблемам развития физической культуры и спорта. 80-летие высшего педагогического образования в Забайкалье предопределило значительное количество материалов, связанных с образованием в его историческом развитии и на современном этапе. 2018 год объявлен Президентом Российской Федерации Годом единения российской нации. Сборник содержит статьи, посвящённые истории соотечественников, оказавшихся за рубежом.

Материалы издания будут интересны учёным, общественным деятелям, преподавателям и учителям высших, средних и средних специальных учебных заведений, а также всем тем, кто интересуется историей и современным состоянием Забайкалья, его местом в социальных процессах российского и мирового масштаба.

УДК 94(082)
ББК 63.3я43
ББК ТЗя43

ISBN 978-5-9293-2167-2 (Ч. 2)
ISBN 978-5-9293-2165-8

© Забайкальский государственный университет, 2018

Government of Zabaikalsky Krai
Ministry of International Cooperation
and Foreign Economic Relations of Zabaikalsky Krai
Transbaikal regional branch of VPP "United Russia"
Transbaikal State University
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Department of the Russian Historical Society in Chita
Russia-China Relations Scientific Research Center
Zabaikalsky Historical Society

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION

**International Scientific and Practical Conference,
Conference is Dedicated to the Year of Unity of the Russian Nation
and to the 80th Anniversary of the Higher Pedagogical
Education in Transbaikalia**

26 October 2018

Chita

Part 2

Chita
Transbaikal State University
2018

УДК 94(082)
ББК 63.3я43
ББК Т3(2)я43
П 755

Recommended for Publication
by the Organizing Committee of the Scientific and Practical Event
of Transbaikal State University

Reviewers

Yu. A. Golovin, Dr. of Political Sciences, Professor, Head of the Chair of social and political theories, p. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl
N. V. Gordeev, Dr. of History Sciences, Professor, Advisor to the Director on scientific and information interaction, Chita Institute (branch) of the Baikal State University, Chita

Editorial board

E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), *V. K. Gebert*, *A. V. Drobotushenko*, *N. G. Diatchina*,
T. K. Klimenko, *V. N. Lavrikova*, *Yu. N. Lantsova*, *M. B. Liga*, *M. V. Pryazhennikova*,
I. A. Romanov, *D. V. Sergeev*, *Yu. S. Tokareva*, *E. G. Fomenko*, *A. N. Hatkova*, *O. A. Yaremchuk*

П 755 **Historical Development of the Border Region** : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Conference is Dedicated to the Year of Unity of the Russian Nation and to the 80th Anniversary of the Higher Pedagogical Education in Transbaikalia : [3 p.] / Transbaikal State University ; [Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko]. – Chita : Transbaikal State University, 2018.
ISBN 978-5-9293-2165-8

P. 2. – Chita, 2018. – 195 p.
ISBN 978-5-9293-2167-2

The collection presents the materials of reports and speeches of the participants of the international scientific and practical conference held in Chita in October 2018. They reflect a variety of issues of history and current state of the Zabaikalsky krai, national and global history, history of international relations, aspects of theoretical understanding of the category "region". Significant in terms of volume are the sections devoted to philological, linguistic and literary aspects, problems of development of physical culture and sports. The 80th anniversary of higher pedagogical education in Transbaikalia predetermined a significant amount of materials related to education in its historical development and at the present stage. 2018 was declared the year of unity of the Russian nation by the President of the Russian Federation. The collection presents materials on the history of compatriots abroad.

This publication will be interesting for scientists, public figures, teachers and teachers of higher, secondary and secondary special educational institutions, as well as for all those who are interested in the history and current state of the Transbaikal region, its place in the social processes of the Russian and world scale.

УДК 94(082)
ББК 63.3я43
ББК Т3(2) я43

ISBN 978-5-9293-2167-2 (P. 2)
ISBN 978-5-9293-2165-8

© Transbaikal State University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

Сурнаа До История возникновения бурятского этноса во времена государства Нирун	9
Харитонов А. М. Об исторической географии южного пограничья Древней Руси	21
Постников А. В. Сэр Самуэль Бэнтам (Sir Samuel Bentham) – британский исследователь Сибири и Средней Азии, верный сподвижник светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического	24
Батуева И. Б. Пограничная политика России в Западном Забайкалье во второй половине XVII века	31
Пешков И. Г. Неизвестные страницы истории приграничного сотрудничества в первой половине XIX века с Китаем и Монголией	34
Косых В. И. Из истории российско-китайской приграничной торговли (конец 1870-х гг.)	38
Мендюков А. В. Русская Православная церковь и российское общество на пути модернизации (конец XIX – начало XX века)	40
Батаев Д. Ю. Монгольские проекты П. А. Бадмаева (по материалам ГАРФ)	43
Гавриков А. А. Святой Равноапостольный Николай Японский: жизнь в Японии и связь с Родиной	47
Ланцова Ю. Н. Распространение православия среди китайцев и корейцев в Забайкалье (по материалам «Забайкальских епархиальных ведомостей»)	51
Костяев Э. В. Антивоенная пропаганда сибирских марксистов в 1914–1915 годах	54
Курас Л. В., Кальмина Л. В. Русская эмиграция в Маньчжурии (первая половина XX в.)	57
Сотников С. А., Сотников А. А., Камнева Г. П. Российская эмигрантская пресса и феномен сталинизма	60
Карасев С. В. Русская эмиграция в Маньчжоу-Го и её хозяйственная деятельность в 1932–1942 годах	66
Дэмбэрэл Дашхорлоо Некоторые исторические положения установления монгольско-китайской границы	70
Кулинок С. В. Подготовка немецкой разведывательно-диверсионной агентуры русской национальности на территории Беларуси в 1941–1944 годах	79
Дроботушенко Е. В. Особенности существования Шанхайской епархии Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии в первый год её существования	82
Якунин В. Н. Церковное храмостроительство и религиозная жизнь в Ставрополе-Тольятти в 1955–1985 годах	87
Вайраух Т. Не единственная: разнообразие политических партий в Китае	91
Забузов О. Н. Советская военная доктрина: интегративный взгляд	97
Маркелова А. А. Генезис шотландского сепаратизма	100
Ковалева Н. Н. Историческая ретроспектива промышленного развития Брестского региона (с конца XIX до конца XX в.)	104
Васильев М. В. Борьба за контроль псковского приграничного пространства в начале 1990-х годов	107
Косых Е. С. Ялта-45: архитектура новой мировой политики	111
Лобанов К. Н. 1917–2017: уроки столетия для России и мира	114

Раздел 2. Сибирь и Забайкалье в исторической ретроспективе

Верещагин С. Б. Таптанайский археологический комплекс культуры плиточных могил. Итоги и перспективы исследований	118
Цыбенков Б. Д. О даурском происхождении группы «гогули» русских источников XVII века	123
Ковалева И. В. «Наставления наместнику Тихону» как один из источников по истории Нерчинского Успенского монастыря	127

Скажутин Д. В. Перри Макдон Коллинс «Путешествие вниз по Амуру»	130
Евтехов Р. А., Малыгина О. А. Управленческая система Забайкальской области после введения должности военного губернатора во второй половине XIX века	134
Мясников А. В. Медицинское обслуживание на Карийских золотых приисках в XIX – начале XX века	137
Гантимурова М. И. Источники по генеалогии инородцев в XIX – начале XX века в фондах Государственного архива Забайкальского края	140
Санжиева Т. Е. Забайкальский период деятельности М. Н. Богданова: поиски и решения	142
Севостьянова Е. В. Читинская уездная комиссия Елизаветинского комитета в годы Первой мировой войны	146
Филимонова А. А. Участие железнодорожников Забайкалья в Революции 1917 года	150
Баринев А. О. Когда слухи были точнее официальной информации. Беседа с первым зарубежным корреспондентом в Забайкалье после февраля 1917 года	152
Валиахметов А. Н. Чехословацкий корпус в Забайкалье (по материалам легионерской исторической литературы)	154
Червоная С. А. Выявление документальных источников в архивах Москвы по двум приездам Маргарет Харрисон в Советскую Россию	158
Барт Ш. Вспоминая удивительную американку, которая познакомила западного читателя с Забайкальем	163
Чапыгин И. В., Чапыгин И. И. Из истории сретенской периодической печати (начало – 30-е годы XX века)	170
Мезенцева И. В. Японские военнопленные: к вопросу о трудовом использовании на предприятиях золотодобывающей промышленности Читинской области (1945–1946 гг.)	174
Дроботушенко Е. В. Сравнительный анализ количественного состава православных храмов, молитвенных домов и священнослужителей по регионам Восточной Сибири в середине 1940-х – первой половине 1950-х годов	177
Ульянова О. В. Текстильная промышленность в Восточном Забайкалье в 1969–1990 гг.	183
Уржаева Т. П. Развитие таможенной службы в Иркутской области во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов	186
Сведения об авторах	190

CONTENTS

Section 1. Actual Issues of the History of Fatherland and World History

Surya Do The History of the Buryat Ethnic Group During the State of Nirun	9
Kharitonov A. M. About Historical Geography of the Southern Borderland of Ancient Russia	21
Postnikov A. V. Sir Samuel Bentam as the British Explorer of Siberia and Central Asia, the Faithful Associate of the Serene Highness Prince G. A. Potyomkin-Tavrichesky	24
Batueva I. B. Border Policy of Russia in the West Transbaikalia in the Second Half of the 17th century	31
Peshkov I. G. Unknown Pages of the History of Cross-Border Cooperation in the First Half of the Nineteenth Century with China and Mongolia	34
Kosyh V. I. From the History of Russian-Chinese Border Trade (the end of the 1870-ies)	38
Mendyukov A. V. The Russian Orthodox Church and Russian Society on the Way of Modernization (the end of XIX – beginning of XX centuries)	40
Bataev D. Yu. Mongolian Projects P. A. Badmaeva (based on Sarf Materials)	43
Gavrikov A. A. Saint Equal to Apostles Nikolai of Japan: the Life in Japan and the Relationship with the Motherland	47
Lantsova Yu. N. The Spread of Christianity among the Chinese and Koreans in Transbaikalia (based on the Materials of the “Zabaikaly Diocesan Bulletin”).....	51
Kostyaev E. V. Anti-War Propagation of Siberian Marxists in 1914–1915	54
Kuras L. V., Kalmina L. V. Russian Emigration in Manchuria (first half of XIX century)	57
Sotnikov S. A., Sotnikov A. A., Kamneva G. P. The Russian Emigre Press and the Phenomenon of Stalinism	60
Karasyov S. V. Russian Emigration in Manchukuo and its Economic Activity in 1932–1942	66
Demberel Dashkhorlo Some Historical Situation of the Establishment of Mongolian-Chinese Border	70
Kulinok S. V. Preparation of the German Intelligence and Sabotage Agents of Russian Nationality on the Territory of Belarus in 1941–1944	79
Drobotushenko E. V. Features of the Shanghai Diocese of the East Asian Exarchate of the Moscow Patriarchate in the First Year of its Existence	82
Yakunin V. N. Church the Church Building and the Religious Life of the Stavropol-Togliatti in 1955–1985	87
Weyrauch T. Not Only One: the Diversity of Political Parties in China	91
Zabuzov O. N. Soviet Military Doctrine: an Integrative Sight	97
Markelova A. A. The Scottish Separatism Genesis	100
Kovaleva N. N. Historical Retrospective of Industrial Development of the Brest Region (from the end of the XIX – before the end of the XX century)	104
Vasiliev M. V. The Struggle for Control of the Pskov Frontier area in the beginning of the 1990s	107
Kosykh E. S. Yalta-45: the New Architecture of World Politics	111
Lobanov K. N. 1917–2017: Lessons of the Century for Russia and the World	114

Section 2. Siberia and Transbaikalia in Retrospect

Vereshchagin S. B. The Taptanay Archaeological Complex of the Culture of the Plate Graves. And Prospects of Research	118
Tsybenov B. D. Daur Origin of “Goguli” Group in Russian Sources of the XVII century	123
Kovaleva I. V. “Instrutions for Viceroy Tihon” how one of the Sources of the History of the Nerchinsk Uspensky Monastery	127
Skazhutin D. V. Perry Mcdonough Collins “A Voyage down the Amur”	130
Evtekhov R. A., Malygina O. A. Administrative System of the Transbaikal Region after Introduction of the Position of the Military Governor in the second half XIX centuries	134

Myasnikov A. V. The Medical Service in the Carian Gold Mines in XIX – the beginning of XX centuries	137
Gantimurova M. I. Sources on Genealogy of Foreigners of the 19 th and early 20 th centuries in the Funds of the State Archives the Transbaikal Region	140
Sanzhieva T. E. Transbaikal Period of Activity M. N. Bogdanova: Search and Solutions	142
Sevostyanova E. V. District Commission of the Elizabethan Committee in Chita District of Transbaikalia during the First World War	146
Filimonova A. A. Participation of Transbaikal Railwaymen in the Revolution of 1917	150
Barinov A. O. When the Rumors were more Accurate Official Information. Interview with the First Foreign Correspondent in Transbaikalia after February 1917	152
Valiakhetov A. N. Czechoslovak Corps in Transbaikalie (on the Materials of the Legionary Historical Literature)	154
Chervonnaya S. A. Documentation of the two Visits of Marguerite Harrison to Soviet Russia in the Archives of Moscow	158
Bart Sh. Remembering the Extraordinary American Woman, who Introduced Western Readers to the Transbaikal	163
Chaplygin I. V., Chaplygin I. I. From the History of the Sretensky Periodicals (beginning 30-ies of the twentieth century)	170
Mezentseva I. V. Japanese Prisoners of War: on the Issue of Human Resources Employment at the Gold Mining Enterprises of Chita Region (1945–1946)	174
Drobotushenko E. V. Comparative Analysis of the Quantitative Composition of Orthodox Churches, Chapels and Clergy in Eastern Siberia in the mid-1940s and the first half of the 1950s	177
Ulianova O. V. The Textile Industry in Eastern Transbaikalia 1969–1990	183
Urozhaeva T. P. The Development of the Customs Service in the Irkutsk Region in the second half of the 1990s – early 2000s	186
Information about authors	190

РАЗДЕЛ 1. Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории

SECTION 1. Actual Issues of the History of Fatherland and World History

УДК 94(571.54)
ББК ТЗ(2Рос-6БУ)

Сурнаа До,

*Монгольский государственный университет образования,
г. Улан-Батор, Монголия*

История возникновения бурятского этноса во времена государства Нирун

Представлена работа по подробному изучению бурятских племён и родов, входящих в состав древнего монгольского государства Нирун в IV–VI веке нашей эры, а также история возникновения бурятского этноса в указанный период. Целью является рассмотрение перехода от объединённого аймака до образования бурятского этноса со времён государства Нирун до X века нашей эры.

Ключевые слова: бурятский этнос, древнее монгольское государство Нирун, племена, аймак

Surya Do,

*Mongolian State University of Education,
Ulan Bator, Mongolia*

The History of the Buryat Ethnic Group During the State of Nirun

The paper presents a detailed study of the Buryat tribes and clans that are part of the ancient Mongolian state of Nirun in the 4–6 century ad, as well as the history of the Buryat ethnic group in this period. The aim is to consider the transition from the United aimag to the formation of the Buryat ethnic group from the time of the state of Nirun to the 10th century ad.

Keywords: Buryat ethnos, ancient Mongolian state Nirun, tribes, Aimak

Реальное государство было создано во времена Бортэ Чино, позже некоторые группы аймаков переместились на запад, оставшаяся часть в XII веке считалась народом Баргуудая, управлявшим в Баргужин Тукуме.

В III веке до нашей эры этнические племена бурят входили в состав Гуннской империи в составе 4 аймаков и 36 подданств и

в китайской истории упоминаются как «ди» (狄) или «северный ди» (北狄). Во времена Государства Чжоу (1046–221 г. до нашей эры) все племена, проживающие севернее, назывались «северный ди».

В 91-м году нашей эры северная часть гуннских племен откочевала на запад, где возникли многочисленные аймаки, в 200 году

после распада государства Сяньби многочисленные монгольские аймаки обосновались в районе хребтов Алтая, Хангая и Саян. Борьба с уйгурами в южной части озера Байкал привела к сплочению многих аймаков и созданию древнего государства Нирун в 330–555 годах нашей эры. В указанные времена на монгольском нагорье проживало большое количество азиатских и европейских народов, и сложно точно определить, однако можно проследить движение бурятских этносов на юге и севере озера Байкал, принимавших участие в формировании государства Нирун и входивших в состав монгольских аймаков.

Основной состав государства Нирун, аймаки, входившие в состав

Древнее государство Нирун было основано в 330–555 годах нашей эры. В китайских «Исторических записях» государство Нирун значит как империя Жужань (柔然汗国). Впервые название «государство Нирун» было упомянуто в труде доктора наук Монголии Г. Сухбаатара «Монгольское государство Нирун», восстановленное им имя ранее упоминалось в трудах русского учёного С. Ф. Кима как “niu nian”, Б. Карлгрена как “nzien nizian”, Уотерра как “niu-yen”, и взяв за основу произношение китайского учёного Ван Ли – “niu nian”, документировал эволюцию истории, культуры, общества и внешних связей государства¹. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина с персидского языка название этноса Нирун «нуруу, зуу нуруу» переводится как поясница, спинной хребет, позвоночник², в связи с чем в данном сборнике было утверждено название «государство Нирун».

В исторических записях отмечается, что государство Нирун имело в основном составе народ аймака Ундур тэрэгт (высокие повозки), проживающее в районе Хангайского хребта. Согласно результатам международных исследований, народ Ундур тэрэгт является народом тюркского происхождения, аймак Ундур тэрэгт, являвшийся основным в создании государства Нирун, кочевье которого располагалось в северной части горы Мунь (находится в средней части Внутренней Монголии), считается одним из племён гуннского татарского происхождения³. В 304 году нашей эры племя под предводительством

Юйцзюлюй (郁久闾) Мугулюй (木骨闾) бежало из подчинения Тоба-Вэй Сяньби, в дальнейшем возглавив пять аймаков Ундур тэрэгт и основав государство Нирун, проживали в районе Хангайского хребта. В период с 440 по 465 годы в период правления Вэн Цзюнь империи Северная Вэй пять аймаков Ундур тэрэгт, совместно поклоняясь небу, достигнув небывалого прироста населения, организовывая совместные скачки и песнопения, окрепли в своём единстве как никогда⁴. В середине V века государство Нирун имело в своём составе пять великих аймаков и 12 племенных объединений. Не было упоминаний о племенном составе аймаков, в то же время начались первые контакты с племенами, живущими в районе Алтая, Хангая, на юге и севере озера Байкал. На первом и среднем этапе вошедшие в состав государства Нирун гунские племена «красный ди» (赤狄), уйгуры (лесные жители), хори, ихрэн (ихириты), конфедерация трёх крупных аймаков, сначала основав аймак Зэвчин, а далее аймак Барга, напрямую связаны с основанием бурятского этноса.

В древней китайской истории народ, проживавший в районе озера Байкал, называли «северные хунну» или «северный ди». В «Истории Севера» народ Ундур тэрэгт описывают как «народ, обитавший на севере Гоби, ранее имевший имя “красный ди”, потом “ди ли” (狄历), затем “чи лэ” (敕勒), затем “динлины” (丁零), народ, кочевавший со скотом, имевший одежду из кожи, питавшийся мясом, имевший такие же телеги и одинаковое количество спиц в колесах, как у нирунцев⁵. В древние времена «красный ди» и «чи лэ» вошли в состав государства Нирун Ундур тэрэгт, дин ли, тье лэ (铁勒), в X веке начали появляться имена сильных аймаков. В истории Сяньби отмечены аймаки олхонууд, барга и другие монгольские аймаки. Это связано с тем, что данные представители государства Нирун широко вели общение с государствами Сяньби и Вэй.

В V–VIII веках до нашей эры много аймаков хонгирадов (хонгодоры) были в составе «красных ди», кочевавших от Южной Сибири до Байкала⁶. В IV–VII веке нашей эры в составе «красных ди» было 6 основных аймаков: ди ли (狄历), уйгуры (袁纥), хори

¹ Сухбаатар Г. Монгольское государство Нирун (примерно 330-555 гг.). – Улан-Батор, 1992. – С. 166–167.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. Сүрэнхорлоо, интерпретация Балжинням. – Пекин: Нац. изд-во, 2013. – С. 5.

³ 魏收撰, “魏书”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第2307页。

⁴ 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3273页。

⁵ 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3271页。

⁶ Рене Гросс. История кочевых народов Азии / пер. Содномжмц, Хөхөндөр. – Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1999. – С. 15.

(斛律), зэвчин (解批) ү-гү (护骨), ихрэн (乙奇斤)¹, ү-гү впоследствии стали аймаком Хонгирадов государства Кидань, а ди ли – аймака татар². Два аймака – ү-гү и ди ли в X веке нашей эры входили в состав северного государства Ляо Кидань и были основной военной силой. В 1096 году с целью ослабления военной мощи кидане переселили их в дельту реки Онон³. В связи с этим можно говорить о том, что 6 основных аймаков конфедерации народа Ундур тэрэгт государства Нирун, после его распада и вхождения в состав аймаков киданей стали основателями государства Ляо. Также в истории упоминается о том, что аймак Зэвчин очень гармонично существовал с Северным Вэй Сяньби. Зэвчины являлись одним из основных аймаков Барга. В IX веке нашей эры баргутские многогородовые аймаки, в начале VII века нашей эры имеющие отношение к многогородовому аймаку Шивээг, вошли в состав объединения большого аймака татар. Впоследствии этническая группа, откочевавшая в район Хулунбуир, стала называться Старый Барга, а Новый Барга стали называть Зэвчин Барга. Часть Барга в IX веке нашей эры, присоединившись в аймаку Шивээ татар, кочевала в районе Халхин-Гола и Хулунбуира.

Один из 6 аймаков этноса Ундур тэрэгт ихириты, будучи однородовым аймаком Мугулюй государства Нирун и имеющий одни родовые корни с Юйцзюлюй, основали один род из 8 бурятских ветвей. 8 бурятских ихиритских родов имеют общие корни с ихиритами аймака Хонгирад (хонгодоры). В дальнейшем после распада государства Нирун ихириты ушли на север Байкала и основали бурятское сообщество близ реки Лены. А ихириты, выходцы из аймака хонгирадов, с давних времен жившие близ Байкала, со времён государства Нирун и до X века нашей эры жили вместе с племенем хори, в связи с чем в бурятских легендах говорится об ихиритах и булагатах, подчёркивая этим разделение племени на две части. В исторических легендах ихиритов говорится о «двух разделённых аймаках улхунууд, возникших из золотого сосуда хонгирадов Зорлог мэргэн, Хувай шар, Тосвуу Даодагийн Хувай»⁴. Во времена госу-

дарства Нирун это племя называлось Улхунууд (乌洛候), далее во времена правления империи Тан (923–937 гг.) к востоку от Байкала и на запад от реки Эргунь они основали собственное государство, посланник которого доставлял меха для Империи Тан, и остался в «старинных записях Империи Тан» как посланник Северной Ди⁵. В этот период ихириты и улхунууд проживали вместе. Хори туматы (хори буряты), хурлагууд (оймагууды), хонгирады, илжгэни, баргуты имели общую печать на все рода, буряты и хонгирады имели близкие отношения с лесными жителями, с которыми имели общие корни⁶. Этническая группа ү-гү из 6 аймаков этноса Ундур тэрэгт являлась аймаком Улхунуун (олохонь). Следовательно, даже крупные объединения аймаков основаны на ранних родоплеменных отношениях.

Шестой аймак, входивший в состав государства Нирун, – аймак уйгур. В период 487–541 годов сто тысяч представителей уйгур под руководством Афозила (阿伏至罗), откочевав на запад, основали в Турфанской впадине «Государство Ундур тэрэгтэн», сам же Афозил стал называться «Хори Янал» (候罗旬勒), что было равно по статусу Ван хану⁷. В VI веке кочевавший в районе реки Иртыш на юго-западе Алтайских гор тюркский предводитель после вторжения в Нирун основал аймак сияр тардучи (薛延陀) под руководством Ашабагада (乙失钵). В 628 году сын Ашабагада – Ашабагад янал (乙失夷男) вместе с 70 тысячами воинов перешёл через Алтайские горы и в 630 году, встав во главе аймаков барга (拔野古), уйгур (ойрад 回纥), тунло (同罗), основал государство Шивээ со столицей на берегу реки Туула. Аймак Ашабагада в 646 году, проиграв в сражении воинам империи Тан, откочевал к берегам Байкала. Упомянутые выше 6 основных аймаков Ундур тэрэгтэн, которые заложили основу для тюркских племен Ундур тэрэгтэн, хоть и имеют схожие названия, но имеют различия в основах кочевого образа жизни, способе кочевки. Тунлөд (тоглос) был одним из родовых аймаков Нируна на монгольской территории, изначально вместе с аймаком тэлэнгэд кочевали на западе от реки Иртыш и были лесным племенем. В дальнейшем ушли к реке Туула под предво-

¹ 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3270页。

² 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第392页

³ 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第309页

⁴ Рашид ад-Дин. Собрание летописей / пер. Сүрэнхорлоо, интерпретация Балжинням. – Пекин: Нац. изд-во, 2013. – С. 124.

⁵ 劉昫等撰, “旧唐书”, 北京, 中华书局出版, 1975年, 第5364页。

⁶ Рашид ад-Дин. Собрание летописей / пер. Сүрэнхорлоо, интерпретация Балжинням. – Пекин: Нац. изд-во, 2013. – С. 81.

⁷ 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3274页。

дательством Ашабагада, вернувшись с аймаком Ашабагада в XIII веке и, войдя в состав аймака баарин, управляемого аймаков хорчин, стали называться баарин тунлод¹. Эти лесные люди, проживавшие на юге от Байкала, не те, с кем воевал сын Чингисхана Джучи, он воевал с племенами, проживавшими в восточной части Байкала. Имена лесных племён были сформированы уже в VI веке. Упомянутые здесь племена лесных жителей составляли основу уйгурских аймаков и назывались ойратами.

Доказательством того, что аймак Хори являлся основным аймаком в государстве Нирун, является тот факт, что вторым правителем Нируна был человек с именем Хоридой-мэргэн (斛律-藹苦盖), где Хори – это название аймака, а «ай ку гай» – это прозвище, означающее «меткий стрелок». Прозвища у кочевых народов передаются по наследству либо возникают от принадлежности к аймаку или родовой группе, таким образом, можно сделать вывод, что 11 бурятских родов вышли из данного аймака. В середине VI века после распада государства Нирун, аймак хори и племя олонх аймака зэвчин, объединившись, вошли в состав империи Кидань. Сохранились письменные подтверждения о связях объединения этих двух аймаков с государством Сянби Вэй. С тех пор хори и барга аймаки проживали вместе, даже легенды об 11 родах переплелись в сказаниях обоих аймаков.

В исследованиях древней истории третий правитель государства Нирун Тэнгри хаан имел прозвище «тиран» (大檀), которое позже превратилось в имя Татар. В IV–VII веках шестой аймак народа Ундур Тэрэгтэн Диле создал первое объединение татар и в 732 году во время возведения памятника Кюль-Тегину в период Кайюань императора Сюань-цзун империи Тан, объединив 30 татарских племён, создал 9 татарских родов. В «Новой истории пяти династий» где отражаются события начала и середины X столетия, в части «Четыре внешние пометки» упоминается о татарах «чёрной повозки», выходцах племени Ундэр тэрэгтэн, или же о племени тэрэгтэн 9 родов². В это объединение также входили племена родом из дунхугаа, например, дяли (狄历). Дяли также упоминается как род «颠连», «襜褕» (короткая старая одежда). В X веке аймаки Дяли во-

шли под патронаж империи Кидань. Аймаки татар «чёрной повозки» или племя тэрэгтэн 9 родов, лесные жители или гуннские аймаки (林胡, 丁令) урианхай, улхнууд, хонгодоры вошли в состав аймаков хори и в дальнейшем проживали вместе³. В «Сборнике летописей» говорится о хори туматах, лесных жителях и ойратах, проживавших вместе. Взяв за основу разделение бурят на два аймака ихириты и булагаты, и возникновение 8 родов от голодных волков, их стали называть нохой (собака). С одной стороны это может указывать на название одного из аймаков. С другой – в «Сборнике летописей» нохос встречается как ответвление государства Нирун. Эта ветвь – это Хаят и его сын Чива из двух сыновей волков Лейтона и волков Ульгина. Это ветвь идёт от Гэнду-чоно и Улукчин-чоно сыновей Чаракэ-лингума сына Кайду потомка Бодончара. Чаракэ-лингум взял в жёны жену своего брата, от которого родились Гэнду-чоно и Улукчин-чоно. Их племя называли «волки» или «собаки». Поэтому говорят, что «аймак знает о своём разветвлении так же хорошо, как может понять разницу между двумя собаками»⁴. Эти два аймака с тотемом собаки были ветвью государства Нирун и после его распада были под управлением Тумбиной сэчэна. В середине VI века они кочевали от севера Байкала до реки Лены. Близ реки Лены вместе с ними кочевали 9 родов другой бурятской ветви Алагуй, Хурамши и Ашабагады. Эта ветвь, в своё время проживавшая около Алтая и реки Туула под управлением Ашабагадов, откочевав в середине VI века на север в район Байкала и встретив сопротивление со стороны якутов (сахаа или солонго), ушли на север Байкала до реки Лена. Об этом факте говорится в древних шаманских обрядовых песнях. В «Истории империи Юань» говорится о «трёх родах хори» (三姓豁里) не как о якутских племенах, а как о ветке аймака хори под руководством Ашабагада рода «государства высоких повозок» алагуй, хурамши и ашабагад⁵. Хэлган (骨利干), в 647–694 годах кочевавший от Ангары до Байкала и имевший запрет на выход к северу от бурят, чуть позже основал объединение якутов. Про аймак алагуй встречается упоминание в «Сокровенном сказании мон-

³ 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第2页。

⁴ Рашид ад-Дин. Собрание летописей / пер. Сүрэн-хорлоо, интерпретация Балжинням. – Пекин: Нац. изд-во, 2013. – С. 117.

⁵ 宋濂等撰, “元史”, 北京, 中华书局出版, 2000年, 第1698页。

¹ Отууд. Б. Содномдорж. Собрание монгольских этносов. – Ляонин: Нац. изд-во Ляонина, 2007. – С. 822.

² 欧阳修撰, “新五代史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第907页。

голов» как об аймаке алагуи татар. Лесные жители (ойраты), хори аймаки, татары, монголы с VI по X века проживали на юге и севере Байкала. А племена, проживающие на монгольском плато зурчид шивээ (ши вэй) кидане и гуулины (корей), начали возводить первые мосты к созданию государственности.

Потомки Чаракэ-лингума основали и возглавили род тайчуудов, который также входил в состав государства Нирун. В «Сборнике летописей» есть упоминания о монгольских племенах тайчуды, бэлгунуты, булгунуды, представителей ихиритов, ноёнхон, хурлас, которые входили и выходили из состава Нируна¹. Государство Нирун, со времён империи Гунну располагавшаяся на монгольском плато и имевшая в своём составе много аймаков, в X веке распалась на Аваар, Шивэй, Кидань и монгольские аймаки. До возникновения Великой монгольской государственности хори туматы, барга, лесные жители, ойраты проживали около Байкала и в долине Баргуджин тукум. В X веке Хоридой мэргэн откочевал к горе Бурхан Халдун, где и возникли основные аймаки 11 бурятских родов. Хоридой мэргэн родом из племени хори, женившийся на Баргуджин гоа, дочери Баргудая, дал начало бурятам хори, отличающимся от бурят, проживавших на реке Лена. В связи с этим необходимо пересмотреть и досконально изучить бурятские племена.

Основные бурятские племена

Основные бурятские племена проживают на территории России, Монголии и Хулунбуирского аймака АРВМ. В Монголии проживает достаточно много бурят, в Хулунбуирском аймаке АРВМ порядка 7000 тысяч бурят. Во времена Советского Союза бурят насчитывалось около 42,1 тысячи человек, в Республике Бурятия проживало порядка 25,26 тысячи человек. Из этих показателей можно увидеть, что больше половины бурят проживает за пределами России на территории АРВМ и Монголии. В современный состав бурят-монгольского этноса входят также цонголы, сартулы, табангуды, хатагины, атганы, хорчины урянхай и другие родоплеменные группы, о которых в этом исследовании не упоминается. Большинство бурятских этнических групп, проживающих в Республике Бурятия, принадлежат к основным 11 бурят-

ским родам. В Хулунбуирском аймаке АРВМ проживают представители 7 бурятских родов: галзууд, хуасай, хувдүүд, шарайд, харгана, бодонгууд, халбан².

Одиннадцать основных бурятских хори родов это: галзууд, хуасай, хөвдөд, гучид, шарайд, харгана, хотой, бодонгууд, цагаангууд, халбин, батнай. Во времена правления Сэцэн хана род гучид подразделялся на 8 кланов: их догшин гучид, бага догшин гучид, номгон гучид, бага номгон гучид, нэхий гучид, чулуун гучид, хорхой гучид, лалрын гучид³. Род хувдүүд подразделялся на 7 кланов: улалзай, нохой ураг, бариухай, төмөрчин, байда, леглуд, хавшигтай. Клан нохой ураг имеет родственные связи с 8 родами племени нохой, проживающими около реки Лена. Род Хотой подразделяется на 6 кланов: гүйчлэг хотой, хотой зайлхан, халбин хотой, тавнан хотой, харгана хотой, жирмэн хотой⁴. Хальбин хотой и Харгана хотой, скорее всего, произошли от 11-го рода хори и стали внутривременной группой. Эти племена широко распространены не только на территории Бурятии и в других частях России, но и на территории Монголии, АРВМ КНР.

У Хоридой мэргэна было три жены. От первой жены Баргуджин гоа родилась дочь Алан Гоа, ставшая прародительницей монголов. Племя хори-туматов в X веке, откочевав к горе Бурхан Хаалдун, имело тесные контакты с племенами борджигинов, тайчууд и урианхай. От второй жены Шаралдай родилось 5 сыновей, от имён которых пошли названия бурятских родов: галзууд, хуасай, хөвдүүд, гучид, шарайд. Особенность этих пяти родов заключается в том, что, скорее всего, они являются родоплеменными названиями, оставшимися со времён Империи гуннов. Если быть точнее, то название рода гучид и его кланов говорит о военной составляющей, а также является похожим на прозвище. Наименования кланов их догшин гучид, бага догшин гучид очень похожи по своему образованию на названия монгольских кланов их монгол и бага монгол и в период Империи гуннов такие названия были характерны для военных образований. Третья супруга Нагатай родила 6 сыновей, от имён которых пошли названия бурятских родов: харгана, хотой, бодонгууд, халбин, цаангууд, батнай, имена которых в основном имеют лесное

² 包路芳论文, “布里亚特蒙古族及其研究概述”, “青海民族研究” 学术期刊, 第2003年02期。

³ Бадамхатан С. Традиции монгольского этноса / ред. Г. Цэрэнханд. – Улан-Батор, 2012. – С. 3.

⁴ Отууд. Б. Содномдорж. Собрание монгольских этносов. – Ляонин: Нац. изд-во Ляонина, 2007. – С. 509.

¹ Рашид ад-Дин. Собрание летописей / пер. Сүрэнхорлоо, интерпретация Балжинням. – Пекин: Нац. изд-во, 2013. – С. 143.

или природное происхождение, что, скорее всего, означает происхождение от другого рода гуннов племени «красные ди». Эти две различные ветви гуннских племен, вместе составляющие 11 бурятских родов, вместе основавшие государство Нирун, после его распада объединились в единое целое. Союз Хоридой мэргэна и баргутки Баргужин гоа показал разницу в формировании рода. С середины VI по X век аймаки барга, находясь рядом с аймаками хори, основали аймаки дунху (东胡), солон (索伦) и шивээ (室韦), а также были в тесном контакте с племенами и аймаками тунгус хамниганами (通古斯哈莫尼干). Откочевавшие в Хулунбуир племена барга, бурят, эвенков после распада Нируна входили в состав татарского союза ши вэй, и основали аймак зэвчин барга (解批). В X веке основные 11 бурятских родов, имевшие прямое отношение к Хоридой мэргэну, а также не имевшие отношения лесные племена, булгачины и хэрэмчины стали называться хори туматами. Говоря о народе хори туматов, говорили об аймачной или государственной принадлежности. В период Империи гуннов и до её возникновения, если численность населения достигала 10 тысяч человек, это уже считалось государством и обладало своими правами. Примером может стать Джунгарское ханство (东道诸王) периода Империи Юань. Наименование «тумэн», скорее всего, имеет прямое отношение к отцу Модун хана (冒顿单于) Тумэн хану (头曼单于). Следовательно, 11 бурятских родов были в составе Империи гуннов и проживали в дельте реки Айбува близ горы Мунь. Впоследствии степи, где кочевали эти аймаки, стали называть Тумэнскими. Хори туматы XIII века были больше по этническому составу и сильнее, чем хори буряты. Исходя из того, что Хоридой мэргэн был младшим сыном Тумэд тайжина, можно говорить о том, что хори буряты были в объединении хори туматов. В «Сборнике летописей» упоминается о том, что дочь Чингисхана Тэмүлэн была воспитана в роде туматов¹. Ихириты и булагаты, являясь двумя основными бурятскими родами, дали основу для родов өлөн чоно (голодный волк)

и 8 родовых собак, из которых вышли «три хоринских аймака алагуй, хурамши и ашабагад, которые, в свою очередь, составили ядро государства Нирун. Булгачины и хэрэмчины кочевали на территории Баргуджин тукума, которая была на границе страны Киргиз².

В X веке в состав хори туматов входили хори буряты, буряты (проживающие на реке Лена) и барга. Хори буряты, сформировавшиеся из остатков родов древней Империи гуннов, в IV–VI веках совместно с родом барга составили большое объединение государства Нирун. После распада государства Нирун эти два рода осели в районе Байкала в Бургуджин тукуме. Баргуты, живя в непосредственной близости от эвенков и тунгусов, подверглись их влиянию, в речи появился заметный акцент. В начале VII века эти аймаки начали сливаться с родами аймаков үжээд (兀者), ухуань (乌桓), шивэй (室韦), входивших в состав аймаков си (奚) и кумоси (库莫奚), в свою очередь, входивших в объединение ухуань (乌桓) Дунху. Буряты, проживавшие на берегу реки Лена, в конце V – начале VII столетия, будучи в тесном контакте с лесными жителями, два раза объединялись в государство. Следовательно, бурятские аймаки и большая часть хонгодорских аймаков с давних времен совместно делили общую территорию и были тесно связаны между родами. В легендах о реке Аргунь говорится, что буряты реки Лена были выходцами из аймака нухус. В «Сборнике летописей» говорится о легендах Аргуни, согласно которым в результате военных действий в период 800–700 годов до нашей эры между монголами и тюрками многочисленные аймаки хонгаторов откочевали от берегов Байкала до Южной Сибири³. Происхождение этнонима «бурят» уходит корнями в период до нашей эры к понятию «бор од» (тёмная звезда) или «тёмное государство». Ещё с тех времен создана и сохранялась внутренняя структура бурятских родов. С X века, определив кланы хори бурятских родов, были установлены социально-культурные особенности отношений, язык, обычаи, традиции, месторасположение родов и кланов.

Список источников и литературы

1. Сүхбаатар Г. Монгольское государство Нирун (примерно 330–555 гг.). Улан-Батор, 1992. С. 166–167.

¹ Рашид ад-Дин. Собрание летописей / пер. Сүрэнхорлоо, интерпретация Балжинням. – Пекин: Нац. изд-во, 2013. – С. 123.

² Там же. – С. 86.

³ Там же. – С. 114.

2. Рашид ад-Дин. Собрание летописей / пер. Сүрэнхорлоо, интерпретация Балжинням. Пекин: Нац. изд-во, 2013.
3. 魏收撰, “魏书”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第2307页。
4. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3273页。
5. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3271页。
6. Рене Гросс. История кочевых народов Азии / пер. Содномжмц, Хөхөндөр. Хух-Хото: Нар. изд-во Внутренней Монголии, 1999. С. 15.
7. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3270页。
8. 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第392页。
9. 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第309页。
10. 劉昫等撰, “旧唐书”, 北京, 中华书局出版, 1975年, 第5364页。
11. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3274页。
12. Отууд. Б. Содномдорж. Собрание монгольских этносов. Ляонин: Нац. изд-во Ляонина, 2007.
13. 欧阳修撰, “新五代史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第907页。
14. 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第2页。
15. 宋濂等撰, “元史”, 北京, 中华书局出版, 2000年, 第1698页。
16. 包路芳论文, “布里亚特蒙古族及其研究概述”, “青海民族研究” 学术期刊, 第2003年02期。
17. Бадамхатан С. Традиции монгольского этноса / ред. Г. Цэрэнханд. Улан-Батор, 2012. С. 3.

Нирун улс хийгээд буриад угсаатан үүсч бүрэлдсэн түүхийн тухай

Агуулгын товч. Манай эриний 4–6 дугаар зууны үеийн Нирун улсын аймгийн холбоонд оролцож байсан Буриад угсааны овог аймгуудын бүрэлдсэнийг цаг үеэр нь хувиарлан задлан шинжилж, Нирун улс хийгээд буриадын үүсэж бүрэлдсэн түүхэн харьцааг сурвалжид тулгуурлан өгүүлжээ. Буриад угсааны дотоод бүрэлдэхүүн овог аймгууд болоод түүхэн ирэлт жич тэдгэрийн Нирун улс хийгээд түүнээс хойшхи 10 дугаар зуун хүртлэх аймгийн холбооны улиран хувирсан байдлаас буриадын үүсэж бүрэлдсэн түүхийг өгүүлэхийг зорив.

Буриадын үүсэл гарвалын тухай монголын дээдэс Бөртэ чинийн үед бодит улсыг байгуулж, хожим нь нэг хэсэг бүлэг аймгууд нь өмнө хийгээд баруун зүгт нүүжээ, үлдсэн хэсэг хүмүүс нь 12 дугаар зуунд Баргужин дөхөм нутагт Баргуудай баатрын харъяат түмэн болон захирагдаж байсан гэж үздэг. Манай эринээс өмнө 3 дугаар зууны үед буриадын язгуур овог аймагтнууд Хүннү гүрний хорин дөрвөн аймаг, гучин зургаан харъяат улсын их нэгдэлд байж, хятадын түүхэн тэмдэглэлд “ди” (狄) буюу “умард ди” (北狄) гэж нэрлэгдэж байв. Хятадын Жү улс (манай эринээс өмнө 1046 он 熈өмнө 221 он)-ийн үеэс түүний умар зүгт оршиж байгаа бүх нүүдэлчдийг “умард ди” гэж нэрлэн тэмдэглэжээ. Манай эриний 91 онд хүннүчүүдийн умардын нэгэн хэсэг нь баруунш нүүснээс монголын өндөрлөг нь маш олон аймгийн холбооны байдалтай болсон бөгөөд 200 онд Сянбигийн холбоо задарсны дараа хүннү монголын олон овог аймгууд Алтай, Хангай, Саяны уул нуруудын бартаат газар орон хийгээд Байгаль нуурын өмнө хэсэгт төвлөрөн

түрэг, уйгар угсаатантай байлдаж байгаад улмаар манай эриний 330 оноос 555 он хүртлэх хугацаанд Нирун улсын олон аймгуудыг бүрдүүлж байжээ. Монголын өндөрлөг төдийгүй Ази Европын олон аймаг угсаатан болон бутарч байсан энэхүү ээдрээтэй цаг үеийн байдлыг тодруулан өгүүлэхэд бэрхшээлтэй боловч Нирун улсын үүсэж бүрэлдсэн, жич түүнд хамтран оролцож байсан монгол аймгуудын байдлаас Байгаль нуурын өмнө болон хойд нутгаар нүүдэллэн тархсан буриадын бүрэлдэн тогтсон түүхийг харж болно.

Нэг, Нирун улсын гол бүрэлдэхүүн аймаг, жич аймгийн холбоонд оролцож байсан аймгууд

Нирун улс бол манай эриний 330 он – 555 онд байгуулагдсан хаант улс болно. Үүнийг хятадын “Түүхэн тэмдэглэл” – д Жужаний хаант улс (柔然汗国) гэж тэмдэглэдэг. “Нирун улс” гэх нэрийдлийг анх монгол улсын доктор Г. Сүхбаатар гуай “Монгол Нирун улс” гэдэг бүтээлдээ орос эрдэмтэн С. Ф. Кимийн “niu nian”, Б. Карлгрений “nzien nizian”, Уо-

терийн “*niu-yeu*” гэж авиалан сэргээсэн, жич хятадын эрдэмтэн Ван Лигийн “*niu nien*” гэсэн дуудлагыг баримтжуулан тухайн улсын үүсч бүрэлдсэн түүх угсаа, аж ахуйн байдал, соёл зан заншил, нийгмийн байгуулал, гадаад харилцаа зэрэг цогцолбор судалгаагаар дамжин нотолжээ. Рашид ад дины “Судрын чуулган” даахь Нирун гэдэг угсаатны нэрийн утгийг заасан “сулб” гэсэн перс үгийг “Перс-Орос толь бичиг”-т “чресла, поясница, спинной хребет, позвоночник” зэрэг “нуруу, зуу нуруу” гэдэг орос үгсээр тайлбарласан байдаг-аас тус өгүүлэлд “Нирун улс” гэдэг нэрийдлийг зөвшөөрж хэрэглэсэн байна.

Нирун улс нь Өндөр тэрэгтний аймаг угсаатнаар гол бүрэлдэхүүн болгон Хангай уул орчимд төвлөн суужээ гэж түүхэн бичигт тэмдэглэсэн байдаг. Өндөр тэрэгтэн нарыг олон улсын судалгаанд цөм түрэг угсаатан гэж үздэг боловч Нирун улсыг анхлан бүрдүүлсэн Өндөр тэрэгтний аймаг нь Мунь уул (өвөр монголын баруун этгээдийн дунд биед бий)-ийн умард хэсэгт нүүдэллэж байсан бөгөөд татарыг хүннүгийн нэгэн төрөл угсаатан гэдэг. Үүнийг “Вэй улсын бичиг”, өндөр тэрэгтний шастирт нирунчууд нь хүннүгийн нэгэн төрөл мөн гэжээ. Манай эриний 304 онд иужиолой (郁久闾) овгийн моголой (木骨闾) гэдэг тэргүүтэн нь табгач (拓跋魏) сянбей морьт цэргийн холбооноос дутаан гарч, Мунь уулын өндөр тэрэгтэн таван аймгийг удирдан Нирун улсыг байгуулж Хангай уулаар төвлөн суужээ. Умард Вэй улсын Вен цэнди хаан (440–465)-ий үед таван аймаг өндөр тэрэгтэн хамтран тэнгэр тахиж, хүн ам нь хэдэн түмийг давж, морь уралдуулж, дуу дуулалдан, урд өмнө байгаагүйгээр их хүчирхэгжжээ. 5 дугаар зууны дунд үеийн Нирун улс нь нэгэнт таван их аймаг, арван хоёр овогны холбоо болон бүрэлдэж хүчирхэгжсэн байна. Эдгээр аймгийн холбоонд хожуу үеийн тодорхой овог аймгууд дурдагдсангүй боловч Алтай, Хангай хийгээд Байгаль нуурын өмнө хойд биеэр нутагладаг аймгууд харилцаа холбоо тогтоож эхэлсэн байна. Нирун улсын эхэн ба дунд үеийн аймгийн бүрэлдэхүүнд оролцсон хүннүгийн “улаан ди”-ийн (赤狄) угсааны уйгар (ойн иргэн), хори, ихрэн (ихирэд-*ихирит*) гурван том аймгийн холбоо нь буриадын үүсэн бүрэлдсэнтэй шууд холбоотой бөгөөд зэвчин аймгийн холбоо нь хожмын барга аймгийн нэгэн хэсгийг бүрэлдүүлсэн юм.

Хятадын эртний түүхэнд Байгаль нуур орчмын эртний аймаг угсааг умард хүннү буюу умард ди гэж тэмдэглэдэг. “Умард түүх” өндөр тэрэгтний шастирт“ Өндөр тэдгээр

нь говийн умард этгээдэд байдаг, эртний “улаан ди”-ийн хойчис, анх *ди ль* (狄历) гэж байв, хожим нь *чи лэ* (敕勒) гэж, умардад өндөр тэрэгтэн дин лин (丁零) гэж байв, өвс бэлчээр даган нүүдэллэж, арьсан хувцас өмсөж махаар хооллодог, Нирунтай адил нэгэн бөгөөд тэргэний хүрд нь том, хүрдний хигээс нь олон” гэжээ. Эрт үед улаан ди, чи лэ гэж нэрлэгдэж байсан өндөр тэрэгтэн, *дин лин, тье лэ* (铁勒) нь аажмаар Нирун улсын аймгийн холбоонд оролцох болсон ба 10 зууны үед идэвхтэй байсан аймаг угсаадын нэршилүүд ч тодорч эхэлжээ. 5 дугаар зуунд олхонууд, барга зэрэг монгол аймгийн нэрийдлүүд сянбичүүдийн түүхэн тэмдэглэлд тодорхой тэмдэглэгдэх болов. Энэ нь Нирун улс хийгээд Сянбэй, Вэй улстай өргөн харилцаж эхэлсэнтэй холбоотой байна.

Манай эрнээс өмнө 8–5 дугаар зуунд өмнөд Сибирээс Байгаль нуур хүртэл нутаглаж байсан хонгирадын олон аймгийг ч *улаан ди*-д багтаан тэмдэглэж байжээ. Манай эриний 4–7 дугаар зууны улаан ди-д дьела (狄历), уйгар (袁纥) хори (斛律) зэвчин (解批) ү-гү (护骨) ихрэн (乙奇斤) гэх зургаан гол аймагтай. Энэхүү зургаан аймаг дахь ү-гү нь хожмын үеийн Кидан улсын харьяан дахь хонгирдын аймаг од заажээ. Дьела нь татарын аймгуудыг заадаг. Үгү, дьела хоёр аймаг нь 10 догор зууны үеийн Киданы Ляо (лаоха) улсын умард аймагт харьяанд байдаг ба цэргийн гол хүчин нь байсан бөгөөд 1096 онд киданчууд тэдгээрийн цэргийн хүчийг бууруулахын төлөө Онон мөрөн (乌纳水)-д шилжүүлэн суулгав. Үүнээс үзэхэд Нирун улсын аймгийн бүрэлдүүн даахь өндөр тэрэгтнүүдийн холбооны голлох зургаан аймгийн хоёр том аймгийн холбоо нь Нирун улс задарсны дараа киданы аймгийн холбоонд оролцож Ляо улсыг байгуулсан байна. Зэвчин аймаг нь Сянбэйгийн умард Вэй улстай эв найртай байсан тэмдэглэл байдаг. Зэвчин бол барга аймгийн нэгэн гол овог болно, 7 дугаар зууны эхэнд баргын олон овог аймагтнууд нь Шивээгийн олон овог аймгуудтай холбоотой байснаа 9 дугаар зуунд баргын зэвчин зэрэг зарим овог аймагтнууд нь шивээ 熲 татарын том аймгийн холбоонд оролцжээ. Хожмын үед Хөлөнбуйрт нүүж очсон баргачууд нь хуучин барга хийгээд шинэ барга гэж салбарласны дараа шинэ баргыг зэвчин барга гэдэг болжээ. Энэхүү нэрийдлээс үзэхэд баргачүүдын нэгэн хэсэг нь 9 дүгээр зууны шивээ 熲 татарын аймгийн холбоонд оролцож Халх гол, Хөлөнбуйрын хавьд нүүдэллэж байсан үндэслэл бий.

Өндөр тэрэгтний зургаан аймгийн ихирэн аймаг нь Нирун улсыг байгуулсан Мугулуйн овог аймаг болох Южиүлий лугаа адил нэгэн овог байх магадлалтай бөгөөд буриадаас салбарласан ихирэд найман овогтнуудтай үндэс нэг болно. Буриадын ихирэд найман овог нь мөн хонгирад аймгийн салбар овог болох ихирэд аймагтай үндэс нэгтэй. Нирун улс задарсны дараа энэхүү ихирэд аймаг нь Байгаль нуурын умардад нүүж очоод Лена мөрөн дахь буриадын бүрэлдэхүүн болжээ. Харин хонгирад аймгаас салбарласан ихирэс аймаг нь эрт цагаас Байгаль нуурын хавьд нүүдэллэдэг байсан бөгөөд Нирун улсаас арван гуравдугаар зуун хүртэлхи үед ч хори буриадтай хамт оршиж байв. Иймээс ихирэсийн нэгэн хэсэг нь буриадын домог дахь ихирэд, булагат хоёр овог аймагтан болон салбарласан гэж хэлэх үндэс болж болно. Ихирэс аймгийн тухай домогт “алтан савнаас үүссэн хонгирадын гурван дээдэс болох Зөрлөг мэргэн, Хувай шар, Тосвуу Даодагийн Хувай шараас ихирэс хийгээд улхнууд хоёр аймаг салбарлажээ” гэнэ. Улхнууд нь Нирун улсын эхэн үед “乌洛候” гэж илэрч байснаа хойд Тан улс (923–937)-гийн үед Эргүнэ голоос баруун тийш, Байгаль нуураас зүүн тийш хэсэгт улхнууд улсыг байгуулсан бөгөөд түүний эзэнтэн нь элч томилон Тан улсад булагны арьс хүргэдэг байсныг “хуучин Тан улсын бичиг”-ийн Умард Ди-ийн шастирт тусгайлан тэмдэглэжээ. Энэ үед ихирэс нь улхнуудтай төрлийн аймаг байсны хувиар хамт орших нь зүйтэй. Хори түмд (хори буриад), хурлагууд (оймагууд), хонгирад, илжгэн, баргууд нь бүгд нэг тамгатай байсан нь тэдгээрийн язгуур гарвал нэг бөгөөд буриад нь хонгирад хийгээд ойн иргэдтэй нягт харилцаатай байсныг харуулж байна. Өндөр тэрэгтний зургаан аймгийн үгү аймгийн олонх нь мөн улхнууд аймаг мөн гэсэн үзэл байдаг. Иймээс аймгуудын том холбоо нь ч эрт язгуурын харьцаа холбоо буюу ураг төрлийн харьцаанд үндэслэдэг байна.

Өндөр тэрэгтний зургаан аймгийн уйгар аймаг нь Нирун улсын аймгийн холбоонд байснаа 487–541 онд Афозил (阿伏至罗) тэргүүтнийг дагаж арван түмэн өндөр тэрэгтэн баруун тийш нүүж, Турфаны хотгорт “өндөр тэрэгтэн улс”-ыг байгуулж, Афозил өөрийгөө их ван гэсэн утгатай “хори янал” (候罗笏勒) хэмээн өргөмжилжээ. 6 дугаар зууны үед Алтай уулын баруун өмнө, Эрчис мөрний хавьд нүүдэллэж байгаад түрэгийн түмэн хаан Нирун улсыг дайлсны дараа 605 онд Ашбагад (乙失钵)-аар удирдуулсан сияр тардучи (薛延

陀) аймаг болон бүрэлдэж, 628 онд Ашбагадын хөвгүүн Ашбагад янал (乙失夷男) долоон түмэн цэргээ дагуулан Алтай уулыг давж, 630 онд барга (拔野古), уйгур (ойрад 回纥), тунло (同罗)-ийн холбооны хан сууж, Шивээгийн төр улсыг байгуулаад Туул голд нийслэлжээ. Ашбагадын аймаг нь 646 онд Тан улсын цэрэгт ялагдан Байгаль далай хавь руу нүүсэн байна. Энд дурдсан өндөр тэрэгтэний голлох зургаан аймаг нь түрэг угсааны өндөр тэрэгтнүүд хийгээд уйгар угсаатай нэрийдлийн хувьд адил боловч угсаа гарвалын хувьд ялгаатай байх нь тэдгээрийн нүүдэл, шилжилт хөдөлгөөний байдал жич аймгийн холбоодын бүрдлээс тодруулж болно. Тунлөд (тоглос) нь Нирун монголд харьяалагдах нэгэн аймаг угсаа байв, анхандаа тэлэнгэд аймагтай хамт Эрчис мөрний зүүн биеэр нүүдэллэж ойн иргэд гэгддэг байснаа Ашбагадыг даган Туул голд нүүн ирж, дахин ашбагад аймагтай хамт Байгаль нуурын хавьд нүүж яваад 13 дугаар зуунд ойн иргэдийг эзэлсэн баарин аймгийн хорчиний харъяат аймаг иргэд болж баарин тунлөд гэгдэх болжээ. Эдгээр ойн иргэд нь Чингис хааны ууган хөвгүүн Зүчийн дайлсан Байгаль нуурын баруун этгээд дахь ойн иргэд биш харин Байгаль нуурын өмнө хори түмэдтэй хамт байсан ойн иргэд мөн. Эдгээр ойн иргэдийн нэрийдэл нь зургаадугаар зууны үед нэгэнт тодорхой нэршил дуудлага болжээ. Энд дурдсан уйгар аймгийн холбоонд ойн иргэдийн овог аймгууд голдуу оролцож байснаас өндөр тэрэгтэний уйгур аймгийг ойн иргэд буюу ойрад гэж үзвэл зүйтэй юм.

Өндөр тэрэгтэний зургаан аймгийн хори аймаг нь Нирун улсын голлох аймаг болохыг нотлоход Нирун улсын хоёрдугаар хаан Хурилдай мэргэн (斛律-蔼苦盖 хори гэдэг нь аймгийн нэр, “ай кү гай” гэдэг нь мэргэн гэсэн утгатай)-ий хоч нэршлээс ойлгож болно. Нүүдэлчдийн нэр хоч залгамжлах буюу аймаг овгийн нэр хоч болгодог заншлаар бол хожмын Хурилдай мэргэнээс үүссэн хори буриадын арван нэгэн овогт нар нь энэхүү хори аймгаас үүсэж бүрэлдсэн хэрэг болно. Нирун улсын бүрэлдэхүүн дахь эдгээр том аймгийн холбоод нь 6 дугаар зууны дунд үеэс Нирун улс задрахын хамт өөр аймгийн холбоонд орж, хори аймаг хийгээд зэвчин аймгийн олонх нь Киданы холбоонд нэгдэв. Энэхүү хоёр аймгийн холбоо нь Нирун улсын эхэн дунд үед Сянбэй Вэй улстай харилцаатай байсныг Вэй улсын бичигт тэмдэглэсэн байдаг. Үүнээс үзэхэд хори буриад хийгээд баргын олон овог аймаг нь хамт оршсоор байсан

бөгөөд хори буриадын арван нэгэн овогтны үүслийн домгийн аль алинд нь уламжлагдсан байна.

Эртний түүхийн судалгаанд Нирун улсын гуравдугаар хаан болох Тэнгри хаан гэгддэг датан (大檀)-ий нэрээс хожмын татар гэдэг үзэл гарсан байдаг. 4–7 дугаар зууны тэрэгтэний зургаан аймаг дахь диле аймаг нь татарчуудын анхны холбоог бүрдүүлж, наймдугаар зууны дунд буюу Тан улсын суаньзун хааны кайюаний хорьдугаар он (732 он)-д “Кюльтегиний хөшөө”-г босгох үед нэгэнт гучин овогт татар хийгээд есөн овогт татар болон бүрэлджээ. 10 дугаар зууны эхэн, дунд хүртэлх түүхийг тэмдэглэсэн “шинэ таван төрийн түүх”-ийн Дөрвөн харийн тэмдэглэлд дээр дурдсан тэргэтнээс салбарласан “хар тэрэгт” татар (黑车子室韦) буюу есөн овогт тэрэгтэн гэсэн тэмдэглэл байдаг. Үүнд дунхугаас үүссэн зарим овог аймгууд болон дяла (狄历) аймаг багтагддаг. Дяле-г бас “颠连”, “檐濫” (богино ноорхой хувцастан гэсэн үг) гэж бичдэг байна. Дялегийн аймгууд нь 10 дугаар зууны кидан нарын эрхшээлд оржээ. Хар тэрэгт татар буюу есөн овогт тэргэтэнд ойн иргэн буюу ойн хүннү гэгддэг “林胡, 丁令”-ийн аймаг од, урианхай, улхнууд, хонгирдын зарим салбар аймгууд хийгээд хори буриадын бүрэлдэхүүн овог аймгууд оролцож байсан бөгөөд ерөнхийдөө хамт оршин амьдарч байжээ. “Судрын чуулган”-д мөн хори түмэд, ойн иргэд, ойрадууд хамт байв гэж тэмдэглэсэн байдаг.

Буриадын ихирэд, булагад хоёр аймгаас салбарласан авж, өлөн чоноос үүссэн найман овогтон бий болсон бөгөөд эдгээрийг цөм нүүс буюу нохос аймаг гэдэг. Энэ нь нэг талаар Эргүнэ хунд дутаан орсон нүүс, хиан хоёр аймгийн нэгнийг зааж байна. Нөгөө талаар “Судрын чуулган”-д нохос гэж нэрлэгддэг нирун аймгийн салаа байдаг. Энэ салаа бол Бодончарын омбол хөвгүүн болох Хайт, түүний хөвгүүн Чирхай лингүмийн хоёр хөвгүүн болох Гэндүү чоно, Өлөгчин чоно хоёроос гарчээ. Чирхай лингүм нэгэн цагт өөрийн дүү Тумбинай хааны гэргий хатныг авсанд түүнээс энэ хоёр хүү төржээ. Тэдний удмыг чоно мөн нохос гэж нэрлэдэг. Эдгээр аймаг, тэдний салбарласаныг сайн мэддг хүмүүс хоёр нохсын ялгааг гаргаж, ялгаж чаддаг” гэсэн нь адил нэгэн түүхэн хэргийг өгүүлж байгаа юм. Энэ хоёр нохос аймаг нь Нирун улсын аймгийн салаа байсан нь тодорхой бөгөөд Нирун улс задарсны дараа хожим нь Хайтын хөвгүүн Тумбинай сэцэн хааны удирдлагад байсан байна. Эд нар 6 дугаар

зууны дунд үед Байгаль нуурын хойд тал болох Лена голын хавьд урьдаар нүүж очсон бололтой. Лена голын буриадын нөгөө нэг салаа болох алахуй, хормч, ашбагад аймгаас үндэслэсэн есөн овогт нь мөн хамт нүүсэн байдаг. Эдгээр буриад нь Алтай уул, Туул голын хавьд Ашбагадын харьяанд байснаа 6 дугаар зууны дундаас Байгаль нуурын орчимд ирж, дахин тэрэгтэний салбар болох якут (сахалаар буюу солонгод)-тай байлдан Байгаль нуураас умард этгээдэд Лена голын орчимд нүүсэн байна. Энэ нь буриадын бөө нарын дуудлагад буриадууд Алтай уулнаас Лена голд нүүсэн гэдэг хэлэлгэтэй ч түүхэн бодит үйл явдалтай таарж байна. “Юань улсын түүх” дахь “гурван овогт хори аймаг” (三姓豁里) гэдэг нь якутууд биш харин “өндөр тэрэгтэн улс”-ийн ашбагад тэргүүтэй хори аймгийн салбар болох алахуй, хормч, ашбагад гурван аймгийг заажээ. 647–694 онд Ангар мөрнөөс Байгаль нуур хүртэл нутаглаж байсан Хэлган (骨利干) нар буриадын умар тийш нүүхийг хориглож байсан бөгөөд хожмын якутыг бүрдүүлсэн байна. Хурумч хийгээд Алахуй аймгийн тухай тодорхой тэмдэглэл олдсонгүй, гэвч Алахуй аймаг нь “Монголын нууц товчоон”-д илэрсэн Алахуй татарын зарим хэсэг байж мэднэ. Ойн иргэд (ойрад), хори аймгууд, татар, монголын аймгийн холбоодын харьцаа нь энэхүү 6 дугаар зууны дундаас 10 дугаар зууны үед Байгаль нуурын өмнө умардад өрнөж байжээ. Харин монголын өндөрлөгийн өмнө хэсгээр зүрчид шивээ угсааныхан ба Кидан, Шивээ (ши вэй) татар, Гуулин (Солонгос) угсааны аймгууд холбоолон тус тусын улс гүрнийг байгуулж байсан байна.

Чирхай лингүмийн бусад хөвгүүд нь тайчууд аймгийг үүсгэн ноёлсон бөгөөд тайчууд нь уг нь Нирун улсын аймгийн холбоонд оролцож байв. “Судрын чуулган”-д тэмдэглэсэн Нирун улсын аймгийн холбоонд оролцож байсан монгол аймгуудад одод, бүрдээр толгойлуулсан орд, мангадын зарим аймаг; өлөг баатар, дагай, далу, магуй, ядахайгаар толгойлуулсан зуриад (жадаран) аймгийн зарим хэсэг, Дэгий баатар, Зул, Хачин бахи нараар толгойлуулсан тайчууд, бэлгүнүүд, бүгүндийн зарим хэсэг жич ихирэс, ноёхон, хурлас (горлос) зэрэг аймгууд нийлж салж байв. Нирун улс нь хүннү гүрнээс нааш Монголын өндөрлөгийн олон аймгуудын холбооноос бүрэлдэж хүчирхэгжсэн бөгөөд аравдугаар зуун хүртэл Аваар, Шивэй, Кидан, Монгол улс аймгууд болон задарчээ. Их Монгол улс байгуулагдахаас өмнө хори буриад (хори түмэд,

барга)-ын олон овог аймгууд нь ойн иргэд, ойрдуудтай хамт Байгаль нуур, Баргужин дөхөмд нутаглаж байжээ. 10 дугаар зууны үед Хурилдай мэргэн Бурхан Халдунд нүүн ирсэн бөгөөд түүнд хори буриадын язгуурын арван нэгэн овогтон захирагдаж байв. Хурилдай мэргэн хорилар овогтон бөгөөд Баргудай баатрын охин Баргужин гоог гэргий болгон авснаас үзэхэд барга, хори буриад хийгээд Лена голын буриад нь зохих ялгаатай юм. Иймээс буриадын бүрэлдэхүүн овгуудыг эргэн харах, нягтлах хэрэгтэй байна.

Хоёр, буриадын үүсэж бүрэлдсэн овог аймгууд

Язгуурын буриадууд голдуу Орос, Монгол улс хийгээд Өвөр Монголын Хөлөнбуйр нутаг орчмоор тархан сууж байна. Монгол улсын буриадууд хүн амтай, Өвөр Монголын Хөлөнбуйрийн буриадууд 7000 гаруй хүн ам оршин суудаг. Зөвлөлт Холбоот Улсын үед нийт буриад 42.1 түмэн хүн амтай байсан бөгөөд Буриадын холбооны улсад 25.26 түмэн буриад байжээ. Үүнээс харвал язгуурын буриадын бараг хагас орчим хүн ам нь Оросын бусад газар оронд буюу Монгол улс, Өвөр Монгол зэрэг орнуудад тархсан байна. Одоогийн буриад монголчуудын бүрэлдэхүүнд цонгол, сартуул, табангууд (тавнангууд), хатагин, атган, хорчин, урианхай зэрэг овогтон байдаг боловч эдгээр овгтнууд нь 10 зууны сүүл үеийн нүүдэл хамаарах учир энд задалж ярихгүй болно. Буриад улс жич бусад улс оронд тархан сууж байгаа буриад угсаатны олонхи нь хори буриадын язгуурын арван нэгэн овгоо хэрэглэсээр байна. Үүнд: галзууд, хуасай, хөвдөд, шарайд, харгана, бодонгууд, халбин долоон овогтон нь Хөлөнбуйрт нүүсэн буриад хийгээд Буриад улсад нийтлэг байдаг овгууд болно.

Хори буриадын язгуурын арван нэгэн овог нь галзууд, хуасай, хөвдөд, гучид, шарайд, харгана, хотой, бодонгууд, цагаангууд, халбин, батнай гэх овгууд юм. Монгол улсын Сэцэн хан аймагт хори буриадын арван нэгэн овгийн нэг болох гучид нь найман отог бүрэлдсэн бөгөөд их догшин гучид, бага догшин гучид, номгон гучид, бага номгон гучид, нэхий гучид, чулуун гучид, хорхой гучид, лалрын гучид гэсэн овог болж задрана. Хөвдүүд нь улалцай, нохой ураг, бариухай, төмөрчин, байда, леглуд, хавшигтай гэх долоон салбартай. Үүн дахь нохой ураг хийгээд галзууд нь мөн нохос гэдэг ба Лена голын нохос найман овогтон нь Эргүннээ хун дахь нохосын салбар төрлүүд болох нь угсаа бүлгийн хувьд

маш тодорхой. Хотой нь гүйчлэг хотой, хотой зайлхан, халбин хотой, тавнан хотой, харгана хотой, жирмэн хотой гэх зургаан салбартай болов. Үүнд халбин хотой хийгээд харгана хотой нь хори буриадын арван нэгэн овог дахь овгийн доторх овог болсон шинжтэй. Эдгээр овогтнууд нь Буриад улс төдийгүй Оросын бусад орон, Монгол улсын буриад, барга жич Өвөр Монголын барга, эвэнк, буриадад өргөн тархсан байдаг.

Хурилдай мэргэн гурван гэргийтэй, нэгдүгээр гэргий нь Баргужин гоо, түүнээс Алун гоо төрсөн бөгөөд Монгол аймгуудын нэгдлийн үндэс болсон юм. Хорилар овогтон нь 10 дугаар зуунд Бурхан Халдунд нүүж очоод боржигин, тайчууд, урианхай зэрэг овог аймгуудтай хөршлөн ураг төрлийн харьцаа гүнзгийрсэн байна. Хоёрдугаар гэргий Ширалдайгаас галзууд, хуасай, хөвдүүд, гучид, шарайд таван овог аймаг үүсэн бүрэлдэв. Энэхүү таван овгийн онцлог нь Хүннү гүрний үлдэгдэл овог аймгийн нэрийдэл мэт харагдаж байна. Нэн ялангуяа гучид хийгээд түүний салбар овгуудаас харвал цэргийн зохион байгуулалтын шинжийг хадгалсан бөгөөд нэн эртнийх шиг хоч нэрийдэлтэй. Их догшин гучид, бага догшин гучид гэдэг нь ч Монгол улс дахь их монгол, бага монгол гэх овгийн нэрийдэлтэй адил хувирал болох бөгөөд энэ нь Хүннү гүрний үед цэргийн хувиараар нэрийдсэн онцлог шинжтэй юм. Гуравдугаар гэргий Анантай (Анагаад)-аас харгана, хотой, бодонгууд, халбин, цаангууд, батнай гэх зургаан овог аймаг үүсэн бүрэлдсэн нь цөм ой даяагийн орноос үүссэн нэр үгүүд байна. Иймээс эдгээр нь илэрхий хүннүүгийн нөгөө төрөл болох улаан ди (赤狄) хүннүчүүдээс ирэлтэй. Хүннүүгийн адил бус хоёр салбарын эдгээр овогтд нь хамтгаар хори буриадын арван нэгэн овгийг үүсгэсэн зангилаг нь нуруун улсын аймгийн холбооийг хамт бүрэлдүүлж байснаа нуруун улсын задралын явцад хамтран нэгдсэн байна. Хурилдай мэргэн барга аймгийн Баргужин гоотой гэрэлсэн нь татарын аймгийн хооронд зохих ялгаатайг харуулж байна. 6 дугаар зууны дунджаас 10 дугаар зуун хүртэл хори хийгээд барга аймаг нь хамт байсан боловч барга аймаг нь гурван зууны турш дунху (东胡) системийн солон (索伦), шивээ (室韦) аймгууд хийгээд Түнгүс хамниган (通古斯哈莫尼干) аймгуудтай илүү харьцаатай болжээ. Хөлөнбуйрт нүүсэн барга, буриад, эвэнк зэрэг нь Нирун улсаас хойш шивэй буюу ши вэй 焞 татарын холбоонд оролцож байсан зэвчин (解批) барга зэрэг аймаг угсаатан болно гэж үзэх үндэслэлтэй.

Иймээс 10 дугаар зууны үеийн хори буриадын арван нэгэн овогтон нь голдуу Хурилдай мэргэнд хамаатдаг учраас хорилар жич бусад ойн иргэдийн бүлэглэл, булгачин, хэрэмчин зэрэг овог аймаг нь хамтаар нэгэн хори түмэд гэж нэрлэгдэх болжээ. Хори түмдийн түмэд гэдэг нь улс гэдэг утга бүхий аймгийн харьяалал болно. Хүннүгийн үе буюу түүнээс нэн эрт үед хүн амын тоо нь түм хүрвэл улс гэж нэрийдэн харьцангуй тусгар эрхтэй болдог. Энэхүү байгууллын шинж чанар нь Юань улсын үеийн Зүүнгарын ван нарын (东道诸王) харьяат эзэмшилд ч илэрнэ. Түмэд гэдэг нь мөн Хүннүгийн Модун Хааны (冒顿单于) эцэг болох Түмэн Хааны (头曼单于) Түмэн улсаас үүсэлтэй байх магадлалтай. Тиймээс хори буриадын арван нэгэн овог хийгээд хори түмдийн овог нь Мунь уулын (莫尼山) ар дахь Айвга голын (艾不盖河) хөвөөнд байгуулсан Түмэн шаньюгийн Хүннү гүрний аймаг угсаа ч байж болох юм. Үүнийг хожмын үед Мунь уулын өмнөх түмэдийн талд (土默特川) нүүдэллэсэн түмэд аймгийн түүхээс тодруулан өгүүлж болох боловч энд өгүүлэл сунжрахаас хичээж цааш нягтлахгүй.

Арван гуравдугаар зууны үеийн хори түмэд нь хори буриадын эдгээр овог бүлэглэлээс илүү их хүчирхэг том аймаг бүлэглэл байсан юм. Хурилдай мэргэн бол Түмэд тайжийн гурван хөвгүүний бага нь гэдгээс үзвэл хори буриад нь хори түмэн хийгээд түмэд түмний том холбоо байжээ. “Судрын чуулган”-д түмэд түмэнд ихирэс аймаг багтдаг байснаас Чингис хааны гагц охин дүү Тэмүүлэнийг түмэдэд ураглуулсан гэж тэмдэглэжээ. Ихирэд, булаад хоёр аймаг нь буриадаас салбарласан гол аймаг бөгөөд эд нараас үндэслэсэн авж, өлөн чоно, нохос найман овогтон хийгээд алахуй, хурумч, ашабагад “гураван овогт хори аймаг” нь цөм нохос буюу нүүс угсааны салбар бөгөөд Нирун улсын аймгийн холбооны гол бүрэлдэхүүнд оролцож байсан том аймгийн бүлэглэл болно. Булгачин, хэрэмчин аймгууд нь Баргужин дөхөмийн нутагт Хиргисүүдийн орны яг захад нутаглаж байжээ. Булад аймаг нь хонгирадын нэгэн салбар болох ихирэд аймагтай хамтаар буриадын гол үүсгэгч овог аймаг болсон нь Нирун улсын мандан буурсан түүхэн цаг

хугацаа жич учир шалтгаанаас болсон байна. 10 дугаар зууны хори түмэд нь хори буриад, буриад (Лена голын бурид), барга гэх гурван том аймгийн холбоонд багтдаг. Үүнд хори бурид нь эртний Хүннү гүрний үлдэгдэл овог аймгуудаас бүрдсэн бөгөөд манай эриний 4–6 дугаар зууны дунд, сүүл үе хүртэл баргын зарим овог аймгуудтай хамт Нирун улсын том аймгийн холбоог бүрдүүлж байжээ. Нирун улс задарсны дараа эдгээр нь хамтаар Байгаль нуурын өмнө этгээдэд Баргужин дөхөмд төвлөн суусан байна. Барга аймаг нь түнгүс угсааны эвенк, шивэй зэрэг аймгуудтай ойр оршиж хэл аялгуун нь ондоошжээ. Эд нар нь мөн дунху системээс салбарласан ухуаний (乌恒) холбоон дахь си (奚), умоси (库莫奚) аймгаас үүссэн үжээд (兀者) ухуань (乌桓), шивэй (室韦) зэрэг аймаг угсаатантай 7 дугаар зууны үеэс эхлэн нийлж, татарын зарим хэсгийг өөртөө уусган шингээжээ. Лена голын буриад нь 5 дугаар зууны сүүлчээс 7 дугаар зууны дунд үе хүртэл ойн иргэд (ойрад)-ийн аймгуудтай холбоотой байж хоёр удаа улс байгуулж байв. Эдгээр буриад нь хонгирад аймгийн ихэнх аймаг бүлгүүдтэй эртнээс үеэс хамт оршиж, угсаа гарвалын нягт харьцаатай болжээ. Лена голын буриадад Эргүнэ хуны домог дахь нүхүс аймгаас гаралтай хэсэг аймгууд багтдаг. “Судрын чуулган”-нд Эргүнэ хуны домог нь манай эринээс өмнө 800–700 жилийн өмнө монгол аймаг хийгээд түрэг аймаг хооронд дайнаас болж үүссэн, гэснээс үзвэл он цагийн хувьд ч хонгирадын олон аймагтай хамт Байгаль нуураас өмнөд Сибирь хүртэл нутаглаж байв. Буриадад гэдэг нэрийдэл нь ч манай эринээс өмнөх эдгээр цаг үед үүссэн “бор од” буюу “борын улс” гэсэн эртний нүүдэлчдийн байгуулсан улсын нэрийдлээс үүссэн байх юм. Буриад нь монгол Нирун улсын аймгийн холбоодыг үүсгэн байгуулж байснаа мөн тэр үеэс эхлэн хожмын буриадын аймаг угсааны дотоод бүтцээ бүрдүүлэн нягтарсан байна. 10 дугаар зууны үед буриад хийгээд хори буриад дотроо ялган нэрлэж байсан боловч буриад угсаатны нийгэм соёлын онцлог жич харилцаа, хэл соёл, зан заншил, газар нутгийн байршлыг тогтоосон байна.

Ишлэл зүүлт

1. Сүхбаатар Г. Монгол Нирун улс (330 орчим – 555 он). Улаанбаатар, 1992 оны хэвлэл. 166–67 тал.
2. Рашид ад-дин. Судрын чуулган / Сүрэнхорлоогийн орчуулга, Балжинням хөрвүүлэв. Бээжин: Үндэстэний хэвлэлийн хороо, 2013 он.
3. 魏收撰, “魏书”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第2307页。
4. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3273页。

5. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3271页。
6. Рене Гросс. Азийн нүүдэлчин үндэстний түүх / Содномжмц, Хөхөндөр орчуулав. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1999 он. тал 15.
7. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3270页。
8. 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第392页。
9. 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第309页。
10. 劉昫等撰, “旧唐书”, 北京, 中华书局出版, 1975年, 第5364页。
11. 李延寿撰, “北史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第3274页。
12. Отууд. Б. Содномдорж. Монгол овог ястны чуулган. Ляонин: Ляониний Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2007 он.
13. 欧阳修撰, “新五代史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第907页。
14. 脱脱等著, “辽史”, 北京, 中华书局出版, 1974年, 第2页。
15. 宋濂等撰, “元史”, 北京, 中华书局出版, 2000年, 第1698页。
16. 包路芳论文, “布里亚特蒙古族及其研究概述”, “青海民族研究” 学术期刊, 第2003年02期。
17. Бадамхатан С. Монголын угсаатны зүй / ред. Г. Цэрэнханд. Улаанбаатар, 2012 он.

УДК 94
ББК Т3(2)

Александр Михайлович Харитонов,
*Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия*

Об исторической географии южного пограничья Древней Руси

Современная историческая география, предлагаемая историками, видит в качестве южной границы Древней Руси лесостепную полосу на юге Русской равнины. При этом историки забыли, что средневековая и античная география считали эти земли необитаемыми. Это заставляет предположить, что реальные границы Древней Руси располагались намного южнее, чем считают современные историки с подачи классиков исторической науки.

Ключевые слова: Варанголимен, Варяжское море, Древняя Русь, Киев, лесостепное пограничье, Орда

Alexander M. Kharitonov,
*Pacific Institute of Geography Feb RAS,
Vladivostok, Russia*

About Historical Geography of the Southern Borderland of Ancient Russia

The modern historical geography offered by historians sees as south border of Ancient Russia a forest-steppe strip in the South of the Russian plain. At the same time historians completely forgot that medieval and ancient geography considered these lands uninhabited. This makes us assume that the real borders of Ancient Russia were located much to the South than modern historians believe with the submission of the classics of historical science.

Keywords: Varangaliman, Varangian Sea, Ancient Russia, Kiev, forest-steppe frontier, Horde

Границы Древнерусского государства историки всегда считали расположенными между лесом и степью. Считается, что Древняя Русь защищала европейские страны от нашествия степных захватчиков. Однако если взглянуть на современные исторические карты Древней Руси, то заметно, что

южные рубежи самой ранней Руси защищали только сами себя. Ведь их было сравнительно легко обойти по причерноморским степям и напасть на ту же Европу.

Лишь самые южные пределы Русской равнины, отводимые историками для этой Руси, можно считать пограничьем со степью.

При этом наиболее подходят для целей защиты Европы скорее анклав Тмутаракань и Саркел, которые сильно отделены на картах от территории остальной Древней Руси. Так что географически возникает небольшая неувязка в сведениях, которыми пичкают нас историки.

Впрочем, никто на это не обращает особого внимания. Ведь различных мелких географических неувязок в исторической географии Древней Руси не так уж и мало и на них давно перестали обращать особое внимание, считая их скорее издержками исторических документов, чем ошибками во взглядах современных историков [8].

А ведь с точки зрения географии Средневековья размещение территории Древней Руси на севере и в центре Восточно-Европейской равнины есть географический нонсенс. Ведь ещё античная география считала эти земли незаселёнными из-за невозможного холода. Этой же традиции следовала и арабская географическая школа в отношении Руси. Ведь земли севернее Дона (Русской реки?) арабские географы считали «незаселёнными землями севера», как и их античные коллеги [3]. Парадокс? Да, и весьма знаменательный, и требующий географического же объяснения.

Обратим внимание, что приписываемая Птолемею карта также предлагает Причерноморью широты, которые близки к северному полярному кругу, тогда как на самом деле эти широты намного меньше. Видимо, это продолжение следования традиции, которая предполагала необитаемость данных земель.

Но где тогда на самом деле располагали Русь в Средние века европейские и арабские учёные? Единственное место, более или менее известное ранней средневековой географии, – Причерноморье. Оно хорошо знакомо ещё со времени его освоения древними греками. Пожалуй, хуже известна территория вокруг Азовского моря. Даже такой знаток античной географии Причерноморья, внесший в неё немало географических поправок для реабилитации сведений греческой науки в глазах современных историков, как М. В. Агбунов [1], не рискнул более подробно остановиться на изображении этих территорий.

Арабский учёный ал-Хараки вообще называет Меотида (Азовское море)... морем варанков (Варяжское море) [4]. Ошибка? Но почему-то и А. Г. Кузьмин заметил по евро-

пейскому описанию народов на берегах Балтики их полное соответствие берегам моря Азовского. Что за парадокс?

А парадокс ли? Ведь наличие в Крыму топонима Варанголимен известно уже более столетия. Если этот «Варяжский залив» и есть Меотида, то географически всё как раз сходится. О какой Балтике можно говорить, если на её берегах европейские купцы, по письменным источникам, появляются только к концу XII века, а в 1201 году основывают свой форпост – Ригу. Именно тогда княжества Руси сталкиваются с немецкой агрессией, и возникает новое противостояние на западном пограничье.

Учитывая, что историки упорно считают историческую географию вспомогательной исторической дисциплиной, тогда как её место в географической науке определяется между историей и географией, поневоле задумаешься, а что в истории находится на стыке географии и истории? Получается... геополитика.

Если учесть, что родину скандинавских геополитиков античная и ранняя средневековая география считали необитаемой в принципе, то в новое время у скандинавов и возникает соблазн отринуть вовсе эту неудобную для скандинавской истории географию и заменить её собственными представлениями о ней. Обывателю Нового времени такие предложения были очень хорошо понятны, а очередная неудача «древних ботаников» должна была только приветствоваться в таком ключе. Ведь предки скандинавских обывателей жили на «необитаемой земле» уже значительное время в рамках истории. Почему бы не продлить эти рамки ещё немного?

Но вернемся к реальной географии Раннего Средневековья. Где должны проходить границы ойкумены (обитаемой земли) в это время по научным данным? Пограничная полоса должна проходить в Европе несколько севернее Британии к устьям Рейна и Эльбы, затем по их междуречью в сторону Дуная, немного захватывая земли по его северному берегу. Далее граница проходит по побережью Чёрного моря и по землям Северного Кавказа до Каспия, а по берегу последнего примерно до южных границ бывшего СССР в Средней Азии и далее в Индию.

Место для Древней Руси и её пограничья в такой географической системе координат остаётся только в Причерноморье. Действительно, арабская география выделяет 3 центра этой Руси: Славия, Куява и

Арта (Арса). Если Куява – Киев, то Славией в данной области может являться... Дунайская Болгария. Ведь Склавинии (Славии) были известны европейской и византийской географии как государственные образования славян на Балканах.

Болгария была крупнейшим тогда государством среди Славий на Балканах. А несколько более поздний русский географический источник и вовсе относит болгарские города к территории Руси [6]. Последнее не находит приемлемого объяснения в рамках современной исторической науки.

Если также принять, что Арта – Орда (= Гарды) [7], то место для кочевания для неё найдётся как раз на Северном Кавказе. Ведь степи Украины для круглогодичного кочевания вообще непригодны. Такое понимание территории Древней Руси вполне вписывается в рамки теории о её роли как защитницы интересов Европы.

При этом возникает один пикантный момент: Киев-Куява по меркам средних веков от Чёрного моря далековат. А Великий Новгород и вовсе уходит куда-то за пределы географии. Правда, если скандинавское имя последнего – Хольмгард – трактовать в переводе на арабский лад как «хольм» – остров, а Гарды – Русь, то арабам он, получается, известен в качестве острова русов. На карте Птолемея он мог бы именоваться, пожалуй, как Навар.

Но где тогда мог быть известный арабам Киев? Вероятно, на реке Данаприс. Нет, это не Днепр, как посчитали историки. Описания этого «Днепра» отличаются от современного описания реки Днепр. Некоторые русские летописи отводят ему целых три устья. Столько могло быть у Кубани. Это явно не Дунай, как предлагали историки А. Л. Никитин и С. Э. Цветков. Ведь у Дуная географы Античности описывали от 5 до 7 устьев [2].

Если летописные Киев и Новгород действительно находились на Кубани, то маршрут апостола Андрея Первозванного на Русь

при этом приобретает совершенно иное освещение и становится теоретически возможным. Ведь путь вверх по этой реке вёл в Великую Булгарию. Не её ли книжники и разработали данную версию, пытаясь придать ей видимость правдоподобия, с целью выйти на возможную автокефалию болгарской церкви? Но возможно ли это вообще?

Исследования В. А. Курбатова [5] показали, что географические названия (топонимы) склонны перемещаться по карте вслед за их носителями. С помощью методов ареально-векторного анализа можно даже восстанавливать возможные маршруты передвижения наших предков в древности. Так что современные сохранившиеся на географической карте топонимы не обязательно являются неповторимыми и единственными, как склонны считать их представители исторической науки.

Таким образом, с точки зрения географии Средних веков, Древняя Русь была Причерноморской Русью и иной быть не могла в принципе. Именно такая пограничная Русь только и могла защищать европейские государства от нашествий кочевников. По этой причине ей и уделяется столько внимания в византийских источниках.

Понятно, что подобный географический подход в корне меняет всю историческую географию Древней Руси. Но если продолжать пользоваться геополитическими установками норманизма, принятыми также и антинорманизмом, в нашей истории, то решать накопившиеся географические и иные проблемы станет абсолютно невозможно, что показывает географическая ситуация в отечественном востоковедении, находящемся фактически под диктатом исторической науки.

А ведь некоторые классики исторической науки предупреждали о предварительном характере выделяемой ими исторической топонимики, а, значит, предвидели возможность её уточнения в будущем. Вот в этом они, похоже, не ошибались.

Список источников и литературы

1. Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989. 191 с.
2. Античная география / сост. М. С. Боднарский. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1953. 374 с.
3. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 430 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / Т. Н. Джаксон [и др.]. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.
5. Курбатов В. А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М.: Эксмо: Алгоритм, 2005. 382 с.
6. Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 214–259.

7. Харитонов А. М. Арабский мир и Древняя Русь // Проблемы истории и культуры пограничья: гуманитарное знание и вызовы времени: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию И. Е. Храповицкого (г. Верхнедвинск, 16 июня 2017 г.). Минск: Белнаучкнига, 2017. С. 178–182.

8. Харитонов А. М. О соотношении территории Древней Руси и современной России // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: материалы II Междунар. научн. конф. (г. Пинск, 24–25 нояб. 2017 г.). Пинск: ПолесГУ, 2017. Вып. 2, ч. 1. С. 209–215.

УДК 94
ББК ТЗ(2)513-68

Алексей Владимирович Постников,
*Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук,
г. Москва, Россия*

Сэр Самуэль Бэнтам (Sir Samuel Bentham) – британский исследователь Сибири и Средней Азии, верный сподвижник светлейшего князя Г. А. Потёмкина-Таврического

Известный английский инженер и корабельный конструктор сэр Самуэль Бэнтам (Sir Samuel Bentham) служил в России у князя Г. А. Потёмкина с 1780 года сначала как кораблестроитель, а затем занимался самыми различными отраслями техники, конструируя разнообразные механизмы и экспериментируя с методами производства стали. Он также отличился и был награждён во время русско-турецкой войны. Бэнтам особенно интересовался Сибирью и Средней Азией, где он служил с 1781 по 1783 и с 1789 по 1791 годы.

Ключевые слова: исследования Арктического побережья, Забайкалья, Бурятии, Кяхты и Приграничья, киргизских степей, планы освоения приграничья, организация военной школы, изучение и использование природных ресурсов

Alexey V. Postnikov,
*Russian Academy of Sciences S. I. Vavilov Institute
of the History of Science and Technology,
Moscow, Russia*

Sir Samuel Bentham as the British Explorer of Siberia and Central Asia, the Faithful Associate of the Serene Highness Prince G. A. Potyomkin-Tavrishesky

The Famous English engineer and the ship designer sir Samuel Bentham served in Russia for the Prince G. A. Potyomkin since 1780 at first as the ship builder and then, being engaged in the most various branches of the equipment, designing various mechanisms and experimenting with methods of production and became very prominent in all his persutes. He has also caused a stir and has been awarded during the Russian-Turkish war. Bentham especially was interested in Siberia and Central Asia where he served in 1781–1783 and from 1789 up to 1791.

Keywords: explorations of the Arctic coast, Transbaikalia, Buryatia, Kyakhta and Border regions, Kirgыз Steppes, Plans of development of a border regions, organization of military school, studying and use of natural resources

Первое путешествие Самуэля Бэнтема в Сибирь вначале планировалось Потёмкиным лишь как поездка специалиста-инженера для

ознакомления с природными ресурсами различных районов империи с последующими рекомендациями по улучшению их использо-

вания. Причём географически путешествие планировалось ограничить Архангельском, Пермью и уральскими металлургическими предприятиями (главным образом в Нижнем Тагиле). После этого Потёмкин хотел, чтобы Бэнтем присоединился к нему на юге России. Поездка англичанина пользовалась всемерной поддержкой высшей петербургской аристократии и Академии наук, причём сам Петр Симон Паллас снабдил его детальным меморандумом по поводу тех мест, которые ему следовало посетить на маршруте через Архангельск, Урал и Западную Сибирь, а также о сведущих людях, которые смогут предоставить ему достоверную информацию об этих местах. Паллас снабдил его также большим количеством книг, точное описание которых не сохранилось, но, судя по всему, они имели отношение к тем технологическим процессам, которые могли привлечь внимание англичанина на Урале. Князь Потёмкин выделил Бэнтаму охрану. Везде, куда бы он ни приезжал, его ждал великолепный приём и готовность предоставить любую информацию на основании однозначно выраженного императрицей желания, чтобы он получал любые желаемые им сведения [6].

6/17 февраля 1781 года Самуэль Бэнтам с французским слугой и военным эскортом из двух человек отправился из Петербурга в Архангельск, где он детально ознакомился с русским кораблестроением и сделал вывод о том, что в будущем архангельские верфи могут быть использованы для строительства судов английского флота. В Архангельске Бэнтам включил в свою команду в качестве переводчика и помощника английского офицера торгового флота по имени Уилкинс (Wilkins), который последующие 12 месяцев вёл путевые журналы путешествия, которые стали достоверным источником по его истории.

Далее маршрут путешествия пролегал по долине Северной Двины, через Великий Устюг, где Бэнтама с чисто русским гостеприимством принял архиепископ. Из Великого Устюга путешественники отправились на восток и через пять дней прибыли в Соликамск. Ознакомившись с различными производствами этого района, фактическим владельцем которого являлся граф Строганов, Бэнтам и его команда направились в Пермь, а оттуда в Екатеринбург, куда прибыли 26 марта/5 апреля 1781 года. Здесь Самуэль Бэнтам был сердечно принят губернатором, генералом Ламом (Lamb), шотландцем по происхождению.

Следует подчеркнуть, что повсеместный тёплый приём Бэнтаму был обеспечен не только многочисленными рекомендательными письмами высоких персон и знаменитым русским гостеприимством, но и удивительным очарованием и открытой благожелательностью английского путешественника, что неоднократно отмечалось всеми, кому приходилось с ним общаться. Из Екатеринбурга Бэнтам с Вилкинсом совершили несколько поездок в Верхотурье и некоторые другие места к востоку от Уральского хребта, представляющие промышленный интерес. Везде они детально знакомились с рудниками и различными мастерскими и фабриками, описания которых подробно воспроизведены в журналах Уилкинса. В Екатеринбурге Самуэль Бэнтам познакомился с новым наместником Пермского и Тобольского наместничества Евгением Петровичем Кашкиным, который также оказал ему всяческую поддержку.

9/20 апреля Бэнтам и его партия отправились в Нижний Тагил. Никита Акинфеевич Демидов детально ознакомил англичанина со всеми своими предприятиями и механизмами. Благодаря доброжелательности и гостеприимству Демидова, его дом в Нижнем Тагиле с середины апреля и до середины октября стал фактически домом Бэнтама и центральной базой его поездок по близлежащим районам Урала [7, с. 65–67]. Бэнтам был также очень занят конструированием амфибии и стругального станка для изготовления тонких досок. Помимо этого он совершал поездки для сбора минералов.

Вернувшись в Пермь, Бэнтам решил продолжить своё путешествие на восток – в Сибирь. Петербургские друзья и покровители его поддержали, причём особенно ценной была поддержка князя Потёмкина, который выделил военный эскорт для сопровождения англичанина и снабдил Бэнтама многочисленными рекомендательными письмами к местному начальству. Губернатор Кашкин также оказал ему большую поддержку, и предоставил в сопровождающие Матвея Логанова. В 10/21 января 1782 года партия Бэнтама отправилась из Екатеринбурга в Тобольск, прибыла туда через три дня, но Самуэль Бэнтам не стал задерживаться и отправился дальше, чтобы использовать возможности санного пути для как можно большего продвижения на восток. На промежуточных остановках англичанин больше всего интересовался торговлей с Китаем сибирскими

мехами, так как каждый населённый пункт являлся местом сбора пушнины, составлявшей основу этой торговли. В Томске он отметил значение этого города как сельскохозяйственного центра, обеспечивавшего зерном алтайские (Колывано-Воскресенские) горно-заводские районы. 26 января/6 февраля партия Самуэля Бэнтама прибыла в Красноярск, где они пробыли несколько дней, которые Бэнтам посвятил ознакомлению с местными кочевниками – братскими племенами. Затем он направился в Иркутск, где провёл лишь одну ночь и все последующие записи в его дневнике посвящены Кяхте, куда он прибыл около середины февраля.

В Кяхте он подробно расспросил коменданта и купцов о «камчатской торговле» под контролем правительства (т. е., главным образом о торговых операциях русских промышленников и купцов из российских владений в Северной Америке), и о российской торговле с Китаем, основным центром которой была Кяхта и китайский город Маймачен на противоположной стороне границы. Русские и китайские купцы жили соответственно в Кяхте и Маймачене и занимались главным образом бартерной торговлей. Русские предлагали различные меха, импортный текстиль, одежду и ткани российского производства, шкуры, кожу, скобяные изделия и скот. В обмен китайцы торговали шёлком, различными изделиями из хлопка, чаем, фруктами и фарфором, рисом, свечами, ревенем, имбирем и мускусом. Самуэль Бэнтам не мог не понять, насколько большие возможности для европейской и, в частности, английской торговли ждут своего развития в этих краях.

В отличие от многих других европейцев, Бэнтам был сердечно принят не только русским комендантом Кяхты, но даже получил приглашение от китайского амбана Маймачена посетить этот пограничный посёлок, где ему был оказан тёплый приём, а сам амбань даже любезно согласился передать приветственное письмо Бэнтама его соотечественникам в Кантоне.

17/28 февраля Самуэль Бэнтам с Матвеем Логановым отправились в Нерчинск и далее – в Нерчинский Завод, где английский путешественник постарался получить как можно больше сведений о серебряных рудниках, на которых работали главным образом заключённые. Нерчинский завод был самым восточным пунктом его путешествия, и посещение этого района усилило его интерес к возможностям Амура, который был «за-

крыт» китайцами по условиям Нерчинского договора, как ещё к одному возможному пути коммерческого проникновения в Китай. Он провёл в районе Нерчинска более месяца, занимаясь, в частности, изучением конструкции китайских судов (джонков). Впоследствии, по возвращении в Англию, он внедрил на кораблях королевского военно-морского флота использование водонепроницаемых переборок, которые впервые увидел на китайских джонках. Затем, через Удинск, Бэнтам отправился в Иркутск, куда прибыл 3/14 апреля. Здесь английский путешественник жил до 23 июня/4 июля, однако в своих письмах на родину он практически ничего не сообщал о своих делах в этой интеллектуальной столице Восточной Сибири. Нетрудно предположить, однако, что в Иркутске он значительно пополнил свои знания о поступлении ценных мехов из Русской Америки и, соответственно ещё более укрепился в мнении о необходимости развивать это направление коммерции как в интересах России, так, возможно, и в перспективе для Англии [7, с. 84]. Обратный путь в Санкт-Петербург занял три месяца, причём Бэнтам заехал в Барнаул и познакомился там с приисками и Колывано-Воскресенскими заводами.

За время своего путешествия Самуэль Бэнтам стал свободно говорить и писать по-русски, а собранные им материалы по развитию и перспективам уральской и сибирской торговли и промышленности легли в основу составленного им по просьбе князя Потёмкина *Меморандума* о его путешествии, причём в разговорах с Бэнтамом Потёмкин очень заинтересованно расспрашивал англичанина о возможностях навигации по Амуру в коммерческих целях [7, с. 94].

20/31 декабря 1783 года *Меморандум* был готов и Потёмкин сразу же передал его императрице, которая осталась им весьма довольной и пожелала получить более детальный доклад. В этом новом докладе Бэнтам подчеркнул, насколько большая экономия труда может быть получена при применении машин в различных производственных процессах, используя, в зависимости от возможности, воду, ветер, или силу быков и лошадей. Он также пропагандировал применение более научно обоснованных процессов в металлургии. Когда, после многих отсрочек, Екатерина II приняла Бэнтама и поблагодарила его за наблюдения и предложения, которые, по её мнению, могут быть весьма полезными, однако, основными те-

мами в разговоре императрицы с британцем были разработка месторождений полезных ископаемых и китайская граница [7, с. 96].

В сентябре 1783 года по ходатайству, поданному Бэнтамом Екатерине II, он был принят на российскую службу в ранге надворного советника (гражданский чин VII класса), что по табели о рангах соответствовало воинскому званию подполковника, с окладом 1000 р. в год. Первым поручением ему было принять участие в проектировании и строительстве канала Фонтанки в Санкт-Петербурге. Там он начал с конструирования механизма для забивания свай. В декабре в столицу победоносно вернулся Потёмкин, присоединивший к владениям империи Крым. Светлейший князь сразу же приказал Самуэлю Бэнтаму направиться в Херсон для строительства судов, способных противостоять турецкому флоту. Потёмкин предложил Бэнтаму армейский чин подполковника, 1200 р. заработной платы, плюс – столько же на довольствие и слуг при полной свободе сооружать механизмы по его конструкции. Помимо этого ему было оставлено его гражданское жалование – 1000 р. в год в качестве пенсии. В марте 1784 года он отбыл на новое место службы. Помимо конструирования лёгких судов для крымского флота Бэнтаму было поручено спроектировать и построить гребную яхту для планировавшегося путешествия Екатерины II по Днепру, а также меньшего судна для самого Потёмкина. Даже в процессе всех этих многотрудных занятий Самуэль Бэнтам не оставлял мыслей о Восточной Сибири и её потенциальных возможностях. Об этом, в частности, он писал своему брату Джереми (Жегету) следующее: *Ты должен знать, что уже давно я составил великий проект соединения в одной экспедиции осуществления навигации по Амуру, торговли с Японией и коммерческой связи между побережьем Америки около Камчатки и Кантоном. Иногда моя идея ограничивается лишь в том, чтобы помочь в организации такой экспедиции, в другие моменты у меня появляется непреодолимое острое желание руководить ею. Это, однако, лишь после того, как я испробую свои кораблестроительные эксперименты и лучше устроюсь в стране, и может быть, разочаровавшись в мире, или в нетерпении сделать решительный рывок к богатству и репутации* [7, с. 126–127].

К обязанностям Бэнтама по постройке верфи и налаживанию производства на ней различных судов прибавились назначение

его командиром пехотного батальона в Кричеве и подготовка его солдат к действиям на борту морского корабля, т. е., практически, от Самуэля Бэнтама требовалось подготовить морских пехотинцев. Таким образом, сугубо гражданскому англичанину пришлось постигать основы совсем незнакомой ему военной специальности. Помимо этого он занимался набором персонала для ботанического сада и молочного хозяйства, которые задумал организовать в Крыму князь Потёмкин.

В июле Потёмкин, а с ним и Самуэль Бэнтам обосновались в Херсоне для подготовки к нападению турок. 5/16 августа Турция официально разорвала отношения с Россией, заключив под стражу российского посла, а двумя неделями позже начались военные действия в районе Очакова. Важнейшей задачей воюющих сторон стало господство в Днепровском лимане. Из-за очень низкого уровня Днепра обеспечение военных операций в лимане было возможно лишь с использованием малых судов (большинство из которых ранее служило для обеспечения путешествия императрицы на юг), переоборудованием и вооружением которых по просьбе адмирала Мордвинова, поддержанной главнокомандующим русскими войсками фельдмаршалом Суворовым, занялся Бэнтам и его батальон. В боевых действиях на этот раз Бэнтаму принять участия не удалось из-за болезни, но оборудованные им суда практически вынудили турецкий флот удалиться на зиму в Константинополь. В январе 1788 года Бэнтам поправился и вернулся на активную службу, причём его назначили командиром морской пехоты из трёх батальонов (по 1000 человек) а впоследствии – командующим первым дивизионом, состоявшим из четырёх бомбардирных и зажигательных судов малой флотилии, что потребовало от него освоения начал навигации и военно-морских манёвров.

Кампания в Лимане началась 31 мая/11 июня. Бэнтам сыграл заметную роль в российской победе в лимане, за что был произведён в полковники, стал кавалером ордена Св. Георгия Победоносца IV степени и награждён шпагой с золотым эфесом. Большое значение в победе русских в лимане имело то, что Бэнтам смог переоборудовать лёгкие суда флотилии таким образом, что они смогли нести значительно большие по весу и мощи орудия, нежели это считалось возможным ранее. Позже в том же году Очаков был взят русскими войсками.

После этого Бэнтам был назначен командиром полка численностью 2500 человек на гарнизонной службе в Херсоне, где он снова стал мечтать о возвращении в Сибирь, для чего хотел «поменять» свой пехотный полк на кавалерийский в Сибири и по этому поводу обратился к главнокомандующему, фельдмаршалу Суворову. Суворов не стал возражать, более того, Потёмкин полностью поддержал англичанина в этом намерении, предложив ему перед этим полугодовой отпуск в Англии. Бэнтам сказал, что будет готов к этому отпуску лишь после того, как устроится в Сибири. Потёмкин также согласился направить с ним в Сибирь несколько офицеров, его сослуживцев по флотилии [7, с. 214, 220, 228; 1, с. 177–184]. Одна из его задач, чётко сформулированных Потёмкиным, была весьма далека от военной деятельности и состояла в необходимости налаживания торговых связей с Японией. Впрочем, Самуэлю Бэнтаму была предоставлена полная свобода выбора первоочередных задач.

В 1789 году он прибыл в штаб-квартиру своей службы в Омске и, приняв командование над двумя батальонами его Екатеринбургского полка, практически не задерживаясь там, отправился в путешествие по Сибири и Киргизии, которое в течение последующих 18 месяцев прерывалось лишь небольшими остановками, продолжительностью не более трёх недель.

В связи с тем, что Бэнтам не хотел быть замешан в деятельности капитана Биллингса, руководившего Северо-восточной экспедицией и находившегося в Сибири, он отложил на время планы установления связей с Японией и сконцентрировал внимание на более западных районах. В июне 1789 года он прибыл в уже хорошо знакомый ему Тобольск с тем, чтобы начать съёмку северной береговой линии от устья реки Оби до Архангельска. Партия, направленная туда Бэнтамом во главе с одним из англичан, привезённых им из Херсона, Ричардом Упсалом (Richard Upsal) и включавшая ещё пять английских матросов, должна была изучить опасности, возникающие из-за ледяных полей, которые заносятся в устье и прибрежные воды к западу от него и представляют собой серьёзные препятствия для навигации. Работа исследовательской партии была затруднена тем, что она передвигалась на открытом судне, однако некоторые её участники возвратились в Тобольск, составив карту реки и части Обского залива, остальные остались на зимовку в устье реки.

Бэнтам, после того как организовал свою арктическую экспедицию, сам отправился вниз по долине Иртыша, где формально принял на себя командование одним из его батальонов, который охранял киргизскую границу. Пограничники были разбросаны вдоль линии длиной около 200 вёрст по реке, которая здесь являлась границей между Черновицким и Семиярским постами, размещаясь отдельными отрядами в небольших фортах. Официальный штаб батальона располагался в Ямышеве, где полковнику Бэнтаму был выделен вполне приличный дом, но он сам, желая узнать как можно больше о местной торговле, предпочёл устроить свой штаб в Корякове, расположенном около 35 миль севернее, там, где проходила основная торговля с киргизами, ежедневно привозившими шкуры и скотину, которые они обменивали на дешёвую одежду, кожу, железо и различные скобяные изделия и инструменты. Бэнтам решил провести рекогносцировку в Киргизии, в частности для того, чтобы разведать месторождения полезных ископаемых.

Таким образом, в середине сентября он отправился за границу и, хотя его генерал, из соображений безопасности не разрешил ему удаляться более чем на 50 вёрст, Бэнтам, со свойственным ему мужеством, преодолел за пять недель более 800 миль и возвратился с большим количеством сведений о территории, до того практически не исследованной европейцами. В этом путешествии его сопровождал офицер его нового полка, швед по происхождению, капитан Гавриил Андреевич Лилингрен (Lilingren) [4, с. 81], который уже побывал несколько лет назад с дипломатической миссией у киргиз-кайсаков и приобрёл репутацию знатока по этому региону. Впоследствии он стал одним из соратников Самуэля Бэнтама в выполнении его сибирских проектов. «Летописцем» своих путешествий и действий Бэнтон назначил одного из его соратников по турецким баталиям, лейтенанта Уилльяма Ньюмена (William Newman), который вызвался сопровождать его в Сибирь, а по возвращении Бэнтама из киргизских степей был направлен с подробным отчётом о рекогносцировке полковника к князю Потёмкину.

Вернувшись в декабре в Тобольск, Самуэль Бэнтам начал готовить следующий этап исследования арктического пути в Архангельск. Часть отряда, направленного им в устье Оби предыдущим летом, оставалась там, под начальством русского капитана для исследования побережья к западу от устья

по суше. Но на лето 1790 года у Бэнтама были более амбициозные планы, для осуществления которых он взял с собой с киргизской границы офицера и 50 солдат его батальона, которых он намеревался послать на север и построить там более крупное судно для исследований по морю после схода льда [7, с. 236–238]. Сделав необходимые для экспедиции приготовления, Самуэль Бэнтам поспешил вступить в командование другим его батальоном, расположенным на границе китайской Монголии, со штаб-квартирой в Кяхте. Потёмкин специально устроил так, чтобы руководство этим подразделением было доверено Бэнтаму для того, чтобы он продолжил изучение возможностей кяхтинской торговли, начатое им в 1782 году.

Ранней весной 1790 года через Иркутск он отправился в Бурятию и основал там полковую школу в крепости Кудар (сейчас – посёлок Кудара-Сомон в Республике Бурятия) к югу от Кяхты. Начальником школы был назначен один из офицеров Бэнтама – капитан Кирилл Фёдорович Казачковский (1760–1829 гг.)¹, а её преподавателем стал сержант Смирнов, который, по-видимому, был образованным человеком, и, в частности, обучал курсантов школы французскому языку. В программу школы входило изучение русского языка (чтение, грамматика и каллиграфия), арифметики, геометрии, географии и математической географии (т. е. основы геодезии и картографии) в старшем классе; французской грамматики и чтения, мифологии и музыки. Отрывки из сочинений Руссо и Вольтера, по-видимому, позаимствованные из личной библиотеки Бэнтама, использовались в качестве пособий для преподавания. На тот период, для которого имеются источники, в школе было около 25 учеников, главным образом солдат и, в некоторых случаях, сыновей солдат. Школа, видимо функционировала около 18 месяцев, а затем, когда полковник не смог быть поблизости для того, чтобы стимулировать и финансировать её работу, практически прекратила своё существование [8, с. 153–158].

Торговля через территорию Сибири продолжала оставаться одной из главных забот Самуэля Бэнтама, и в 1790 году он стал активно сотрудничать в этом с известным рус-

ским путешественником, промышленником и купцом Григорием Ивановичем Шелеховым (Шелиховым), который в это время всячески старался укрепить позиции Российской империи в её владениях в Северной Америке. Шелехов практически был ключевой фигурой в обеспечении торговли мехами между Русской Америкой и Китаем через Кяхту [3; 5; 9; 10].

Хотя прямого указания на формальное соглашение между Шелеховым и Бэнтамом в бумагах англичанина не сохранилось, но из его переписки становится ясно, что деловое взаимопонимание между ними было достигнуто. Заметим, что все предыдущие попытки иностранцев активно включиться в дела Русской Америки жёстко пресекались с активным участием Шелехова. По-видимому, Бэнтон у русского промышленника не вызывал опасений по той простой причине, что он был полковником российской армии, георгиевским кавалером, явно пользующимся поддержкой князя Потёмкина. Судя по всему, Бэнтон и Шелихов договорились, что англичанин построит одно или два судна на верфи Шелехова в Ураке и финансирует плавания на них, а также предоставит 100 солдат из его батальона для участия в этом плавании и возможном установлении постоянного гарнизона на Аляске. Из всех этих служащих фактически лишь лейтенант Джеймс Шилдс (James Shields) – кораблестроитель, служивший под началом Бэнтама на Днепре, впоследствии сыграл значительную роль в Русской Америке как кораблестроитель и гидрограф.

14 февраля 1790 года Самуэль Бэнтам направил князю Потёмкину письмо, где представил свои предложения по развитию районов, с которыми он успел познакомиться, а также действий в отношении соседних с Россией стран и народов.

Эти предложения сводились к следующим основным семи пунктам.

1. Привлечь большое количество монголов на нашу сторону из китайских владений.
2. Возвратить от китайцев калмыков, которые покинули Российское государство.
3. Вернуть, или подчинить власти России народы, которые ушли из Российского государства и живут на реке Бухтара.
4. Возвратить ушедших киргизов и тех, кто мигрировал к ним и которые были проданы ими Бухаре и жили с ними.
5. Открыть торговлю с Японией.
6. Провести съёмку и нанести на карты границы Сибири, северных и северо-восточных морей.

¹ Впоследствии К. Ф. Казачковский показал себя так же, как при штурме Очакова в 1788 г., великолепным боевым офицером, участвовал практически во всех войнах Российской империи начала XIX в., был героем Отечественной войны 1812 г. и закончил службу в звании генерал-лейтенанта.

7. Открыть неисследованные острова в этих морях и привести людей, живущих там, в российское подданство [7, с. 245].

Местное начальство не готово было оказывать поддержку Бэнтаму без прямого на то указания князя Потёмкина. Самуэль Бэнтам отправился за получением таких полномочий и «нагнал» Потёмкина с его победоносной армией в Бендерах. В планах англичанина было не только наладить торговлю мехами с Аляски в Кантоне, но даже направить свою исследовательскую партию для того, чтобы добраться из Кенайского залива (Залива Кука) до самых западных факторий Компании Гудзонова Залива, и, тем самым, обеспечить русским промышленникам возможности сбыта непосредственно на территории Северной Америки. Бэнтам не оставлял также мысли о возможности в дальнейшем освоить путь по Амуру [7, с. 245].

Как бы то ни было, Бэнтам, по-видимому, получил одобрение Потёмкина, так как в феврале 1791 года Лилингрен написал Шелехову о том, что планы постройки судов в Ураке поддержаны сибирскими властями, а пребывание военного отряда в Охотске было узаконено. Самуэль Бэнтон в это время отправился в трёхмесячный отпуск в Англию.

Оставшийся за командира подразделения Бэнтана, капитан Кирилл Фёдорович Казачковский в обстоятельном письме, написанном в июле 1792 года, полностью соглашаясь со своим командиром по поводу необходимости освоения водного пути по Амуру, подробно развивает эту идею в плане возможности её воплощения в жизнь. В частности, он, в полном соответствии с сокровенными планами князя Потёмкина, пишет о необходимости обеспечения контроля России над всеми территориями к северу от Амура, включая берега Охотского моря вдоль запад-

ной части Удского залива. Преимущества, которые получит Россия в результате таких решительных действий, были совершенно очевидны капитану Казачковскому, который писал Бэнтаму из Якутска и там воочию мог убедиться, какие громадные трудности приходилось преодолевать тем, кто путешествовал из Охотска по суше, используя горно-таёжные тропы и перевалы для того, чтобы пройти на Алдан и Лену. Он утверждал, что открытие амурского пути не только значительно упростит и удешевит содержание русских поселений на побережье Охотского моря, на Камчатке и в Русской Америке, но позволит также наладить снабжение этих районов благодаря возможностям развития земледелия в долине Амура и на его притоках, для чего Казачковский предлагал способствовать иммиграции китайских христиан на Амур, в Удск и на Камчатку.

Стремление К. Ф. Казачковского открыть амурский путь к Охотскому морю вполне отражали чаяния иркутского общества, так как Шелехов в то же самое время пытался убедить генерал-губернатора предпринять подобные шаги, которые включали организацию незамерзающих портов где-нибудь между устьем Амура и горными хребтами, ограничивающими его бассейн с севера [7, с. 254].

Все эти планы перестали быть актуальными для Самуэля Бэнтана, так как осенью 1791 года он получил в Лондоне известие о кончине его патрона князя Потёмкина и решил не возвращаться в Россию и продолжать свою карьеру на родине. Лишь в 1805–1807 годах он снова служил в России, но уже как английский дипломат, не имеющий ничего общего с Сибирью. Сибирские дневники Самуэля Бэнтама не были опубликованы и в настоящее время хранятся в Британской библиотеке.

Список источников и литературы

1. Кристи И. Р., Ситников Л. А. Новое об истории освоения северной части бассейна Тихого океана (статья первая) // Источники по истории Сибири досоветского периода: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. С. 163–197.
2. Овчинников В., Паттерсен Б. Российский англичанин // Морской сборник. 2007. № 12. С. 80–82.
3. Постников А. В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 470 с.
4. Ситников Л. А. Самуэль Бэнтам и его Сибирская библиотека // Русские библиотеки и их читатель (Из истории русской культуры эпохи феодализма) / ред. Б. Б. Пиотровский, С. П. Луппов. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 251 с.
5. Ситников Л. А. Григорий Шелихов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. 412 с.
6. British Library. XVI, fos. 136, 141–6; III, fos. 169–70, 187–8, 196–8, 257.

7. Christie Ian R. The Benthams in Russia, 1780–1791. Oxford: Berg Publishers Limited, 1993. 264 p. (Second ed. Christie, Ian R. The Benthams in Russia, 1780–1791. 2005. (Anglo Russian Affinities).
8. Papehl K. A. The Regimental School Established in Siberia by Samuel Bentham // Canadian Slavonic Papers. 1966. Vol. VIII. Pp. 153–168.
9. Postnikov A., Falk M. Exploring and Mapping Alaska. Russian America Era, 1741–1867 / Tr. by Lydia Black. University of Alaska Press. Rasmuson Library Historic Translation. Fairbanks: University of Alaska Press, 2015. 450 p.
10. Shelikhov A. Voyage to America, 1783-1786 / Tr. by M. Ramsay; Ed. with introduction by Richard A. Pierce. Kingston: Limestone press, 1981. 164 p.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Ирина Батоевна Батыева,
*Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ, Россия*

Пограничная политика России в Западном Забайкалье во второй половине XVII века

Статья освещает процесс проникновения и колонизации русскими Западного Забайкалья во второй половине XVII века. Описана борьба московских служилых людей и монгольских ханов за господство над селенгинскими бурятами и эвенками. Сложившаяся геополитическая ситуация усилила военное присутствие России, ускорила процесс определения границы с соседями.

Ключевые слова: русские, казаки, селенгинские буряты, монголы, присоединение, Западное Забайкалье, острог, борьба, ясак, граница

Irina B. Batueva,
*East Siberian State Institute of Culture,
Ulan-Ude, Russia*

Border Policy of Russia in the West Transbaikalia in the Second Half of the 17th century

Article outlines the process of penetration and colonization of the Russian West Transbaikalia in the second half of the 17th century. Describes the struggle of the Moscow military people and the Mongol Khans selenginskimi for supremacy over the Buryats and Evenks. The current geopolitical situation has reinforced military presence of Russia, accelerated the definition of boundaries with neighbors.

Keywords: Russians, Cossacks, selenginskies Buryats, Mongolians, joining West Transbaikalia, Ostrog, fighting, tribute, frontier

Расширение границ Московского государства в Сибири на протяжении всего XVII века сталкивалось с сильным противодействием сопредельных государств и народов. Российское государство выстраивало пограничную политику настойчиво, наступательно, но осторожно, учитывая все геополитические особенности данного региона. Во второй половине XVII века центр приграничной напряжённости переместился в Западное Забайкалье – в среднее тече-

ние реки Селенги. Отряды казаков-первопроходцев, двигаясь всё дальше на Восток, наталкивались на сильное противодействие монгольских ханов, которые рассматривали эти земли и жителей как объект для сбора ясака. Угроза возможных, но нежелательных боевых действий с монголами заставила Российское государство уделить особое внимание этому региону, усилить военное присутствие, ускорить процесс определения границы с соседями.

Феномен успешного осуществления пограничной политики России во второй половине XVII века в Забайкалье представляет неослабевающий интерес в обществе, прежде всего в исторической науке.

С 40-х годов XVII века началось проникновение и колонизация русскими Забайкалья.

В 1648 году в Забайкалье был отправлен отряд в 60 человек под командой сына боярского Ивана Галкина с наказом «на новых народов положить ясак и места около Байкала точно описать, а главное искать золотых и серебряных жил». Дойдя до устья Баргузина, Галкин основал здесь острог, ставший базой для завоевания Забайкалья. Отсюда совершались походы к бурятам, кочевавшим по Баргузину, Нижней Селенге и Хилку.

Постройка в Забайкалье севернее и западнее Байкала сети укрепленных острогов позволяла служилым людям действовать более решительно. Так, в Забайкалье, кроме Верхнеангарского, Баргузинского острогов, в 1650–1660 годах были построены остроги: Нерчинский, Селенгинский (1665), Удинский (1666 год).

Селенгинский острог заложили служилые люди Баргузинского острога 27 сентября 1665 года. Как сообщал устроитель острога Гр. Ловцов, в трёх днях пути от Селенгинска стоял «каменный город» Тушету-хана.

Строительство Селенгинского острога на правом берегу реки Селенги чуть ниже места впадения в неё реки Чикой, т. е. в непосредственной близости к местам кочёвок монголов, явилось событием, игравшим важную роль в жизни селенгинских бурят.

Занятые междуусобной борьбой халхаские князья на первых порах быстро не среагировали на строительство Селенгинского острога в местах их сбора ясака с бурят и эвенков. Тем временем русские служилые люди укрепляли острог, сделали его центром сбора ясака с бурят и эвенков, кочевавших в среднем течении Селенги, главной опорой колонизационной политики московского царя в этом районе. В 1675 году в Селенгинском остроге уже насчитывалось около 30 дворов, в которых проживало более 200 служилых и «гулящих» людей, и их число росло.

Монгольские князья стали предпринимать решительные действия против Селенгинского острога, следовательно, колонизаторской политики московского царя. В 1667 году монгольские князья отправили в Москву посольство с жалобой против строи-

тельства острога без их ведома, однако она была отклонена. Одновременно монгольские князья неоднократно нападали на русских и бурят в районе Селенгинска с целью возвращения этой территории под своё влияние.

Селенгинские буряты и эвенки оказались между двух огней: московских служилых людей и монгольских ханов и тайшей. И те, и другие претендовали на получение с них ясака, подчинение их своему господству.

Монгольские ханы неоднократно ставили перед русскими вопрос о незаконности самовольной постройки Селенгинска и каждый раз их притязания отвергались. В одном из ответов русских говорилось: «И Селенгинский острог поставлен в его царского величества Сибирского государства земле и в том остроге живут для ясачных промыслов его царского величества люди не самовольные». Далее сообщалось, что обо всех случаях «обиды разорения и убийства», причинённых монголам, государевым указом велено «сыскать в правду» [3, с. 73].

Борьба за овладение населённым бурятами районом среднего течения Селенги не ограничивалась действиями посольств, перепиской. Совершались частые набеги на поселения друг друга монголов, бурят, русских, избиения людей, угон лошадей, крупного рогатого скота. Отдельные группы бурят, монголов и эвенков временами уходили на территорию Монголии и возвращались обратно.

Иркутский воевода Иван Власов писал в отписке: «В нынешнем 190 (1682) году в разных месяцах и числах, приходят к Селенскому и Удинскому острогу и Селенгинского уезда на заимки Мунгалских и Табунутских тайшей улусные люди, и русских служилых людей и всяких чинов людей под городом и на заимках и на проездах до смерти побивают, и лошади, и рогатый скот отгоняют непрерывно, а говорят слова с похвалюю, угрожаючи воинским приходом на твои, великого государя, остроги, и ясашные Селенгинские Брацкие люди в Селенгинском уезде живут с великим опасением, ожидают на себя воинских приходов; а иные, государь, Селенгинские ясашные Брацкие люди, убоясь тех их похвальных речей, уходят к Мунгалским и Табунутским тайшам, и от того чинятся смуты и задоры великие» [2, с. 63].

Из Селенгинска тогда же писали: «В нынешнем во 193 (1685) году, июня 11 дня, в Селенгинском городе от Мунгалских неприятельских людей сидим в осаде от крайних

тайшей, около города и по дорогам везде залегли; ездят человек по 100 и по 50, из под Селенгинска города конной табун и рогатый скот отгоняют, русских людей под городом ранят и побивают». В письме высказывалась боязнь перед нашествием «Богдайской силы» [2, с. 66–67].

Дело дошло до открытых вооружённых наступлений монгольских князей. Их выступления против русских подстрекали маньчжуры, которые, однако, в решительный момент боёв бросили своих союзников. В 1687 году большой отряд Очнрой-хана и других тайшей напал на Селенгинск и осадил его. Монголы наступали и на Удинский и другие остроги. На борьбу против осаждавших Селенгинск были мобилизованы казаки, посадские, купцы и подьячие, всего 294 человека под командованием украинского гетмана Демьяна Многогрешного. Как отмечают Ф. А. Кудрявцев, Б. Д. Цибилов, Е. М. Залкинд, на стороне русских выступали и бурятские, и эвенкийские конники.

Защитники Селенгинска выдержали натиск осаждавших и в открытом бою в Тоенском урочище разбили монголов. В память о кровопролитном сражении эта местность получила у русских название Убиенной.

Тем не менее, многочисленные монгольские отряды продолжали действовать на территории Бурятии. Шедший в это время к Нерчинску на переговоры с китайцами в сопровождении двух тысяч стрельцов, а также «ясачных людей» (бурят и эвенков) окольный Федор Головин вступил в борьбу против монголов, разбил табангутского тайшу Серен-Секулая, затем нанёс поражение другим монгольским тайшам под Селенгинском, Удинском и Ильинской заимкой [2, с. 77; 4, с. 51–52; 5, с. 36].

В сентябре 1688 года Головин разбил войско табангутов за рекой Хилок, после чего эти табангуты в числе 1200 семейств (юрт), во главе с тайшой, 6 зайсанами и 30 шуленгами изъявили покорность и были поселены Головиным между Селенгинским и Удинским острогами [5, с. 126–127]. Однако его сил оказалось недостаточным для вытеснения монголов из всего Забайкалья.

В этой обстановке местные русские администрации предпринимали решительные действия для мобилизации всех сил – промышленных, торговых, гулящих людей, привлечения на свою сторону бурят с целью изгнания монголов. В результате всего этого задача освобождения Забайкалья от мон-

гольских отрядов была решена. Этому также в немалой степени способствовало то, что в то время в самой Монголии политическое положение складывалось более чем неустойчиво и потому монгольские отряды из Забайкалья вынуждены были возвращаться на родину.

В 1688 году ойратский князь Галдан вторгся в Халху, чем не преминул воспользоваться зарившийся на Северную Монголию маньчжурский император Канса. Он организовал два успешных похода в Халху и в 1689 году съезд халхасских феодалов принял решение принять маньчжурское подданство.

В 1689 году после ряда побед над монгольскими тайшами Ф. Головин добился заключения с пятью монгольскими тайшами и табунутскими сайтами договора о переходе их в подданство московского царя. По договору тайши обязывались быть «в вечном подданстве со всеми зайсанами и улусными их людьми», оказывать помощь служилым людям, доставлять им лошадей, крупный рогатый скот, не слушать своих прежних владельцев – хутухту, Очирой-хана и других монгольских ханов, платить ежегодно в царскую казну через Селенгинск с 5 хошунов по 50 добрых коней, быков и баранов. В то же время тайши сохраняли феодальные привилегии в области сбора ясака с улусных людей и суда над ними, причём сбор ясака шёл не только в их пользу, но и царской администрации. В договоре содержалось обещание «в православную веру не крестить и не принуждать» [1, с. 17].

Этот договор с пятью монгольскими тайшами разрешал «кочевать им, тайшам, с улусными своими людьми близ городов по обе стороны Селенги», содержал обещание, что им от царских подданных «обид не будет», что им будет обеспечена оборона от неприятеля. Однако эти обещания не были выполнены. Верхнеудинские и селенгинские служилые люди своими грабежами и жестокостями вынуждали часть улусных людей бежать в Монголию. В одном из указов Петра I говорилось: «Селенгинские и удинские служилые люди тех тайшей и с родами их и со всеми улусы отогнали своими обидами и налогами; они, тайши, не мога их обид и налог терпеть, покиняя детей и братьев своих в аманатстве, приклонились к китайскому хану; а после де того, которые от них тайшей остальцы были в Селенгинском, и в Удинском, и в Ильинском, и в Кабанском острогах

и по заимкам всех их прибили и побросали в Селенгу реку, а жён и детей и живот их по себе разделили и распродали» [4, с. 53].

Миссия Федора Головина по закреплению завоевания Забайкалья русским государством завершилась заключением 25 августа 1689 года Нерчинского трактата, определившего восточную границу с Китаем. Восточная часть границы устанавливалась по реке Аргунь, а определение её западной части, непосредственно касающейся населённой бурятами территории, было отложено до «инога благополучного времени».

До заключения Нерчинского договора и непосредственно после него столкновения

бурят с монгольскими ханами случались довольно часто. Последние организовывали на территории бурят набеги, громили и разоряли улусы, отгоняли скот. От набегов монголов и ответных действий бурят, общего неустойчивого тревожного положения страдало и монгольское, и бурятское население.

Несмотря на это, общие отношения между этими родственными народами в указанный период нельзя назвать ненормальными, немирными. Буряты часто посещали монголов, обменивались взаимными подарками, велась торговля, частыми были браки между монголами и бурятами.

Список источников и литературы

1. Батуев Б. Б., Батуева И. Б. Очерк истории селенгинских бурят. Улан-Удэ: Сибирь, 1994. 103 с.
2. Богданов М. П. Очерки истории бурят-монгольского народа (с доп. ст. Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина) / под ред. и с предисл. Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1926. Т. VI. 229 с.
3. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 420 с.
4. Кудрявцев Ф. Л. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х гг. XIX в.). Очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.
5. Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки ГИЯЛИ. 1939. Вып. 1. С. 101–130.
6. Цибикив Б. Д. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1950. 60 с.

УДК 94(571.3:517.3)
ББК ТЗ(5Кит+5Мон)

Игорь Георгиевич Пешков,
индивидуальный предприниматель,
г. Санкт-Петербург, Россия

Неизвестные страницы истории приграничного сотрудничества в первой половине XIX века с Китаем и Монголией

Действующее таможенное законодательство Российской империи на китайской границе разрешало беспошлинно вести ряд отдельных торговых операций служилому сословию. Записки С. П. Шиллинга и И. П. Корнилова указывают, как происходили торговые операции и кто пользовался правом вести постоянную (мелочную) меновую и другую торговлю с мунгалами (монголами) и китайцами.

Ключевые слова: таможенное законодательство Российской империи, беспошлинный обмен товарным скотом, вывоз чая, об устройстве таможенной части в Восточной Сибири для торговли с Китаем

Igor G. Peshkov,
Businessman,
Sankt-Petersburg, Russia

Unknown Pages of the History of Cross-Border Cooperation in the First Half of the Nineteenth Century with China and Mongolia

The current customs legislation of the Russian Empire on the Chinese border allowed duty-free to conduct a number of separate trade transactions to the serving estate. Notes by S. P. Schilling, and I. P. Kornilov point, how was trading and who enjoyed the right to maintain a constant (petty) exchange and other trading with mungalli (Mongolians) and the Chinese.

Keywords: The customs legislation of the Russian Empire, Duty-free trade cattle exchange, export of tea, about the structure of customs in Eastern Siberia for trade with China

В числе архивных документов РГИА, фондах: 970, 1101, 1264 г. Санкт-Петербурга, касающихся состояния пограничных дел на китайском участке границы, хранятся: «Записка Корнилова И. П. о Средне-Азиатской торговле и материалы», записка «Воспоминание о Забайкальском крае», «Воспоминания И. П. Корнилова о его путешествии в 1848–1849 г. по Бурятии и его посещении декабристов. Продиктованы И. П. Корниловым в 1899 г.», Записки барона Шиллинга о торговле России с Китаем «Записка о тайном приеме скота на границе Нерчинского округа». И. П. Корнилов отмечает значение среднеазиатской торговли для России как: «развитие капиталов, вывоз мануфактуры и вывоз сырья, материалов, выгода купечеству». Кроме того, автор сообщает о способе сбыта товаров, не имеющих другого сбыта [3, л. 1]. Действующее в то время таможенное законодательство Российской империи на китайской границе разрешало беспошлинно вести ряд отдельных торговых операций нерчинскому служилому сословию.

В Правительствующем сенате Санкт-Петербурга связи с уменьшением таможенных поступлений от Кяхтинской таможни возникает вопрос о проверке. Командирован барон П. С. Шиллинг. Инспекционная деятельность на китайском участке границы к 1831 году выявила следующие недостатки. Была составлена рукописная записка о тайном торге скота на границе Нерчинского округа, получившая название: «Значительный тайный торг на дистанциях». Выяснилось, что беспошлинный обмен товарным скотом Приононья на Чиндантской дистанции, на территориях Цасучеевского и Кулусутаевского казачьих караулов «считаются

главными точками оного... Дистанционные начальники, казаки, крестьяне, ясашные, все пользуются посредством казаков».

Барон Шиллинг пишет: «С китайской стороны принимают участие офицеры и солдаты отрядов и кочующие монголы, которые готовят чай и везут. С русской стороны пригоняют для торговли рогатый скот и торгуют. Главная и сильная мера (мена – *И.П.*) в начале июля во время годового объезда. Происходит это во время объездов на определенных участках границы и участием пограничной стражи и китайских караулов». Шиллинг отмечает: «Скотоводство в Закаменном крае весьма обширно. На торгах лошадь стоит 25, 30 рублей. Пошлина: мерин – 5 рублей, кобыла – 4 рубля. Бык – 35 рублей. Пошлина – 2 рубля. Овца – 4 рубля. Пошлина – 25 копеек. Кирпич чая стоит 1 рубль. Пошлина – 2 рубля. Кусок полушелковицы стоит 10 (рублей). Пошлина – 1 рубль. Кусок дабы стоит 3 (рубля). Пошлина – 25 (копеек)» [4, л. 13].

Ведут активную выездную закупочную деятельность кяхтинские купцы. «Кяхтинские купцы в 200 верстах от Кяхты брали чай по 3-х (рублей) и больше, не стоящих им полных двух рублей». Скупка чая у местного населения кяхтинскими купцами происходила по цене... «не стоящих им полных двух рублей» [4, л. 12 об]. Через 19 лет после записок Шиллинга другой командированный из Санкт-Петербурга дежурный штаб-офицер дежурства войск Восточной Сибири И. П. Корнилов отмечает в своих записках: «все жители провинции Китая имеют право торговать в Монголии и Китае. Вывоз чая из Калгана достиг того, что три четверти чая выходило из Калгана окольными путями... никто не забо-

тился о “пхё”, так называлось китайское торговое свидетельство для продажи чая. Билеты продаются с июня по сентябрь текущего года, на основе собранных доверенностей от купцов. Доверенности отправляются в Пекин, где в монгольском департаменте иностранных дел выдаются за границу паспорта или “пхё”. Получивший паспорт имеет право вывезти за границу 300 тюков по 85 фунтов чая русского веса. Чай из Калгана вывозили бесконтрольно без учёта таможенных платежей на перевалочный пункт» [2, л. 8, 9]. Так возникает китайский Маймачен, где торгуют приказчики, работники, служители.

И. П. Корнилов в «Воспоминаниях о Забайкальском крае» «начинает с описания дорожных путей: из Иркутска к озеру Байкал... выехали 10 июня 1849 года и 11 июня прибыли в Посольский монастырь, на другой берег озера Байкал, в Забайкалье» [1, л. 1]. Записывает, как происходит создание условий продовольственной безопасности служилого сословия на китайской границе: «в Могойтуйском карауле лучшее земледелие до 400 десятин...», указывает на причины и проблемы в развитии: «однако казаки нуждаются в железе, т.е. железных сошниках для вспашки поля. Железо в степи дорого стоит, а сошники стоят от 8 до 10 рублей. Топоры стоят 2 рубля, косы тоже дорогие и стоят от 2 рублей 50 копеек до 3 рублей». Казачий Чинданс(т)кий караул (находится) в 35 вёрстах от границы. Здесь отстроен войсковой хлебный магазин, где хранится стратегический хлебный запас в «60 пудов зерна хлебного запаса». Ведёт записи о состоянии пахотных земель, скотоводстве, хозяйственном укладе по всему казачьему караулу: «пахотные земли верно десятины по 3 на одну душу. Случаются поправки и поля вытаптываются табунами [1, л. 16]. Растёт отличный картофель и другие овощи. Казаки, братья Шестаковы держат огромные стада лошадей от 1000 голов до 1500 голов. Ещё овец имеет по отдельности Шестаков до 4000 голов» [1, л. 17].

Создаёт образ казака-тунгуса: «некрещенные служилые тунгусы сохраняют образ жизни своих предков, отказываются жить с русскими в избах». Другие, принявшие православную веру, как например: казаки-тунгусы Могойтуйевского караула имеют такой достаток, что нанимают из «ясачных» тунгусов себе работников по уходу за своими стадами, и платят им за работу из расчёта 60 рублей в год. Кроме этого казак платит 20 рублей в год

государственных налогов. Постоянный уход и забота за ремонтным скотоводческим стадом, умелое воспроизводство поголовья скота позволило пограничным казакам Тунгусского казачьего полка завести товарное скотоводство. Табунное коневодство разрешило казакам конного полка иметь запас строевых лошадей на выбор. Пограничные казаки не знали тягот и забот по объезду пограничных территорий, и только по сравнению друг с другом могут считаться зажиточными или очень зажиточными. Данные о достатке казаков подтверждает и Афиноген Васильев [5]. В Тунгусском полку: лошадей – 4810 – это по 1,6 головы на одного тунгуса, КРС – 8144 – это по 2,7 головы, овец – 19311 – это по 6,4 головы, козлов – 4532 – это по 1,5 головы. Всего на каждого тунгуса приходилось общего поголовья – 12,2 головы.

Акшинская сотня использовала под пашню 1556 и 1/2 десятины. Чиндантская сотня – 1430 и 1/2 десятины. Тунгусский казачий конный полк – 329 и 3/4 десятины. За десятилетие пашенные угодья места выросли в два раза на Акшинских местах, почти в четыре раза в Чиндантской сотне и почти в пять раз в Тунгусском казачьем конном полку.

Подполковник Корнилов указывает на историческую преемственность в создании пограничной линии: «в старину между казаками всюду были войсковые магазины» [1, л. 25], что подтверждается донесением бригадира В. В. Якобия Сибирскому губернатору от 19 марта 1760 года о продовольственном обеспечении 800 казаков, определяемых в караулы на Нерчинскую границу.

«На довольство 800 казаков провиант от Нерчинской Канцелярии возить до Шаранайской и Акшинской деревень водою, на имеющих там экспедицких платшойте и ушколе, и к тому в прибавок, определить построить еще несколько ушколов и лодок, а на препятствующий случай, ежели за самым мелководьем, когда довольно теми судами перевезено быть (не может), определить, чтобы возить на лошадях подрядом. И те Казаки, будущие в Акшинской деревне, и на караулах вверх по Онону, и на ближних к той Акшинской деревне, могут получать провиант из Акшинского магазина, и на ближние караулы сами развозить, а на дальние со временем на подводах иноверческих вьючными. При том же осведомленность быть иметь, что не можно ли будет на самые дальние караулы, Кыринской, Алтайской и Балчиханской, возить тот провиант в будущие ж в вершине

Борзи речки и по караулам от Онону к Цурухайту, имеют провиант получать из Шаранайского магазина и по караулам развозить выше писанных же порядком» [6, с. 48].

Согласно «Расписанию всех казачьих войск от 25 декабря 1831 года», пограничная стража Троицко-Савского пограничного управления, Цурухайтуевского пограничного отделения наблюдает за «чистотой» границы: переход людей и скота, пресечение тайной и неразрешённой торговли. Служба определяется «ежедневными разъездами с мест своей дислокации (постоянного проживания – *И.П.*) по трактам между караулами или постоянными постами». Подполковник Корнилов показывает график службы пограничных казаков на границе: «каждый день 4 пограничных казака: русские и тунгусы объезжают свой участок границы» [1, л. 16 об.]. Сообщает, что штатное расписание «казаков на китайской границе» и условия для поступления на службу знают все казаки. «Казаки служат по 20, 25 лет, а другие годные казаки, так и остаются (казачьими) подростками и не попадают на службу. Отставка со службы происходит только по болезни, по увечью или смерти» [1, л. 17]. Отмечая деятельность пограничных служб на китайской границе Тунгусского конного казачьего полка, напрямую указывает: «Мунгалы» (монгольские пограничники от китайской стражи – в данном случае) и пограничные казаки ходят друг к другу для передачи стада, перешедшего через границу. Жители сопредельной стороны, т. е. монголы неуверенны и робки, если возвращаются с «выменнанной скотиной встречаясь с незнакомыми крестьянами готов бежать, бросив всё» [1, л. 20].

Ещё одна запись определяет исторический отрезок времени освоения Забайкалья в XVII веке как особо важная. И. П. Корнилов пишет: «ононские тунгусы о своём происхождении сообщают, что в 1683 году их было с князем Гантимуровым 500 человек, которые прибыли в Россию, а ныне их 1700 человек. Службу они несут и на Цурухайтуевском пограничном отделении, которое для Акшинской сотни довольно часто ремонтирует (поставляет казаков – *И.П.*), так как нездоровы Цурухайтуевские (пограничные) тунгусы. Акшинские пограничные тунгусы здоровы и они легче русских переносят холода. Поэтому часто командированы на Цурухайтуевское (пограничное) отделение» [1, л. 19]. В подтверждении этих записей историк С. В. Максимов в своём «Собрании сочинений» за 1900 год,

«Сибирь и каторга», сообщает, что тунгусы получили земли... по степям Аргунских по Онону [7, с. 196]. Исторические заметки о том, что «доподлинно неизвестно, сколько человек вернулось назад с Гантимуром» приобретают подтверждение. Вернувшиеся люди с Гантимуром расселились в Приононье, в районе верхнего и среднего течения реки Онон, в районе Шаранайских «сопок».

«Казачий Кубухаевский караул» находится в 33 верстах от границы и казаки службу несут, охраняя пограничный участок в 33 версты на китайской пограничной линии. На караул приходится более 200 десятин полей, и хлебопашество прекрасно, однако также нуждаются в железных сошниках.

Кубухайские жители держат много собак от нападения волков, опасаются «братских» (бурят) и поселенцев (переселенцы или переведенцы), которые, по утверждению, могут скот забирать и «попивают» [1, л. 17 об.].

Казачий караул Цаган-Олуйской (Олуевский) ведут (проживают на местах дислокации) казаки Тунгусского полка из рода солонны. Русские казаки часто видятся с солонми и китайскими приставами. Русские казаки сменяются через три месяца, приезжая с Ключевского караула. С противоположной стороны китайские караулы сменяются один раз в год. По ту сторону «мунгальской» границы напротив тунгусских казаков – солоннов находятся баргуты и олуны – «братские и калмыки», т. е. буряты и калмыки. Следует отметить, что с 1692 года недалеко от тех мест остались на «развоёванных местах «пришедшие калмыки с Бушухту-ханом. Сам Бушухту-хан хорошо известен тем, что провёл успешную битву с китайцами, и что некоторые рода кочевников, пришедшие с ним, затем остались в Забайкалье. П. С. Паллас в книге путешествий по Забайкалью в 1772 году описывает «Цаган-Олойский караул, который расположен от Соктуя в сорока верстах, по которому дорога лежит по одной долине вверх. Название Цаган-Олой (белое облако) происходит от высокой белой сопки, недалеко (стоящей) будто облако. От Цаган-Олою до Ключевского караула будет верст пятьдесят, но троп тут никаких нет. Места каменистые, не заселённые» [8, с. 552].

В своих записях о командировке по китайской границе на Цурухайтуевском участке Троицко-Савской пограничной линии подполковник Иван Петрович Корнилов делает вывод: «Казаки-тунгусы Тунгусского конного казачьего полка необходимы для погранич-

ной службы» на китайской границе Цурухайтуевского отделения Троицко-Савской пограничного управления.

Результатами таких командировок стало решение Министерства финансов, Департамента внешней торговли 31 декабря 1861 года № 19724 «Об устройстве таможенной части в Восточной Сибири от 30 марта 1861 года о торговле с Китаем». Разрешалось торговать купцам всех III гильдий, крестьянам, торгующим по свидетель-

ствованию первых трёх разрядов. Справка: «Меню на товары, или покупкой на серебро и золото. Пограничную таможенную линию возложить на местное казачье войско. Отряд казаков поручается ведению офицера из казаков. Штат таможи: управляющий, два секретаря, помощник секретаря, бухгалтер, помощник бухгалтера, казначей, помощник казначея, васмейстер для взвешивания чая, стемпельмейстер для клеймения чая» [3, л. 1].

Список источников и литературы

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Записки Ивана Петровича Корнилова о Забайкальском крае. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 256.
2. РГИА. Воспоминания И. П. Корнилова о его путешествии в 1848–1849 г. по Бурятии и его посещении декабристов (продиктованы И. П. Корниловым в 1899 г.).
3. РГИА. Записка Корнилова И. П. о Средне-Азиатской торговле и материалы (1855 год). Ф. 970. Оп. 1. Д. 246.
4. РГИА. Записки бар. Шиллинга о торговле России с Китаем. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 440.
5. Васильев А. П. Забайкальские казаки: ист. очерк: в 3 т. Т. 2. Репр. изд. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2007. 267 с.
6. Жуков А. В., Пешков И. Г. Социокультурная среда Забайкалья. Забайкальские казаки и их потомки: учеб. пособие. Чита: ЗабГУ, 2014. 175 с.
7. Максимов С. В. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4. Сибирь и каторга. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1900. 752 с.
8. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. 1772–1773 год. СПб.: Императорская академия наук, 1788. 654 с.

УДК 94(470:510)
ББК ТЗ(2Рос+5Кит)

Владимир Иванович Косых,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Из истории российско-китайской приграничной торговли (конец 1870-х гг.)

В статье рассматриваются проблемы российско-китайской приграничной торговли, сложившиеся к указанному времени, на примере забайкальского казачества. Внимание уделяется также тому, каким образом вопросы решались на местном уровне российскими и китайскими пограничными властями.

Ключевые слова: торговля, караваны, купец, казак, товар, переговоры, чиновник, соглашение

Vladimir I. Kosyh,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

From the History of Russian-Chinese Border Trade (the end of the 1870-ies)

The article considers the problems of Russian-Chinese border trade, formed by the specified time on the example of the transbaikalian Cossacks. The author also pays attention how problems have been solved locally by the Russian and Chinese border authorities.

Keywords: trade, caravans, merchant, Cossack, goods, negotiations, official, agreement

Торговые связи российского и китайского приграничья к концу 1876 г. выглядели просто удручающими. Правда, 22 ноября из Старого Цурухайтуя на Хайлар (Китай) ушли два каравана, которые лично до местечка Цэгэлуджи проводил хаван (чиновник), хотя это ранее делали простые проводники. Здесь караваны встретили два китайских купца, товары и лошадей решил осмотреть хаван, казаки этого не дали сделать, заметив, что ранее осмотр производился в Хайларе. Последний заявил, что досматривать караван будут в ямыне (управлении) города. Он добавил, что торговли в Хайларе не будет, в зимнее время казаки не найдут свободных квартир и им придется располагаться в палатках. Затем он предложил казакам сбыть свои товары двум китайским купцам. Поскольку забайкальцы оказались наслышанными о хайларских торговых порядках, они согласились на предложение хавана.

Последний оставил при караванах своих людей, один из которых заявил, что торговля россиян должна вестись только через караульных монголов. Поняв, что ничего хорошего их в Хайларе не ждёт, забайкальцы повернули домой.

Ситуация требовала разрешения и на конец июня 1877 г. назначалась встреча амбана г. Хайлара и исправника Акшинского округа Забайкальской области «для переговоров по делам торговли» [2, с. 2].

Последние действительно состоялись 25–27 июня 1877 г. поочередно в пос. Старый Цурухайтуй Дуроевской станицы на Аргуни и на сопредельной территории Китая. В переговорах с российской стороны принимали участие окружной исправник из Акши, переводчик Д. Е. Рогалёв, великолепно знавший китайский язык и неоднократно ходивший с караванами до Пекина и Урги. В состав делегации входил известный забайкальский журналист И. Багашев, дуроевский станичный атаман, поселковые атаманы.

25 июня переговоры начались на китайской стороне Аргуни в ставке амбана из десяти юрт после обычных в таких случаях приветствий, подарков, угощений варёной бараниной, рисом, сладостями. Естественно, не забывали высокие стороны и о переговорах, продолжавшихся в течение трёх часов, однако ничем существенным не завершившихся.

На следующий день переговоры возобновились и продолжались уже семь часов. Китайская сторона старалась убедить забайкальцев, что они «напрасно ездят в Хайлар

и Ганджур, где торговля будто бы не представляет выгод». Об этом амбань сообщил своему руководству в г. Цицикар, последний поставил в известность генерал-губернатора Восточной Сибири.

Российская сторона старалась убедить оппонентов в обоюдной пользе приграничной торговли для населения обеих стран. Она понимала, что китайские власти рассматривают российских купцов как людей, перехватывающих прибыль из рук китайских, вокруг которых кормилось местное чиновничество.

В конце концов, обе стороны сумели выработать соглашение на русском и монгольском (китайском) языках о взаимной торговле, причём без каких-либо препон.

27 июня китайскую делегацию принимала в Старом Цурухайтуе российская сторона. Она прибыла после полудня, китайцев приветствовал поселковый атаман, проводивший их в дом исправника. Встретили соседней действительно «по-русски», с многочисленными тостами и прекрасным столом. Не забыли староцурухайтуевцы и 25 человек охраны амбана и делегации: последних ожидали два ведра водки и два барана (казаки четырех станиц израсходовали на это 50 р., полагая, что взаимная дружба гораздо дороже). Селяне же устроили для китайской делегации настоящий концерт художественной самодеятельности.

Исправник обещал китайской стороне, что российские караваны в августе этого года на ярмарку в монастырь Ганджур границу перейдут одновременно, чтобы хаваны не металась в разных направлениях. Правда, амбань заявил, что они (китайцы) «не ручаются за безопасность русских караванов от монголов». Исправник возразил, что китайские купцы торгуют в России, «пользуясь спокойствием», русские купцы, «посещая Монголию, вправе надеяться на то же».

Эта встреча продемонстрировала российское гостеприимство: исправник преподнес амбаню складное зеркало, серебряный стаканчик и электрический звонок, И. Багашев одарил амбана (они на переговорах встречались ещё в 1875 г.) подозрительной трубой и коробкой хороших конфет. Подарки получили и остальные члены китайской делегации.

Утром 27 июня китайский военный отряд в 50 человек производил осмотр границы в районе Старого Цурухайтуя, другой такой же отряд из г. Мергэнь осматривал свой участок границы в районе с. Олочи.

Эти выходы военных сопровождались небольшой по объёму меновой торговлей между китайцами и русскими, особенно в с. Олочи. Правда, хорошая подвижка имела место: те же монголы, подданные Цинской империи, предпочитали уже русские ткани китайским. Если бы русским купцам дали больше свободы «для торговли в Монголии против настоящего времени», сбыт российских товаров «обещал быть значительным».

Уместно упомянуть переговорщиков с китайской стороны, используя краткие их характеристики, данные И. Багашевым. Амбань г. Хайлар, 45-летний маньчжур, оказался доступным, любознательным (внимательно рассматривал мундир исправника, примерял на глаза пенсне Багашева и др.), вдумчивым и, в общем-то, понимающим человеком. Секретарь амбана, вообще «симпатичная личность, большой приятель русских, и, как видно, человек, понимающий вещи лучше своих собратьев, придерживающихся рутинных обычаев».

Торговля в Китае могла стать для забайкальцев весьма прибыльным делом и полезным в плане установления деловых контактов с китайскими коллегами. В России у забайкальцев это получалось неважно: так, в 1876 г. приаргунцы пригнали на продажу в Благовещенск сразу 1500 лошадей, однако это мероприятие закончилось полным провалом. Поэтому в 1877 г. из Приаргунья туда же перегнали на продажу (сюда приехали и китайские купцы) только 250 лошадей и 150 голов крупнорогатого скота (100 голов прикупи-

ли себе военные из Николаевска-на-Амуре). Отметим, что торговля забайкальцев на территории сопредельного Китая сдерживалась в самом своём начале трудностями и несуразностями различного характера. Весьма сложным и неудобным оказался порядок получения заграничных билетов, организованный российской стороной. Указанный документ полагалось испрашивать, например, в Акшинском полицейском управлении. При этом желающему поторговать в Китае надлежало представить в то же управление точную и полную опись ввозимых в сопредельную страну товаров и количество предполагаемых к задействованию в караване лошадей. Естественно, это всё являлось в идеальном варианте.

В реальности дело обстояло совсем по-другому: потенциальный торговец едва ли не перед самым караванным ходом мог подготовить опись товаров. К тому же желающие поторговать в Китае кое-как и весьма поздно набирали товары в кредит. Всё это приводило к тому, что высылка заграничных билетов в те же приаргунские, например, пограничные станицы и посёлки запаздывала, и самые лучшие и удобные сроки выезда с торговлей в Китай проходили. Чтобы подобное не повторялось из года в год, забайкальцы собирались предложить властям пререржавшим, чтобы описи товаров и списки лошадей, а также и выдачу заграничных билетов могли бы взять на себя местные пограничные власти, станичные и поселковые атаманы [1, с. 3].

Список источников и литературы

1. Багашев И. В. Из Приаргунья // Сибирь (Иркутск). 1877. 14 авг. С. 2–3.
2. Эпов А. Цурухайтуй // Сибирь (Иркутск). 1877. 30 янв. С. 2.

УДК 94:271.2
ББК ТЗ(2):Э372.24

Андрей Валерьевич Мендюков,
Университет Дмитрия Пожарского,
г. Москва, Россия

Русская Православная церковь и российское общество на пути модернизации (конец XIX – начало XX века)

В статье анализируется положение Русской Православной церкви и верующих в период интенсивного становления индустриального общества в России после эпохи Великих реформ. Рассматривается влияние модернизации на изменение статуса духовенства как социальной группы.

Ключевые слова: православие, верующие, государственно-церковные отношения, модернизация, самодержавие, капитализм, приходское духовенство

Andrey V. Mendyukov,
University of Dmitry Pozharsky,
Moscow, Russia

The Russian Orthodox Church and Russian Society on the Way of Modernization (the end of XIX – beginning of XX centuries)

The article analyzes the situation of The Russian Orthodox Church and believers in the period of intensive formation of industrial society in Russia after the era of Great reforms. The influence of modernization on the change of clergy status as a social group is considered.

Keywords: Orthodoxy, believers, Church-state relations, modernization, autocracy, capitalism, parish clergy

В Европе к XVI веку «традиционный тип» общества экономически изживает себя. Возрождение становится прологом ко Второй Великой социальной революции, которая несла политические права и свободы, демократические ценности и нормы, но сменила грубую (личную) форму зависимости на более тонкую и анонимную, рыночную. Капитализм был исторически первой формой модернизационного (современного) типа общества [5, с. 41].

Модернизация в России, начавшаяся Великими реформами Александра II, затронула все сферы жизни общества, в том числе и народное сознание, которое веками оставалось связанным с ценностями православия. Однако, быстрые политические и экономические перемены привели к размыванию традиционных духовных ценностей. К началу XX века этот процесс дал свои первые результаты. Авторитет Русской Православной церкви в обществе заметно снизился, а привлекательность западного образа жизни вела к отказу от патриархальной традиции, которая прочно ассоциировалась с православием [9, с. 364]. Менялась и роль духовенства как социальной группы.

Численность духовного сословия императорской России, по подсчётам исследователей, к концу XIX столетия составляла примерно 103 тысячи человек, а с членами семейств – около 600 тысяч [2, л. 5]. Духовное сословие разделялось на чёрное и белое духовенство. К первому относилась не только монашеская братия, но и епископат, в руках которого была сосредоточена высшая церковная власть. Белое духовенство составляло основную массу духовного сословия. Оно разделялось на епархиальное (кафедральные, приходские и домовые причты), военное и морское, придворное и

заграничное. К белому духовенству относились такие категории священно- и церковнослужителей, как протопресвитеры, протоиереи, иереи, протодьяконы, дьяконы, иподьяконы, церковные причётники в звании псаломщиков. Принадлежность к тому или иному духовному сану подтверждалась ставленными грамотами и клировыми ведомостями. В белое духовенство могли вступать лица всех сословий, пригодные для этого рода деятельности и к занятию соответствующих должностей при наличии определённого образования и с одобрения епархиального архиерея. Чёрное духовенство, занимая господствующие позиции в церкви, пользовалось неодинаковыми правами с белым. Армия рядовых служителей клира находилась в подчинении монашеского слоя. Между ними всё сильнее нарастало взаимное недовольство, порождаемое явственным различием в социальном статусе и материальном положении, отчего пропасть враждебности приобрела небывалые размеры.

В XIX веке противоречия между высшим и низшим духовенством продолжали сохраняться. Все главные должности в высших и средних духовно-учебных заведениях занимали монашеские. Даже второстепенные посты в епархиальном управлении отдавались белому духовенству без его участия или мнения. При назначении на должности до 1867 года действовал принцип наследственности. Вот что по этому поводу писал в 1905 году С. Ю. Витте в своей записке «О современном положении православной церкви»: «Тяжёлое положение сирот побудило духовное начальство допустить весьма своеобразный способ благотворения – наследственную передачу священнических мест сыну или мужу дочери умершего члена

причта. ...Этот порядок замещения священнических мест, мешая приливу в духовное сословие новых сил со стороны, положил начало его кастовой замкнутости, производящей теперь такое неблагоприятное впечатление на общество» [6, с. 127]. В 1860-е годы правовое положение духовенства наконец улучшилось. Должность ректора духовных академий и семинарий предоставляется наконец и белому духовенству. Духовенство получает право устраивать епархиальные и окружные съезды для обсуждения насущных проблем. Учреждаются благочинные советы, должность благочинного становится выборной. Принцип выборности оптимизировал систему приходского управления. Духовенство избавляется от чрезмерной опеки со стороны епархиальных властей, постепенно изживая черты «того нравственно униженного и подавленного типа, какой был нередким в прежнее время... Духовенство возвысилось в собственном мнении» [8, с. 273].

К началу XX века духовенство оказалось расколото на несколько группировок. Самым радикальным являлось реформаторское, требовавшее скорейших перемен в церковной жизни. Ближе всех к пастве, к крестьянству стояли приходские священники, которые выполняли множество обязанностей и являлись авторитетом для верующих, но только в том случае, когда имели высокий культурный и образовательный уровень. Случалось, что иногда священник был единственным на всю округу образованным человеком, играя роль врача, учителя и даже агронома. С другой стороны, чтобы прокормиться, сельский священник был вынужден работать на земле как обычный труженик. Духовенство не превратилось в маргинальное сословие, как можно было ожидать, оно живо реагировало на проблемы общества, было его органической частью [9, с. 365].

По утверждению одного из современных исследователей, «прогресс наблюдался во всех сферах жизни. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную мирную трансформацию... Сословия постепенно утрачивали специфические привилегии..., трансформировались в классы и профессиональные группы... Духовенство эволюционировало в сторону профессиональной группы духовных пастырей... Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическое развитие страны также следует признать успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой» [7, с. 32–33]. Именно успешная модернизация, по мнению Б. Н. Миронова, улучшение условий жизни и рост благосостояния населения привели к резкому изменению сознания, к повышенным запросам и ожиданиям от власти. В 1861–1913 годах национальный доход увеличился в 3,8 раза, доход на душу населения – в 1,6 раз, ВВП с 1880-х годов рос на 3,3 % ежегодно, на 0,1 % больше, чем в СССР в период форсированной индустриализации в 1929–1941 годах [7, с. 30]. Таким образом, темпы экономического развития страны были сопоставимы с европейскими, но отставали от американских [7, с. 30].

Результатом модернизации и изменения сознания стало постепенное исчезновение былого доверия в обществе к словам и действиям служителей церкви. Об этом косвенно свидетельствуют такие данные: в Самарской епархии в 1905 году не было на исповеди 33 тыс. 480 чел., а в следующем – 32 тыс. 361 чел. [3, с. 128]. Революционные события 1905–1907 годов стали индикатором прочности позиций приходского духовенства в обществе. Однако, по верному замечанию одного из современных историков, «трагедия духовенства заключалась в том, что в экстремальной обстановке оно зачастую не могло дать пастве убедительные ответы на вопросы, волновавшие провинциальное общество» [4, с. 155]. Особую тревогу у батюшек вызывали отходники, возвращавшиеся из городов с революционными взглядами, что «господ и богачей нужно перебить, имущество их разделить по беднякам» [4, с. 155]. Духовенство российской глубинки оказалось заложником конфронтации между властью и обществом, конфронтации давно назревавшей и вызванной модернизацией. Сама социальная среда формировала облик пастыря, она же и деформировала его личность, превращая служение – в службу, жизнь – в существование, веру – в неуверенность [4, с. 156].

Таким образом, после Великих реформ Русская Православная церковь и духовенство были поставлены в ситуацию, требовавшую необходимость перемен. С одной стороны, в результате модернизации и повышения уровня благосостояния населения изменились запросы и ожидания народа, усилилось секулярное мировоззрение

и в целом формируется критичное, если не сказать враждебное, отношение к деятельности церкви и духовенства. Раньше всех с этим столкнулось приходское духовенство, которое по своему образовательному и духовно-нравственному потенциалу не всегда отвечало запросам современной жизни. С другой – в самой церкви наметился кризис, обусловленный её статусом как ведомства

православного исповедания, фактически как части государственного механизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Само духовенство было расколото на несколько групп, которые относились друг к другу весьма настороженно. Духовного единства в церкви не наблюдалось, что также ослабляло её позиции во взаимоотношениях с обществом.

Список источников и литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2112.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1735.
3. Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965. 202 с.
4. Карнишин В. Ю. Провинциальное православное духовенство Среднего Поволжья в начале XX века // Проблемы политической и социально-экономической истории России: сб. науч. работ, посвящ. 80-летию проф. А. В. Седова. Н. Новгород: ННГУ; Арзамас: АГПИ, 2004. 304 с.
5. Колбановский В. В. Как нам быть с Великой Октябрьской революцией? // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 40–50.
6. К церковному собору / Группа петербургских священников. СПб., 1906. 116 с.
7. Миронов Б. Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 29–39.
8. Миротворцев В. В. Меры правительства к преобразованию быта православного белого духовенства в царствование государя императора Александра III // Православный собеседник. 1880. № 11. С. 240–273.
9. Скутнев А. В. Русская Православная церковь как посредник власти и общества в период поздней империи // Власть – общество – личность в истории России: материалы Всерос. науч. конф. молодых учёных (г. Смоленск, 28–29 нояб. 2008 г.). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. С. 364–366.

УДК 94(517.3)
ББК ТЗ(5Мон)

Данила Юрьевич Батаев,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Монгольские проекты П. А. Бадмаева (по материалам ГАРФ)¹

В статье рассматривается проектная деятельность П. А. Бадмаева в Монголии. Автор акцентирует внимание на том факте, что в исторической литературе данный аспект деятельности П. А. Бадмаева анализировался недостаточно полно. Автор делает попытку хронологического построения всех фактов и событий, касающихся этого вопроса. В статье анализируется русско-монгольское соглашение, подписанное И. Я. Коростовцем в 1912 году. Выдвигается гипотеза, согласно которой П. А. Бадмаев оказал определённое влияние на подписание этого договора. Приведены цитаты из переписки П. А. Бадмаева и его доверенных лиц в Монголии, позволяющие раскрыть подробности и проследить ход переговоров с Монгольским Правительством о строительстве железных дорог. Автор подчёркивает, что многое в этих событиях остаётся непонятным и нуждается в дополнительном исследовании.

Ключевые слова: русско-монгольское соглашение, военный союз России и Монголии, концессия на строительство железной дороги, П. А. Бадмаев, И. Я. Коростовец, Урга

¹ Исследование выполнено в рамках реализации научно-исследовательской темы № 238-ГР «П. А. Бадмаев – придворный врач, политик, учёный: малоизвестные страницы».

Danila Yu. Bataev,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Mongolian Projects P. A. Badmaeva (based on Sarf Materials)

The article deals with the project activity of P. A. Badmaeva in Mongolia. The author focuses attention on the fact that in this historical literature this aspect of the activity of P. A. Badmaeva was not fully considered. In the article the author makes an attempt to chronological construction of all the facts and events concerning this issue. The article analyzes the Russian-Mongolian agreement signed by I. Ya. Korostovtsem in 1912. The author puts forward a hypothesis, according to which P. A. Badmaev had a definite influence on the signing of this treaty. Quotations are cited from the correspondence of P. A. Badmaev and his proxies in Mongolia, allowing to reveal the details and trace the negotiations with the Mongolian government on the construction of railways. The author emphasizes that much in these events remains incomprehensible and needs additional research.

Keywords: Russian-Mongolian agreement, military alliance of Russia and Mongolia, concession for the construction of a railway, P. A. Badmaev, I. Y. Korostovets, Urga

В 1911 году в Китае произошла Синьхайская революция. В том же году Внешняя Монголия объявила свою независимость от Китая и начала активное государственное строительство. Одним из первых шагов, предпринятых Монгольским Правительством, стало Русско-Монгольское соглашение, подписанное 21 октября 1912 года русским дипломатическим представителем И. Я. Коростовцем [5]. Подписание этого соглашения было важным шагом со стороны Монгольского Правительства. Некоторые отечественные и зарубежные историки считают, что именно это соглашение сделало Монголию независимой [8, с. 84]. Однако, в контексте нашего исследования большего внимания заслуживает 2-я статья договора. Именно эта статья давала свободу российской торговле и предпринимательству. Очевидно, в дополнение этой статьи был подписан торговый протокол, в котором детали торговой и предпринимательской деятельности были прописаны более подробно. Вышеупомянутые обстоятельства вызвали большой интерес у российских предпринимателей. Одним из первых, кто осознал перспективность концессионных предприятий в Монголии, стал П. А. Бадмаев.

Пётр Александрович Бадмаев – врач тибетской медицины, дипломат, предприниматель. Его судьбу некоторые историки по праву называют историческим феноменом. Родившись в семье обычного бурятского ско-

товода, он сумел достичь высших кругов русского общества и стать по-настоящему влиятельной фигурой в правящей верхушке царской России. Свою широкую известность П. А. Бадмаев получил в первую очередь как придворный врач. Однако данная профессия была только одной из сторон его разнообразной деятельности. П. А. Бадмаев получил хорошее образование. До 1893 года он работал в Азиатском департаменте МИДа. В 1893 году ушёл в отставку и начал заниматься активной предпринимательской деятельностью, которая, однако, всегда носила на себе отпечаток его дипломатической карьеры. В 1902 году получил титул статского советника. Необходимо отметить, что титул действительного статского советника был получен за составленный проект мирного присоединения к России Китая, Монголии и Тибета.

Завоёвывать страны Азии планировалось постепенно, в первую очередь через налаживание торговых связей и пропаганду русского образа жизни среди народов Востока. Для этих целей был открыт торговый дом, издавалась газета «Жизнь в восточной окраине». Для гостей из стран Востока в Чите была открыта гостиница «Восточное подворье». Под реализацию проекта Правительством была выделена солидная сумма – 2 000 000 рублей. Реализация проекта стартовала в 1893 году. По ряду причин, тот проект так и не был реализован, однако это

никак не сказалось на амбициозных планах П. А. Бадмаева. Как оказалось, он лишь выжидал подходящего момента для возобновления своих амбициозных замыслов.

Такой момент наступил в 1911 году, когда Внешняя Монголия объявила свою независимость от Китая. Уже через год было подписано Русско-Монгольское соглашение и торговый протокол. Несмотря на отсутствие каких-либо фактов, по нашему мнению, вполне возможно сделать предположение о некотором участии П. А. Бадмаева в этих переговорах. В защиту этой позиции можно выдвинуть сразу несколько аргументов. В качестве первого аргумента необходимо отметить национальное происхождение Петра Александровича, тесные этнокультурные и исторические связи монгольского и бурятского народов. В международных переговорах это обстоятельство могло бы стать серьёзным козырем в руках Российского Правительства. Вторым аргументом являются тот опыт и те связи, которые Петр Александрович накопил за годы службы в Министерстве иностранных дел. Думается, что при проведении переговоров с Монгольским Правительством было бы очень логично и правильно использовать человека с таким опытом и связями внутри Монголии. И наконец, третьим аргументом может служить безусловная личная заинтересованность в благополучном исходе переговоров со стороны самого П. А. Бадмаева.

Факт разработки проекта концессии на строительство железной дороги в Монголии П. А. Бадмаевым уже упоминался в исторической литературе. Оговаривался и факт его участия в составлении проекта «Монгольского общества» и проекта «Договора о военном союзе России и Монголии». В данной статье мы предприняли попытку на основе документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) более подробно и точно осветить разработку вышеупомянутых проектов.

В первую очередь нам хотелось бы обратиться к проекту «Монгольского общества». Необходимо сразу отметить, что мы не располагаем точными сведениями, о том, кем был составлен этот проект. В названии дела, в котором хранится текст проекта, указывается, что он был составлен П. А. Бадмаевым, однако рядом с фамилией и инициалами стоит вопросительный знак. Внутри дела какие-либо указания на автора проекта отсутствуют. Проект состоит из 14 пунктов и подпунктов к ним. В предисловии указы-

вается, что общество создаётся по решению Монгольского Правительства, которое: «...воодушевлено желанием могущим способствовать хозяйственному развитию Монголии» [3, л. 1]. Любопытным выглядит первый пункт проекта. После слов о том, кому будет поручено учреждение общества, стоит пустая строка. Очевидно, составители проекта планировали вписать фамилии позднее. Далее следует перечень полномочий, которые Монгольское Правительство предоставляет учредителям: «Монгольское Правительство предоставляет названным лицам все права основателей общества и полную свободу в выборе тех путей, найденными ими необходимыми для осуществления всех указанных в данном документе мероприятий» [3, л. 1]. Согласно 3-му пункту проекта, цели общества сводились к следующему: «А) Управление и руководство хозяйственным развитием Монголии; Б) Модернизация, организация и управление всех финансовых отраслей Монгольского правительственного управления, а именно: а) Почт и телеграфов; в) железных дорог; с) чеканки монет; д) Гос. Банка; е) таможен; и) монополий; к) Гос. долгов и уплаты процентов; С) Предоставление всех необходимых к тому материальных средств» [3, л. 1].

Особое внимание в тексте проекта уделено трактовке целей: «Руководство хозяйственным развитием Монголии надо понимать в следующем смысле: Монгольское общество имеет исключительное право выдавать капиталистам концессии для постройки железных дорог, эксплуатации горных богатств и всевозможных предприятий торгового характера, при помощи которых будет увеличиваться развитие Монголии. Однако эти концессии становятся действительными при скреплении их подписью Монгольского Правительства, которое сохраняет за собой право руководящих решений. Никакая концессия недействительна без подписи Монгольского Правительства с одной стороны и монгольского общества с другой» [3, л. 1]. В соответствии с 11-м пунктом проекта, капитал общества ограничивался цифрой в 15 000 000 рублей, однако он мог в любое время увеличиться, например, в соответствии с такой потребностью как строительство железной дороги. Важным является 12-й пункт проекта. В нём составители указывают, что данный документ является лишь предварительным проектом, и многие детали ещё будут дополнены [3, л. 3].

Вопрос о том, кто является автором этого проекта, остаётся открытым. Однако, причастность П. А. Бадмаева к составлению проекта, по нашему мнению, очевидна. Видится, что этот проект должен был стать только началом реализации его грандиозных замыслов. Следующим шагом должно было стать подписание военного союза между Монголией и Россией. С текстом этого проекта нам также удалось познакомиться во время работы в Государственном архиве Российской Федерации. Проект договора датировался январём 1913 года и был адресован министру иностранных дел Российской империи – гофмейстеру Сазонову. По своей структуре и применяемым в тексте формулировкам и речевым оборотам, текст проекта военного союза схож с текстом проекта «Монгольского общества», что косвенным образом может говорить, о том, что эти проекты были составлены одним и тем же человеком.

Проект был составлен от имени Монгольского Правительства и начинался следующими словами: «Чрезвычайные представители Правительства Монголии после продолжительного взвешивания теперяшнего мирового политического положения и созданного ими положения Монголии в частности, а также после переговоров с Правительством его Императорского величества, императора всея Руси Николая II, решили предоставить следующие предложения и соображения» [3, л. 1]. Вся суть договора сводилась к тому, что Монгольское Правительство и Правительство России заключали договор о защите нейтралитета Монголии. В 3-м пункте договора Монгольское Правительство объясняет своё понимание нейтралитета. Одним из обязательных условий нейтралитета Монголии, в соответствии с договором, являлся нейтралитет железных дорог Монголии [2, л. 1]. По-видимому, именно этот пункт договора являлся ключевым в планах П. А. Бадмаева. По сведениям Ж. Т. Тумунова, этот проект так и не был представлен в правительственные органы [10]. Это не помешало поверенным П. А. Бадмаева летом 1913 года начать переговоры о предоставлении ему Монгольским Правительством концессии на строительство железных дорог.

Для обоснования строительства железных дорог в Монголии П. А. Бадмаевым была составлена записка «Краткий перечень выгод, истекающих для Монголии при постройке железных дорог – продольной и поперечной» [1]. В этой записке П. А. Бадмаев

по пунктам перечислил все экономические, политические и финансовые выгоды Монголии. Помимо записки, П. А. Бадмаевым было составлено несколько смет на строительство двух веток железной дороги [1]. Первая должна была проходить по маршруту: Хайлар – Урга – Улясутай – Кобдо – Семипалатинск. Вторая по маршруту: Мысовая – Кяхта – Урга – Сайр – Усу – Нин-сяфу и в будущем – Лан-чжоу-фу. На основании этих документов был составлен проект. Печатный текст проекта и его рукописные версии, а также версия, написанная на монгольском языке, хранится в деле № 59 фонда 713 Государственного архива Российской Федерации [4].

В другом деле сохранилась переписка П. А. Бадмаева и его поверенных – Стрельцова, Фалеева, Щапова [7]. В этой переписке поверенные Бадмаева, находясь в Урге и Троицкосавске, сообщали ему о ходе переговоров с Монгольским Правительством и о политической ситуации в Монголии. Первая телеграмма переписки датируется 6 июня 1913 года. В этой телеграмме поверенные Фалеев и Стрельцов сообщают о вполне благоприятном исходе переговоров с монгольскими властями: «Во всех главных пунктах достигнуто полное соглашение, разбираются детали. Предварительные подписи состоятся на этих днях» [7, л. 31]. Однако уже через месяц в письме от 7 июля 1913 года поверенный Фалеев писал, что закончить переговоры не удаётся по множеству причин, главная из которых – китайская угроза: «...вся Монголия словно на вулкане и каждую секунду может произойти последний крах. Все дипломатические переговоры в Урге между Россией и Китаем являются уловкой Восточных дипломатов, цель её – втихомолку, в один момент захватить Монголию» [7, л. 1 об.]. Среди других причин задержки переговоров Фалеев выделяет требование Саина-Наина о предоставлении подтверждения со стороны Русского Правительства о кредитоспособности П. А. Бадмаева и отсутствии поддержки со стороны представителей российской власти. В подтверждение слов об отсутствии поддержки со стороны представителей России Фалеев приводит цитату генерального консула России – Миллера: «Я лучше сам уйду, но не допущу, чтобы у меня в Монголии прошла хотя бы одна авантюра, подобная Ялу, пусть даже во главе стоит хоть 100 Бадмаевых» [7, л. 2]. Кроме того, в письме Фалеев

подчёркивал, что, по его мнению, спешить с окончательным подписанием договора не стоит по причине неустойчивого политического положения Монголии: «Чрезвычайно вероятно, что в ближайшие 2–3 месяца Монголия станет провинцией Китая, а тогда все подписи нынешних руководителей Монголии абсолютно ничего не будут стоить» [7, л. 2 об.]. Также в письме Фалеев писал о

том, что Саин-Наин планирует в ближайшее время выехать в Санкт-Петербург для того, чтобы лично обсудить с П. А. Бадмаевым проект концессии.

О том, чем в итоге закончились переговоры с Монгольским Правительством, достоверно неизвестно. Известно, что концессия так и не была получена, и проект остался нереализованным [9, с. 126].

Список источников и литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 713. Оп. 1. Д. 56.
2. ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 57.
3. ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 58.
4. ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 59.
5. ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 62.
6. ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 63.
7. ГАРФ. Ф. 713. Оп. 1. Д. 66.
8. Кузьмин Ю. В. Доктор П. А. Бадмаев: учёный, дипломат, предприниматель. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2014. 182 с.
9. Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 года и независимость Монголии // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2015. № 1. С. 80–87.
10. Тумунов Ж. Т. История Аги (1648–1917). Ч. 1. Дооктябрьский период. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. С. 188–196.

УДК 27-76:94
ББК ЭЗ:ТЗ(2)531-68

Алексей Александрович Гавриков,

*Педагогический институт Иркутского государственного университета,
г. Иркутск, Россия*

Святой Равноапостольный Николай Японский: жизнь в Японии и связь с Родиной

Деятельность Святого Николая Японского, родоначальника Японской Православной церкви, более полувека трудившегося на миссионерском поприще, имеет огромное историческое значение в становлении и развитии межкультурных связей России и Японии. За 50 лет жизни в Японии миссионер лишь дважды приезжал в Россию, но не утратил связи с Родиной.

Ключевые слова: Святой Равноапостольный Николай Японский, Российская духовная миссия в Японии, Японская Православная церковь

Alexey A. Gavrikov,

*Pedagogical Institute Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Saint Equal to Apostles Nikolai of Japan: the Life in Japan and the Relationship with the Motherland

The activity of St. Nikolai of Japan, the founder of the Japanese Orthodox Church, who had been working in the missionary field for more than half a century, is of great historical importance in the formation and development of intercultural relations between Russia and Japan. For 50 years of life in Japan, the missionary only came to Russia twice, but did not lose touch with his Motherland.

Keywords: Saint Equal to Apostles Nikolai of Japan, Russian spiritual mission in Japan, Japanese Orthodox Church

Святой Равноапостольный Николай Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин, 1836–1912), прожил в Японии, в общей сложности, больше 50 лет. Масштабы и результаты его деятельности, действительно, впечатляют. Практически с нуля была создана Российская духовная миссия в Японии, а затем и Японская Православная церковь.

В Японию молодой миссионер прибыл в 1861 г., в то время, когда о проповеди христианства там не могло быть и речи. Первые несколько лет были потрачены иеромонахом Николаем на изучение японского языка, японской литературы, на заведение нужных знакомств и связей в кругах буддийского духовенства и политической элиты. Всё это, в дальнейшем, значительно облегчило миссионеру труды по распространению православной веры среди японцев и позволило уже к концу 1860-х гг. достичь первых успехов: в 1868 г. были крещены Павел Савабэ, Иоанн Сакаи и Яков Урано. Когда же в 1873 г. запрет на распространение христианства официально был снят правительством Мэйдзи, количество православных японцев на севере страны уже исчислялось сотнями человек: «К 1874 г. уже считалось в Хакодате до 300 православных, в Токио – 85 человек; в других местах было обращено и подготовлено к крещению несколько сот японцев» [18, с. 789].

За долгие годы пребывания в Японии Владыка лишь дважды был в России: в 1869–1871 гг. и в 1879–1880 гг. И хотя в дневнике Святителя встречаются строки вроде следующих: «Пусть же никогда, с этих пор – не заскучаю в Японии по России!» (запись от 28 сентября 1879 г.) [2, с. 97]; «...следовало бы и в нынешнем году отправиться в Россию. Но для какого же дела? Если только не по вопросу водворения православия в Японии, то не желаю и не дай Бог ехать в Россию» (запись от 28 декабря/10 января 1889 г.) [3, с. 299], однако никогда он не терял связи с Родиной и, находясь в Японии, всё-таки скучал по Родине: «На Литургии совсем мало из города христиан. Грустно! Не таков в России этот праздник (Вознесение Господне – А.Г.). Там бы хотелось быть» (запись от 18/31 мая 1900 г.) [4, с. 260].

О жизни Владыки в Японии (в 1861–1869 гг. – в Хакодате, а с 1872 г. – в Токио) немало написано и в дневниках миссионера, и в мемуарах его современников. Святитель Николай очень рано вставал. В дневнике, упоминая о подготовке статьи для журнала

«Древняя и Новая Россия», миссионер пишет: «Чтобы написать статью, положил вставать, как и в Японии, в 3 часа...» (запись от 16 сентября 1879 г.) [2, с. 84]. Работоспособность Владыки была просто немыслимой. Ежедневно он перечитывал десятки писем из России, из разных уголков Японии, из других стран и писал ответы, преподавал в духовной семинарии, вёл беседы с катехизаторами и занимался переводческой работой. Одновременно с этим он вёл бухгалтерские и административные дела миссии, редактировал издававшиеся на японском языке православные журналы («Сэйкё-симпо», «Уранисики»), готовил и отправлял в российские издания статьи, очерки, публичные письма по вопросам распространения православия в Японии.

Деятельность Российской духовной миссии в Японии, а с 1906 г. – автономной Японской Православной церкви, стала своего рода культурным «мостом», проложенным между двумя цивилизациями. Сотни писем с фотографиями летели из Японии в Россию и из России в Японию. Масштабность переписки, которую вёл с Родиной Святитель Николай, может быть сравнима разве что с перепиской, которую вели целые канцелярии министерств и ведомств царского правительства. Десятки писем, написанных миссионером, были опубликованы в целом ряде периодических изданий: в «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Иркутских епархиальных ведомостях» и в др.

Другим способом общения с соотечественниками были, конечно, личные встречи, визиты. Если во время первой своей поездки в Россию в 1869–1871 гг. иеромонах (с весны 1870 г. – архимандрит) Николай в Санкт-Петербурге, Москве и на малой родине общался по вопросам, касающимся миссийских дел, с десятками людей, то во время второй поездки в 1879–1880 гг. счёт пошёл на сотни светских и духовных лиц в обеих столицах, а также в Казани, Рязани, Сызрани. Именно во время второй своей поездки отец Николай в последний раз в жизни приезжал на свою малую родину – в село Егорье, где встречался с сестрой Ольгой и племянниками [14]. Через это общение, с одной стороны, осуществлялась популяризация деятельности Российской духовной миссии в Японии: многие собеседники миссионера впервые узнавали об успехах в распространении православия в Стране восходящего солнца: «Заехал к о. Фёдору (Быстрову – А.Г.) за экземпляром

рапорта ещё, – гласит дневниковая запись от 15 сентября 1879 г., – потому что, действительно, как говорил о. Владимир (Соколовский – А.Г.), о Японской миссии нигде и никто ничего не знают, и нужно всем подробно рассказывать» [2, с. 83]. С другой стороны, благодаря подробным рассказам, миссионеру удавалось привлекать внимание потенциальных жертвователей, отдающих деньги на святое дело распространения православия в Японии.

Абсолютное большинство приезжавших в Японию подданных Российской империи считало за честь посетить подворье Российской духовной миссии на холме Суругадай и лично встретиться с выдающимся миссионером. Путешественник Д. И. Шрейдер, доктор А. А. Черевкова, востоковед С. В. Недачин в разное время бывали в гостях у Святителя Николая. В книге Д. И. Шрейдера, в главе «Киодо Николаи», посвящённой визиту путешественника в миссию в начале 1890-х гг., автор подчёркивает, прежде всего, «внушительность» и величие зданий и сооружений миссии, как бы делая акцент на том, как велико значение дела миссии по распространению православия в Японии [17, с. 559–560]. Д. И. Шрейдер указал, что «со времени его (Святого Николая – А.Г.) переселения на юг (в Токио – А.Г.), православие начало делать огромные успехи и к настоящему времени затмило собою и проповедь лютеранства и проповедь католиков» [17, с. 569].

Интересны личные впечатления доктора А. А. Черевковой, которой доводилось неоднократно бывать в Российской духовной миссии и общаться с выдающимся миссионером в 1890-х гг. «Позволю себе, – пишет А. А. Черевкова о Святителе Николае, – ещё одно замечание, которое, быть может, и совсем неверно в данном случае, но которое так и напрашивается под перо, являясь результатом первого впечатления, производимого этой оригинальной личностью. Мне почему-то кажется, что два Николая не могли бы ужиться в одном Токио. Это именно тот тип талантливых русских людей, которые сильны только в одиночку и у которых, при всех их огромных достоинствах, есть всегда порядочная доза деспотического самовластия, да, ещё, пожалуй, неспособность мерить других иначе, как на собственный аршин, а аршин-то этот для обыкновенных смертных – целая сажень» [16, с. 150–151]. С. В. Недачин всегда весьма уважительно в своих работах отзывался о Владыке. «Маститый юбиляр», «архиепи-

скоп-подвижник», «владыка Николай», «наш архипастырь, горячо любящий Россию» – вот эпитеты, употреблённые востоковедом в адрес Святителя Николая в статье «Полувековой юбилей апостола Японии» [10]. Статья была посвящена 50-летию со дня, «как преосвященный Николай получил благодать священства и тотчас отправился на дело благовестия о Христе в далёкую японскую землю» [10, с. 334]. В статье вкратце приводится биография Святителя и упоминается о том, как трудно было ему в первые годы пребывания в Японии. «Благодаря самоотверженной пятидесятилетней проповеди архиепископа-подвижника, в Японии к текущему году было налицо 31 538 православных христиан. Эта цифра не пустой звук. Всякий из русских, побывавший в Японии, знает, насколько популярно имя “Николай” не только у христиан, но и у язычников любого японского города» [10, с. 334–335], – отмечает автор, подводя итог полувековой деятельности Владыки в Японии.

Среди духовных лиц, посещавших миссию в разные годы, стоит, пожалуй, особо остановиться на визите епископа Киренского, викария Иркутской епархии, Иоанна (в миру Ф. И. Смирнова, 1857–1918), назначенного в декабре 1912 г. епископом Забайкальским и Нерчинским [12, с. 40]. Суругадай Святитель Иоанн посетил в сопровождении о. Иоанна Восторгова, не понаслышке знакомого с делами Японской Православной церкви. Высокие гости пробыли в миссии четыре дня, с 26 по 30 апреля 1909 г. Святитель Николай лично показал им все здания, познакомил с делами миссии. Святитель Иоанн преподнёс в благословение Японской церкви икону Святого Иннокентия Иркутского, на обратной стороне которой, по просьбе епископа Николая, была сделана надпись: «Сею Святою иконою Св. Святителя Иннокентия, Иркутского Чудотворца, благословил японскую миссию и церковь Преосвященный Иоанн, епископ Киренский, Викарий Иркутского Архиепископа Тихона, настоятель монастыря Св. Иннокентия в Иркутске, 26-го апреля 1909 года, при посещении им миссии, в которую прибыл утром сего дня пред литургией, после которой и благословил сею иконою Архиепископа Николая и Епископа Сергия и в лице их всю японскую миссию и церковь» [9, с. 574]. Отъезд из миссии состоялся утром 30 апреля (13 мая) 1909 г. «... мы покинули гостеприимный Суругадай (так называется в Японии миссия), унося из него самые свет-

лые впечатления» [8, с. 153], – писал в воспоминаниях епископ Иоанн. «Преосвященный Сергей (Тихомиров – А.Г.) отправился проводить их до Сеула, в Корею, чтобы вместе с тем прогуляться и познакомиться с нашей Корейской Миссией... Очень грустно стало, и так было весь день. Гости так напомнили Россию» [5, с. 526], – делится с дневником Святитель Николай.

Отдельно следует сказать о той роли, которую сыграла Российская духовная миссия в Японии и сам лично Святитель Николай в судьбе русских военнопленных, попавших в японские лагеря в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. С началом войны остро встал вопрос о том, уехать ли Владыке из Японии вместе с дипломатическим корпусом русского посольства или остаться. «Многие убеждали его уехать, но он не согласился покинуть свою паству. Во время войны он был единственным свободным русским в стране» [15, с. 31]. Его свобода ограничивалась лишь тем, что ему запрещено было лично посещать лагеря с русскими военнопленными [1, с. 114].

Православные церкви трёх стран (Японии, России и Китая) объединила в те годы общая задача облегчения участи русских военнопленных в Японии: «Болея душою за своих единоверцев и единоплеменников, настоятель Японской церкви преосвященный Николай обращался с просьбами о присылке богослужебных и духовных книг, крестиков и свечей как в Россию, так и в соседний Китай, к близкому ему по духу епископу Иннокентию» [11]. Китайские православные помогали, чем могли, в том числе высылали «свечи

с Пекинского свечного завода» [11]. После войны, в 1906 г., «за выдающиеся заслуги перед отечеством Священный Синод возвёл владыку Николая в сан архиепископа с присвоением ему титула Японский» [6, с. 18].

Обращаясь к теме связи с малой родиной Святителя Николая, отметим, что он не только грамотно и скрупулезно распределял и расходовал в Японии пожертвования из России, но и жертвовал из своего скромного содержания в Россию: «В деревне Коптянке (Смоленской губернии – А.Г.) устроена церковно-приходская школа имени Высокопреосвященного Николая», на строительство которой он выслал 200 рублей единовременно и с 1902 г. высылает по 200 рублей ежегодно [13, с. 406]. И далее: «В истекшем году (1909 г. – А.Г.), когда общество вспомоществования нуждающимся ученикам Бельского Духовного Училища избрало Высокопреосвященного своим Почётным членом, он выразил “глубочайшую благодарность Общему Собранию членов этого Общества” и на нужды учеников выслал свою жертву – 100 рублей...» [13, с. 407]. Можно ли описать словами величие души человека, постоянно нуждающегося и в то же время из своих крох жертвующего на благо нуждающихся более него!..

Таким образом, за свою полувековую деятельность в Японии Святой Равноапостольный Николай Японский, всецело посвятив себя делу миссии, не только не утратил связи с Родиной, но внёс неоценимый вклад в укрепление русско-японской межкультурной коммуникации, во взаимное сближение цивилизаций России и Японии.

Список источников и литературы

1. Баяндин В. И. Русская духовная миссия в Японии в годы русско-японской войны // Православие и Россия: прошлое, настоящее и будущее: материалы Духовно-исторических чтений. Томск, 1998. С. 114–116.
2. Дневники Святого Николая Японского: в 5 т. Т. 1 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. 464 с.
3. Дневники Святого Николая Японского: в 5 т. Т. 2 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. 880 с.
4. Дневники Святого Николая Японского: в 5 т. Т. 4 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. 976 с.
5. Дневники Святого Николая Японского: в 5 т. Т. 5 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004. 960 с.
6. Иванова Г. Д. Жизнь и деятельность Святителя Николая Японского. Вып. 2. Памяти Святителя Николая, Апостола Японии, 1836–1912 // Православие на Дальнем Востоке: сб. ст. / отв. ред. М. Н. Боголюбов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 10–20.
7. Иоанн (Смирнов), еп. Памяти Японского архиепископа Николая. (Из личных воспоминаний) // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 5. С. 108–115.
8. Иоанн (Смирнов), еп. Памяти Японского архиепископа Николая. (Из личных воспоминаний) // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1912. № 6. С. 147–160.
9. Иоанн (Смирнов), еп. Памяти Японского архиепископа Николая. (Из личных воспоминаний) // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1909. № 24. С. 569–576.
10. Недачин С. В. Полувековой юбилей апостола Японии // Исторический вестник. 1910. № 7. С. 334–335.
11. Общение церквей на Дальнем Востоке (подпись: В.Т.) // Московские ведомости. 1905. 30 нояб.

12. Преосвященный Иоанн, епископ Забайкальский и Нерчинский // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 3–4. С. 31–40.
13. Синявский П., прот. Материалы для биографии Высокопреосвященнейшего Архиепископа Николая, начальника Российской духовной миссии в Японии // Странник. 1910. № 10. С. 406.
14. Степченков Л. Смоленские корни святителя Николая Японского [Электронный ресурс] // Ржевская епархия. Режим доступа: <http://www.ржевскаяепархия.рф/2017/02/18/16044> (дата обращения: 18.04.2018).
15. Суханова Н. А. Цветущая ветка сакуры. История Православной церкви в Японии. М.: Изд-во храма святой мученицы Татианы, 2003. 96 с.
16. Черевкова А. А. Очерки современной Японии. С 12-ю гравюрами. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-во Н. П. Карбасникова, 1903. 249 с.
17. Шрейдер Д. И. Япония и японцы. Путевые очерки современной Японии. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1895. 658 с.
18. Японская миссия (православная) // Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1904. Т. XLIA (полумом 82). С. 789–790.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Юлия Николаевна Ланцова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Распространение православия среди китайцев и корейцев в Забайкалье (по материалам «Забайкальских епархиальных ведомостей»)

В статье анализируется деятельность Забайкальской епархии по привлечению к православию китайцев и корейцев, отражённой на страницах официального издания епархии «Забайкальские епархиальные ведомости». Рассматриваются различные рубрики издания, в которых представлены данные о крещении иноверцев, развитии миссионерского дела, открытии и деятельности специальных миссионерских причтов для китайцев и корейцев.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, Забайкалье, китайцы, корейцы, «Забайкальские епархиальные ведомости», священник, миссионер, Забайкальская епархия

Yuliya N. Lantsova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Spread of Christianity among the Chinese and Koreans in Transbaikalia (based on the Materials of the “Zabaikaly Diocesan Bulletin”)

The article analyzes the activity of the Zabaykalsky diocese in attracting Chinese and Koreans to the Orthodox faith, reflected in the pages of the official publication of the diocese “Zabaykalsky diocesan bulletin”. The article deals with various topics of the publication, which presents data on the baptism of Gentiles, the development of missionary work, the opening and operation of special missionary piers for the Chinese and Koreans are presented.

Keywords: missionary activity, Zabaikalya, Chinese, Koreans, “Zabaykalsky diocesan bulletin”, priest, missionary, Zabaykalsky diocese

Проблема изучения вопросов развития православия в различных регионах, в том числе и в Забайкалье, является достаточно

актуальной и вызывает у исследователей закономерный интерес. Следует выделить работы на эту тему Е. В. Дроботушенко,

В. И. Косых и др. [1; 2; 3; 19; 20]. На начало XX в. в Забайкалье проживали представители различных религиозных верований, однако большинство принадлежало к православной вере. К этому времени уже организационно оформилась и Забайкальская епархия. С 1894 г. материалы о жизни новой епархии печатались в «Иркутских епархиальных ведомостях», которые распространялись по приходам. С января 1900 г. и по ноябрь 1919 г. официальным изданием Забайкальской и Нерчинской епархии становятся «Забайкальские епархиальные ведомости» [14].

В официальном отделе печатались общецерковные постановления и государственные документы, имеющие отношение к церкви, а также епархиальная документация: предложения правящего архиерея на имя консистории; журналы епархиальных съездов и правлений учебных заведений; списки священников, назначенных к произнесению проповедей в храмах епархии; списки награждённых и получивших благодарности; списки служащих в консистории, миссии, учебных заведениях и т. п.

В неофициальном отделе публиковались проповеди и речи правящих архиереев и клириков епархии, статьи к юбилеям, некрологи и поминальные речи, духовные стихотворения; существовали рубрики «Епархиальная хроника», «Иноепархиальные известия», «Известия и заметки» (обзор духовной и светской печати, рецензии и аннотации на новые книги и статьи) [15].

Освещались на страницах издания и вопросы, связанные с распространением православия среди язычников – китайцев и корейцев. Основная масса китайских и корейских рабочих, живших в России более или менее продолжительное время, оставалась приверженцами своих религий и религиозных учений, однако факт пребывания на территории другого государства диктовал свои правила, и некоторые из них изъявляли желание присоединиться к Православной церкви.

В ведомостях в разделе «Епархиальная хроника» (в разных номерах различные названия: «Хроника епархиальная и общая»; «Официальная хроника») размещались данные о крещении корейцев. Так, 29 июня 1902 г. перед литургией о. иеромонахом Никоном были просвещены святым крещением Пак-пьяк-суне (Николай) и Ко-зани-и (Александр). Отмечено, что таинство было совершено не в совсем обычной обстановке, купелью был большой пруд [4, с. 11]. В

1912 г. архимандрит Ефрем в Урюме крестил 80 корейцев [31, с. 367]. 29 сентября 1913 г. в миссионерской Иннокентьевской церкви – 9 корейцев-язычников [6, с. 531], 27 октября – 15 корейцев [7, с. 596]. В марте 1914 г. в Могоче – 44 корейца, в Чите – 5 [10, с. 253; 11, с. 323] и т. д. Сведения о крещении китайцев давались только в общих статьях, в отдельную рубрику не выделялись.

Понимая значимость привлечения восточных рабочих к православию, в ведомостях печатались статьи, содержащие сведения о китайцах, их вероисповедании, сектах, приводится даже численность конфуциан, буддистов, даосистов (по материалам «Рязанских епархиальных ведомостей») [21, с. 17–18]. Верованиям, обрядам и обычаям корейцев посвящён цикл статей в трёх номерах за авторством миссионера-священника Федора Пака [25; 26; 27]. В заключении священник указывает, что православные корейцы уже отказываются от жертвоприношений, от исполнения языческих обычаев и обрядов и «с велениями церкви христианской постепенно осваиваются» [27, с. 328].

В своей статье архимандрит Ефрем отмечал, что среди китайцев, корейцев и японцев, проживавших в Забайкалье, «нет религиозного фанатизма, не замечается и вражды и ненависти по отношению к христианству» [12, с. 653]. Некоторые из них даже и без влияния на них миссионеров интересовались учением и историей христианства. Однако для более эффективной религиозной деятельности среди восточных рабочих был необходим штат специальных миссионеров. Открыть специальный миссионерский причт для корейцев удалось только в 1913 г., священником был назначен о. Константин Ким, псаломщиком – Авраамий Ефремович Ликанг. К катехизации в качестве практики привлекали учеников Центрального миссионерского училища из корейцев и китайцев. Помощниками и переводчиками при работе с корейцами Начальника миссии были Федор Пак, Борис Ли и Роман Ким. Федор Пак и Борис Ли впоследствии обучались на Московских пасторских курсах, а Роман Ким в 1915 г. работал учителем в корейской огласительной школе, которая находилась на «Кузнечных рядах» в г. Чите [12, с. 657; 19, с. 119]. В Верхнеудинске в небольшую корейскую общину для духовного наставления помощником катехизатора был избран кореец Николай Ким-Афанасьев, что улучшало взаимопонимание корейцев и миссионеров [18, с. 191].

Был решён и вопрос об организации аналогичного штата причта для просвещения многочисленных китайцев. Назвали его «Слободским» в связи с тем, что китайцы, занимаясь огородничеством, проживали в основном в пригороде Читы и её слободах. В 1915 г. было решено отделить от прихода Архиерейской церкви жителей «Кузнечных рядов» и образовать из них самостоятельный приход при Воскресенской церкви-школе, которая до этого находилась в ведении Военного ведомства. В новый приход священником был назначен иеромонах Митрофан [12, с. 663]. О заинтересованности китайцев и корейцев в православии упоминается в ведомостях за 1913, 1914 гг. [5; 9; 16; 17; 28; 29; 30].

Принимали участие китайцы и в строительстве религиозных сооружений. Так, есть сведения о строительстве в г. Чите на Кайдаловке часовни. В начале 1900 г. на средства китайца (имя до крещения не упоминается), при крещении наречённого Михаилом Михайловичем Трофимовым, в благодарность

за спасение было начато строительство часовни во имя Святителя Николая. Даже после отъезда в г. Харбин он высылал крупные суммы на строительство, однако тогда достроена часовня не была [22, с. 408–409]. Достроили её и освятили только 12 октября 1914 г., она «предназначалась служить церковным просветительным пунктом, где можно будет приобрести крестики, небольшие иконки, религиозно-нравственного содержания листки и т. д.» [32, с. 818–819].

Для христианского просвещения на корейском языке издавался журнал «Православие», который распространялся не только в Забайкалье, но и по всему Дальнему Востоку [13, с. 658; 9, с. 217; 8, с. 641].

Архимандрит Ефрем указывал на то, что распространение православной веры среди восточных рабочих важно не только с церковной точки зрения, христианских ценностей, но и государственных интересов, поскольку православие, будучи чуждо эгоистичных расчётов, способно возродить и объединить различные народы.

Список источников и литературы

1. Дроботушенко Е. В. Материалы по истории православия в Забайкалье в некоторых фондах Государственного архива Российской Федерации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8, ч. 1. С. 83–85.
2. Дроботушенко Е. В. Реализация государственной политики в отношении школ ведомства православного вероисповедания в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в.: нормативный аспект // История государства и права. 2011. № 8. С. 33–37.
3. Дроботушенко Е. В. Роль православных монастырей в развитии системы образования Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 87–93.
4. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1902. № 14. С. 10–13.
5. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1904. № 14, 15. С. 226–232.
6. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 20. С. 527–533.
7. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 22. С. 596–597.
8. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 23. С. 639–642.
9. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 6. С. 214–218.
10. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 7. С. 251–253.
11. Епархиальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 8, 9. С. 321–324.
12. Ефрем, архимандрит. Введение в круг деятельности Забайкальской миссии обращения в христианство китайцев, корейцев и японцев, проживающих в пределах Забайкальской епархии // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 20. С. 651–664.
13. Ефрем, архимандрит. Проводы Его Преосвященства, Преосвященнейшего Мефодия из Читы в Томск // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 24. С. 646–673.
14. Забайкальские епархиальные ведомости [Электронный ресурс] // Духовенство русской православной церкви в XX веке. Биографическая база данных и собрание материалов. Режим доступа: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/777> (дата обращения: 18.04.2018).
15. Забайкальские епархиальные ведомости [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/182395.html> (дата обращения: 18.04.2018).
16. Из китайского Благовестника (от 15 октября 1913 г.) // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 20. С. 546–547.
17. Иоанн, епископ. Роль православной веры среди китайцев // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 16. С. 269–276.
18. Ким Роман. Из дневника корейского миссионера // Забайкальские епархиальные ведомости. 1917. № 6. С. 190–193.

19. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: ЗабГГПУ, 2007. 204 с.
20. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита: ЗабГГПУ, 1999. 196 с.
21. Некоторые сведения о китайцах // Забайкальские епархиальные ведомости. 1900. № 20. С. 16–15.
22. О Кайдаловской, в городе Чите, часовне // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 12. С. 408–410.
23. Официальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 19. С. 109–110.
24. Официальная хроника // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 20. С. 119–122.
25. Пак Федор, священник. Верования, обряды и обычаи корейцев // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 7, 8. С. 237–243.
26. Пак Федор, священник. Верования, обряды и обычаи корейцев // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 9. С. 292–297.
27. Пак Федор, священник. Верования, обряды и обычаи корейцев // Забайкальские епархиальные ведомости. 1915. № 10. С. 318–328.
28. Православная и инославная миссия среди монгольских народов // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 6. С. 195–197.
29. Русское православное богослужение в Урге и Монголии до храма // Забайкальские епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 1–5.
30. Склонность китайцев к православию // Забайкальские епархиальные ведомости. 1913. № 19. С. 488–491.
31. Хроника епархиальная и общая // Забайкальские епархиальные ведомости. 1912. № 13, 14. С. 367–372.
32. Юбилейная часовня во имя Святителя Николая Чудотворца, сооружённая при Читинском Архиепископском доме // Забайкальские епархиальные ведомости. 1914. № 20. С. 816–819.

УДК 94
ББК Т3(2)534

Эдуард Валентинович Костяев,

*Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина,
г. Саратов, Россия*

Антивоенная пропаганда сибирских марксистов в 1914–1915 годах

В статье проводится анализ направлений антивоенной пропаганды, которую в 1914–1915 гг. вели на территории Сибири ссыльные марксисты, входившие в группу «сибирских циммервальдистов». Если в эти годы представителям властных структур Восточной Сибири путём репрессий временно удалось остановить массовое распространение антивоенных идей через периодические издания марксистов, то уже ничего не помешало этому процессу в Петрограде, куда «сибирские циммервальдисты» отправились в марте 1917 г. и заняли там руководящее положение в органах власти революционной России.

Ключевые слова: Первая мировая война, социал-демократия, меньшевизм, «сибирский циммервальдизм», антивоенная пропаганда

Eduard V. Kostyaev,

*Saratov State technical University named after Yu. A. Gagarin,
Saratov, Russia*

Anti-War Propagation of Siberian Marxists in 1914–1915

In the article the analysis of directions of anti-war propagation which in 1914–1915 was conducted in territory of Siberia by exiled marxists, entered in group “Siberian Zimmerwaldists” is spent. If these years representatives of power structures of Eastern Siberia by reprisals temporarily managed to stop mass distribution of anti-war ideas through periodicals marxists already nothing has prevented to this process in Petrograd where “Siberian Zimmerwaldists” have gone in March, 1917 and have borrowed there supervising position in authorities of revolutionary Russia.

Keywords: First world war, Social democracy, Menshevism, “Siberian Zimmerwaldism”, anti-war propagation

В отличие от американской историографии [4, с. 454–476; 6, с. 425–431; 7, с. 253–270], в отечественной литературе тема отношения к Первой мировой войне членов группы так называемых «сибирских циммервальдистов» специальным вниманием была обделена. Это несколько странно, поскольку именно в идеях, развитых сибирскими марксистами в 1914–1915 гг., нужно искать корни идеологии того самого «революционного оборончества», которое оказывало решающее влияние на политику большинства российских социалистов как в Петрограде, так и «на местах» в феврале–октябре 1917 г.

В конце лета и начале осени 1914 г. в селе Усолъе в 60 верстах от Иркутска социал-демократами и эсерами, отбывавшими ссылку в Енисейской и Иркутской губерниях, проводились дискуссии, в ходе которых сложилась группа, ставшая позже известной под названием «сибирских циммервальдистов» [1, с. 395]. Строго оформленной организационно группа не была. Её лидером являлся бывший глава социал-демократической фракции II Думы Ираклий Георгиевич Церетели, «чья последовательность мысли, сила убеждения и... способность к лидерству превратили горстку ссыльных социал-демократов и социалистов-революционеров в мощную, объединённую политическую группу, преданную идее реализации его видения русской революции» [4, с. 456]. Из социал-демократов в группу входили В. Анисимов, Е. Бройдо (Гордон), С. Вайнштейн, В. Войтинский, Л. Гольдман, А. Горнштейн, Ф. Дан (Гурвич) и его жена Л. Цедербаум, К. Ермолаев, В. Иков, Н. Рожков, Н. Чужак (Насимович), большевистские депутаты IV Думы Ф. Самойлов и Н. Шагов. Менее известны имена таких «сибирских циммервальдистов», как латышские большевики Ю. Гавен (Я. Дауман) и А. Спундэ, большевики Ю. Вайнберг и А. Голубков-Павлович, меньшевик М. Хачатуров и др. Собиралась группа чаще всего у ставшего углепромышленником бывшего политического ссыльного инженера И. Рункевича, дома которого зимой в Иркутске, а летом в Усолъе были «сборными пунктами социал-демократической ссылки» [2, с. 3]. При нормальных обстоятельствах, справедливо утверждает американский историк Зива Галили, эти разные люди «возможно никогда бы не объединились, но долгий совместный период заключения и ссылки и последовавшего за ним отращения от социальной и политической

арены Европейской России и от партийной жизни привели к уменьшению былых различий идеологии и практики» [4, с. 461].

С начала войны сибирские марксисты, выступавшие за немедленное прекращение войны путём заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций, искали пути для обращения к более широкой аудитории, нежели нелегальные кружки. В результате увидели свет 2 номера журнала группы. «Для подготовки этих номеров мы устраивали частые встречи и собрания сотрудников то в Усолъе, то в Иркутске, – вспоминал её лидер. – Эти собрания носили... оживлённый характер. Мы обменивались взглядами о теоретических и практических вопросах, без фракционных предубеждений, с желанием не спорить, а выяснить друг другу свою точку зрения, и эти собрания создали то единство взглядов в нашей среде, ту прочную политическую спайку, которую мы сохранили и в последующей революционной работе. Из меньшевиков к этому тесному кругу принадлежали Ермолаев, Вайнштейн, Гольдман, Горнштейн, Дан и я. Из большевиков – Анисимов, Войтинский, Ю. С. Вайнберг. Нефракционный – Н. А. Рожков. Из других ссыльных, которых мы привлекали на наши собрания, помню большевиков – Дукура и Н. Чужака. Такие собрания бывали у нас до самого 1917 г., то в связи с каким-нибудь практическим проектом, то без конкретной задачи, служа поводом для политических бесед и сближения» [2, с. 11].

Осенью 1914 г. они решили издать журнал, который, вспоминал Церетели, «хотя бы и был закрыт с первого номера, но дал бы нам возможность полно изложить наши взгляды на войну...». Первый номер еженедельника в 2 тысячах экземпляров вышел 10 декабря 1914 г. под названием «Сибирский журнал». В состав его редакции вошли Церетели, Вайнштейн, Войтинский и Рожков, составлявшие основное ядро группы «сибирских циммервальдистов» [2, с. 10]. Номер сразу конфисковала полиция, его редактора-издателя арестовали и привлекли к суду, а дальнейшее издание еженедельника было приостановлено. Это не помешало группе 1 января 1915 г. выпустить второй номер журнала под названием «Сибирское обозрение», но его постигла та же участь, а редакторы-издатели обоих номеров, жёны политических ссыльных Тараданова и Ромаса, получили по году тюрьмы [5]. Несмотря

на репрессии, появление журналов вызвало, утверждал Церетели, «живой отклик как в левых кругах и рабочих организациях Сибири, так и среди наших единомышленников в России и за границей, которые не преминули перепечатать и распространить наши статьи» [2, с. 10–11]. Политическим редактором и автором передовиц и в «Сибирском журнале» («Война и Интернационал»), и в «Сибирском обозрении» («Демократия среди воюющей России») был Церетели, а литературным редактором – бывший большевик Войтинский, в ссылке ставший причислять себя к внефракционным социал-демократам [3, с. 7].

После выхода «Сибирского обозрения» репрессии усилились, продолжение издания в Иркутске стало невозможным. Летом 1915 г. издание еженедельной меньшевистской газеты («Голос», «Наш голос», «Голос труда») удалось наладить в Самаре. Писавшие в «Сибирском журнале» и «Сибирском обозрении» авторы стали сотрудниками этой газеты, передав туда и тот материал, который был заготовлен для третьего номера их собственного журнала. Так, статьи Дана и Церетели встречаются в номерах газеты от 17 ноября 1915 г., 10 января и 7 октября 1916 г. Однако, по убеждению меньшевистского историка Б. Николаевского, вынужденный отказ от собственной издательской деятельности отнюдь не означал уменьшения влияния группы «сибирских циммервальдистов», которое вплоть до начала Февральской революции 1917 г. «неуклонно возрастало» [5].

В 1915 г., наряду с усольским кружком, важное значение получил сгруппировавшийся вокруг Дана минусинский центр сибирских марксистов (Бройдо, Голубков-Павлович, Хачатуров и др.). Находившийся там в ссылке меньшевик Ермолаев редактировал легальную газету, которая под названиями «Минусинский край», «Минусинский листок» и «Южная Сибирь» выходила до февраля 1917 г.

Между «усольцами-иркутянами» и «минусинцами» поддерживались оживлённые отношения. Когда в начале 1916 г. Дан был мобилизован в качестве врача и направлен в Иркутский военный госпиталь, произошло слияние этих основных центров «сибирских циммервальдистов». Тяготевшие к ним группы имелись также в Чите, куда в 1915 г. из села Бельское Иркутской губернии переселился Рожков (здесь он некоторое время редактировал журнал Забайкальского торгово-промышленного товарищества кооператоров «Наше дело», но в декабре 1915 г. издание было закрыто по распоряжению губернатора Восточной Сибири за «вредное направление») [5].

Если в условиях ссылки массовую антивоенную пропаганду социал-демократов репрессивными мерами властей удалось уменьшить, то уже ничего не помешало вести её и добиться на этом поприще практических успехов в Петрограде, куда «сибирские циммервальдисты» отправились сразу после победы Февральской революции и заняли руководящие позиции в новых властных структурах революционной России.

Список источников и литературы

1. Большевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М.: РОССПЭН, 1996. 408 с.
2. Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Paris: Mouton & CO Haye, 1963. Кн. 1. 493 с.
3. Чернявский Г. И. Войтинский и его время // Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Терра-Книжный клуб, 1999. С. 3–18.
4. Galili y Garcia Z. The Origins of Revolutionary Defensism: I. G. Tsereteli and the "Siberian Zimmerwaldists" // Slavic Review. American Quarterly of Soviet and East European Studies. 1982. Vol. 4, No. 3. Pp. 454–476.
5. HIA (Hoover Institution Archives). Boris I. Nicolaevsky collection. Series 249. Box 510. Folder 22.
6. Wade R. A. Irakli Tsereteli and Siberian Zimmerwaldism // The Journal of Modern History. 1967. Vol. 39, No. 4. Pp. 425–431.
7. Wade R. The Triumph of Siberian Zimmerwaldism: (March–May, 1917) // Canadian Slavic Studies, I. 1967. No. 2. Pp. 253–270.

УДК 94
ББК ТЗ(2)61

Леонид Владимирович Курас,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Лилия Владимировна Кальмина,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Русская эмиграция в Маньчжурии (первая половина XX в.)¹

В статье рассматриваются специфические особенности русской эмиграции в «государстве» Маньчжоу-Го на северо-востоке Китая, созданного милитаристской Японией. Эмиграция состояла из политических, военных, национальных и творческих организаций и являлась важным сегментом паназиатской концепции Японии «Согласие народов».

Ключевые слова: Маньчжурия, Маньчжоу-Го, русская эмиграция, политические, военные, национальные, творческие организации

Leonid V. Kuras,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Lilia V. Kalmina,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Russian Emigration in Manchuria (first half of XIX century)

The article deals with the specific features of the Russian emigration in the “state” Manchukuo in the northeast China created by militaristic Japan. The emigration has been structured into political, military, national and creative organizations, and also has been the important element of the pan-Asian concept “Concord of nationalities”.

Keywords: Manchuria, Manchukuo, Russian emigration, political, military, national and creative organizations

Эмиграция – неотъемлемое свойство исторического пути России, берущее начало с Андрея Курбского. Конечно, и другие страны имели «свою» эмиграцию, ибо это последствие любой социальной революции. Но нигде эмиграция не приобретала таких масштабов и не достигала такого трагизма, как в России в первые десятилетия XX в. После революции 1917 г. и Гражданской войны, по разным оценкам, Россию покинуло от полутора до трёх миллионов человек [9, с. 282–283]. Особую страницу в этой истории составляет маньчжурская эмиграция. К началу 1920-х гг. русская колония в Маньчжурии составляла 140 тыс. чел. [6, с. 267]. Однако начало русской эмиграции в Китай было об-

условлено не социальными катаклизмами, а строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и развитием его экономического и социального центра – Харбина [7]. Поэтому «Русский Харбин» сумел сохранить российский облик и стал сосредоточением культурной и просветительской деятельности, сохранив не только уклад и традиции русской духовной культуры, но и развив её ценности [3, с. 167].

Но с начала 1930-х гг. ситуация изменилась разительным образом. 1 марта 1932 г. стараниями Японии на территории Маньчжурии появилось государственное образование Маньчжоу-Го со столицей Синьцзян (ныне Чанчунь), во главе которого стоял

¹ Исследование выполнено Л. В. Курасом в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.187.1.4 «XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4); Л. В. Кальминой в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9).

последний китайский император из маньчжурской династии Цин – Генри Пу И, объявленный в 1934 г. императором. Государство признали 23 из 80 существовавших на тот момент государств мира, в том числе Германия, Италия, Испания, Япония, режим Виши во Франции, Япония, Румыния, Болгария, Дания и др. Дипломатические отношения были установлены и с СССР: де факто – 23 марта 1935 г., де юре – 13 апреля 1941 г. Консульства Маньчжоу-Го в СССР располагались в городах Маньчжурия и Синьцзян, Генеральное консульство – в Харбине. Консульства Маньчжоу-Го в СССР с 1933 г. располагались в Москве, Чите и Благовещенске [3, с. 7]. Ключевую роль в государстве играло «Общество Согласия», что объясняется выдвинутой Японией паназиатской концепцией «Согласие народов». В «Обществе» были представлены монголы, маньчжуры, корейцы, японцы, мусульмане, русская эмиграция и китайское большинство. Сам план по созданию паназиатского государства можно разделить на «план-минимум» и «план-максимум». «План-минимум» предполагал территориальное объединение Японии, Кореи, Маньчжурии, Монголии и Китая в единое государство при верховенстве Японии. «План-максимум», помимо указанных стран, включал в себя территории Индии, Турции, Афганистана, советского Дальнего Востока, Персии. При этом Маньчжоу-Го должно было стать не привычной колонией, а высокоразвитым центром единения «пяти дружественных народов» (китайцы, корейцы, маньчжуры, монголы, японцы). Ключевую роль в создании и развитии Маньчжоу-Го играла Квантунская армия – японская армейская группировка на Дальнем Востоке.

Центральными органами русской эмиграции в Маньчжурии стали «Объединение российских эмигрантов» и «Главное бюро российских эмигрантов Маньчжурии» (ГБРЭМ), которое возглавил сподвижник атамана Семенова генерал-майор В. А. Кислицын. При создании ГБРЭМ в специальном правительственном распоряжении были сформулированы задачи организации: «Быть посредствующим звеном между правительственными и административными органами с одной стороны и эмигрантами с другой» [2, с. 3]. Во всех крупных городах Маньчжурии ГБРЭМ имело периферийные организации. Координировала эти организации Японская военная миссия (ЯВМ) – военная разведка Японии. Таким образом, ЯВМ

полностью контролировала деятельность русской эмиграции, идеологом которой был атаман Семенов [5, с. 132].

Русская эмиграция в Маньчжоу-Го была представлена политическими, военными, молодёжными, национальными, литературными и научными организациями [8].

К политическим организациям относились, прежде всего, «Российский фашистский союз» во главе с К. В. Родзаевским, имевший довольно стройную структуру, программу, устав, печатный орган, секции и филиалы в 18 городах. О разветвлённости организации говорит тот факт, что 28 июля 1935 г. на III съезде русских фашистов в Харбине 48 делегатов представляли фашистов Токио, Иокогамы, Киу-Сиу, Шанхая, Тяньцзиня, Явы, Персии, Сирии, Египта, Болгарии, Югославии, Польши, Эстонии, Финляндии, Германии, Италии, Нью-Йорка и Сан-Франциско, Дайрена, Имяньпо, Аньда, Цицикара, Хайлара, Маньчжурии, Модягоу, Харбинской организации [1, л. 92]. Работа съезда проходила в присутствии японских офицеров, а все его решения были согласованы с ЯВМ.

Далее следовало «монархическое объединение» [2, с. 32–36], в которое входили следующие организации: 1) монархическая группа, поставлявшая руководящие кадры монархическому движению; 2) дальневосточный союз военных (ДВСВ) – объединение военных эмигрантов в Маньчжурии с целью сохранения кадров царской армии для борьбы с советской властью; 3) союз казаков Восточной Азии, официальная задача которого заключалась в сохранении кадров казачества для выступления против СССР в качестве авангарда Квантунской армии; 4) национальная организация русских разведчиков (НОРП), находившаяся под покровительством великой княгини Ксении Александровны. Она готовила кадры для разведывательно-диверсионной работы против СССР; 5) «Союз мушкетёров князя Никиты Александровича» для объединения эмигрантской молодёжи в борьбе с коммунизмом с опорой на монархическо-религиозное воспитание; 6) Литературно-художественный кружок имени августейшего К. Р. (Константин Романов) был призван вести культурное воспитание молодёжи.

К военным организациям русской эмиграции относились «Дальневосточный союз военных», который являлся филиалом «Русского общевоинского союза (РОВС)» и «Союз казаков Восточной Азии», стремившийся

объединить всех казаков, оказавшихся в Маньчжурии. Эти организации находились под непосредственным руководством ЯВМ и были нацелены на военную интервенцию с помощью Японии. Общеизвестным вождем эмигрантского казачества считался «походный атаман казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока» генерал-лейтенант Г. М. Семенов.

Особый интерес представляют эмигрантские молодёжные организации, идеологический спектр которых был представлен монархическими и фашистскими идеями. Среди них – «Союз мушкетёров», «Союз крестоносцев», «Национальная организация русских разведчиков», молодёжные кружки в составе казачьих организаций. Но стремление русской эмиграции сплотить молодёжь антисоветскими политическими лозунгами оказалось утопией. С началом Великой Отечественной войны в молодёжной среде Германию стали считать врагом русского народа.

В числе национальных организаций выделялись армянская, грузинская, еврейская, тюрко-татарская и украинская колонии, которые составляли «Совет национальностей» при ГБРЭМ. Имелись и другие национальные организации (греческая, латышская, литовская), которые в Совет не входили.

Что касается литературных и научных организаций, то они находились под бдительным наблюдением и контролем ГБРЭМ.

Таким образом, в своей агрессивной политике Япония стремилась использовать российскую эмиграцию, проживавшую на территории Маньчжоу-Го. Но отличительной особенностью русской эмиграции была её «двухслойность» [3, с. 189]. Первый слой – эмиграция, которая создавалась до 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД. Была представлена железнодорожниками и их семьями и гражданскими лицами из числа учителей, врачей, торговцев, инженеров, техников, профессорско-преподавательского состава, ли-

тераторов и журналистов, членов различных «временных правительств». Второй слой – эмиграция, прибывшая после Гражданской войны – был представлен изгнанными из России её обстоятельствами: политические и общественные деятели, руководители белого движения, представители военных формирований Семенова, Унгерна, Каппеля, Калмыкова. Причём последняя группа числом 50–60 тыс. чел. и представляла самую активную часть белой эмиграции.

Из общего числа «русских» в Маньчжурии примерно 50 тыс. чел. были гражданами СССР. Поэтому продажа советским Правительством в 1935 г. своих прав на КВЖД Правительству Маньчжоу-Го вызвала массовый отъезд советских подданных на родину. Со второй половины 1930-х гг. понятие «русский» стало тождественно понятию «эмигрант». При этом в понятие «русский» включались не только русские, а все бывшие подданные Российской империи. Этническая эмиграция была представлена 28 национальностями бывшей империи. Самой крупной и влиятельной была Харбинская еврейская духовная община, пользующаяся большой популярностью и у нееврейского населения города. Созданный ею Еврейский Коммерческий банк несколько лет считался самым мощным финансовым учреждением, поддерживавшим местную торговлю и промышленность [4, с. 22]. Крупным национальным объединением была украинская община, которая одновременно являлась антикоммунистическим центром.

Русская колония представляла для ЯВМ особый интерес. И потому в отношении русской эмиграции ставились конкретные задачи: 1) обеспечить в её лице надёжного союзника; 2) использовать русские вооружённые формирования на случай прямого вооружённого конфликта с СССР; 3) вовлечь русскую эмиграцию в идеологическую войну с мировым коммунизмом [3, с. 191].

Список источников и литературы

1. Архив Управления ФСБ России по Республике Бурятия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.
2. Белоэмиграция в Маньчжурии: в 3 т. Чита: Управление НКВД по Читинской области, 1942.
3. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П. Н. Дудин [и др.]; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 254 с.
4. Изгур А. Я. Д. Фризер – самородок сибирской тайги (вместо венка) // Еврейская жизнь. 1933. № 1–2. С. 21–23.
5. Курас Л. В. Атаман Семенов и Японская военная миссия // Сибирь: XX век. 2002. Вып. 4. С. 131–134.
6. Павловская М. А. Исследование Маньчжурии и стран Восточной Азии экономическим бюро КВЖД (1921–1934 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. Т. 1.

7. Полян П. М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / науч. ред. О. Глезер, П. М. Полян. М.: Изд-во ОГИ, 2005. С. 493–519.

8. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945 гг.): сб. док. / сост. и авт. предисл. Е. Н. Чернолуцкая. Южно-Сахалинск, 1994. 151 с.

9. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968. 437 с.

УДК 94:070

ББК ТЗ(2):Ч600

Сергей Александрович Сотников,

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия*

Андрей Александрович Сотников,

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия*

Галина Петровна Камнева,

*Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия*

Российская эмигрантская пресса и феномен сталинизма

Большое значение в отечественной историографии последних лет отводится эмигрантским источникам, причём, не только историческим исследованиям, но и публицистическим работам, которые, в отличие от научных трудов, создавались по «горячим» следам, сразу же после того или иного события, которые запечатлевали точки зрения очевидцев и свидетелей на события, на политических и государственных лидеров. Конечно, такие публикации недостаточно объективны, недостаточно глубоки по своему анализу, по своему подходу к изучаемой проблеме. Но они «дышат» эпохой. И поэтому сбрасывать со счетов их нельзя (да и непродуктивно).

Ключевые слова: русская эмиграция, публикации российских эмигрантов, оценка эмигрантами советской действительности

Sergey A. Sotnikov,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia*

Andrey A. Sotnikov,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia*

Galina P. Kamneva,

*Moscow Region State University,
Moscow, Russia*

The Russian Emigre Press and the Phenomenon of Stalinism

Important sources in the national historiography of recent years are given to emigrant sources – not only historical research, but also journalistic works, which, unlike scientific works were created on “hot” tracks, immediately after an event that captured the points the view of eyewitnesses and witnesses on events, on political and state leaders. Of course, such publications are not objective enough, they are not deep enough in their analysis, in their approach to the problem under study. But they “breathe” the era. And therefore, they cannot be discounted (and even unproductive).

Keywords: Russian emigration, publications of Russian immigrants, evaluation of immigrants of Soviet reality

В «зеркале» эмигрантской прессы образ И. В. Сталина как советского лидера предстаёт в несколько ином обличье, чем мы привыкли и по советским, и по постсоветским публикациям и исследованиям. Необходимо, однако, иметь в виду, что Сталин в ракурсе российских эмигрантов – изначально фигура отрицательная, не обладающая положительными чертами. Но для нас важна любая черточка, дополняющая наше представление о советской эпохе, об отношении эмиграции к «метрополии», о политике победителей в Гражданской войне.

Интересна и эволюция мировоззрения самих эмигрантов, которые смогли наблюдать за жизнью в России со стороны, что позволяет более беспристрастно оценивать важнейшие мировые политические события. Впрочем, последние и сами оказали влияние на эмигрантскую среду, а, значит, оценки эмигрантами советской действительности приобретают ещё один аспект.

Ниже мы приводим выдержки из трёх эмигрантских изданий, в которых тема советской действительности и роли в этой действительности И. В. Сталина занимала центральное место. Публикации эти – «забытые исследователями» – дают возможность значительно дополнить наше представление и о самой эмиграции, и о советской действительности, оцениваемой со стороны. Отметим ещё один аспект – все статьи, публикуемые нами – анонимные.

Сталин окружен тайной. Бывший советский сановник рассказывает об образе жизни Сталина

В вечерней берлинской газете «Нахт-усгабе» помещён интересный очерк об образе жизни Сталина, присланный в редакцию одним из бывших советских сановников, приехавшим в Берлин и, по-видимому, не собирающимся возвращаться обратно в Советскую Россию.

Видеть советского диктатора Сталина нелегко. Чтобы добиться у него приёма, нужно совершить мучительное путешествие по всем канцеляриям и комендатурам Кремля, затем пройти сквозь бдительный контроль кремлёвской стражи и личной охраны Сталина.

Все решительно, будь это старый партиец или заслуженный «спец», должны, если они только не принадлежат к непосредственному окружению Сталина, подвергнуться столь ожесточённому перекрёстному огню

утомительнейших формальностей, что у добившихся «счастья» получить аудиенцию у диктатора надолго пропадает к этому охота.

Вокруг Сталина в Кремле царит атмосфера страха и недоверия. Конечно, та же атмосфера господствует и во всей «свободнейшей из республик», но в Кремле она чувствуется с особенной силой. Там все чего-то опасаются, – караульные и коменданты, ответственные за «внутренний порядок», канцелярские служащие, члены политбюро, и, наконец, сам Сталин. Быть может, это – результат тяжёлых лет его жизни, переутомления, нервности или предупреждений различных органов тайной охраны, окружающих его, – но как бы то ни было, Сталин боится.

Поездки Сталина из Горок (деревня близ Москвы, где умер Ленин и где теперь живёт Сталин) в Кремль и обратно окружены такой строгой тайной, что даже его личная охрана не знает, какой он возьмёт автомобиль и по каким улицам поедет.

Никому не ведомо, будет ли Сталин ночевать в Москве или Горках. Никто вообще не смеет знать это. Малейшая попытка проникнуть в эту тайну, даже если неосторожный принадлежит к ближайшему окружению Сталина, грозит недоверием и изгнанием из Кремля. Атмосфера азиатского деспотизма господствует в Кремле. Кто её создал – неизвестно. Сам ли это Сталин, не могущий преодолеть азиатского атавизма, или же в Кремле в концентрированном виде отражается то, что происходит по всей Советской России?

Сталин держался прежде просто и доступно. Каждый партиец, каждый «спец» мог прежде без долгих околичностей получить пропуск в Кремль, внося своё имя в список в личной канцелярии Сталина и дождавшись своей очереди. Когда время кремлевских заседаний политбюро не опубликовывалось в газетах, не составляло преступления осведомиться об этом. Поездки Сталина в Горки происходили без всякой таинственности, просто и открыто. Теперь же больше этого нет. За частный разговор о заседаниях в Кремле партиец может рассчитывать на предупреждение, кандидат в компартию – на изгнание в провинцию, беспартийный – на непредвиденные последствия, вплоть до ссылки в места весьма отдалённые.

Личная охрана Сталина состоит из двух сотен кавказцев, из коих одна расквартирована в Кремле, другая – в Горках. Когда диктатор отправляется в Горки или оттуда в Кремль, всегда четыре совершенно одинако-

вых по внешнему виду автомобиля едут различными дорогами к одной и той же цели. В каком из этих автомобилей сидит в действительности Сталин, знает только командир его личной охраны. Во время поездки автомобили часто меняют направление по указаниям «дежурного», сидящего рядом с шофером. Вся дорога из Горок в Москву, не говоря уже о самих Горках, постоянно находится под наблюдением личной охраны Сталина, патрулирующей большей частью на автомобилях и мотоциклах. В Горках не смеет показаться ни один человек, кроме постоянных жителей деревни. Сообщение о «чужих» немедленно поступает в «штаб» за тем обычно следует установление личности, арест и перевозка в Москву, на Лубянку, – в распоряжение ГПУ.

Передают, что ещё осенью 1929 г. Сталин, как новый Гарун-аль-Рашид¹, совершал инкогнито «хождения в народ». Но зимой это окончательно прекратилось. Ближайшим поводом к этому явилось предупреждение одного из его доверенных лиц, якобы раскрывшего заговор против Сталина, с целью убить его во время такой поездки. В действительности этому доверенному лицу, как и остальному окружению Сталина, были неприятны случайные встречи Сталина и разговоры с людьми из «народа» о нынешнем режиме и т. д. Теперь уже около полугода Сталин глядит на всё сквозь очки его личных информаторов, рассеянных по всей Советской России (и даже по всему свету) и представляющих ему еженедельно сводки истинных фактов, образующие основу для «прогнозов» Сталина. От этих докладов зависит распределение денег для «наступления» на том или ином фронте в Советской России или за границей.

Личная жизнь Сталина остаётся замкнутой даже для немногих его ближайших друзей. Лишь один член его ближайшего окружения видел жену Сталина и говорил с ней. Сталин женат на замкнутой, несловохотливой молодой грузинке, которая выглядит измученной и в присутствии Сталина ведёт себя так, как будто она находилась не в Горках под Москвой, а в ханском гареме, перед лицом своего владыки.

Власть над жизнью и смертью 150 миллионов людей, правда, не испортила Сталина в его личной жизни. Как и прежде, он любит простоту и в этом отношении не заслуживает никакого упрека. Но эта власть

превратила революционную практику, решительного и смелого пропагандиста и террориста, в политического теоретика, т. е. в деспота, опасного для своей нации, своей страны и всего мира, деспота, оторванного от своего народа, от его нужд и жизни, с упорством ограниченного человека слепо добывающегося лишь одной цели – осуществления бессмысленных, но вредных теорий. Сталин, как властитель, – второе, испорченное и небрежное издание Ленина [1].

Десница и шуйца оппортунизма

Неправильно думают те, кто видит в Сталине представителя «термидорианской» ликвидации интернационального коммунизма.

Суть сталинизма совсем не в возможных уступках крестьянству, а наоборот: в попытке сохранить партийное самодержавие в России... Вот для чего нужна теория о «возможности социализма в одной стране», во имя которой и сохраняется и деспотический режим, и деятельность Коминтерна в качестве охранителя «первой пролетарской республики»... [3].

Сталинская Россия

Сталин считал неправильными изменения, которые в последующие за революцией годы Ленин внёс в программу в силу необходимости. Он хотел углубить коммунистические доктрины. Так было в экономических вопросах и в вопросе о национальных меньшинствах. Он думал во имя революции подавить сепаратистские тенденции национальных меньшинств, которые (меньшинства) в силу того, что советская революция разорвала все внутренние связи Русской империи, восставали, и намеревался растворить их в коммунистическом мире. Но когда Сталин встал у власти, вернее, когда он начал руководить всей жизнью страны из кабинета генерального секретаря, он понял, что нельзя будет в точности осуществить коммунистические принципы, которые были заложены в основу революции и что поэтому нужно будет пойти на некоторые изменения этих принципов соответственно возможностям и требованиям, понял, что нужно пойти на жертвы и долгие годы ждать осуществления основной цели косвенными путями. И он встал на этот путь.

Целью коммунизма было установление господства рабочего класса во всём мире. Для этого должна была произойти мировая революция. Но пролетариат, который пришёл к власти пока только в России, был не в

¹ Гарун-аль-Рашид (763 или 766–809) – халиф из династии Аббасидов. Вёл активную борьбу с Византией. Образ Гарун-аль-Рашида идеализирован в сказках «Тысяча и одна ночь».

силах осуществить эту задачу во всём мире. Капиталистические режимы были очень сильными, несмотря на то, что они только что вышли из большой мировой войны. Революции в Германии и в Западной Европе, на которые в первые дни русской революции возлагали большие надежды такие мечтатели, как Троцкий, или не произошли совсем, или же оказались неуспешными. Война уже ушла в область прошлого. Правительства в мирных условиях восстановили свой авторитет. Поэтому пока было невозможно перейти от русской революции к революции мировой. Нужно было ждать благоприятного и удобного момента и в то же время укрепляться внутри России и стараться экономически истощить капиталистические страны.

Сталин думал так: сначала нужно построить социализм в России, сделать её экономически сильной. Эта экономическая сила должна быть обеспечена не индивидуальными усилиями, а коллективными усилиями всего государства. Для этого нужно было насильно индустриализировать Россию. Если Россия индустриализируется, то и рабочий класс станет более сильным и, следовательно, укрепятся основы социалистического государства. Чтобы индустриализировать страну, нужно было разработать пятилетние планы и, сосредоточивая время от времени все силы на определённых местах, поднять производительность труда. Кроме того, нужно было не ограничиваться введением коллективизма только в области промышленности, а превратить и крестьянина в своего рода сельскохозяйственного рабочего, т. е. нужно было коллективизировать класс фермеров и крестьян. Это было необходимо потому, что на крестьян, составлявших большинство населения России, возлагалась большая роль в мировой революции. Когда будет достигнута эта цель, внимание должно быть обращено на внешнюю торговлю. Путём демпингов должны быть понижены цены на всех мировых рынках, вследствие чего капиталисты попадут в трудное положение, и создастся благоприятная почва для мировой революции.

Сталин пожертвовал всем для осуществления этой программы. Сначала, для того, чтобы предупредить недовольство в Советской Украинской Республике, которая, несомненно, должна играть очень большую роль в экономике России и чтобы завоевать сердца украинцев, он, в отличие от политики силы и принуждения, которая была применена в Грузии в отношении национальных мень-

шинств, проводил на Украине очень мягкую и снисходительную политику. Он согласился на то, чтобы Украина, в которой с давних пор существовала самостоятельность с точки зрения языка и культуры и которая стремилась к политической независимости, – имела свободу, почти независимость, в культурном и политическом отношении. Украинский язык должен был стать в пределах Украины официальным языком. В школах и университетах обучение должно было вестись на этом языке. Кроме того, Россия должна была оказывать Украине всяческую помощь в экономическом развитии. Эта политика действительно имела успех, и Украина за время пребывания в Союзе Советских Республик добилась больших результатов в области экономики.

Сталинский метод пятилеток имел успех в индустриализации России. Сталин так горячо взялся за это дело, что не останавливался ни перед какими жертвами ради его успеха. Он абсолютно не считался с личными интересами людей, не признавал за рабочими право менять место работы, заставлял работать заключённых, давал людям столько пищи, чтобы они только не умерли с голода. Он даже разделил людей на 3 категории: к одной категории относились люди, которые мало подвергались влиянию голода, к другой – те, на которых голод оказывал сильное влияние и к третьей – те, кто умирал от голода, и согласно этой классификации выдавал продукты. Для того чтобы индустриализировать Россию, нужны были деньги, а чтобы обеспечить деньги, нужно было, не есть, не пить и почти всю продукцию экспортировать.

Единственное, в чём Сталин не мог добиться успеха, это в осуществлении 3-его пункта программы: коллективизация крестьян. Русский крестьянин долгие века жил в условиях крепостничества и сравнительно поздно пришёл к личной собственности на землю. Несмотря на это, он отведал прелесть личного владения землёй. Сейчас же у него хотели взять его землю, превратить его самого в сельскохозяйственного рабочего, работающего для государства. Земледелец крепко держался на землю, и на этот раз Сталин встретился с правой оппозицией.

Наиболее состоятельные земледельцы не соглашались на это категорически. Сталин одно время пробовал натравить против них бедных крестьян. Затем он попробовал объединить бедных крестьян в кооперативы, называемые колхозами и таким образом организовать крупные сельские хозяйства. Но,

оказавшись в этот год совершенно неожиданно перед обильным урожаем, он не смог обеспечить ни одну область достаточным количеством сельскохозяйственных орудий и собрать урожай. Это положение породило среди крестьян большое недовольство. Наконец, при наличии сопротивления правых, которыми в теоретическом отношении руководил Бухарин, он был вынужден установить систему, называемую артелью. Земледелец должен был отдать часть своей земли в артель и принимать участие в коллективном сельском хозяйстве. На оставшемся участке земли он мог свободно заниматься сельским хозяйством для себя.

Осуществляя всё это в области экономики, Сталин не бездействовал и в области внутренней политики. В стране, которой руководила Коммунистическая партия, порядок обеспечивала ЧК, но не было такой организации, которая бы боролась с недисциплинированностью в партии. Считая необходимой такую организацию, Сталин создал в партии комиссию центрального контроля. В эту организацию были выбраны верные люди, которые не очень сильно выросли и не стали бы заниматься соперничеством. Благодаря этим людям, имевшимся почти в каждой организации, Сталин смог получать сообщения даже о самых незначительных явлениях в партии. В связи с этим он обеспечил и внутри партии железную дисциплину.

Что касается внешней политики, то в первые дни после Октябрьской Революции Россия была полностью изолирована от всего мира. Советская Россия не имела отношений с прежними союзниками царской России, а её бывшие враги, с которыми она заключила мир, были заняты своими делами и их отношения с Россией пока еще были очень неопределёнными. Но такая обширная, большая страна, как Россия, не могла жить изолированно от мира. Какой бы режим не господствовал в ней, эта страна имела границы. Поэтому у неё должны были быть определённые отношения, по крайней мере, с соседними государствами.

Первой протянула России руку Турция. Молодое турецкое Правительство, созданное великим Ататюрком в Анатолии – центре Османской империи, которая была разбита на части в конце мировой войны – вело борьбу со всем капиталистическим миром¹.

¹ Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938 гг.), основатель и первый президент (1923–1938 гг.) Турецкой республики. Фамилию (буквально – «Отец турок») получил от Великого национального собрания Турции в 1934 г.

Для России, занятой в то время Гражданской войной и войной с Польшей и борющейся по существу против тех же иностранных держав, дружба новой Турции была выгодна и полезна. Таким образом, 16 марта 1921 г. два государства подписали в Москве договор о дружбе. В протоколе к этому договору говорилось: «Так как Правительство Великого Национального Меджлиса Турции и СССР единодушно признают братство наций и их право на самоопределение, солидарны в борьбе против империализма и понимают, что какое-либо несчастье для одного из них затруднит положение другого, то, исходя из желания, чтобы между ними всегда царили добрые намерения и искренняя дружба, опирающиеся на взаимные интересы обеих стран, – решили заключить этот договор о дружбе и братстве».

Дипломатические отношения, начало которых было заложено этим договором о дружбе, постепенно расширялись. Сначала англичане, желавшие установить торговые отношения, согласились признать новую

при введении фамилий. Родился в семье лесоторговца, бывшего таможенного чиновника. Среднее военное образование получил в Салониках и Монастире (Битоле), высшее – в Стамбуле, где в январе 1905 г. окончил Академию Генштаба. Участвовал в младотурецком движении, но вскоре после Младотурецкой революции 1908 г. отошёл от комитета «Единение и прогресс». Участвовал в итало-турецкой (1911–1912 гг.), Второй Балканской (1913 г.) и Первой мировой (1914–1918 гг.) войнах. В 1916 г. получил чин генерала и титул паши. В 1919 г. возглавил национально-освободительное движение в Анатолии. Под его руководством были проведены в 1919 г. в Эрзуруме и Сивасе конгрессы буржуазно-революционных обществ «защиты прав» и сформировано в Анкаре (23 апреля 1920 г.) Великое национальное собрание Турции, объявившее себя верховным органом власти. Как председатель Великого национального собрания Турции, а с сентября 1921 г. и как верховный главнокомандующий, руководил вооружёнными силами в национально-освободительной войне против англо-греческой интервенции. За победу в боях при р. Сакарье (23 августа – 13 сентября 1921 г.) Великое национальное собрание Турции присвоило ему звание маршала и титул гази. Под командованием Ататюрка турецкая армия в 1922 г. разбила интервентов. По инициативе Ататюрка был упразднён султанат (1 ноября 1922 г.), провозглашена республика (29 октября 1923 г.), ликвидирован халифат (3 марта 1924 г.); проведён ряд прогрессивных реформ буржуазно-националистического характера в области государственного и административного устройства, юстиции, культуры и быта. Основанная Ататюрком в 1923 г. на базе обществ «защиты прав» Народная партия, в которой он был пожизненным председателем, выступала против реставраторских попыток феодально-клерикальных и компрадорских кругов. В области внешней политики Ататюрк стремился к поддержанию дружественных отношений между Турцией и Советской Россией, оказавшей турецкому народу бескорыстную помощь в годы его вооружённой борьбы против империалистов, а затем в процессе развития национальной экономики.

Россию и послали в Москву своего представителя. Эти политические успехи, достигнутые при жизни Ленина, получили своё завершение во время руководства Сталина. Советская Россия стала даже членом Лиги Наций. Несомненно, что на всё это большое влияние оказала сталинская политика «строительства социализма в одной стране» вместо перехода тотчас же к мировой революции. Участие Советской России в международной политической жизни настолько расширилось, что и на Россию выпала её доля участия во Второй мировой войне. В предшествующие Второй мировой войне дни, 23 августа 1939 г. Россия заключила с Германией пакт о ненападении и хотела таким образом добиться того, чтобы враг коммунизма – нацизм и представляющие капиталистический мир – Англия и Франция поедили друг друга и открыли путь к мировой революции, являющейся главной целью коммунизма. Но быстрое поражение Франции привело к тому, что вся тяжесть войны пала на Россию. Сталин, который до последнего времени, будучи генеральным секретарем, оставался на втором плане, несмотря на то, что он держал в своих руках всю власть в России, наконец, накануне русско-немецкой войны взял на себя пост Председателя Совета Народных Комиссаров, т. е. пост премьер-министра. Таким образом, фактически существующее положение было закреплено официально, и Россия стала «Сталинской Россией». Сталин, который долгое время опять же неофициально выполнял обязанность главнокомандующего, в последнее время узаконил и это положение. По решению Верховного Совета от 7 марта 1943 г. ему был дан титул и ранг маршала.

Несмотря на то, что Сталин управляет сегодня одной шестой частью мира, он ведёт очень простой образ жизни и не отказывается от старых привычек. Хотя в официальной жизни он имеет большой авторитет, влияние и силу, верховную власть и волю и порой несправедлив и беспощаден, лжив и упрям, Сталин не проявил никакой склонности к блеску, пышности и внешне показным сторонам. Он и сегодня такой же, каким он был 30 лет назад.

Сталин живёт в бывшем царском дворце в Кремле, но в скромной квартире, состоящей из нескольких комнат. Хотя некоторые и говорят, что это помещение раньше занималось царскими слугами, но это не совсем правдоподобно. Верно то, что помещение не роскошное, без украшений, но комфор-

табельное. Летом Сталин живёт в деревне Горки в окрестностях Москвы, в доме, где умер Ленин. В семейной жизни он перенёс несчастье, потеряв двух жён. Первый раз он женился в молодости на грузинской девушке. Эта женщина умерла молодой, оставив ему сына. Затем он женился на Наде Аллилуевой, пятнадцатилетней дочери кавказского революционера, и эта женщина умерла, оставив двоих детей. Сейчас Сталин одинок.

Диктатор России Сталин в семейной жизни очень нежный. Он хочет, чтобы его дети жили привольной жизнью, и в семье Сталин пользуется большим авторитетом. Когда его старший сын не смог сдать экзамен в инженерную школу, он послал его в деревню в Грузию и сказал: «Поскольку ты не хочешь быть инженером, то будь сапожником!». К жене он относился всегда по старым семейным традициям. Он заставлял свою жену жить настоящей гаремной жизнью. Мать Сталина ещё жива. Она живет в Тифлисе во дворце, который раньше принадлежал губернатору.

У Сталина очень много дел, так как он руководит сам почти всеми делами России. Он не придаёт значения одежде и не имеет ни времени, ни желания развлекаться. Изредка он ходит в оперу и на балы. Он не бродит среди народа. Он придаёт большое значение сохранению своей жизни, так как боится безвременно умереть и не хочет уйти из мира, не совершив мировой революции. Он никого не принимает наедине. Собственно говоря, очень немногие имеют с ним личные связи. Когда он живёт в Горках, к нему в дом никто не может прийти, кроме Молотова и Кагановича. По утрам он из Горок приезжает в Кремль на совершенно чёрном, блестящем, бронированном роллс-ройсе. Причём спереди и сзади идут машины, в которых находится охрана. Если чувствуется опасность, то во двор дома приезжают ещё 5 таких же машин и 6, точно похожих одна на другую машин, идут по различным дорогам в Кремль и въезжают в него через различные ворота. Даже шофера не знают, в какой из машин едет Сталин.

Сталин занимает место Ленина в сердце русского народа, несмотря на то, что он редко показывается в народе, мало говорит и всегда остаётся в тени. Дело в том, что Ленин умер безвременной смертью, не обеспечив никакой пользы русскому народу. А Сталин нашёл достаточно времени для обеспечения экономического развития. Вдобавок Сталин, точно как Гитлер, путём ужасной пропаганды непрерывно восхваляет себя перед русским народом.

Сталин обладает индивидуальными чертами, оказывающими большое, очаровывающее влияние на тех, кто окружает его. Огромная сила, скрывающаяся за простотой и скромностью, придают его характеру величие, причём настолько, что люди представляют себе Сталина высоким даже по росту. Между тем это продукт пропаганды, ибо в действительности его рост немного выше среднего. Хотя в молодости Сталин не учился и не получил систематического образования, он обладает широкими познаниями, которые он почерпнул из книг, прочитанных в годы ссылки. Особенно широкие знания он имеет в области истории и литературы. На людей, с которыми он говорит, Сталин производит впечатление «интеллектуального человека». Те, кто находится вокруг него, получают большое удовольствие от бесед с ним. Он говорит низким голосом в одном тоне. Но в глазах его всегда сверкает огонь. Хотя Сталин и не обладает утончённостью светского человека, но на собраниях он не выглядит неловким или смешным. Его поло-

жение и авторитет, которыми он пользуется у окружающих, дают ему возможность держаться естественно и спокойно.

Во время этой войны он показал себя как спокойный, хладнокровный и твёрдый человек.

Сталин очень трудолюбив. Благодаря необычайной энергии, которой наградила его природа, он работает по многу часов подряд. Он может сконцентрировать свою работу и силу на одной определённой точке. Стол в его кабинете завален досье. В Кремле он занят с утра до вечера заседаниями, следствиями и приёмами. В его работе преобладает скорее ум, рассудительность и осторожность, чем инстинкт. Он продолжает применять все тонкости созданной им революционной школы. Он всё слышит, всё узнаёт и ничего не забывает. К каждому вопросу он подходит прямо и изучает его во всех подробностях, придавая последним большое значение.

Он не нуждается в деньгах, так как все расходы несёт государство [2].

Список источников и литературы

1. Сегодня. 1930. 31 марта.
2. Родная страна. 1951. 13 апр.
3. Последние новости. 1927. 28 июля.

УДК 94
ББК ТЗ(2)614

Сергей Владимирович Карасев,
*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Русская эмиграция в Маньчжоу-Го и её хозяйственная деятельность в 1932–1942 годах

В статье раскрываются вопросы состояния и развития различных эмигрантских хозяйственных организаций в Маньчжоу-Го, мотивы их создания и направления деятельности. Исходя из этого, можно рассмотреть не только назначение тех или иных хозяйственных структур, но и причины их создания.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го, эмиграция, союз, общества, Китай, Россия

Sergey V. Karasyov,
Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia

Russian Emigration in Manchukuo and its Economic Activity in 1932–1942

The article reveals the issues of the state and development of Russian emigrant economic organizations in Manchukuo, the motives of their creation and activities. It is considered not only the purpose of these or those economic structures, but also the reasons for their creation.

Keywords: Manchukuo, emigration, union, societies, China, Russia

В настоящее время исследование вопросов истории взаимных отношений России и Китая выходят на новый уровень, поднимаются и вводятся в научный оборот многие ранее не доступные исследователям документы, которые позволяют с новых, а иногда и совсем необычных сторон посмотреть на, казалось бы, давно изученные вопросы. Всё это настраивает на продолжение исследований не только одним историком, но и научными коллективами, что представляется важным, т. к. в этом случае сглаживаются взаимные противоречия в оценке событий, а взаимообмен документами даёт возможность проводить исследования, когда вырабатывается единый подход не только к видению хода изучаемых событий, но и к причинам их возникновения.

Вопросы, поднятые в данной статье, позволяют приоткрыть ранее не освещённые экономические проблемы становления русского предпринимательства в Маньчжоу-Го. Появляется возможность рассмотреть различные направления применения русского капитала, увидеть взаимосвязь государства и тех, кто вёл предпринимательскую деятельность. Самобытность русского населения на территории Маньчжурии нельзя сбрасывать со счетов и не рассматривать как самостоятельную культурную составляющую этого региона.

Образование государства Маньчжоу-Го относится к 1932 г. За 10 лет, к моменту своего падения, оно превратилось в империю Маньчжоу-Ди-Го, празднование 10-летнего юбилея которого совпало с периодом Второй мировой войны.

К 1940 г. политика этого государства в области экономики привела к тому, что ведущих коллективное хозяйство японцев на её территории было переселено 17 908 семей, (всего 48 044 чел.); ведущих самостоятельное

хозяйство семей – 3836 (всего 10 193 чел); членов Добровольческих переселенческих отрядов молодёжи – 37 205 чел.; членов отрядов трудовой повинности – 21 794 чел. [3, с. 134]. Кроме японцев, на территорию Маньчжоу-Го было переселено порядка 23 206 корейских семей, общей численностью около 96 515 чел.

Каких же успехов в области образования добилось это государство к 1942 г. – к моменту своего падения? В качестве показателей можно привести следующее: общая протяжённость железных дорог выросла до 11 000 км, тогда как в 1930 г. было только 6000 км; число школ возросло до 24 000 с числом учащихся в 2 020 813 чел., тогда как в 1930 г. было 9000 школ, в которых учились 500 000 учеников, а число университетов в 1940 г. составило 18. В них учились 4960 студентов (один из ведущих университетов был создан в 1938 г. в память духа основания государства). Кроме этого, численность населения к 1940 г. составила 43 202 880 чел., к 30 млн – в 1932 г. [3, с. 97].

Административно-территориальное деление Маньчжоу-Го к 1942 г. представляло из себя следующую картину: провинция, уезд (в монгольских населённых пунктах – монгольские уезды) и посёлки [3, с. 134].

Во главе провинций стоял Губернатор, который подчинялся непосредственно Премьер-министру. Делами уезда ведал начальник уезда, который через Уездное управление ведал всеми хозяйственными и административными делами. Поселковые и сельские управления были первичными административными органами [3, с. 97]. Устои Маньчжоу-Ди-Го, в том числе, основывались на принципах, когда между живущими на его территории народностями не делалось никакого различия. Когда не только коренные народности, а это ханьская, маньчжурская,

монгольская, но и другие имеют право на жительство на равных с коренными народами началах [3, с. 66].

Проживающие к 1942 г. в Маньчжурии русские являли собой единство двух исторических слоёв. Основополагающий слой – это те русские, которые оказались в Маньчжурии ещё до революции 1917 г. Многие из них по различным (политическим, экономическим или иным) обстоятельствам уже не могли, да и, наверно, не хотели возвращаться в Россию. Другая составляющая – это те, кто оказался здесь как в период Гражданской войны, так и после её окончания. Эти, на первый взгляд «разношерстные» представители российской эмиграции, численность которых была довольно невелика по отношению к местным коренным жителям, были весьма ценным вкладом как в хозяйственном, так и интеллектуальном плане. Это и знания, и опыт, и желание не просто уехать, а желание трудиться для собственного благосостояния. Здесь нужно отметить, что определённая часть этих людей обладала капиталом, который не только могла, а хотела вкладывать в экономику Маньчжоу-Го.

Большой толчок в вопросе оседлости русских в Маньчжурии дала, конечно, КВЖД, для строительства которой была выделена полоса отчуждения, в которой строились населённые пункты. Строились эти населённые пункты исключительно для служащих дороги и сотрудников охраны. Однако кроме этого контингента, сначала медленно, а затем всё активнее стали появляться различные подрядчики, ремесленники, представители свободных профессий и конечно, коммерсанты. Трудом этих людей появлялись сначала отдельные постройки, затем улицы. Некоторые из них потом превратились в целые города.

Одним из таких городов стал Харбин. Появление любого населённого пункта не происходит только в результате строительства жилья. Возникают различные медицинские заведения, учебные заведения, развиваются и учреждения пожарной безопасности.

Однако не нужно находиться в плену иллюзий того, что власти Маньчжоу-Го встречали русских исключительно с распростёртыми объятиями. Это была обстановка подозрительности, зачастую незаслуженного оскорбления. Моральная подавленность, безысходность существования, низкое экономическое положение послужили источником той мысли, которая стала толчком в необходимости создания какого-нибудь центра-союза-общества, которое могло бы защитить

этот слой жителей Маньчжурии.

Но в этом вопросе были и другие серьёзные трудности. Это и нежелание молодой советской власти хоть как-то поддерживать пусть и своих соотечественников, но людей, которых считали предателями; и политика Маньчжоу-Го, которая видела в этих людях скрытую угрозу – в сильных духом, образованных, стремящихся к обустройству на новом месте, и не просто обустройству, а сохранению своих исторических корней людях, которые могли создавать серьёзные проблемы властям Маньчжоу-Го и, конечно, Японии.

Для решения подобных вопросов, да и просто для выживания русской эмиграцией на местах стали создаваться организации различной направленности. Было ли это хорошо и правильно? Конечно. Но такая работа по созданию различных обществ, союзов и т. п. несла и отрицательную составляющую. Эта составляющая заключалась в том, что эмиграция стала делиться по экономическим, политическим, хозяйственным предпочтениям, что, конечно, не вело к консолидации сил.

Маньчжоу-Го в создавшейся ситуации поступило, как нам кажется, абсолютно верно. Были взяты в свои руки все вопросы по различным объединениям. Указом от 1934 г. создаётся организация – «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи». Для полного подчинения этой организации на последнюю были возложены следующие основные обязанности: укрепление материального положения русских эмигрантов; взаимодействие с властями по всем вопросам; оказание помощи властям по вопросам эмиграции; оказание помощи властям по всем вопросам эмигрантов. Как видно из приведённой части этого указа, его основная направленность заключалась в том, чтобы держать в своих руках решение всех вопросов, полный контроль и не только хозяйственных вопросов [3, с. 293].

Вот небольшая часть списка руководящего состава местных подразделений этого бюро: Захинганское – ген.-лейт. А. П. Бакшев; Маньчжурское – А. М. Заалов; Мукденское – П. С. Корнилов и т. д. [3, с. 298].

Хозяйственные органы Главного бюро представлялись целым рядом хозяйственных организаций. Среди них хотелось бы назвать Союз владельцев пекарен, который был организован в конце 1934 г. С введением карточек на хлеб в 1940 г. работа этого Союза достигла своего пика. Создаваясь с целью снабжения мукой и хлебом, общество вело и благотворительную работу.

В общество «Русский транспорт» входило порядка 900 чел. Целью общества было обеспечение нужд членов общества, их профессиональная защита и взаимодействие с властями. Союз владельцев вино-гастрономических и бакалейных предприятий только в Харбине насчитывал 64 члена.

Можно еще упомянуть «Общество молочных предприятий», «Общество владельцев ресторанных предприятий», «Союз подрядчиков и поставщиков», «Объединение владельцев водочных заводов», «Союз военных» и «Союз казаков».

Необходимо отметить ещё одну весьма важную составляющую жизни русской эмиграции в Маньчжоу-Го. Бюро проводило большую благотворительную работу. Им создавались благотворительные больницы, приюты для престарелых, различные кружки и молодёжные организации. Всё это работало в тесной связи с потоком информации, которую японская сторона направляла на русскую эмиграцию, конечно, на русском языке. Среди них можно вспомнить такие издания, как «Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го», «Русско-японский спутник» [11, с. 100].

Русские авторы также печатали свои труды. Здесь присутствовала тематика воспоминаний о России, книги по специальной

тематике. Так, в Дайрене с 1940 по 1943 г. издавался журнал «Восточное обозрение» [13, с. 63]. Религиозные издания, такие как, например, «Хлеб небесный», издавался в Харбине с 1927 по 1944 г. [13, с. 174].

Кардинальные политические изменения, которые произошли в России после Октябрьского переворота 1917 г., как и предшествовавшие этому события, в результате которых представители Российской империи оказывались в Китае, имели серьёзное влияние как на становление здесь русской эмиграции, так и на её развитие.

Попытки придать русской эмиграции в Китае политический образ, образ врага СССР, конечно, имели определённые успехи. Но основная её заслуга состоит в том, что вместе с людьми на эти территории пришли русский талант, русская духовность, русская мысль, русская память.

То, что маньчжурские старожилы русской национальности в период вхождения на эти территории армии СССР в 1945 г. надевали свои царские награды и по воинской традиции приветствовали их, стоит многого. Но и тот экономический уклад, который был заложен русскими эмигрантами, во многих случаях послужил фундаментом развития собственной экономики, пусть и искусственно созданного государства.

Список источников и литературы

1. Аварин В. Я. Независимая Маньчжурия. М.: Партиздат, 1934. 152 с.
2. Вэй Ц. Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945): пер. с кит. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 52 с.
3. Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. Харбин: Гос. орг. Кио-ва-кай и гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. 514 с.
4. Воронцов В. Б. Тихоокеанская политика США. 1941–1950. М.: Наука, 1967. 318 с.
5. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов; ред. Н. Н. Азовцев [и др.]. М.: Сов. энцикл., 1983. 704 с.
6. Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Ин-т востоковедения, 1927. 219 с.
7. Дипломатический словарь / гл. ред. А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. Т. 1. А – К. М.: Госполитиздат: Образцовая тип., 1948. 612 с.
8. Досовицкая В. В. Политика Японии в маньчжуро-монгольском регионе в 20–30-х гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014. 180 с.
9. Карасев С. В. Идеологическая работа СССР на территориях, оккупированных в ходе советско-японской войны 1945 г. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. № 2, т. 1. С. 182–187.
10. Карасев С. В., Кузнецов С. И. The last emperor of China in the Soviet Union // Journal of Slavic Military Studies. 2005. Vol. 18, No. 2. Pp. 207–227.
11. Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1945 гг.). Хабаровск, Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. 250 с.
12. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 1999. 448 с.
13. Полански П. Русская печать в Китае, Корею и Японии. М.: Пашков дом, 2002. 200 с.
14. Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М.: Прогресс, 1968. 384 с.
15. Славинский Б. Н. Внешняя политика СССР на Дальнем Востоке, 1945–1986 гг. М.: Междунар. отношения, 1988. 336 с.

УДК 94:327(517.3:510)
ББК ТЗ:Ф4(5Мон+5Кит)

Дэмбэрэл Дашхорлоо,
Монгольский национальный университет,
г. Улан-Батор, Монголия

Некоторые исторические положения установления монгольско-китайской границы

Монголия находится в контакте с южным соседом – Китаем – на протяжении уже 2–3 тысяч лет. Южный сосед столетиями оказывал своё влияние на развитие монгольской нации, культуру, а также имел положительное и отрицательное воздействие на хозяйство. Несмотря на стабильность мирных взаимоотношений, в основном, имеется немало фактов негативного отношения в истории независимости Монголии, свободы и целостности территории. Всё это было, в конечном счёте, связано с решением проблемы по вопросу границы между государствами. Граница между Монголией и Китаем, в основном, проходит по границе регионов Внешняя и Внутренняя Монголия, Синцзян, Уйгур и Западной Монголии.

Ключевые слова: государственная граница, Монголия, Китай, договор, регион, карта

Demberel Dashkhorlo,
Mongolian National University,
Ulan Bator, Mongolia

Some Historical Situation of the Establishment of Mongolian-Chinese Border

Mongolia has been in contact with its southern neighbor – China for 2–3 thousand years. The southern neighbor for many centuries had an impact on the development of the Mongolian nation, culture, and had a positive and negative impact on the economy. Despite the stability of peaceful relations during most of the period of relations, there are many facts of negative attitude in the history of Mongolia's independence, freedom and integrity of the territory. All of this was ultimately linked to the solution of the problem of the border between States. The border between Mongolia and China mainly runs along the border of the regions Of outer and Inner Mongolia, Xinjiang, Uighur and Western Mongolia.

Keywords: State border, Mongolia, China, Treaty, region, map

До установления границы между Монгольской Народной Республикой и Китайской Народной Республикой в восточной Монголии была установлена договорённость об установлении границы между МНР и Маньчжоу-Го между озером Буир и рекой Номрог. Это соглашение было заключено в Москве 9 июня 1940 года после окончания войны на реке Халхин-Гол. В результате переговоров министра иностранных дел, народного комиссара Советского Союза В.М. Молотова и посла Японии г-на Того был подписан договор об установлении границы в районе, где проходили военные события 1939 года между МНР и Маньчжоу-Го.

«...В ходе переговоров министр иностранных дел СССР В. М. Молотов и Прави-

тельство Монгольской Народной Республики согласились с данным соглашением, посол Японии Того и Правительство Маньчжоу-Го заявили о готовности к диалогу», говорится в тексте документа.

Была приложена карта с установленной границей масштабом 1:200 000, разработанная в 1935 году Главным штабом Красной Армии. Описание прохождения границы также было в приложено в письменном виде. В тексте было сказано: «Граница находится примерно в четырёх с половиной километрах от сомона Халх, южной границы озера Буйр, и отмечена на карте отметкой 1075». Представители Правительства Монгольской Народной Республики и Правительства Маньчжоу-Го должны отмечать границы на месте

как можно скорее и после завершения работ немедленно должно быть заключено соглашение между Правительством Монгольской Народной Республики и Правительством Маньчжоу-Го.

С 18 июля 1940 года при участии представителей СССР и Японии начались работы по демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го. С монгольской стороны работы по демаркации границы возглавлял командующий корпусом Батын Дорж. 15 августа 1941 года в Харбине были подписаны заключительные документы, которыми завершились работы по демаркации границы между МНР и Маньчжоу-Го. Таким образом, пограничная линия в 220 км от горы Уланганг Амралт от озера Буйр была отмечена номером 1-132. Правительство Монгольской Народной Республики ратифицировало Протокол и официальной нотой /27.х.72/ от 29 ноября 1941 года официально уведомила Правительство Маньчжоу-Го.

21 год спустя были подписаны Соглашение между Монгольской Народной Республикой и Китайской Народной Республикой о государственной границе. Соглашение было подписано Председателем Президиума Народного Великого Хурала Председателем совета министров МНР Юмжагийн Цэдэнбалом и Председателем Народного Совета, Премьер-министром КНР Чжоу Энъяем (документ о подписании Соглашения об установлении границы, подписанный 26 декабря 1962 года). К договору была приложена карта с маркировкой границы масштабом М1:1000 000.

В Договоре было указано, что монгольско-китайская граница на западе начинается с горы Таван Богд хребта монгольского Алтая (пик Хуйтэн) высоты 4050 и на востоке доходит до перевала Тарвагандах (645,5). В Договоре указывается, каким образом использовать реки, колодцы и дороги, пересекающие границу. «Как только Договор вступит в силу, на месте будет создана совместная монгольско-китайская комиссия по возведению всех необходимых пограничным столбов и меток на протяжении всей границы, указанной в Договоре, также будут разработаны подробные карты с точным описанием границы и её меток.

В то время Чжоу Энъяй был одним из почитаемых высокопоставленных дипломатов КНР.

Он же подписал 17 ноября 1962 года Протокол переговоров представителей Правительств МНР и КНР и Договор об установ-

лении границы между МНР и КНР. *(Все документы, подписанные до момента подписания настоящего Договора, считавшиеся действительными, с момента подписания данного Договора считаются утратившими свою силу – было отмечено в Договоре).*

Данный Договор был ратифицирован Правительствами двух государств и после обмена Договорами между сторонами в г. Улан-Баторе 25 марта 1963 года вступило в законную силу. Каждой из сторон была сформирована комиссия по окончательной маркировке границы. С монгольской стороны председателем комиссии был назначен Базарын Цэдэн-Иш, членами Дамдинцэрэнгийн Батаа, Дашнямын Бадамжав, Баатарын Рагчаа, Эрдэнэцогтын Халтар, Дандарын Намжилдорж, ответственным секретарем Х. Шарав, специалистом Баатарын Ламзав. Кроме того, в работе были задействованы профессиональные пограничники, активно принимающие участие в прямых работах по маркировке границы.

Резолюции № 221 и 222 Совета министров МНР по маркировке государственной границы между МНР и КНР вышли 20 мая 1963 года. Во исполнение резолюций Совета министров МНР 12 июня издан Приказ министра № 303 об учреждении комиссии по маркировке границы между МНР и КНР и включении в состав должностных лиц отраслевых комиссий и комитетов по разделению границ между Монголией и Китаем и о предоставлении специалистов по радиосвязи и необходимого автотранспорта в количестве 14 автомобилей.

В соответствии с Приказом министра № 303 1963 года, для обозначения южной границы отраслевая комиссия назначается следующим образом:

Первая отраслевая комиссия была создана в аймаке Баян-Улгий, с центром Даяннуур, заместитель начальника пограничной службы Т. Сосорбарам, секретарём и переводчиком назначен Б. Байнбулаг. Данный филиал имел 2 отдела. Начальником первого отдела назначен помощник пункта Даяннур Г. Калих, начальником второго отдела назначен представитель обеспечения безопасности, майор М. Квадраш.

Вторая отраслевая комиссия была создана в аймаке Ховд, с центром Байта. Заместителем начальника был назначен помощник пограничной службы, полковник М. Батхуяг. Данный филиал имел 2 отдела. Начальником третьего отдела (нумерация отделов была единой и начиналась с запад-

ной точки границы) был назначен начальник Булганского пункта, капитан Х. Баянцагаан, начальником четвёртого отдела назначен начальник пункта Байтаг майор Д. Цэдэв.

Третья отраслевая комиссия сосредоточена в Гоби-Алтайском аймаке с центром в Баян-Ово. Подполковник Ж. Жигмэддорж был назначен заместителем по государственному пограничному надзору. Данный филиал имел 2 отдела. Начальником пятого отдела назначен майор Д. Цэрэнжав, начальником шестого отдела назначен начальник пункта Баян-Овоо майор Б. Жамц.

Четвёртая отраслевая комиссия была создана в аймаке Умнугоби, а центр находился в Овоот. Заместителем рабочей комиссии был назначен начальник пункта Оцонмааньт майор Б. Жамъяндэлгэр. Данный филиал имел 3 отдела. Начальником седьмого отдела назначен начальник пункта Цагаан Богд майор Ц. Таадай, начальником девятого отдела назначен начальник изолятора, капитан Д. Банзрагч.

Пятая отраслевая комиссия была создана в аймаке Дорногоби с центром в Ханги. Заместителем рабочей комиссии был назначен подполковник Ч. Дамбийням. Данный филиал имел 2 отдела. Начальником десятого отдела назначен начальник пропускного пункта Ханга майор Б. Балдансүрэн, начальником одиннадцатого отдела назначен начальник пункта Ханга Б. Галбадрах.

Шестая отраслевая комиссия была создана в аймаке Сухбаатар с центром Асагат. Заместителем рабочей комиссии был назначен помощник комиссии Х. Шарав. Данный филиал имел 3 отдела. Начальником двенадцатого отдела назначен начальник пропускного пункта Замын-Ууд капитан Б. Ядмаа, начальником тринадцатого отдела назначен начальник пункта Бичигт капитан Д. Тогтохбаяр.

Седьмая отраслевая комиссия была создана в аймаке Дорнод с центром Баянхошуу, которая состояла из двух отделов. Заместителем рабочей комиссии был назначен помощник пограничной службы майор Н. Лавдан, начальником пятнадцатого отдела назначен начальник пункта Баян-Хошуу капитан Ж. Дандарванчиг, начальником шестнадцатого отдела назначен начальник пункта Хавирга капитан Ч. Лхагва-Очир. С китайской стороны комиссию возглавлял Лү-Чин, члены комиссии: Гаравсэнгэ, Лү-Тү, Жин, советником был Ли Зо Ван. Для проведения полевых работ по маркировке границы было создано 16 филиалов.

По завершении демаркационных работ 30 июня 1964 года в г. Улан-Батор состоялось подписание Протокола.

Согласно данному Протоколу, общая протяжённость монгольско-китайской границы составляет 4676,8 км, из них по суше 4482,3 км, 190,4 км водной границы, всего установлено 639 пограничных столбов.

Этот Протокол, состоящий из четырёх пунктов и 40 подпунктов, чётко определяет границы и знаки границ. Другими словами, отражается основа пограничного режима. В частности, говорится о необходимости принятия мер по предотвращению нарушения или уничтожения опознавательных знаков, дополнительной защите от трансгрессии или разрушения. Пограничные столбы должны быть одинаково пронумерованы с обеих сторон. Обе стороны несут ответственность за участок железной дороги, соединяющей Замын-Ууд и Эрлянж железнодорожным транспортом (ЗГУ). В то же время запрещается менять дороги, геодезические пункты, колодцы, которые пересекают государственную границу.

Один раз в пять лет необходимо проводить совместную инспекцию государственной границы. Установление и проверка границы является дорогостоящей задачей, требующей справедливой и ответственной работы.

Спустя двадцать лет после того, как монголо-китайская граница была официально установлена, с февраля 1982 по июль 1984 года прошла первая полная проверка границы. С монгольской стороны комиссию возглавлял Гэндэнгийн Нямдоо, с китайской стороны – Чэн Вэнь.

В ходе проверки были проверены все 639 пограничных столбов. Почти на всех были заменены опознавательные значки, 23 были полностью заменены на новые. Столбы 542, 56, 56, 579 сделали тройными. В результате на монголо-китайской границе установлено 639 основных пограничных столбов, 474 вспомогательных знаков, итого 1113 знака. От одного знака до следующего в среднем 4,2 км. Среди знаков одиночных 1043, двойных – 7, тройных – 63 знака. В аймаке Дорнод в районе горы Соёлз вдоль границы на отрезке между 530–537 номерами, находящимися в лесу, была проведена пограничная линия по 5 метров в каждую сторону, всего 10 метров шириной. В связи с тем, что на отрезке между номерами 561 и 562 изменилось русло реки Халх, а в районе отметки 579 обвалился берег на китайской

стороне реки, стороны обоюдно решили провести границу по реке Халх. Размер регулируемой земли был равен с обеих сторон, отмечено в Протоколе.

Обе стороны совместно разработали карту масштабом 1:1 000 000 «Границы между МНР и КНР» и нанесли на неё все основные и вспомогательные пограничные опознавательные отметки. Также на основе вышеупомянутых аэрофотографических материалов были нанесены на карту дополнения «Об установлении границы по рекам и между столбами 560–562 Халхин-Гол и Шарилж Гол». Эти карты были обобщены в альбом «Карты государственной границы между МНР и КНР» и также приложены к Протоколу.

По факту первой проверки границы был составлен совместный Протокол между Правительствами МНР и КНР, подписанный 19 июля 1984 года в Пекине полномочным представителем Правительства МНР Д. Ёндоном с монгольской стороны и полномочным представителем Правительства КНР Хань Суй с китайской стороны. Данный Протокол идёт как дополнение к Протоколу от 1964 года. Обе стороны признали, что отправной точкой в западной части монголо-китайской границы является вершина Хуйтэн 4104,0 (4050,0) горы Таван Богд хребта монгольского Алтая и первый знак по согласованию сторон установлен в 100,01 км на юге от отправной точки на перевале Хом (2760,1). Данный вопрос не смогли решить во время первой проверки. Было выгодно разместить 1-й столб в точке или окружении горы Таван Богд как отправной точки на западной части монголо-китайской границы. Однако установленная первая точка западной части границы на перевале Хом и территория между отправной точкой и первой отметкой была указана в Протоколе. Документы об установлении границы между МНР и КНР были официально зарегистрированы в ООН 9 октября 1975 года.

Вторая совместная проверка границы была проведена в период с 2001 по 2005 год. В результате проверки установлена длина границы, которая составляет 4709,6 км. На границе насчитывается 1157 пограничных знаков, из 1533 пограничных столбов 1487 одиночных, 28 – двойных и 18 – тройных.

Крайне важно, чтобы обе страны различали границы своей земли и имели международно признанную границу. Однако без механизмов обеспечения безопасности границы, открытия пограничных ворот, транспортировки пассажиров и товаров невозмож-

но обеспечить безопасность страны и земли. Мелкомасштабных конфликтов на границе Монголии и Китая было несколько раз, и они случаются и по сей день. Другими словами, руководства стран на высшем уровне должны регулировать монголо-китайские проблемы на границе. Для понимания этой проблемы понадобились многие десятилетия. Есть юридический акт, который был официально учреждён в конце XX века. Это соглашение между Правительством Монгольской Народной Республики и Правительством Китая о регулировании пограничного режима Монголии и Китая и пограничных вопросов.

Это соглашение было подписано 28 ноября 1988 года в Пекине полномочным представителем Монгольской Народной Республики Д. Ёндоном, полномочным представителем Китайского Правительства Лю Шу-цином. Договор был ратифицирован высшими руководящими органами двух стран и вступил в силу после обмена документами в г. Улан-Баторе. В нём подчёркивается, что данное соглашение направлено на расширение правовой базы для двух Правительств по стабилизации границ двух стран и поддержанию границ двух стран в целях уважения границ пограничного режима, взаимопонимания и сотрудничества.

Соглашение состоит из 6 глав, 21 пункта и 10 приложений. Было разработано руководство по установлению пограничных знаков, вспомогательных знаков, по их распознаванию, защите и восстановлению. Было запрещено возведение пограничных знаков самостоятельно, а также запрет на строительство новых сооружений, пахотные работы и рытье траншей в радиусе 20 метров по обе стороны границы. Однако это не относится к зданиям, предназначенным для защиты границ. Водоразделы, источники воды и колодцы, которые пересекают пограничные линии, железнодорожные линии и линии средств связи, пересекающие границу, определяются как «пограничная вода». Водный транспорт обеих стран должен использоваться на озёрах и реках только в светлое время суток. Обе стороны могут пользоваться пограничной водой для водопоя скота. Однако нельзя перегонять скот на соседнюю сторону. Обе стороны могут совместно использовать железную дорогу и другие линии связи и дорог, основываясь на установленных правилах. Вопрос охоты, рыбалки, открытия производства в пограничной зоне регулируется 4-й статьёй данного соглашения. Обе стороны могут ловить рыбу в

водах границы. Во время охоты и рыбалки запрещено использовать взрывчатые вещества, яды и опьяняющие средства, которые могут причинить вред окружающей природе, а также использование всевозможных ловушек.

Обе стороны запретили охоту в зоне 1000 метров с обеих сторон границы. Проводя сельскохозяйственные, лесные, геологические работы на своей пограничной территории, нельзя наносить ущерб соседней стороне. В целях предотвращения и пересечения лесных и степных пожаров и распространения инфекционных заболеваний, радиоактивных и других токсичных веществ на территории границы, обе стороны должны принять соответствующие меры. Лицо, нарушившее пограничный режим, будет задержано до установления причины и если будет доказан факт непреднамеренного пересечения границы, гражданин будет возвра-

щён обратно как можно быстрее. Сотрудник пограничной службы вправе принять решение по нарушениям на месте. Домашние животные, перешедшие на другую сторону, должны выдаваться обратно. При случайном пересечении границы необходимо сразу же вернуться обратно.

Договор стал одним из основных документов, регулирующих международные отношения между МНР и КНР и является основой для мирного сосуществования между соседями. Соглашение о монголо-китайской границе было утверждено Организацией Объединённых Наций и получило международное подтверждение.

В настоящее время китайско-монгольская граница является одной из самых спокойных границ в Азии. Она играет важную роль в региональной и международной стабильности.

Список источников и литературы

1. 60 лет дружбы и сотрудничества. 1949. Пекин, 2009. Ч. 12.
2. Дашхорлоо Д. Исследования по вопросам установления монголо-китайских отношений и создания границы между МНР и КНР: дис. ... д-ра ист. наук. Хух-Хото, 2016.
3. Сүндэв П. Защита и ратификация границы Монголии (1960–1990). Улан-Батор, 2006.
4. Хронология монголо-китайских отношений. 1949. Пекин, 2009. Ч. 13.
5. Цэдэн-Иш Б. История создания монгольской границы. Улан-Батор, 2011.

Монгол хятадын хооронд улсын хилийн тогтоон тэмдэглэсэн нь

Монгол улс өмнөд хөрш улстай 2–3 мянган жилийн хугацаанд хаяа залган оршиж ирсэн. Өмнөд хөрш нь олон зуун жилийн хугацаанд Монгол үндэстний хөгжил, монгол ард түмний соёл иргэншил, ахуйд эерэг ба сөрөг хүчин зүйлээр нөлөөлж байв. Хоёр улсын оршин тогтнох бүх хугацааны ихэнхэд нь энх тайван харилцаан дээр тулгуурлаж ирсэн боловч Монгол улсын тусгаар тогтнол, бүрэн эрх, газар нутгийн бүрэн бүтэн байдалд таагүй хандаж байсан түүхэн үе цөөн биш байлаа. Энэ бүхэн эцсийн эцэст хоёр улсын хилийг нарийвчлан шийдвэрлэхтэй холбоотой байв. Монгол улс БНХАУ-ын хооронд тогтоон тэмдэглэсэн улсын хил нь чухамдаа Ар, Өвөр Монгол, мөн Шинжаан, Уйгар, Баруун Монголыг заагласан орон нутгийн чанартай хилийг баримжаалан байгуулагдсан хил юм.

Түлхүүр үг: Улсын хил, Монгол, Хятад, гэрээ хэлцэл, протокол, газрын зураг бүс нутаг

БНМАУ, БНХАУ-ын хоорондох хил албан ёсны болж тогтоогдохоос өмнө Монголын дорнод хэсгийн зарим газар тухайлбал “БНМАУ, Манж-го – гийн хооронд Буйр нуур ба Нөмрөгийн голын орчимд хил тогтоох тухай хэлэлцээр байгуулж хэрэгжүүлсэн түүхтэй. Энэ хэлэлцээрийг Халхын голын дайн дууссаны дараа 1940 оны 6 дугаар сарын 9-ний өдөр Москва хотноо байгуулжээ. ЗСБНХУ-ын Гадаад хэргийн эрхлэх ардын

комиссар В. М. Молотов ба Москва хотод суугаа Японы элчин сайд ноён Того нарын хооронд хийсэн яриа хэлэлцээний үр дүнд 1939 онд будлиан гарсан район БНМАУ ба Манж-го-гийн хоорондын хил хязгаарыг нарийвчлан тогтоох тухай хэлэлцээ байгуулсныг дурджээ.

“...Хэлэлцээг байгуулахдаа ЗСБНХУ-ын Гадаад хэргийг эрхлэх ардын комиссар В. М. Молотовоос БНМАУ-ын засгийн газар

энэхүү хэлэлцээг зөвшөөрөх ба Японы элчин сайд ноён Того-гоос Манж-Гогийн засгийн газар энэхүү хэлэлцээг зөвшөөрмөй хэмээн тус тус илэрхийлсэн амой” гэж уг хэлэлцээнд бичжээ.

Хилийн шугамыг 1935 онд улаан цэргийн жанжин штабаас хэвлэсэн 1:200 000 масштаб бүхий зураг дээр тодорхойлж хавсаргасан байна. Хилийн шугамыг хаагуур яаж явсныг үгээр бичиж давхар тодорхойлжээ. Түүнд “Хил хязгаар нь барагцаалбаас Халхын сүмээс баруун өмнө этгээдэд дөрвөн хагас км газар Буйр нуурын умард эргээс... хавсаргасан зураг дээр байгаа 1075 хэмээх тэмдэг бүхий өндөрлөгийг хүрэх ба түүнээс цааш одмой” гэсэн байна. Хэлэлцээрт БНМАУ-ын Засгийн газрын төлөөлөгчид ба Манж-го-гийн Засгийн газрын төлөөлөгчид аль болох богино хугацаанд хилийг газар дээр нь тогтоон тэмдэглэх ба дурдсан ажил дууссаны дараа БНМАУ-ын Засгийн газар ба Манж-го-гийн засгийн Газрын хооронд нэн даруй байгуулагдах хэлэлцээрээр батлагдах ёстой гэжээ.

Энэхүү хэлэлцээрт 1940 оны 7 дугаар сарын 18-ны өдөр яльгүй тодотгол хийгээд Зөвлөлт, Япон хоёр улсын төлөөлөгчдийн оролцоотойгоор Монгол-Манж Гогийн хооронд хил тогтоон тэмдэглэх ажил явагдав. Энэхүү хил тогтоох тэмдэглэх ажлын Монголын талын комиссыг корпус командлан захирагч Батын Дорж даргалж, 1941 оны 10 дугаар сарын 15 нд Монгол Манжийн хилийг газар дээр нь тодотгон тогтоосон протоколд Харбин хотод гарын үсэг зуржээ. Ингэснээр Буйр нуурын Улаангангаас Амралт уул хүртэл 220 км хэсэгт хилийн шугамыг газар дээр нь тогтоон 1–132 тэмдэгээр тэмдэглэв. Хил тогтоосон протокол үйлдсэнийг БНМАУ-ын Засгийн газар баталсан тухайгаа Манж-го-гийн Засгийн газарт 1941 оны 11 дүгээр сарын 29-ний өдрийн нотоор [27.х.72] мэдэгджээ.

Үүнээс хойш 21 жилийн дараа Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс ба Бүгд Найрамдах Хятад Ард Улын хилийн гэрээ байгуулагдав. Энэхүү гэрээнд 1962 оны 12 дугаар сарын 26-ны өдөр Бээжин хотноо БНМАУ-ын Ардын Их Хурлын Тэргүүлэгчдээс эрх олгосоноор БНМАУ-ын Сайд нарын Зөвлөлийн дарга Юмжаагийн Цэдэнбал, БНХАУ-ын даргаас эрх олгосноор БНХАУ-ын төрийн зөвлөлийн ерөнхий сайд Чжоу Эньлай нар гарын үсэг зуржээ. [1962 оны 12 дугаар сарын 26-нд Бээжин хотноо хилийн гэрээнд гарын үсэг зургадсан тухай бичиг].

Гэрээнд хилийн шугамыг М1:1000 000 зураг дээр тодорхойлон тэмдэглэж хавсаргажээ.

Монгол Хятадын хилийн шугамын баруун үзүүрийн эхлэх цэг болох Монгол Алтайн нурууны Таван Богд уул \Хүйтэний оргил\-ын 4050 тоот өндөрлөгөөс эхлэн хилийн шугам нь Монгол Хятадын хилийн шугамын зүүн үзүүрийн эцэсийн цэг болох Таравган дахын овоо \645.5 тоот өндөрлөг\-нд хүрнэ гэжээ. Мөнхүү гэрээнд хилийн шугам дайран гарч байгаа гол,худаг,замыг хэрхэн шийдвэрлэж ашиглахыг заажээ. ”Гэрээ хүчин төгөлдөр болмогц хилийн шугамыг газар дээр нь тогтоон тэмдэглэх Монгол-Хятадын хамтарсан комиссыг байгуулж гэрээнд заасны дагуу хилийн бүх шугамыг газар дээр нь тогтоон, хилийн тэмдгүүдийг босгох, мөн хилийн шугамын байршилтын зүг, чиг, хилийн тэмдгүүдийн байрлалтыг нарийвчлан тодорхой бичсэн хоёр улсын хилийн тухай протоколыг үйлдэх ба протокол, газрын зургууд нь энэхүү гэрээний хавсралт газрын зургийг төлөөлөх болно гэжээ.

1. Чжоу Эньлай энэ үед БНХАУ-ын удирдагчдаас олон улсад хамгийн нэр хүнд нь түгэн дэлгэрсэн дипломатч байв.

Мөн ”БНМАУ, БНХАУ-ын Засгийн газрын төлөөлөгчдийн 1962 оны 11дүгээр сарын 17-ны өдрийн гарын үсэг зурсан хэлэлцээний протокол \Монгол Хятадын хилийн шугамыг тодорхойлж гарын үсэг зуржээ. *П.С\-оос бусад энэ гэрээ байгуулагдахаас өмнөх үеийн тус хоёр улсын хилийн холбогдолтой баримт бичгүүд ба түүнд хавсрагдсан газрын зургууд нь энэхүү гэрээг хүчин төгөлдөр болсон өдрөөс эхлэн хүчингүйд тооцогдоно*” гэж тэмдэглэжээ.

Энэхүү гэрээг хоёр улсын төрийн эрх барих дээд байгууллага зөвшөөрч гэрээний батламжийг 1963 оны 3 дугаар сарын 25-ны өдөр Улаанбаатар хотноо солилцсноор гэрээ хүчин төгөлдөр боллоо. БНМАУ, БНХАУ-ын хооронд байгуулсан дээрх гэрээний ёсоор хилийг газар дээр нь тогтоон тэмдэглэх комиссыг хоёр улс тус тусдаа томилжээ. Монголын талын комиссын даргаар Базарын Цэдэн-Иш, гишүүдэд Дамдин цэрэнгийн Батаа, Дашнямын Бадамжав, Баатарын Рагчаа, Эрдэнэцогтын Халтар, Дандарын Намжилдорж, хариуцлагатай нарийн бичгийн даргаар Х. Шарав мэргэжилтэн Баатарын Ламзав нар томилогджээ. Тэдгээрээс гадна мэргэжлийн хилчид улсын хилээ хамгаалахын зэрэгцээ хилийг тогтоон тэмдэглэх ажилд шууд гар биеэр оролцон идэвхтэй ажиллажээ. Ганцхан баримт авъя.

БНМАУ, БНХАУ-ын хоорондох хилийг тогтоон тэмдэглэхтэй холбогдсон БНМАУ-ын Сайд нарын Зөвлөлийн 221,222 дугаар тогто-

олууд 1963 оны 5 дугаар сарын 20 нд гарав. Тогтоолуудыг биелүүлэх зорилгоор мөн оны 6 дугаар сарын 2-12-нд НАХЯ-ны сайдын 303 тоот тушаал гарч Монгол Хятадын хоорондох хилийг газар дээр нь тогтоон тэмдэглэх салбар комисс, хэсгийн комиссын бүрэлдэхүүнд оролцох офицеруудыг мөн оны 5 дугаар сарын 20-ноос эхлэн үндсэн ажлаас нь чөлөөлж, цалин хэрэглэлийг нь хэвээр олгох, комиссууд пунктүүдийн радистуудыг ашиглан радио холбоогоор харилцах, НАХЯамнаас 14 машин комиссын мэдэлд гаргаж өгөх шийдвэр гаргажээ.

Сайдын 1963 оны 303 тоот тушаалаар Монголын өмнөд хилийг тогтоон тэмдэглэх салбар комисс, хэсгийн комиссыг дараах байдлаар томилов. Үүнд:

Нэг дүгээр салбар комиссыг Баян-Өлгий аймагт байгуулж, төв нь Даяннуурын пункт, хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор тус пунктын дарга Ц. Сосорбарам, нарийн бичгийн дарга бөгөөд орчуулагчаар цагдан сэргийлэхийн офицер Б. Байнбулаг нар томилогдов. Тус салбар нь 2 хэсэгтэй байв. 1 дүгээр хэсгийн даргаар Даяннуур пунктийн туслах Г. Калил, 2 дугаар хэсгийн даргаар Баян-Өлгий аймгийн улсын аюулаас хамгаалах албаны төлөөлөгч хошууч М. Квадраш нар томилогдсон байна.

Хоёрдугаар салбар комиссыг Ховдод байгуулж Байтагийн пункт дээр төвлөрөх болжээ. Комиссын хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор хилийн хэлтсийн туслах хурандаа М. Батхуяг томилогдов. Салбар нь мөн хоёр хэсэгтэй. 3 дугаар хэсэг *хэсгийг дугаарлахдаа салбар комисс биш БНМАУ-ын хэмжээгээр баруун хойд цэгээс эхлэн дараалан дугаар өгч байжээ. П. С.-ийн даргаар Булган пунктийн дарга дэслэгч Х. Баянцагаан, 4 дүгээр хэсгийн даргаар Байтаг пунктийн дарга ахмад Д. Цэдэв нар томилогдов.*

Гурадугаар салбар комиссыг Говь-Алтай аймагт төвлөрүүлжээ, төв нь Баян-Овоогийн пункт. Хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор улсын цагдан сэргийлэх газрын ажилтан дэд хурандаа Ж. Жигмэддоржийг томилжээ. Тус комисс нь 2 хэсэгтэй байв. 5 дугаар хэсгийн даргаар аймгийн цагдан сэргийлэхийн ажилтан хошууч Д. Цэрэнжав, 6 дугаар хэсгийн даргаар Баян-Овоогийн пунктийн дарга хошууч Б. Жамц нарыг томилжээ.

Дөрөвдүгээр салбар комиссыг Өмнөговь аймагт төвлөрүүлж, төв нь Овоотод байв. Комиссын хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор Оцон мааньтын пунктийн дарга хошууч Б. Жамъяндэлгэр томилогдов. Тус

салбар комисс нь 3 хэсэгтэй байжээ. 7 дугаар хэсгийн даргаар Цагаан Богдын пунктын дарга хошууч Ц. Таадай, 9 дүгээр хэсгийн даргаар Өмнөговь аймгийн цагдан сэргийлэх хэлтсийн ажилтан, дэслэгч Д.Банзрагч нарыг томилжээ.

Тавдугаар салбар комиссыг Дорноговь аймагт байгуулжээ. Төв нь Хангийн пункт. Комиссын хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор Замын-Үүдийн байцаан өнгөрүүлэхийн дарга, дэд хурандаа Ч. Дамбийням томилолт авчээ. Комисс нь хоёр хэсэгтэй байв. 10 дугаар хэсгийн даргаар Хангийн шалган нэвтрүүлэх пунктийн дарга хошууч Б. Балдансүрэн, 11 дүгээр хэсгийн даргаар Хангийн пунктийн дарга Б. Галбадрах нар томилогдсон байна.

Зургадугаар салбар комиссыг Сүхбаатар аймагт төвлөрүүлжээ. Төв нь Асгатын пункт. Комиссын хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор хилийн хэлтсийн туслах Х. Шаравыг томилов. Комисс нь 3 хэсэгтэй байлаа. 12 дугаар хэсгийн даргаар Замын-Үүдийн шалган нэвтрүүлэх боомтын шалгагч ахмад Б. Ядмаа, 13 дугаар хэсгийн даргаар Бичигтийн пунктын дарга, хүшууч Д. Тогтохбаяр нарыг томилжээ.

Долдугаар салбар комиссыг Дорнод аймагт байгуулжээ. Төв нь Баянхошууны пункт. Тус комисс нь хоёр хэсгээс бүрдэж байв. Салбар комиссын хилийн ажил эрхэлсэн орлогчоор Дорнод аймаг дахь хилийн ажил хариуцсан туслах хошууч Н. Лавдан, 15 дугаар хэсгийн даргаар Баянхошууны пунктын дарга, ахмад Ж. Дандарванчиг, 16 дугаар хэсгийн даргаар Хавиргын пунктын дарга, хошууч Ч. Лхагва-Очир нар ажиллажээ. Хятадын талын комиссыг Лү-Чин гэдэг хүн даргалж гишүүдэд Гаравсэнгэ, Лү-Тү, Жин нарын хүмүүс оролцож Ли зо ван гэдэг хүн зөвлөхөөр томилогдсон байна. Хилийн шугамыг тогтоож овоо тэмдэг байгуулах хээрийн ажлыг гүйцэтгүүлэхээр хилийн дээр дурдсан 16 салбар хэсгийг зохион байгуулжээ.

Гэрээг үндэслэн хамтарсан комисс хилийг газар дээр нь тогтоон тэмдэглэх ажлыг явуулан дуусгаж, хилийн шугамын тодорхойлолт протоколд 1964 оны 6 дугаар сарын 30-нд хоёр улсын Засгийн газрын бүрэн эрхт төлөөлөгчид Улаанбаатар хотод гарын үсэг зуржээ.

Энэ протоколд дурдсанаар БНМАУ, БНХАУ-ын хилийн шугамын нийт урт нь 4676.8 км, үүнээс хуурай газраар 4482.3 км, нуур ба гол горхины усаар 190.4 км болох нь тогтоогдож, хилийн шугамыг 639 багана тэмдгээр тэмдэглэжээ. Протоколд хилийн

тэмдэг нэг багана бүрийн хэлбэр байршил, дараагийн тэмдэгт хүрэх чиглэл баганын хоорондох зайн хэмжээг тодорхой дурдаж хилийн шугамыг багтаасан зурвасын 1:1 000 000 масштабтай газрын зураг, Халхын голоор хил болгосон хэсгийн 1:10 000 масштабтай зургаар баталгаажуулжээ.

Дөрвөн бүлэг дөчин хоёр зүйлээс бүрдэх энэ протоколд хилийн шугам ба хилийн тэмдгүүдийг арчлан хамгаалах тухай тодорхой заажээ. Өөрөөр хэлбэл хилийн дэглэмийн үндэс бас тусгагджээ. Тухайлбал, хоёр талын хилийн тэмдгүүдийн арчлан хамгаалахаас гадна шилжүүлэн хөдөлгөх буюу эвдэж сүйтгэх явдлаас урьдчилан сэргийлэхийн тулд шаардагдах арга хэмжээ авна. Хилийн тэмдгийн дангаар буюу ижил дугаартай, хосоор буюу гураваар босгосон багануудын дотроос аль талын нутагт байгааг тэр тал, хилийн шугам дээр байгаа тэгш тоогоор дугаарлагдсаныг Хятадын тал тус тус хариуцах боллоо. Харин төрийн сүлдтэй\Замын-Үүд, Эрээнийг холбосон төмөр замын орчинд байгаа. П. С.\ тэмдгийг хоёр талаас хамтран хариуцах үүрэг авчээ. Үүний зэрэгцээ хоёр тал хилийн шугам дайран гарч байгаа геодезийн цэг, худаг, булаг, хилийн шугам болж байгаа замуудыг арчлан хамгаалахаас гадна тэдгээрийн байршлыг өөрчлөхийг хориглов.

Улсын хилийн шугамын дагуу хоёр тал хамтарсан шалгалтыг таван жилд нэг удаа хийж байх нь зүйтэй гэж үзжээ. Хилийг тогтооно, шалгана гэдэг хөрөнгө, хүч их шаардсан төвөгтэй, няхуур нямбай, хариуцлагтай ажил учир хөрөнгийн бололцоо тэр бүр олдохгүй 1982 онтой золгов.

Монгол Хятадын хил албан ёсоор тогтоогдсноос хойш 20 жилийн дараа 1982 оны 2 дугаар сараас 1984 оны 7 дугаар сар хүртэл Монгол Хятадын хилийг анх удаа хамтран шалгаж дуусгажээ. Хил шалгах хамтарсан комиссын Монголын төлөөлөгчийн тэргүүнээр Гэндэнгийн Нямдоо, Хятадын төлөөлөгчийн тэргүүнээр Чэн вэнь жин гэдэг хүмүүс томилогдон ажилласан байна.

Монгол Хятадын хил дээр байгаа 639 багана тэмдэг нэг бүрийг шалган үзэхэд эвдрэлтэйг сэлбэн, засаж, их эвдэрсэн хилийн 23 тэмдгийг байран дээр нь шинэ баганаар солив. Хилийн 542, 560, 561, 579 дүгээр тэмдэгийг гурамсан болгожээ. Ингэснээр Монгол, Хятадын хил дээр үндсэн тэмдэг 639, туслах тэмдэг 474 бүгд 1113 тэмдэгтэй болж, нэг тэмдгээс нөгөө тэмдгийн хоорондох зай дунджаар 4.2 км болж нягтарчээ. Тэмдгийн дотор дангаар босгосон 1043, хосоор бос-

госон 7, гураваар босгосон тэмдэг 63 байна. Дорнод аймгийн нутаг Соёлз уулын чиглэлд хилийн 530–537 дугаар тэмдгийн хоорондох ойн хэсэгт хилийн шугамын дагуу хилийн шугамаас хоёр тийш тус бүр 5 метр зайтай бүгд 10 метрийн өргөнтэй ойн огтолсон зурвас гаргав. Хилийн 560–562, 577–581 дүгээр тэмдгийн хооронд голоор хил болгосон хоёр хэсэг газарт агаарын зураглал үйлдэжээ. Хилийн 561–562 дугаар тэмдгийн хооронд Халх голын 4 хэсэг газарт голын урсгал чиглэлээ нэлээд өөрчилсөн, хилийн 579 дүгээр тэмдгийн орчин дахь Халх голын Хятадын талын эрэг ихээхэн идэгдэж эвдэрсэн хэсэгт хилийн шугамыг Халх голын одоогийн үндсэн урсгалын төвөөр болгож эдгээр хэсгийн арал, сайран арал болон тэр орчны газрын харъяалалтыг хоёр тал харилцан зохицуулжээ. Тэгэхдээ зохицуулсан газрын талбайн хэмжээ нь тэнцүү болсныг протоколд тэмдэглэсэн байна.

Хоёр тал хилийн тэмдэг, туслах чанарын тэмдгийн байршилтыг 1:1 000 000-ын масштабтай “БНМАУ ба БНХАУ-ын хилийн зурвасын газрын зураг”-т буулгажээ. Үүний зэрэгцээ дээр дурдсан агаарын зураглалын материалд тулгуурлан “хилийн 560–562 дугаар тэмдгийн хоорондох Халх гол, Шарилжийн голоор хил болгосон хилийн хэсгийн хилийн зурвасын газрын зургийг хэвлэжээ. Эдгээр гурван төрлийн газрын зургийг нэгтгэн “БНМАУ ба БНХАУ-ын хилийн зурвасын газрын зургийн альбом” болгож протоколд хавсаргасан байна.

Монгол, Хятадын хилийг нэг дэх удаа хамтран шалгасан тухай БНМАУ-ын Засгийн газар, БНХАУ-ын Засгийн газрын хоорондын протоколд БНМАУ-ын Засгийн газрын бүрэн эрхт төлөөлөгч Д. Ёндон, БНХАУ-ын Засгийн газрын бүрэн эрхт төлөөлөгч Хань Сюй нар 1984 оны 7 дугаар сарын 19-ний өдөр Бээжин хотноо гарын үсэг зуржээ. Энэхүү протокол нь 1964 оны хилийн тухай протоколын нэмэлт баримт бичиг болон түүхэнд оржээ. Энэ ялдамд тэмдэглэхэд Монгол, Хятадын хилийн шугамын баруун үзүүрийн эхлэх цэгийг Монгол Алтайн нурууны Таван богд уул\Хүйтэний оргил\-ын 4104.0\4050.0\ тоот өндөрлөг гэдгийг хоёр тал хүлээн зөвшөөрсөн боловч хилийн 1 дүгээр тэмдэг тэнд биш тэрнээс өмнө зүг 100.01 км-ийн зайд байгаа Монгол Алтайн нурууны үндсэн ус хуваагч шугам дахь 2760.1 тоот өндөрлөг бүхий Хомын даваан дээр босгогдсон байдаг юм. Үүнийг нэгдэх удаагийн хамтарсан шалгалтаар ч хөндөж шийдвэрлээгүй ажээ. Уг нь 1 дүгээр баганыг Монгол Хятадын хилийн шугамын

баруун үзүүрийн эхлэх цэг болох Таван Богд уулын заасан цэг буюу орчинд нь байрлуулсан бол ашигтай байжээ. Тэгэхдээ Монгол Хятадын хилийн шугамын үзүүрийн эхлэх цэг Таван Богд уул \Хүйтэний 4104.0\4050.0\ тоот өндөрлөгөөс Хомын даваан дээр байгаа 1 дүгээр тэмдэг хүртлэх хооронд зай дахь хилийн шугамыг газрын зурагт, тодорхойлолтыг холбогдох протоколд тэмдэглэгдсэн нь түүхийн хөдлөшгүй баримт болжээ. Ингэж БНМАУ, БНХАУ-ын хил албан ёсоор тодорхойлолтын дагуу тогтоон тэмдэглэсэн түүхтэй. Монгол Хятадын хооронд дахь хилийг, тогтоон тэмдэглэсэн баримт бичгүүдийн хамт 1975 оны 10 дугаар сарын 9-ний өдөр НҮБ-д албан ёсоор бүртгүүлжээ.

Монгол-Хятадын хилийг шалгах хоёр улсын хамтарсан хоёр дахь удаагийн шалгалт 2001 оноос эхлэн 2005 онд явагдаж амжилттай дуусав. Үүний үр дүнд Монгол Хятадын улсын хилийн урт нь 4709,6 км болов. Энэ хил дээр нийт 1533 тэмдгийн 1597 багана байгаа ба дангаар босгосон 1487 тэмдэг, хооор босгосон 28 тэмдэг, гураваар босгосон 18 тэмдэг байна.

Хоёр улсад газар нутгийнхаа зах хязгаарыг зааглан ялгаж олон улсын баталгаатай хилтэй болно гэдэг зайлшгүй бодит шаардлага мөн байлаа. Гэвч хилтэй болсноор тэрнийгээ харж хамгаалах, хилээр хаалга нээж, зорчигч тээврийн хэрэгсэл, ачаа барааг оруулж, гаргах, хаалга үүдгүй газраар хэн нэгэн этгээд хил давсан, зөрчсөн тохиолдолд яаж шийдвэрлэх хэрэгжүүлэх механизмгүйгээр аливаа улс орны аюулгүйн байдал бүрэн төгс хангагдаж газар нутгийн халдашгүй дархан байдал баталгааждаггүй. Монгол – Хятадын хил дээр хоёр талынхаа амар тайван байдлыг хөндсөн жижиг зөрчил будлиан дээр үед нэг биш удаа гарч байсан, одоо ч гарч байна, Нэг үгээр хэлвэл Монгол Хятадын хэл дээрх асуудлыг зохицуулах тухай тэр мөртөө хоёр улсын эрх барих дээд байгууллагуудаар зөвшөөрөгдсөн. Энэ эрхийн акт шаардлагатай болох нь олон арван жилийн турш үгүйлэгдэж байв. Гэвч эрхийн акт бий болжээ. Тэгэхдээ 20 зууны төгсгөлийн 10 жилийн босгон дээр албан ёсны болов. Энэ бол Монгол – Хятадын хилийн дэглэм, хилийн асуудлыг зохицуулж байх тухай БНМАУ-ын Засгийн газар, БНХАУ-ын Засгийн газрын хоорондын гэрээ юм.

Энэхүү гэрээнд 1988 оны 11 дүгээр сарын 28-ны өдөр Бээжин хотноо БНМАУ-ын Загийн газрын бүрэн эрхт төлөөлөгч Д. Ёндон, БНХАУ-ын Засгийн газар бүрэн эрхт төлөөлөгч Лю Шу-цин нар гарын үсэг зурав.

Гэрээг хоёр улсын төрийн дээд эрх барих байгууллага соёрхон баталж, батламж бичгийг Улаанбаатар хотноо солилцсноор гэрээ хүчин төгөлдөр болжээ. Энэ гэрээ нь хоёр улсын Засгийн газар хоёр улсын хилийг тогтвортой, хил орчмын нутаг дэвсгэрийг амгалан тайван байлгахын тулд талууд хилийн дэглэмийг хүндэтгэн сахих, харилцан ойлголцох, хамтран ажиллах үзэл санааны дагуу хилийн асуудлыг зохицуулж байх эрх зүйн үндсийг өргөтгөх зорилготой гэдгийг гэрээнд онцлон тэмдэглэсэн байна.

Гэрээ нь 6 бүлэг 21 зүйл, 10 хавсралтаас бүрджээ. Хилийн шугамын зүг чиг, байршил болон хилийн тэмдэг, туслах чанарын тэмдэг, хилийн шугамыг таних тэмдгүүдийг арчлан хамгаалах гэсэн бүлэгт улсын хилийн тодорхойлолт, улсын хилийн шугамын зүг чиг, байршил болон хилийн тэмдгийг арчлан хамгаалахад удирдлага болгох баримт бичгүүд, хилийн тэмдгүүд, тэдгээрийг засаж сэлбэх журмыг тодорхойлжээ. Аль нэгэн тал дангаараа хилийн шугам дээр шинэ тэмдэг босгох, хилийн шугамыг хамгаалахын тулд хоёр талын зөвшөөрөлгүйгээр хилийн шугамаас хоёр тийш тус бүр 20 метр зурвасын дотор газар хагалах, суваг шуудуу татах, шинээр барилга байгууламж барихыг хоригложээ. Тэхдээ энэ нь хилийн шугамыг хамгаалах зориулалттай барилга байгууламжид хамаарахгүй юм. Хилийн ус болон хилийн шугамыг огтлон гарч байгаа төмөр зам, бусад зам холбоо, харилцааны байгууламжийг ашиглах бүлэгт хилийн шугам дайран гарч байгаа нуур, тойром, горхи, булаг худаг шандыг "хилийн ус" гэж тодорхойлов. Хоёр талын усан тээврийн хэрэгсэл нуур голуудын хил болгосон хэсэгт өдрийн цагаар явах хэрэгтэй. Хоёр тал хилийн уснаас малаа усалж болно. Харин малаа нөгөө талын нутагт оруулахгүй байх үүрэг хүлээжээ. Хилийн шугамыг огтлон гарсан төмөр зам, бусад зам холбооны шугамыг ашиглахдаа байгуулсан холбогдох хэлэлцээрүүдийг удирдлага болгож, хил болгосон замыг хоёр тал хамтран ашиглах боллоо. Хил орчмын нутагт ан агнуур, үйлдвэрлэлийн ажил явуулах, хүрээлэн байгаа орчныг хамгаалах, хилийн асуудлыг зохицуулах бүлэгт 4 зүйлийг багтаажээ. Хоёр талын иргэд өөрийн талын хилийн усны хэсэгт загас барьж болно. Загас агнахдаа тэсрэх, дэлбэрэх, хорт болон мансууруулах бодис хэрэглэх, загасыг олноор нь устгаж хөнөөх, түүний нөөцөд хохирол учруулж болох элдэв арга хэрэглэх загас болон усны бусад амьтан нүүдэллэхэд хориг саад тавихыг хоригложээ.

Хоёр тал хилийн шугамаас хоёр тийш өөр өөрийн дэвсгэр нутагт 1000 метрийн бүсэд ан агнахыг хориглов. Хил орчмын орон нутаг дэвсгэрт хөдөө аж ахуй, ойн аж ахуй, геологи хайгуул, уул уурхайн ажил эрхлэх болон ой ус зэрэг байглийн баялгийг хамгаалахдаа нөгөө талын эрх ашигт хохирол учруулахгүй байна. Хил орчмын нутаг дэвсгэрийн газар, түүний гүн, агаар мандалд цацрагт идэвхт химийн болон бусад хорт бодис байрлуулахгүй тараахгүй, ой хээрийн түймрийг хил давуулахгүй байх, хүн амьтан ургамлын халдварт өвчин, ургамлын аливаа хортныг хил давахаас сэргийлэх арга хэмжээг хоёр тал авч байхаар тохирчээ. Хоёр тал хил зөрчигчийн хил зөрчсөн шалтгааныг тодруулж тогтоогоод саатуулагдсан этгээд нь нэг талын хилийг санамсаргүй давсан тохиолдолд нөгөө талдаа аль болох түргэн хугацаанд шилжүүлнэ. Хилийн ажилтан хил орчмын нутагт хил зөрчигчийн

асуудлыг өөрийн хууль тогтоомжийн дагуу шийдвэрлэнэ. Хил орчмын нутаг дэвсгэрт мал, гэрийн тэжээвэр амьтныг хариулгатай байлгана. Хил давбал тэр чиглэлээр нь буцааж гаргана, гүнд орвол эрж олоод буцааж гаргана гэж заажээ.

Энэхүү гэрээ нь БНМАУ, БНХАУ-ын хилийн гэрээ түүнийг хэрэгжүүлсэн баримт бичгийн хамтаар олон улсын эрх зүйн үндэстэй болж, Монгол, Хятадын ард түмний хооронд ах дүү, сайн хөршийн ёсоор адил тэгш эрхтэйгээр, амгалан тайван аж төрж амьдарч суух сайхан боломжийн эх үүсвэрийг тавьжээ. Монгол-Хятадын хилийн гэрээг НҮБ-аар батлуулж, олон улсын баталгаатай болгожээ.

Одоо Монгол-Хятадын хил нь Азийн бүс нутагт хамгийн зөрчил маргаангүй амгалан тайван хил болоод байна. Энэ нь Бүс нутгийн болон олон улсын тогтвортой байдалд чухал үүрэг гүйцэтгэж байгаа юм.

Ашигласан хэвлэл

1. Цэдэн-Иш Б. Монгол улсын хил хязгаар бүрэлдэн тогтсон түүх. УБ, 2011.
2. Сүндэв П. Монгол улсын хилийн баталгаажилт, хамгаалалт (1960–1990). УБ, 2006.
3. Дашхорлоо Д. Монгол-Хятадын харилцаа байгуулагдсан ба хоёр улсын хооронд хил тогтсон судлал: түүхийн ухааны докторын зэрэг хамгаалсан бүтээл. Хөххот, 2016.
4. Найрамдал хамтын ажиллагааны нэгэн Жаран. 1949. Бээжин, 2009 он. тал 12.
5. Монгол Хятадын харилцааны он дараалсан лавлах. 1949. Бээжин, 2009. тал 13.

УДК 94
ББК ТЗ(2)622

Святослав Валентинович Кулинок,

*Белорусский государственный архив научно-технической документации,
г. Минск, Беларусь*

Подготовка немецкой разведывательно-диверсионной агентуры русской национальности на территории Беларуси в 1941–1944 годах

Статья посвящена изучению деятельности немецких спецслужб по организации и подготовке русской шпионской агентуры, которая обучалась на территории Беларуси. К разведывательной работе привлекались различные категории населения: военнопленные, дезертиры, коллаборационисты, женщины и дети. Рассмотрена система подготовки, обучения и комплектования агентов.

Ключевые слова: абвер, агент, Белорусский штаб партизанского движения, разведывательно-диверсионная школа, шпион

Svyatoslav V. Kulinok,

*Belarusian State Archives of Scientific and Technical Documentation,
Minsk, Belarus*

Preparation of the German Intelligence and Sabotage Agents of Russian Nationality on the Territory of Belarus in 1941–1944

This article is devoted to the activities of the German secret services on the organization and preparation of Russians spy agents, which was training in the territory of Belarus. Different categories of the population such as prisoners of war, deserters, collaborators, women and children were involved into intelligence activities. In this article the system of training, education and acquisition of units data was reviewed.

Keywords: abwehr, agent, the Belarusian Staff of Partisan Movement, intelligence and sabotage school, spy

В годы оккупации немецкие спецслужбы развернули на территории БССР массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры как из гражданского населения, так и из числа военнопленных, которые содержались в более чем 160 лагерях [2, с. 94]. Своеобразным руководством к этой деятельности стали три заповеди в разведке, сформулированные Рудольфом Гессом: «Нет такой тайны, которую нельзя было бы узнать», «Каждый может быть шпионом» и «Каждый должен быть шпионом». Главными критериями в деятельности немецких секретных органов была нацеленность на результат и полное отсутствие идеологических и нравственных барьеров в работе.

Одним из малоисследованных вопросов деятельности немецких секретных органов на оккупированной территории Беларуси является привлечение к шпионско-диверсионной работе различных национальных групп населения. В рамках предлагаемой статьи затрагиваются проблемы использования агентов русской национальности, особенности их вербовки, а также определение количественных показателей. Подготовка кадров решалась по двум основным направлениям:

– обучение курсантов в специальных разведывательно-диверсионных школах (курсах). Сроки подготовки были различными в каждом отдельном случае: от нескольких недель (курсы в м. Семежово) [18, л. 19] до года (школа в Орше) [23, л. 11 об.]. Размер групп варьировался от 15–17 человек (разведывательная школа в Витебске) [15, л. 155–156; 18, л. 18–19] до 150–200 (школы в Гомеле, Минске, Орше, Слуцке) [1, л. 1–2; 12, л. 4–4 об.; 18, л. 18–19; 20, л. 21–22, 72, 286–297; 27, л. 131–133, 332–333] и даже до

500–700 (спецшколы в Минске) [10, л. 83; 22, л. 47, 104]. По подсчётам автора, всего за годы оккупации немецкие школы и курсы осуществили более 140 различных по размеру выпусков агентуры общим количеством от 15 до 17 тысяч человек, из которых 25–30 % составляли «агенты в юбках» [32, с. 260–261];

– вербовка и подготовка агентов «на месте» с предварительным кратким инструктажем и последующей засылкой в партизанские отряды [2, л. 6–8; 4, л. 79; 6, л. 173; 8, л. 2; 20, л. 66–68, 148]. Такой метод практиковался, как правило, в отношении одного или небольшой группы лиц, когда имелась хорошая возможность для вербовки. Уровень подготовки таких агентов был значительно ниже.

Безусловно, что основу готовившейся агентуры составляло белорусское население. В первую очередь к разведывательной работе привлекались лица, недовольные и обиженные советской властью, а также «идейные» противники большевизма и члены их семей. В отношении гражданского населения можно говорить о том, что в первую очередь вербовались социально незащищённые и уязвимые группы населения – женщины, дети, сироты, детдомовцы. Основными способами вербовки невоенных жителей были: угроза жизни или возможность отправки в лагеря, семейное заложенность, вывоз на принудительные работы в Германию, значительное материальное вознаграждение.

Второй по количеству была русская агентура. Такой значительный объём подготовленных русских агентов объясняется следующими факторами: большим количеством населения, проживающего на территории БССР; деятельностью на территории Беларуси «Русской национальной народной

армии» (центры формирования в Орше и м. Осинторф Витебской области) [26, л. 59–61; 33] и «Русской освободительной армии» [31] (из этих военных структур активно вербовалась шпионская и разведывательная агентура – *авт.*); наличием большого количества русских военнопленных красноармейцев, которые составляли национальное большинство в РККА [13, л. 122]; вынужденной «миграцией» русского населения (коллаборантов, членов их семей и пособников) на территорию Беларуси вместе с отступающими частями немецкой армии.

Особый отдел соединения партизанских отрядов по Минской области в июне 1943 г. в одном из отчётов отмечал, что «для засылки шпионов вербуют людей, насильно эвакуированных из Смоленской, Витебской, Орловских и др. областей» [21, л. 30 об.–31]. В конце ноября 1943 г. из Минска выпущена «группа 100 человек женщин, бывших беженок из Орловской области с целью шпионажа, под видом поиска своих семей. Задача таковых – вступление в партизанский отряд с целью шпионажа» [11, л. 42]. Кроме того, под натиском частей Красной армии на территорию БССР передислоцировались и разведывательно-диверсионные школы из Смоленка, Брянска, Рославля, Орла и других населённых пунктов РСФСР [3, л. 24].

В некоторых разведывательно-диверсионных школах агентура русской национальности составляла значительный процент. Например, один из выпусков спецшколы в Борисове включал в себя 42 агента, из них: 12 украинцев, 11 русских, 3 немца-фольксдойче, 4 белоруса, по 2 латыша и поляка, 1 чуваш и житель Кавказа. Национальность 6 агентов не установлена [19, л. 208–208 об.; 28, л. 261–262]. В Березинской разведшколе из набора в 23 курсанта русских агентов было – 16, 2 – жители Кавказа, 1 – украинец [11, л. 49–51; 29, л. 222–225]. В мае 1944 г. из разведшколы в деревне Пигановичи в тыл Советского Союза было направлено 2 группы агентов (6 и 4 человека) следующих национальностей: 5 русских, 3 украинца, один армянин и мордвин [7, л. 37–38 об.]. В этом же месяце представитель Белорусского штаба партизанского движения на 1-м Белорусском фронте М. Ры-

жиков в разведывательной сводке сообщал, что «по данным т. Жукова на 20.5.1944 г. в Минске имеется разведывательная школа, в которой обучаются русские, украинцы и др. После окончания школы агентура предназначается для оставления на территории, освобождаемой Красной Армией, под видом местного населения с задачей проникнуть в советские учреждения и предприятия. В целях лучшего легендирования отдельным агентам даётся задание причинять себе лёгкие ранения» [16, л. 23].

Русская агентура готовилась в школах в Барановичах [24, л. 64 об.–66 об.], Березино [19, л. 197–199], Бобруйске [13, л. 137], Борисове [25, л. 1–3 об.], Бресте [5, л. 145 об.], Витебске [24, л. 64 об.–66 об.], Глубоком [14, л. 123], Гомеле [20, л. 286–297], Лошнице [29, л. 298–301], Лунинце [24, л. 228], Минске [20, л. 414–415], Могилеве [17, л. 131], Орше [19, л. 1–3], Осинторфе [11, л. 49–51], Пигановичи [19, л. 126–127], Слуцке [14, л. 129–130], Стахово [9, л. 8–8 об.]. Интересным, на наш взгляд, является пример подготовки промышленных диверсантов, который был осуществлён в Минске. Группа из четырёх агентов (трое русских) была подготовлена для заброски в глубокий тыл Советского Союза с целью осуществления диверсий на промышленных объектах, однако она своевременно была разоблачена белорусскими партизанами ещё до отправки [29, л. 258].

Подводя итог, отметим, что на территории БССР немецкие спецслужбы развернули массовую работу по вербовке и обучению разведывательно-диверсионной агентуры. Основным направлением её деятельности была борьба с партизанами. По приблизительным подсчётам за годы оккупации было подготовлено от 15 до 17 тысяч человек, к шпионской работе привлекались представители различных национальностей: русские, украинцы, евреи, поляки, прибалты, фольксдойче и др. Основной контингент шпионов (до 70 %) вербовался из гражданского белорусского населения и белорусских военнопленных. Второе место занимают агенты русской национальности. Из общего числа агентуры они, по нашим приблизительным подсчётам, составляет приблизительно 10 %, то есть порядка 1,5 тысячи человек.

Список источников и литературы

1. ГАМО (Государственный архив Минской области). Ф. 4233. Оп. 1. Д. 1.
2. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 400.
3. НАРБ. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 35.

4. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 9.
5. НАРБ. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 386.
6. НАРБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 251.
7. НАРБ. Ф. 1401. Оп. 1. Д. 339.
8. НАРБ. Ф. 1402. Оп. 1. Д. 79.
9. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 237.
10. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 808.
11. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1979.
12. НАРБ. Ф. 1405. Оп. 2. Д. 102.
13. НАРБ. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 357.
14. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 4.
15. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 887.
16. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 11.
17. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 25.
18. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 53.
19. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.
20. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
21. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
22. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 62.
23. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 65.
24. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1311.
25. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1335.
26. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 115.
27. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 1.
28. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 22. Д. 113.
29. НАРБ. Ф. 1450. Оп. 22. Д. 114.
30. Докунова Е. Н. За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги // Беларуская думка. 2012. № 2. С. 94–100.
31. Зверев Ю. В. Документы Национального архива Республики Беларусь о деятельности «Русской освободительной армии» на территории Беларуси (1941–1944 гг.) // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Мінск: Белдзяржуніверсітэт, 1998. С. 135–136.
32. Кулинок С. В. «В школе немецких разведчиков я училась полгода...»: использование женщин в разведывательно-диверсионной работе на территории БССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность: материалы XX Всерос. науч. конф. М., 2017. С. 253–261.
33. Никитин М. Г. «Русские» и «белорусские» воинские формирования гитлеровских оккупантов на территории Витебщины в 1941–1944 годах // Война известная и неизвестная. Витебск, 1995. С. 43–54.

УДК 94
ББК ТЗ(2)

Евгений Викторович Дроботушенко,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Особенности существования Шанхайской епархии Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии в первый год её существования

Статья посвящена характеристике особенностей существования Шанхайской епархии Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии Русской Православной церкви (РПЦ) в первый год её существования. Автор отмечает, что на сегодняшний день данный аспект не стал предметом серьезного научного анализа. Существующие публикации по истории православия в Китае дают общее представление, не вдаваясь в подробности происходивших процессов. Основу исследования составили документы Государственного архива Российской Федерации, которые во многом дают возможность составить несколько иное представление о существовании

Шанхайской епархии РПЦ в начале 50-х гг. XX в. Епархия, просуществовавшая очень короткий промежуток времени, оставила свой значительный след в истории китайского православия.

Ключевые слова: православие, Китай, Восточно-Азиатский Экзархат, Шанхайская епархия

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Features of the Shanghai Diocese of the East Asian Exarchate of the Moscow Patriarchate in the First Year of its Existence

The article is devoted to the characteristics of the features of the existence of the Shanghai diocese of the East Asian Exarchate of the Moscow Patriarchate of The Russian Orthodox Church (ROC) in the first year of its existence. The author notes that, to date, this aspect has not become the subject of serious scientific analysis. Existing publications on the history of Orthodoxy in China give a general idea, without going into details of the processes. The basis of the study was the documents of the state archive of the Russian Federation, which, in many respects, make it possible to make a slightly different idea of the existence of the Shanghai diocese of the ROC in the early 50s of the XX century. The Diocese, which existed for a very short period of time, left its significant mark in the history of Chinese Orthodoxy.

Keywords: Orthodoxy, China, East Asian Exarchate, Shanghai diocese

История православия в Китае, так же, как история иных религиозных учений, получила своё освещение в научных публикациях. При этом, несмотря на то, что данная история нашла относительно серьёзное освещение в ряде статей и книг, совершенно очевидно, что не все её аспекты изучены в равной мере. Так, на наш взгляд, не получила детального анализа история Шанхайской епархии Восточно-Азиатского Экзархата Московской Патриархии. Краткие, поверхностные упоминания имеются в работах ведущих специалистов в данной области, священника Дионисия (Поздняяева), В. Г. Дацышена и других, однако качественного, глубокого анализа внутренних процессов до сих пор не сделано [4–8; 13]. Данная статья является попыткой оценить, что же на самом деле происходило в Китае с православием в его отдельном, конкретном выражении в начале 50-х гг. XX в.

В основу данного исследования легли архивные источники – это документы Государственного архива Российской Федерации. Основной вид документа – наблюдательные дела по Восточно-Азиатскому Экзархату либо по православию в Китае, Корее, Японии. Данные дела являются совокупностью различного рода документов, писем, телеграмм, отчётов и др. Они дают как общее представление о православии в Китае, так и конкретизируют отдельные моменты его истории.

Очень объёмное наблюдательное дело по Восточно-Азиатскому Экзархату относится к 1952 г. Оно содержит целый ряд писем епископа Шанхайского Симеона (Ду), которые дают достаточно полную и, в то же время, интересную картину самого начала существования новой епархии, писем экзарха Восточно-Азиатского Экзархата Виктора (Святина). Интересен отчёт Симеона (Ду) за первый год его работы в качестве епископа. Данный отчёт был также включён в отчёт Шанхайского епархиального Совета [1, л. 22].

Наряду с наблюдательными делами богатую информацию содержат переписки с Министерством иностранных дел СССР по вопросам заграничной деятельности церкви по Дальнему Востоку (Китай, Япония, Корея) [2].

Как широко известно, в 1950 г. Московская Патриархия приняла решение о разделении территории Китая в рамках Восточно-Азиатского Экзархата на пять епархий: Пекинскую, Шанхайскую, Харбинскую, Тяньцзинскую и Синцзянскую. Сделано это Указом Святейшего Патриарха № 1170 от 22 августа 1950 г. [3; 6–8; 10; 11; 13]. С этого момента, казалось бы, новая Шанхайская епархия начала своё существование. Однако дело обстояло не совсем так. Её новая жизнь началась с направлением в Шанхай епископом китаец Симеона (Ду). До того времени православие в Шанхае развивалось в рамках

приходов, главенствующую же роль играл протоиерей Михаил Рогожкин. Собственно, с момента встречи двух названных деятелей китайского православия у православия шанхайского начался новый этап.

Что интересно, Ксения Кепинг, племянница по материнской линии Виктора (Святина), экзарха Восточно-Азиатского Экзархата, свидетельница событий, в своей работе «Судьба русской духовной миссии в Китае», говоря об Указе № 1170, о выделении самостоятельных епархий не упоминает [9, с. 255].

Симеон (Ду) назначен епископом Шанхайским согласно постановлению Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода от 26 сентября 1950 г. [9, с. 3].

Создание Шанхайской епархии, пожалуй, как ни о какой из иных четырёх китайских, можно назвать искусственным шагом, причём для нас очевидно, что никакой серьёзной потребности в нём не было. В одном из писем Симеон (Ду) называет «свою» епархию «кукольной», чему даёт пояснение, отмечая, что никаких преувеличений здесь нет. Состояла она всего лишь из трёх храмов: кафедрального собора в г. Шанхае, церкви Святого Николая, располагавшейся на арендованном участке земли и домово-церкви на частной квартире. Иных храмов, часовен, молитвенных домов не было. Не шла речь и о прихожанах вне Шанхая [1, л. 2].

В то же время, следует сказать, что тот же Дионисий (Поздняев), а за ним, судя по всему, и иные авторы, со ссылкой на Указ Святейшего Патриарха № 1170 от 22 августа 1950 г. говорят, что к Шанхайской епархии были отнесены и районы, прилегающие к Шанхаю [3; 6–8; 10; 11; 13].

Начало существования новой епархии сопровождалось рядом проблем. Это противоречия внутри духовенства, количество верующих, финансовое состояние. Они предопределили первые, да и последующие годы её существования.

В одном из писем, направленных Симеоном (Ду), судя по всему, на имя Святейшего Патриарха, отмечается, что встретили его по приезду в Шанхай «...более чем неласково». Протоиерей Михаил Рогожкин выделил одну комнату из восьми для проживания. На высказанное недовольство пригрозил выселением через суд, так как данный дом именно он спас от конфискации китайскими властями и считал его своим. Было отказано прибывшему епископу в плите для пригото-

вления пищи, и он вынужден был делать это в уборной на примусе. У епископа отсутствовала возможность пользоваться телефонами, в то время как два казённых было. Он был вынужден звонить из магазина через улицу. По словам Симеона, архиерейский дом полностью превращён в частные квартиры духовенства. Итогом стала просьба разобраться и прекратить беспорядки. Отметим, что данное письмо появилось через год после приезда в Шанхай самого Симеона. До письма с жалобами патриарху подобные же жалобы со стороны епископа были на имя советского консула. После его вмешательства в ситуацию Шанхай посетил экзарх Восточно-Азиатского Экзархата Виктор (Святин), который согласился с существующим «безобразием», но, ничего не сделав, уехал [1, л. 2–3].

В одном из писем экзарха на имя Святейшего Патриарха отмечается, что Симеон не может наладить отношения с протоиереем Михаилом Рогожкиным, в котором не видит серьёзной силы. Тот же, в свою очередь, мог бы помочь Симеону, но этого не делает [1, л. 20].

Таким образом, складывается достаточно неблагоприятная картина первого года существования Шанхайской епархии. Не приходится говорить о каком-либо авторитете нового епископа. Налицо внутренние разногласия, склоки. Складывается впечатление, что состояние православия в Шанхае к моменту появления самостоятельной епархии местное духовенство, да, судя по всему, и прихожан, вполне устраивало. Появление архиерея не изменило ситуации. На наш взгляд, показательным является и отношение к ситуации со стороны экзарха, который не стал вмешиваться.

В августе 1950 г. появился Указ Святейшего Патриарха. Согласно одной из его частей, требовалось увеличить количество священнослужителей-китайцев по происхождению. Согласно архивным данным, процесс этот в дальнейшем шёл ни шатко, ни валко. К 1952 г. таковые появились только в Пекинской и Шанхайской епархиях. Однако, более важно не это. Как отмечал в одном из писем в Патриархию экзарх, назначали китайцев только за неимением русских кандидатур. При этом «...жизненный стандарт» священнослужителей-китайцев значительно ниже [1, л. 192].

Осмелимся предположить, что невмешательство экзарха Виктора (Святина) в ситуацию в Шанхае в начале 1950-х гг. пре-

допределено не слишком позитивным отношением к православному духовенству китайского происхождения в целом и, может быть, к Симеону (Ду), в частности. Однако заметим, что это только предположение.

В то же время экзарх отмечал, что всё окружение Симеона – «люди хорошие». К нему в помощь был направлен ещё один священнослужитель-китаец. Однако «...сам правящий боится, как бы кто не наступил ему на ногу...». Симеон (Ду) отмечает, что многие китайцы гордились его назначением на кафедру. Он был назначен первым из китайцев, являясь потомком русских казаков-албазинцев, от которых и пошла его фамилия. «Ду» – первые буквы от «Дубинин». Данный факт привёл к тому, что появились попытки прихода в православие китайцев-католиков. Существовала даже идея показательного богослужения, однако священнослужителей китайского происхождения не было, а к русским верующие китайцы, после склоки с их стороны «к первому китайскому епископу», доверия не имели [1, л. 6].

Сказанное даёт возможность предположить, что имевшиеся разногласия во многом предопределили отношение верующих к православию в Шанхае. И это при том, что в рассматриваемое время наблюдался значительный отток русскоязычных верующих из города. Об этом информация встречается во множестве документов и имеющихся публикациях [1, л. 3, 17, 192; 2, л. 21; 6–8; 13].

Русскоязычное населения Шанхая – эмигранты предыдущего периода времени 20–30-х гг. XX в. Симеон (Ду) отзывался о них с пренебрежением, именуя «эмигрантщина», отмечал, что они привыкли ни с чем и ни с кем не считаться. При этом советских подданных не много, а верующих-китайцев очень мало [1, л. 3].

Представляется, что создать что-то действительно серьёзное и стоящее в плане развития православия, с учётом сказанного, было не просто сложно, а практически невозможно. Мы имеем в виду создание серьёзной, сильной православной общины.

Вообще, общее количество верующих в Шанхае в рассматриваемое время составляло около 500 чел. [1, л. 183].

Отток верующих, в свою очередь, предопределил падение доходов. Практически все документы говорят нам о плачевном состоянии экономики епархии.

О финансовом положении Шанхайской епархии можно сделать вывод по ряду заме-

чаний. Так, на одном из собраний духовенства в 1952 г. было принято решение донести до сведения Восточно-Азиатского Экзархата о том, что оно находится на грани голода. Штат на момент организации епархии составлял два митрофорных протоиерея, один из которых протопресвитер, два приписных священника и два диакона на псаломщичьих вакансиях. Сам Симеон привёз с собой одного диакона-китайца, русского секретаря и нескольких «низших служителей». Относительно небольшой штат епархия была не в состоянии содержать. В одном из документов встречаем характеристику жизни священнослужителей как «нищеты» [1, л. 3, 17].

Для воссоздания полноты картины следует уделить некоторое внимание храмам Шанхайской епархии. Кафедральный собор Шанхая в начале 50-х гг. XX в. – это, по словам Преосвященного Симеона, «не вполне благоустроенный и не освящавшийся более 20 лет “храм”». Он достался епархии со времён расцвета православия в Шанхае. Второй храм – церковь во имя Святителя Николая – был построен на пожертвования, однако главной проблемой являлось то, что воздвигли его на арендованном участке земли, при этом договор аренды подразумевал пролонгацию. Однако на начало 1952 г. названной пролонгации не удалось добиться даже через суд (отметим, что в дальнейшем до 1957 г. будет арендоваться как земля, так и строение на ней). Очевидно, что про домовую церковь на частной квартире можно и не говорить.

При скудных финансовых поступлениях приходилось оплачивать аренду одной из церквей и земли под ней. Неразумность подхода в предыдущее время (имеется в виду строительство храма на арендованном участке) ещё более осложнили существование молодой епархии.

В то же время, несмотря на сложное финансовое положение, Симеон открывает в Шанхае катехизаторскую школу, однако на неё денег также нет. Тогда у него возникает идея продажи имущества госпиталя православного братства, чтобы вырученные средства направить на школу и на выкуп церкви Святителя Николая [1, л. 17].

Показательным, на наш взгляд, является одно из замечаний Симеона (Ду) по итогам первого года работы. «За истекший год я почти ничего не сделал, а сил душевных убил много» [1, л. 4].

Однако, несмотря на нарисованную не слишком радужную картину, можно отме-

титель, что Симеон (Ду) постоянно стремился к укреплению своей власти. Это выразилось в проводимой им в дальнейшем идеи самостоятельной китайской православной церкви. Его действия будут направлены на получение самостоятельности от Восточно-Азиатского Экзархата. Отметим, что данные действия будут осуществляться уже совместно с протоиереем Михаилом Рогожкиным. В одном из писем экзарх пишет, что Симеон будет пытаться вмешиваться в дела других епархий Восточно-Азиатского Экзархата, чем нарушает церковную дисциплину [1, л. 161, 184].

Таким образом, можно сделать вывод, что православие в Шанхае затронули те же самые «болезни», что и в иных регионах страны. Это противоречия в среде руководства епархией и отдельных, известных и значимых для общества священнослужителей. Это стремление к увеличению своей власти епархиальными архиереями, а также отдельными священнослужителями. Это попытка получения как можно большей автономии от Восточно-Азиатского экзарха, Московского Патриарха, попытки вмешательства в дела иных епархий на китайской территории. Значительным отличием стало то, что основная, поставленная руководством Шанхайской епархии цель – стремление к созданию своей, национальной китайской православной церкви, в итоге была достигнута.

Печальной, но характерной чертой в существовании православия на китайской земле стала история с храмом Святителя Николая. На наш взгляд, это не первый раз, когда из-за некоторого разгильдяйства церковного руководства возникла ситуация, в которой Шанхайская епархия была вынуждена арендовать сначала участок земли под храмом, а затем ещё и строение на

нём. И это при не самой хорошей финансовой ситуации. Прекрасную, на наш взгляд, характеристику хозяйственной и имущественной деятельности, правда, в отношении духовной миссии, дал в одной из справок «О предложениях отдела по улучшению деятельности правосл. миссии в Китае» инспектор Совета по делам Русской Православной церкви тов. Зубов: «Хозяйственная деятельность и имущественные отношения в миссии очень запутаны». Это, судя по всему, относится ко всей православной церкви в Китае и Шанхай здесь не исключение [1, л. 27].

Нам кажется, что вся история православия в Китае в советский период времени очень хорошо нашла отражение в начале существования Шанхайской епархии. Противоречия, стремление добиться самостоятельности и «плюсов для себя» у руководства епархией, «странные» имущественные отношения», неверное распределение финансовых потоков. Если к этому добавить постоянный отток в рассматриваемое время православных верующих из региона и из страны в целом, то складывается картина серьёзного упадка православия в Шанхае. В то же время в дальнейшем определённые действия по развитию Православной церкви на рассматриваемой территории будут предприниматься как Симеоном (Ду), так и иными подвижниками православия.

Несмотря на возможность уже сегодня дать достаточно объёмное представление о внутренних процессах в Шанхайской епархии, следует отметить, что её краткая история по-прежнему таит в себе много нераскрытого. Очевидно, что требуется серьёзная, кропотливая работа с архивными источниками, что в дальнейшем поможет воссоздать названную историю наиболее полно.

Список источников и литературы

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1002.
2. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1106.
3. Векшина Н. М. Православие в Китае [Электронный ресурс] // Познание запредельного: современное востоковедение и духовные традиции Востока. Режим доступа: <https://www.torchinov.com/торчиновские-чтения/первые-торчиновские-чтения/н-м-векшина-православие-в-китае> (дата обращения: 08.04.2018).
4. Дацышен В. Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
5. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образов. форум по междунар. отношениям, 2007. 240 с.
6. Дионисий (Поздняев), священник. Китайская Православная церковь на пути к автономии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 4. С. 125–134.
7. Дионисий (Поздняев), священник. Православие в Китае (1900–1997 гг.). [Электронный ресурс]. М.: Свято-Владимирское Братство, 1998. 276 с. Режим доступа: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyayev/4_ru.htm (дата обращения: 08.04.2018).

8. Дионисий (Поздняев), священник. Церковь в Китае: на пути к автономии [Электронный ресурс] // Альфа и Омега. 1997. № 3. Режим доступа: <http://www.aliom.orthodoxy.ru/arch/014/014-rozn.htm> (дата обращения: 08.04.2018).

9. Кепинг К. Судьба Российской духовной миссии в Китае // Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 236–263.

10. Коростелев В. В., Караулов А. К. Последний Архипастырь Маньчжурии: к 110-летию со дня рождения архиепископа Никандра [Электронный ресурс] // Русская Атлантида. № 7. Режим доступа: <http://www.rusatlantida.narod.ru/ra7/3.htm> (дата обращения: 08.04.2018).

11. Монах Вениамин (Гомартели). Летопись церковных событий (1950–1960) [Электронный ресурс] // Златоуст. Режим доступа: <http://www.hristov.narod.ru/letopis4.htm> (дата обращения: 08.04.2018).

12. Назначения и перемещения архиереев // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 10. 64 с.

13. Свящ. Дионисий Поздняев, Прозорова Г. В. Восточноазиатский Экзархат [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/155366.html> (дата обращения: 08.04.2018).

УДК 94

ББК ТЗ(2)63

Вадим Николаевич Якунин,

*Поволжский государственный университет сервиса,
г. Тольятти, Россия*

Церковное храмостроительство и религиозная жизнь в Ставрополе-Тольятти в 1955–1985 годах

В статье исследуется строительство храмов и церковная жизнь в Ставрополе-Тольятти с начала хрущёвских гонений на церковь до религиозного возрождения середины 80-х гг. XX в. Анализируется деятельность ревизионных комиссий, взаимоотношения исполнительных органов приходов и служивших в них священников. Также рассматривается благотворительная деятельность церкви в 1955–1985 гг.

Ключевые слова: храмы, соборы, церкви, духовенство, архиереи, благотворительность, атеистическая пропаганда

Vadim N. Yakunin,

*Volga Region State University of Service,
Togliatti, Russia*

Church the Church Building and the Religious Life of the Stavropol-Togliatti in 1955–1985

This article examines the construction of churches and Church life in the Stavropol-Togliatti since the beginning of the Khrushchev persecution of the Church before the religious revival of the mid 80-ies of the XX century the activities of audit committees, the relationship of the Executive bodies of the parishes and which served them as priests. The charitable activity of the Church in 1955–1985 is also considered.

Keywords: churches, cathedrals, churches, clergy, bishops, charity, atheistic propaganda

Перед затоплением Ставрополя местные власти по просьбе церковной общины Троицкого собора 22 сентября 1954 г. выделили участок земли под строительство молитвенного дома и дома для священника. Надеяться на строительство нового храма на новом месте не приходилось. Первое

богослужение в молитвенном доме, собранном из 2 обычных срубовых домов, перенесённых из затопляемой зоны, прошло 15 февраля 1955 г. Выделенный участок земли был настолько мал, что горисполком 12 апреля 1955 г. отвёл ещё землю под строительство [14].

В построенном небольшом молитвенном доме (24 на 9,2 кв. м) 14 февраля 1955 г. епископом Куйбышевским и Сызранским Иеронимом было освящено 2 престола. Служили в нём два священника и диакон. В таком небольшом помещении верующим было тесно, по отчётам уполномоченного Совета по делам религий, церковь в воскресные дни посещало до 300 человек, в церковные праздники эта цифра удваивалась и даже утраивалась, на Пасху в церковь приходило до 3000 верующих [5, л. 21; 6, л. 24]. Настоятель протоиерей Георгий Никитин постарался перенести из прежнего храма всё, что было возможно.

В 1960 г. настоятелем Богородично-Казанской церкви стал протоиерей Виктор Утехин. Кроме него, в церкви служил ещё один священник и псаломщик, в церковном хоре пело 18 человек, всего в церкви работало 29 человек. Иногда ставропольские священники должны были выезжать в близлежащие сёла, где не было церквей, чтобы совершить церковные требы, причащать умирающих людей. Для этих целей церковь был приобретён автомобиль «Победа» [2, л. 27].

Начало 60-х годов ознаменовалось усилением антирелигиозной пропаганды в СССР. У ворот церковной ограды Богородично-Казанского молитвенного дома комсомольцы по воскресным и праздничным дням выставляли пост и останавливали подростков и матерей с детьми, не пропуская их на богослужение, отговаривали желающих совершить таинство крещения [16, с. 441–447].

В те годы исполнительные органы приходов, ревизионные комиссии состояли из людей, отобранных властью. А власть, в свою очередь, пыталась всеми возможными способами столкнуть исполнительные органы приходов и служивших в них священников. Староста Богородично-Казанского молитвенного дома Семён Дмитриевич Третьяков сам пересчитывал, сколько привезли дров священнику, сколько на это было потрачено средств. Староста и церковный совет решали, стоит ли делать ремонт в храме, покупать церковную утварь, иконы.

Церковная бухгалтерия в те годы была вынуждена сдавать в государственные органы сведения о крестинах, венчаниях, отпеваниях людей. Финансы церкви регулярно проверял горфинотдел. Работники финотдела ездили с регистрационной книгой по адресам, где бывал до этого священник, проверяли, действительно ли была заплачена та сум-

ма, какая указывалась в книге. За причастие плата не взимается, но одна старушка созналась проверяющим, что положила батюшке в карман тайком два рубля, причём так, что он сам этого якобы не заметил. У причащавшего бабушку священника Феодора Лукьянова после этого были неприятности.

Церковь пережила хрущёвские гонения, а некоторые религиозные люди даже в то время верили в будущее возрождение религиозной жизни. Об этом церковном возрождении мечтали в те далёкие годы и духовенство, и верующие. Сын служившего в те годы в Троицком соборе Ставрополя священника Михаила Решетникова Сергей Михайлович Решетников вспоминал: «Не забуду, как наш регент... с вдохновением говорил, что уже недалеко то время, когда церковная музыка не будет подвергаться гонениям, а произведения Бортнянского, Рахманинова, Глинки, Чайковского зазвучат на концертах духовных песнопений даже в больших театрах» [13]. Случится это только через четверть века [15, с. 145–153].

В конце 60-х годов, в связи со строительством ВАЗа, в Тольятти вместе со специалистами из Италии приехал католический священник, который присутствовал на богослужениях в православном храме. Итальянские рабочие также, за неимением католических церквей в Тольятти, его посещали. Настоятель храма протоиерей Евгений Зубович воспользовался этим и обратился к властям с просьбой разрешить постройку колокольни и установить в церкви телефон. Каменная колокольня в 1968 г. была возведена, и Богородично-Казанский молитвенный дом внешне стал похож на церковь. А за установку телефона пришлось внести 20 000 р. в Советский фонд мира [10]. Местные органы власти разрешили проложить асфальтированную дорогу к церкви, располагающуюся в частном секторе, за это церковь заплатила 28 000 р.

Такое «ослабление» к церковным нуждам со стороны местных органов власти вызывало недовольство местного уполномоченного Совета по делам религий Н. А. Трофимова, считавшего, что подобные действия «поднимают престиж церковников перед верующими и местным населением» [1, л. 53].

Другой уполномоченный, В. Х. Корчагин, почти 5 лет не давал разрешения на то, чтобы в молитвенном доме служил диакон. На просьбы настоятеля и священников ответ был один: «Тяжело служить – идите на завод, я помогу в этом».

Перечисления в различные фонды не всегда были принудительными. Когда в 1988 г. административный нажим на церковь ослаб, Богородично-Казанский храм продолжал делать существенные отчисления: 10 000 р. было перечислено в фонд ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, 10 000 р. – в помощь инвалидам-афганцам, 5000 р. – детям-инвалидам, 3000 р. – средней школе [9, л. 23].

В конце 1970-х годов архиепископ Иоанн (Снычев) стал требовать от настоятеля реконструкции молитвенного дома: старый был слишком мал, не вмещал всех желающих и не отвечал требованиям безопасности. Однако отец Евгений то ли в силу своего возраста, то ли из-за нежелания местных властей помогать строительству не смог выполнить поручение. В 1978 г. он был отстранён от настоятельства.

Из общего числа священнослужителей уполномоченный Совета по делам религий И. Н. Климов выделял отца Вячеслава Тарасова. «Их рвение заметно выделяется среди остальной части духовенства. Они педантично выполняют все канонические правила при совершении литургии и религиозных обрядов, активнее, чем другие, влияют на верующих» [3, л. 23–28].

В. М. Тарасов стал священником Богородично-Казанской церкви 2 августа 1978 г. вместо уволенного за штат священника Федора Лукьянова [3, л. 9]. Церковный совет принял его в штат, не хотел платить зарплату. Позже он стал настоятелем церкви, но характеристика, данная уполномоченным, не позволила ему быть в этой должности продолжительное время. С 1981 г. настоятелем Богородично-Казанского храма является протоиерей Николай Манихин.

В 1985 г. на месте Богородично-Казанского молитвенного дома был построен храм, главный престол которого освятили в честь Казанской иконы Божией Матери. Строительство храма продолжалось несколько месяцев. 12 декабря 1985 г. его посетили митрополит Таллинский и Эстонский Алексей – впоследствии патриарх Московский и Всея Руси и архиепископ Куйбышевский и Сызранский Иоанн. После посещения храма высокие гости в сопровождении секретаря горисполкома Михаила Александровича Попова, отвечавшего в те годы за религиозные вопросы, отправились на ВАЗ, где познакомилась с работой главного конвейера [7, л. 26].

В 1985 г. решением исполкома горсовета 19-го созыва была утверждена общественная комиссия содействия контролю за соблюдением законодательства о культурах в новом составе. В её состав вошли юрист-консульт, работники финансового управления, УВД, газеты «За коммунизм». Возглавил комиссию секретарь горисполкома М. А. Попов. Комиссия являлась связующим звеном между властью и религиозными организациями. Этой комиссией много внимания уделялось реконструкции Богородично-Казанской церкви, «так как старое здание вызывало опасение в дальнейшей его эксплуатации, а также поступала информация компетентных органов о недовольстве верующих техническим состоянием молитвенного дома» [8, л. 83].

Действительно, находиться верующим в старом молитвенном доме к этому времени не было никакой возможности. Если в 1970-е гг. церковь посещали в будние дни от 20 до 50 человек, то в 1984 г. – более 200, маленький молитвенный дом был забит до отказа. В праздники же протолкнуться или войти в церковь было практически невозможно [6, л. 46].

В то время тотального дефицита были большие сложности с кирпичом. И содействовать в этом вопросе могли только областные власти. И. Ф. Хрипунов пришёл за помощью к секретарю горисполкома М. А. Попову, возглавлявшему тогда общественную комиссию содействия контролю за соблюдением законодательства о культурах. Вместе поехали в Самару, к секретарю облисполкома А. Л. Лазареву, просили его содействовать в выделении внефондового кирпича. Тот в свою очередь уговорил начальника управления снабжения и сбыта облисполкома Серпера выписать вне фондов 70 000 штук кирпича. Этого количества было достаточно, чтобы достроить на месте старого молитвенного дома настоящую церковь. Первый секретарь горкома партии С. И. Туркин, будучи в курсе происходящего, не раз в шутку грозился исключить М. А. Попова из партии за содействие строительству церкви. И хотя уже времена были другие, наступила перестройка, такие шутки воспринимались всерьёз [11]. За лето 1985 г. храм был построен. Внутренняя отделка Богородично-Казанской церкви продолжалась полтора года, а 6 августа 1987 г. её освятил архиепископ Иоанн (Снычев) [12].

Вместе с осознанием невозможности продолжать борьбу с религией прежними

методами, поиском диалога с церковью накануне 1000-летия введения христианства на Руси продолжали сказываться рецидивы прошлого. В 1982 г. в Автозаводском районе г. Тольятти районо разработал перспективный план по атеистическому воспитанию до 1985 г. В школах города были созданы клубы «Юный атеист», работали лектории. Централизованная библиотечная система Тольятти проводила лекции и обзоры по следующим темам: «Не Бог, а человек хозяин мира», «О правде и выдумках», «Борцы за науку – жертвы религии», проходило обсуж-

дение книг антирелигиозного содержания. Во всех библиотеках города проходили «Недели атеистической книги», тематические вечера «Боги не умирают сами», кинолектории «Разум против религии» [4, с. 32–33, 50]. В городской газете «За коммунизм» в 1984–1985 гг. публиковались статьи антирелигиозного содержания: «Голгофа Раисы Куропаткиной», «Воспитывать убеждённых коммунистов», «И пошла в церковь» и др. Однако это было последним наступлением на религию и церковь. Впереди было время церковного возрождения.

Список источников и литературы

1. ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. 3219. Оп. 1. Д. 13.
2. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 19.
3. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 29.
4. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 38.
5. ЦГАСО. Ф. 4187. Оп. 1. Д. 44.
6. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 47.
7. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 53.
8. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 57.
9. ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 72.
10. Архив В. Н. Якунина. Рассказ историка В. А. Овсянникова.
11. Архив В. Н. Якунина. Рассказ М. А. Попова.
12. Архив В. Н. Якунина. Рассказ прот. Николая Манихина.
13. Бедула О. Служил Богу верой и правдой [Электронный ресурс] // Благовесть. Православная газета. 2009. 12 марта. Режим доступа: <https://www.blagovest.cofe.ru/Za-Hrista-postradavshie/Sluzhil-Bogu-veroy-i-pravdoj> (дата обращения: 30.03.2018).
14. Овсянников В. Ставрополь: церковь и общество. Храмы // Площадь Свободы. 1991. 14 нояб.
15. Чирков М. С. Власть и Русская православная церковь в 1965–1982 гг.: опыт государственно-конфессиональных отношений // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 500-летию Реформации / ред. С. В. Соловьева, А. И. Репинецкий, Б. В. Гартвиг. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2017. С. 145–153.
16. Чирков М. С. Церковь Христова... испытывает нападки и порицания: трансформация государственно-конфессиональных отношений в СССР (1949–1958 гг.) // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, 2016. С. 441–447.

УДК 94:070
ББК ТЗ(2):Ч600

Томас Вайраух,
внештатный учёный,
Министерство внутренних дел Германии,
г. Хойхельхайм, Германия

Не единственная: разнообразие политических партий в Китае

На сегодняшний день Коммунистическая партия Китая обладает доминирующим положением в стране и является самой могущественной партией в мире, но практически ничего неизвестно о том, что история Китая насчитывает более 500 политических партий. Они различаются по количеству членов, а также по своей роли в обществе, идеологии, структуре и экономической мощи. Независимо от того, были они легализованы или нет, партии представляли политические идеи определённых социальных кругов как в Китайской империи, так и в Китайской Республике или Китайской Народной Республике. Некоторые из них даже стали ведущей силой в пределах этих образований.

Ключевые слова: Китай, Коммунистическая партия Китая, Китайская националистическая партия, Демократическая прогрессивная партия, оппозиция, партийная система, партия, революция, Тайвань

Thomas Weyrauch,
Freelance Scientist,
German Ministry of the Interior,
Heuchelheim, Germany

Not Only One: the Diversity of Political Parties in China

Today the Communist Party of China is the predominant force in China and the most powerful party in the world, but it is quite unknown that China's history created more than 500 political parties. They are different in number of members, as well as in their significance in society, ideology, structure and economic strength. Regardless, whether they have been legalized or not, parties represented the political intention of certain social circles in the Empire of China as well as in the Republic of China or in the People's Republic of China. Some of them even became the leading force within their entities.

Keyword: China, Chinese Communist Party, Chinese Nationalist Party, Democratic Progressive Party, opposition, party system, party, revolution, Taiwan

Слово «партия» распространено в западных языках. Оно имеет латинское происхождение: “partire” в переводе с латинского означает «делить». Поэтому на протяжении многих веков это слово носило негативную окраску и подразумевало «фракционность». Китайский эквивалент “dang” (黨/党) разделяет эту участь, поскольку ещё философ Конфуций (孔子) предостерегал честных людей от вступления в данг. Слово данг в то время означало «клик» (банда, шайка). Тем не менее, морфема совершенствовалась вплоть до XIX века [13, с. 14].

В настоящее время «Китай» определяется как страна, состоящая из территорий Китайской Народной Республики материкового Китая и Китайской Республики на Тай-

ване. Но в имперском Китае династии Цин (1644–1912) Монголия и часть современной России также были компонентами этого образования. В результате слабости Китая в эпоху позднего Цин первая политическая партия была основана в 1894 году как Синдзунхуй (興中會) или Общество возрождения Китая. Сунь Ятсен (孫中山), лидер Синдзунхуй, не верил в изменчивость монархии и сделал ставку на революционную борьбу против имперского правления, которая должна была завершиться созданием современной республики [10, с. 34; 11, с. 24; 13, с. 131].

Разумеется, у Сунь было противостояние не только с лагерем монархистов в целом, но и с последователями Кан Ювэя (康有為), которые сами подвергались пресле-

дованию реакционной группы императорского двора под руководством вдовствующей императрицы Цыси (慈禧) и Юань Шикая (袁世凱), её могущественного командира «Новой армии». Кан пытался вернуть к власти заключённого под домашний арест императора-реформатора Гуансюя (光緒), основав в 1899 году Баохуанхуэй (保皇會), Союз защиты императора. Каждая из этих двух антагонистических групп, республиканцев-революционеров и монархистов-реформистов стала ядром различных типов политических партий [10, с. 37; 11, с. 24; 13, с. 133].

Изменив название и структуру партии, а также адаптировав идеологию к современности, Гуанфухуэй стал Тунмэнхуэй (同盟會) в 1905 году и Чжунго Гоминьдан (GMD, 中國國民黨), Китайской Национальной партией в 1913 году. Идеология этой партии объединила идеи развития нации, социальной справедливости и демократии. В 1911 году Тунмэнхуэй стала ведущей силой революции и воссоздала Китайскую Республику. Её наследница, Гоминьдан, одержала победу на первых национальных выборах в Китае в 1913 году. С другой стороны, Баохуанхуэй породила новые конституционные, националистические, милитаристские, демократические и социал-демократические партии. Между 1894 и 1911 годами появились десять различных партий. Их число постоянно увеличивалось, поэтому в период ранней Китайской Республики с 1912 по 1927 год была основана ещё 21 партия. Среди них были национальные партии, такие как Гоминьдан, которая пересоздавалась трижды, а именно до выборов в 1913 году после государственного переворота Юань Шикая как Чжунхуа Гэмидан (中華革命黨) или Китайская революционная партия в 1914 году и после реорганизации в 1919 году, когда она была переименована в Гоминьдан. По инициативе Коминтерна Чжунго Гунчаньдан в 1921 году была создана Коммунистическая партия (КПК, 中國共產黨/中国共产党). У этой партии была идеология советского типа, однако она пользовалась снисходительностью лидера Гоминьдана Суна, который позволил членам КПК одновременно стать членами своей партии. Через два года после смерти Суна конфликт между его преемником Цзян Цзешу (Чан Кайши 蔣介石) и КПК привёл к разрыву отношений между сторонами, незадолго до того, как Цзян попытался объединить Китай после затяжной гражданской войны с влиятельными военачальниками. До 1928 года

другие значимые партии того времени зависели от милитаристов или представляли националистические, социалистические и демократические позиции [10, с. 68; 11, с. 41; 13, с. 133, 137; 14, с. 103; 16, с. 214].

Когда Цзян разгромил милитаристов в 1928 году и успешно объединил Китай под идеологией Гоминьдана, его партия насчитывала всего 97 000 членов. Незапрещённая Коммунистическая партия неуклонно росла с 57 членов в 1921 году до 1,2 миллиона в 1945 году, в то время как в китайском обществе возникло 14 новых партий. Некоторые из них были связаны с Гоминьданом или объявленной вне закона КПК, другие пытались найти третий путь, независимый от двух могущественных противников. Большинство из партий были созданы в результате вторжения Японии в Китай и ставили своей целью противостояние агрессии. Кроме того, политик из Гоминьдана Ван Цзинвэй (汪精衛) способствовал расколу своей партии в оккупированном Китае, чтобы создать дружественную Японии фашистскую организацию для своего марионеточного режима. Когда Япония проиграла войну в 1945 году, остров Тайвань был возвращён Китаю после 50 лет колониального правления. Но Китай по-прежнему страдал от последствий войны, и ему было сложно восстановить государственные структуры. Однако в 1946 году Китаю удалось принять современную конституцию, провести национальные выборы в парламентские органы в 1947 году и возродить все конституционные органы, ведомства, а также суды в 1948 году. За это время в Гоминьдане насчитывалось уже 4 миллиона членов [10, с. 131; 11, с. 108; 13, с. 146, 171; 16, с. 119].

Выборы сделали бы 1947 год благоприятным периодом времени, если бы Китай не вступил в новую гражданскую войну между правительством, возглавляемым Гоминьданом, и КПК. Другое событие, произошедшее в новой провинции Тайвань, омрачило судьбу нации, когда вспыхнуло насилие между гражданами 16-месячной провинции Тайвань в составе Китайской Республики и их военной администрацией.

В результате обоих конфликтов зародились две партии: Чжунго Гоминьдан Гемин Вэйюаньхуэй, Революционный комитет Гоминьдана (中國國民黨革命委員會/中国国民党革命委员会), отколовшийся от материнской партии и Тайвань Миньчжу Цзычжи Тунмэн, Тайваньская лига демократического само-

управления (臺灣民主自治同盟/台湾民主自治同盟). Обе они вступили в союз с КПК, которая в конечном итоге одержала победу в гражданской войне в 1949 году и заняла доминирующее положение в новом государстве, Китайской Народной Республике [10, с. 204, 276; 11, с. 280; 13, с. 152].

После того, как Китайская Республика потеряла материк площадью более 9 миллионов квадратных километров и населением в 544 миллиона человек, государство было сокращено до площади Тайваня в 36 000 квадратных километров с населением в 8 миллионов граждан. Все конституционные органы были переведены на Тайвань ранее, поэтому остров можно было регулировать в соответствии с республиканским законодательством, за исключением ограниченности некоторых гражданских прав. Таким образом, только Гоминьдан и две второстепенные партии имели право участвовать в управлении делами государства. В результате гражданской войны и потери материка число членов Гоминьдана сократилось с 4 миллионов в 1948 году до 80 тысяч в 1950 году. События между 1947 и 1949 годами свидетельствуют о том, что всякая коммунистическая и сепаратистская деятельность жестоко подавлялась. Даже когда в 1960 году была создана Миньчжундан (民主黨), Демократическая партия, которая не относилась ни к сепаратистской, ни к коммунистической, – она была немедленно запрещена властями. Политика, ограничивающая количество партий на Тайване, продолжалась вплоть до 1986 года, когда была создана новая оппозиционная Миньчжу Цзиньбудань (民主進步黨, Демократическая партия прогресса, ДПП). Эта тайваньско-нативистская и сепаратистская партия дважды становилась правящей партией во главе с президентами Чэнь Шуйбянь (陳水扁) в период между 2000 и 2008 годами и Цай Инвэнь (蔡英文) с 2016 года. В течение 1950-х годов Гоминьдан увеличила число членов до 2,6 миллиона человек в 1962 году, но позднее потеряла большинство из них в связи с одновременным ростом ДПП, особенно это проявилось в 2000 году, когда в партии осталось 1,1 миллиона человек [2, с. 88; 7, с. 105; 12, с. 25, 33; 13, с. 160, 171, 181; 15, с. 62].

Начиная с 1986 года политическая система Тайваня была в состоянии выражать различные настроения общества через партии, которых в 2017 году насчитывалось до 333. После того, как госпожа Цай стала президентом, положение лагеря Гоминьдана ухудшилось из-за попытки экспроприировать

его собственность под предлогом того, что Гоминьдан владела «неправомерно приобретенным имуществом». В ноябре 2017 года ДПП-большинство Тайванского парламента внесли на рассмотрение партийный закон, который ограничит число партий в ближайшем будущем [13, с. 181–224].

В Китайской Народной Республике КПК оставалась ведущей силой в партийной системе, допускающей только восемь второстепенных партий, которые были союзниками КПК до 1949 года. Тем временем КПК стала крупнейшей партией в мире с более чем 90 миллионами членов. Тем не менее, создание новой политической партии по-прежнему является причиной сурового наказания, о чём свидетельствует случай с созданной в 1998 году Чжунго Миньчжундан, Демократической партией Китая (中國民主黨) [4, с. 32; 5, с. 136; 9, с. 139; 13, с. 223, 236].

Политическая жизнь в Гонконге – бывшей колонии Великобритании – и Макао – прежней колонии Португалии – иная. Оба субъекта стали Специальными административными районами Народной Республики без ограничений в создании политических партий, но с ограниченными гражданскими правами в рамках избирательной системы [13, с. 246].

Таблица
Учреждение политических партий [13, с. 380]

Династия Цин (включая подпольные и изгнанные)	10
Ранняя Китайская Республика, 1912–1927 г.	21
Китайская Республика, 1928–1945 г.	14
Тайвань под японским колониальным управлением	3
Китайские территории, оккупированные Японией	2
Китайская Республика, 1945–1949 г.	4
Китайская Республика (Тайвань), 1950–1986 г.	1
Китайская Республика (Тайвань) с 1986 г.	333
Китайская Народная Республика, КНР (включая подпольные и изгнанные)	34
Гонконг (британская колония)	42
Гонконг (Специальный административный район, КНР), с 1997 г.	29
Макао (португальская колония)	3
Макао (Специальный административный район, КНР), с 1999 г.	22
Всего китайских партий	518

В общей сложности история Китая с 1894 года содержит данные о более чем 500 политических партиях. Это отражено в таблице. Главными приоритетами партий являются националистические, коммунистические, социалистические, демократические, фашистские или либеральные идеи. Неко-

торые стороны борются за независимость от Китая, другие – за единую страну, за религиозные убеждения, права женщин, молодёжи или меньшинств, а также за защиту окружающей среды [13, с. 146, 166, 238, 246]. Все они подтверждают тот факт, что в Китае больше, чем одна партия.

Список источников и литературы

1. Deutsche China-Gesellschaft Mitteilungsblatt der Deutschen China-Gesellschaft. Bulletin of the German China Association (Magazine). Köln: Deutsche China-Gesellschaft, 1958.
2. Fell Dafydd J. Parties and Party Systems. In. 8. P. 87.
3. Fukui H. Political Parties of Asia and the Pacific. Vol. 1. Westport. Connecticut; London: Greenwood Press, 1985.
4. Heilmann S. Das politische System der Volksrepublik China (The Political System of the People's Republic of China). 3rd ed. Wiesbaden: Springer, 2016.
5. Noesselt N. Chinesische Politik: Nationale und globale Dimensionen (Chinese Politics: National and Global Dimensions). Baden Baden: Nomos, 2016.
6. Paul G. Staat und Gesellschaft in der Geschichte Chinas (State and Society in China's History). Baden Baden: Nomos, 2016.
7. Rigger Sh. Party Ideology. In. 8. P. 104.
8. Schubert G. Routledge Handbook of Contemporary Taiwan. London; New York: Routledge, 2016.
9. Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaption. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
10. Weyrauch Th. Chinas demokratische Traditionen (China's Democratic Traditions). Heuchelheim: Longtai, 2014.
11. Weyrauch Th. Chinas unbeachtete Republik (China's Unnoticed Republic). Vol. 1. (1911–1949). 4th ed. Heuchelheim: Longtai, 2012.
12. Weyrauch Th. Chinas unbeachtete Republik (China's Unnoticed Republic). Vol. 2. (1950–2011). 2nd ed. Heuchelheim: Longtai, 2014.
13. Weyrauch T. Die Parteienlandschaft Ostasiens. Geschichtliche Hintergründe, politische Zusammenhänge (The Party Landscape of East Asia: Historical Background, Political Context). Heuchelheim: Longtai, 2018.
14. Weyrauch T. Sanmin Zhuyi – Sun Yatsens Staatslehre. In. 6. P. 103.
15. Weyrauch T. Yi di yi you (亦敵亦友) – Taiwan und das chinesische Festland (Yi di yi you (亦敵亦友) – Taiwan and Mainland China). In. 1. P. 61.
16. Yamada T. Chinese Nationalist Party. In. 3. P. 214.

Not Only One: the Diversity of Political Parties in China

Today the Communist Party of China is the predominant force in China and the most powerful party in the world, but it is quite unknown that China's history created more than 500 political parties. They are different in number of members, as well as in their significance in society, ideology, structure and economic strength. Regardless, whether they have been legalized or not, parties represented the political intention of certain social circles in the Empire of China as well as in the Republic of China or in the People's Republic of China. Some of them even became the leading force within their entities.

Keyword: China, Chinese Communist Party, Chinese Nationalist Party, Democratic Progressive Party, opposition, party system, party, revolution, Taiwan

The word “party” is common in western languages and of Latin origin. “partire” means to divide. Therefore, for centuries the reputation of the word was negative and connoted as “factionalism”. The Chinese equivalent “dang”

(黨/党) shares this fate since the philosopher Confucius (Kongzi 孔子) warned honest men to join a *dang*. The meaning of *dang* in this time was “clique”. However, the morpheme underwent an improvement until the 19th century [13, p. 14].

Today, "China" is defined as a nation consisting the territories of the People's Republic of China in mainland China and the Republic of China on Taiwan. But in Imperial China of the Qing Dynasty (1644–1912), Mongolia and parts of present-day Russia were components of that entity, too. As a result of China's weakness during the late Qing era the first political party was founded in 1894 as Xingzhonghui (興中會) or Revive China Society. Sun Yatsen (孫中山), the leader of Xingzhonghui, did not trust in the reformability of the monarchy and decided on a revolutionary struggle against imperial rule, which was to culminate in the founding of a modern republic [10, p. 34; 11, p. 24; 13, p. 131].

Naturally, Sun had his opponents not only in the camp of the monarchists in general, but also especially competed with monarchists around Kang Youwei (康有為), who were themselves persecuted by a reactionary group in the imperial court under the leadership of Empress Dowager Cixi (慈禧) and Yuan Shikai (袁世凱), her powerful commander of the "New Army". Kang tried to bring the imprisoned reform emperor Guangxu (光緒) back to power by founding the Baohuanghui (保皇會), Protect the Emperor Society, in 1899. Each of those two antagonistic groups, the revolutionary republicans and the reformist monarchists, became a nucleus of various types of political parties [10, p. 37; 11, p. 24; 13, p. 133].

By changing the name and party structure as well as adapting the ideology towards modern the Guangfuhui became the Tongmenghui (同盟會) in 1905 and the Zhongguo Guomindang (GMD, 中國國民黨), Chinese Nationalist Party, in 1913. Its ideology combined the ideas of nation building, social justice and democracy. In 1911, the Tongmenghui became the leading force of the revolution and the newly created Republic of China. Their heir, the GMD, was the winner of China's first national elections in 1913. On the other hand the Baohuanghui gave birth to new constitutionalist, nationalistic, militaristic, democratic and social-democratic parties. Between 1894 and 1911 ten different parties emerged. Their number increased continuously, so in addition 21 parties were founded in the early Republic of China from 1912 to 1927. Among them were nation building parties, like the GMD, which has been founded three times, namely before the elections in 1913, after the coup d'état of Yuan Shikai as Zhonghua Gemingdang (中華革命黨) or Chinese Revolutionary Party in 1914, and after the reorganization in 1919 renamed as GMD). At the instigation of the Comintern the Zhongguo Gongchandang, Communist Party

(CCP, 中國共產黨/中国共产党) was created in 1921. That party had a soviet style ideology, but enjoyed the tolerance of GMD-leader Sun, who allowed CCP-members to become members of his own party at the same time. Two years after Sun's death, a conflict between the CCP and his successor Jiang Jieshi (Chiang Kaishek 蔣介石) led to the break of both parties, just before Jiang tried to unify China after a long civil war with powerful warlords. Other meaningful parties of the time before 1928 were depended to the warlords or represented nationalist, socialist and democratic positions [10, p. 68; 11, p. 41; 13, p. 133, 137; 14, p. 103; 16, p. 214].

When Jiang defeated the warlords in 1928 and successfully unified China under the GMD-ideology, his party had only 97,000 members. The now-forbidden Communist Party grew steadily from 57 members in 1921 to 1.2 million in 1945, while the Chinese society originated 14 new parties. Some of them were in affiliation to the GMD or the outlawed CCP, others tried to find a third way, independent from the two mighty adversaries. Most of them were brought into being as the result of Japans invasion of China and wanted to resist the aggression. But the GMD-politician Wang Jingwei (汪精衛) split his party in occupied China to create a Japan-friendly fascist organization for his puppet-regime. When Japan lost the war in 1945, the island of Taiwan was re-ceded to China after 50 years of colonial rule. But China continued to suffer from the war damage and it was difficult to rebuild state structures. However, it succeeded in enacting a modern constitution in 1946, holding national elections for parliamentary bodies in 1947 and reviving all constitutional organs, offices as well as courts in 1948. In this time the GMD had already 4 million members [10, p. 131; 11, p. 108; 13, 146, 171; 16, p. 119].

The elections would have turned the year 1947 into a fortunate period of time, if China had not slipped into a new civil war between the GMD-led government and the CCP. Another event in the new province of Taiwan darkened the fate of the nation, when violence broke out between the native people – for 16 months citizens of the Republic of China – and their military administration. Two parties have been born as a result of both conflicts, a Zhōngguó Guomindang Geming Weiyuanhui, Revolutionary Committee of the GMD (中國國民黨革命委員會/中国国民党革命委员会), a split from the mother party, and the Taiwan Minzhu Zizhi Tongmeng, Taiwan Democratic Self-Government League (臺灣民主自治同盟/台湾民主自治同盟). Both joined the alliance with

the CCP, which ultimately won the Civil War in 1949 and became the predominant force of a new state, the People's Republic of China [10, p. 204, 276; 11, p. 280; 13, p. 152].

After the Republic of China lost the mainland with an area of more than 9 million square kilometers and a population of 544 million citizens, the state was reduced to the Taiwan area of 36.000 square kilometers and a population of 8 million citizens. All constitutional bodies had been transferred to Taiwan before, so the island could be ruled according the republican law with the exception that some civil rights were restricted. Therefore, only the GMD and two minor parties were permitted to act in state affairs. As a result of the civil war and the loss of the mainland, the number of GMD's members fell from 4 million in 1948 to 80,000 in 1950. Considering the events between 1947 and 1949, all communist and separatist activities were severely punished. Even, when a Minzhudang (民主黨), a Democratic Party, – neither secessionist nor communist – was founded in 1960, it was immediately prohibited by the authorities. The situation on Taiwan of restricting the number of parties continued until 1986, when the new oppositional Minzhu Jinbudang (民主進步黨 Democratic Progressive Party, DPP) was founded. This Taiwan-nativist and separatist party succeeded in becoming the ruling party twice with the presidents Chen Shuibian (陳水扁) between 2000 and 2008 and Cai Yingwen (蔡英文) since 2016. During the years from 1950, the GMD gained members up to 2.6 million in 1962, but later lost most of them with simultaneous growth of the DPP, especially in 2000 when 1.1 million remained [2, p. 88; 7, p. 105; 12, p. 25, 33; 13, p. 160, 171, 181; 15, p. 62].

Starting in 1986, Taiwan's political system was able to represent the society by a spectrum of up to 333 parties in 2017. Since Ms. Cai became president, the condition for the GMD-camp worsened by the attempt to expropriate it under the pretext that the GMD owned "ill-gotten properties". In November 2017 the DPP-majority of Taiwan's parliament introduced a Party Law, which will restrict the number of parties in the near future [13, p. 181–224].

In the People's Republic of China, the CCP remained the leading power of the system,

permitting only eight minor parties, which were allies of the CCP before 1949. Meanwhile the CCP became the largest party in the world with more than 90 million members. But founding a new political party is still the reason of harsh punishment, as proved by the case of the Zhongguo Minzhudang (中国民主党), a Democratic Party of China, in 1998 [4, p. 32; 5, p. 136; 9, p. 139; 13, p. 223, 236].

Political life in Hong Kong – a former colony of Great Britain – and Macau – once colony of Portugal – is different. Both entities became Special Administration Zones of the People's Republic without restrictions in founding political parties, but with limited civil rights in the voting system [13, p. 246].

The Establishment of Political Parties [13, p. 380]

Qing-Dynasty (including underground and exile)	10
Early Republic of China, 1912–1927	21
Republic of China, 1928–1945	14
Taiwan under Japanese colonial rule	3
Chinese territories occupied by Japan	2
Republic of China, 1945–1949	4
Republic of China (Taiwan), 1950–1986	1
Republic of China (Taiwan), since 1986	333
People's Republic of China, PRC (including underground and exile)	34
Hong Kong (British colony)	42
Hong Kong (Special Administrative Region, PRC), since 1997	29
Macau (Portuguese colony)	3
Macau (Special Administrative Region, PRC), since 1999	22
Chinese parties total	518

In total, Chinese history since 1894 gives a record of more than 500 political parties. Their main priorities are nationalist, communist, socialist, democratic, fascist or liberal ideas. Some parties fight for independence from China, others for a unified country, for religious beliefs, for women rights, young people or minorities as well as for environmental protection [13, p. 146, 166, 238, 246]. They all prove the fact that there is more than only one party in China.

Literature

1. Deutsche China-Gesellschaft Mitteilungsblatt der Deutschen China-Gesellschaft. Bulletin of the German China Association (Magazine). Köln: Deutsche China-Gesellschaft, 1958.
2. Fell Dafydd J. Parties and Party Systems. In. 8. P. 87.

3. Fukui H. Political Parties of Asia and the Pacific. Vol. 1. Westport. Connecticut; London: Greenwood Press, 1985.
4. Heilmann S. Das politische System der Volksrepublik China (The Political System of the People's Republic of China). 3rd ed. Wiesbaden: Springer, 2016.
5. Noesselt N. Chinesische Politik: Nationale und globale Dimensionen (Chinese Politics: National and Global Dimensions). Baden Baden: Nomos, 2016.
6. Paul G. Staat und Gesellschaft in der Geschichte Chinas (State and Society in China's History). Baden Baden: Nomos, 2016.
7. Rigger Sh. Party Ideology. In. 8. P. 104.
8. Schubert G. Routledge Handbook of Contemporary Taiwan. London; New York: Routledge, 2016.
9. Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaption. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
10. Weyrauch Th. Chinas demokratische Traditionen (China's Democratic Traditions). Heuchelheim: Longtai, 2014.
11. Weyrauch Th. Chinas unbeachtete Republik (China's Unnoticed Republic). Vol. 1. (1911–1949). 4th ed. Heuchelheim: Longtai, 2012.
12. Weyrauch Th. Chinas unbeachtete Republik (China's Unnoticed Republic). Vol. 2. (1950–2011). 2nd ed. Heuchelheim: Longtai, 2014.
13. Weyrauch T. Die Parteienlandschaft Ostasiens. Geschichtliche Hintergründe, politische Zusammenhänge (The Party Landscape of East Asia: Historical Background, Political Context). Heuchelheim: Longtai, 2018.
14. Weyrauch T. Sanmin Zhuyi – Sun Yatsens Staatslehre. In. 6. P. 103.
15. Weyrauch T. Yi di yi you (亦敌亦友) – Taiwan und das chinesische Festland (Yi di yi you (亦敌亦友) – Taiwan and Mainland China). In. 1. P. 61.
16. Yamada T. Chinese Nationalist Party. In. 3. P. 214.

УДК 94
ББК ТЗ(2)

Олег Николаевич Забузов,

*Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия*

Советская военная доктрина: интегративный взгляд

В историческом контексте рассмотрены взгляды ряда военачальников и учёных на особенности формирования советской военной доктрины. Показаны авторские взгляды политических и военных деятелей, учёных на взаимоотношения армии и политики. Проанализировано значение военной доктрины в определении особенностей строительства военной организации государства и войн будущего. Определённое внимание отведено отражению духовного фактора в военной доктрине. Предугаданы контуры армии будущего, как высококомбинированной и профессиональной.

Ключевые слова: армия, воевание, военная доктрина, военная политика, военная стратегия, военное строительство, война, доктрина, институционализация, мир, политика, политическая сторона, предотвращение войны

Oleg N. Zabuzov,

*Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia*

Soviet Military Doctrine: an Integrative Sight

In the historical context, views of a number of military commanders and scientists on the specifics of the formation of the Soviet military doctrine are examined. The authors' views of political and military figures, scientists on the relationship between the army and politics are shown. The analyzed significance

of the military doctrine in determining the characteristics of the military organization of the state and the wars of the future. Particular attention is given to the reflection of the spiritual factor in military doctrine. The contours of the army of the future are presumed to be highly mobile and professional.

Keywords: army, war, military doctrine, military policy, military strategy, military construction, war, doctrine, institutionalization, peace, politics, political party, war prevention

Научно-теоретическая разработка проблематики военной политики началась давно, по существу, с тех времён, когда: 1) воевание стало более или менее отчетливо выделяться в самостоятельную отрасль социально-политической деятельности (под социально-политической деятельностью подразумевается властная деятельность в широком социальном контексте (не только борьба за власть, но и управление, организованное осуществление общественно значимых дел и т. п.); 2) когда войны стали готовиться и вестись не только воинами, но и руководителями государств; 3) когда война «чётко отделилась от личной вражды», став формой коллективного насилия, когда стало понятно, что войн без массовых человеческих жертв не бывает [9, с. 14]. Но наиболее активные попытки создания самостоятельной отрасли знаний, именуемой «военной политикой» или «большой стратегией», предпринимаются представителями мировой общественно-политической и военно-теоретической мысли в конце XVIII и начале XIX веков. Не остановились разработки этого вопроса и в наше время. Более того, именно сейчас понятие «военная политика» обрело несколько иное качественное содержание. Сама военная политика всё более институционализировалась, вовлекая в круг своих субъектов более широкий количественный состав, причём круг таких субъектов всё более «огражданивается». В начале XX века произошло нормативно-правовое оформление положений военной политики, которое вылилось в оформление их в виде военной доктрины, или аналогичного документа в некоторых странах.

К примеру, в развернувшейся в СССР дискуссии «о единой военной доктрине» РККА приняли участие Л. Д. Троцкий, И. Уборевич, М. В. Фрунзе, С. И. Гусев, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников и другие известные военачальники Красной Армии. В 1922 году М. В. Фрунзе предложил следующую формулировку единой военной доктрины, признанной впоследствии в СССР классической: «Единая военная доктрина – есть принятое в армии данного государства уче-

ние, устанавливающее характер строительства вооружённых сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов, на характер стоящих перед ним задач и способы их разрешения, вытекающие из классового устройства государства и определяемые уровнем развития производственных сил страны» [4].

Размышляя о характере будущих войн, российский военный деятель, генерал А. Геруа выступал за замену массовых армий «малыми», «профессиональными», дабы обеспечить максимальную гуманность и скоротечность войн, сократить «страдания» от войн гражданского населения, повысить качество «вооружённых сил, а не увеличивать количество пушечного мяса» [4]. Осознавая неразрывную связь армии с политикой, А. Геруа следующим образом определял их соотношение: армия по отношению к политике может занимать четыре положения – «активное, пассивное, нейтральное и политиканское».

По мнению этого генерала, при первом положении армии в политике генералитет вливается в политическую элиту и ведёт всё общество за собой (довоенная Германия) (здесь стоит понимать слово «довоенная» относительно Первой мировой войны). При втором положении армия идёт на «буксире политики» и не позволяет себе «идейной агрессивности» (довоенная Франция). При третьем положении армия старается не вмешиваться в политику (большая часть армий). При четвёртом положении политика вливается в армию извне, сверху, при посредстве политических органов, и снизу, через массы коммунистов (СССР) [2, с. 12–15]. Таким образом, генерал А. Геруа чётко осознавал взаимодействие армии и общества, воздействие на вооружённые силы всей совокупности социально-экономических и политических факторов.

В силу изменения характера будущей войны – войны моторов, стратегии и тактики ведения боевых действий, массового использования танков и авиации, измене-

ния средств, форм и методов управления войсками, государство нуждается в военной доктрине, доказывал Н. Н. Головин [5]. Военная доктрина представляет из себя «чисто практическое приложение выводов военной науки» к условиям определённой войны». Военная доктрина создаётся для данной войны, «...для войны с маленькой буквы... наука создаётся для Войны вообще, для войны с большой буквы. Условиями, обуславливающими создание доктрины, являются: свойства своих войск и противника, сила и свойства находящегося налицо вооружения, государственные, национальные и экономические условия, в которых приходится вести данную войну, условия театра войны: то есть все, что можно обобщить в словах – “реальная обстановка войны”», – утверждал он [5, с. 825].

Психологически же военная доктрина будущей российской армии, считал Н. Н. Головин, есть «общественное мнение», состоящее из ряда идей, живущих в сознании нации, и опирающееся на фундамент «готовности к борьбе с западными соседями» при полном уважении к их реальной силе и техническому оснащению. Ибо в «большой» войне всё государство напряжено сверху донизу и охвачено данной целью и волей. В такой войне воюют не только армии, а вооружённые народы со всеми своими организованными государственными аппаратами, активно напрягая все свои силы и средства [9]. Во многом разделял взгляды И. И. Головина неоднократный призёр конкурсов «Общества русских офицеров» Генерального штаба на лучшие военно-научные труды полковник Е. Э. Месснер. Он доказывал, что война XX века не есть чисто военное предприятие: в ней политики не меньше, чем тактики. Поэтому военная наука приближается к наукам экологическим и политическим [3, с. 450–489].

Генерал-лейтенант, профессор А. К. Баиов также внёс значительный вклад в разработку «военной доктрины русского государства» [11, с. 28–33]. Главным в его творчестве является проблема русского национального военного искусства. Фундаментом строительства новой Русской армии А. К. Баиов полагал духовное начало; преимущество качества над количеством; высокий уровень подготовки офицерского корпуса; оснащение вооружённых сил современными техническими средствами. Причём, успешно выполнить свои задачи армия сможет лишь при «един-

стве духа» всех чинов армии, т. е. общности понимания обстановки, единстве взглядов, единстве языка при осуществлении национальной военной доктрины [11, с. 15, 22–24]. Разделял взгляды Н. Н. Головина, А. Геруа, А. Баиова и такой активный военный историк русского зарубежья, как А. А. Керсновский [8, с. 77]. Однако он справедливо считал, что в эмиграции создать военную доктрину невозможно, и она должна быть разработана в «послебольшевистской России». «Коммунистическое варварство», демократический маразм, тоталитарно-диктаторское богоборчество одинаково растлевают страну, ...разворачивают её вооружённую силу», – писал А. А. Керсновский [8, с. 76]. Выход он видел в возвращении к монархии, к консерватизму, однако при этом справедливо полагал, что армия вне политики – нелепость, ибо «армия как раз и есть вооружённая политика» [1]. Будущую русскую армию А. А. Керсновский, как и многие другие военные эмигранты, видел профессиональной «малой» и «качественной», а её духовно-организационным стержнем, ведущей силой по праву считал офицерский корпус [10, с. 172–181].

В 1990-е годы начальник Генерального штаба Вооружённых сил СССР генерал армии М. А. Моисеев отмечал, что «чертой современной советской доктрины является её строго оборонительная направленность». Немаловажным является определение того, что в военной доктрине того времени главной и определяющей стороной является её политическая сторона. Она вытекала из политики руководящей роли партии того времени и самого государства в области обороны, определяя её отношение к войне, а также вытекающие из этого военно-политические задачи страны. Военная доктрина того времени и в политическом, и в военно-техническом плане определяла высшей целью, ядром доктрины, основной функцией государства и вооружённых сил предотвращение войны. Немаловажным в доктрине того времени являлся вопрос: к отражению какой вероятной агрессии готовятся вооружённые силы? М. А. Моисеев отвечал на этот вопрос достаточно просто: приходится считаться с конкретными действиями другой стороны.

Практическое осуществление оборонительной направленности военной доктрины того времени, на взгляд М. А. Моисеева, чётко просматривается в таком коренном вопросе, как советское военное строительство. Он не случайно отмечал, что «переход к

оборонной достаточности сейчас тесно связан с переориентированием всего военного строительства на качественные параметры в отношении техники, военной науки и состава Вооружённых сил» [6, с. 3–21].

Можем сделать несколько важных, на наш взгляд, частных выводов.

1. Проблемами военной доктрины послереволюционной России занимались как советские военачальники, так и военачальники и учёные в эмиграции.

2. Большинство военачальников, политиков и учёных осознавали примат политической сферы над военной в разработке положений военной доктрины.

3. Многими политическими и военными деятелями, учёными того времени озвучивалось мнение о неразрывности армии и политики.

4. Немаловажным фактором является и то, что в военной доктрине должны быть определены направления развития военной организации государства, характера войн будущего.

5. Отмечается важность духовного фактора для армии; некоторыми авторами духовный фактор отождествляется с политической стороной военной доктрины.

6. Что же касается качественной характеристика армии, то ряд учёных и деятелей различного рода того времени видели её высококомандной и профессиональной.

7. Учёные и исследователи того времени не указывали на методы выработки положений военной доктрины, в свою очередь, лишь обозначая те или иные её положения. Быть может, одним из методов формирования военной доктрины будущего может стать аксиологический метод [7, с. 28].

Список источников и литературы

1. Бегидов А. М. Военное образование в зарубежной России 1920–1945. М.: ИВИ РАН: Ист. фак. МГУ, 2001. 329 с.
2. Вестник военных знаний. 1929. № 1. С. 12–15.
3. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции / сост. И. В. Домнин. М.: Русский путь, 1999. 640 с.
4. Геруа А. В. Полчища. София: Рос.-болг. книгоиздательство, 1923. 434 с.
5. Головин Н. Н. Наука о войне: избр. соч. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
6. Доктрины. Паритеты. Безопасность / М. А. Моисеев, И. С. Лютов, С. А. Тюшкевич. М.: Воениздат, 1990. 47 с.
7. Забузов О. Н. Роль аксиологического фактора в документах стратегического планирования Российской Федерации // Государственное регулирование общественных отношений. 2016. № 3. С. 28.
8. Керсновский А. А. Философия войны. Белград, 1939. 96 с.
9. Социология современных войн: материалы науч. семинара / под ред. П. А. Цыганкова, И. П. Рязанцева. М.: Альфа-М, 2004. 192 с.
10. Устинкин С. В., Шапошников А. А. Вклад военно-политической эмиграции в науку о войне (20–30-е гг. XX в.) // Вестник Академии военных наук. 2013. № 3. С. 172–181.
11. Штейнфон Б. Национальная военная доктрина. Профессор А. К. Баиов и его творчество // Вестник военных знаний. 1933. № 4. С. 15–33.

УДК 94(410.5)

ББК ТЗ(Англ)

Анна Александровна Маркелова,

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия

Генезис шотландского сепаратизма

Проблема отделения Шотландии от Великобритании имеет давнюю историю. В данной статье автор изучает процесс зарождения и развития шотландского сепаратизма. Самый массовый всплеск борьбы за независимость можно отнести к 1970 годам, когда в Шотландии были найдены значительные запасы нефти. За последние 30 лет произошло постепенное снижение идентификации шотландцев с Великобританией, а процессы европейской интеграции способствовали значительному усилению стремления шотландцев к независимости.

Ключевые слова: сепаратизм, деволюция, Шотландия, Великобритания, референдум, независимость

Anna A. Markelova,
*Ural Federal University name after
 the first President of Russia B.N. Yeltsin,
 Yekaterinburg, Russia*

The Scottish Separatism Genesis

The problem of secession of Scotland from Great Britain has a long history. In this article, the author studies the process of the origin and development of Scottish separatism. The most massive surge in the struggle for independence can be attributed to the 1970s, when significant oil reserves were found in Scotland. Over the past 30 years, there has been a gradual decline in the identification of Scots with the UK, and the processes of European integration have contributed significantly to increasing the desire of the Scots to independence.

Keywords: separatism, devolution, Scotland, Great Britain, referendum, independence

С населением более 5,3 миллиона человек и площадью порядка 78 тысяч квадратных километров Шотландия объединяет под своим началом 790 больших и малых островов. Несмотря на то, что Шотландия независима от Лондона в ряде областей, таких как образование, здравоохранение и внутреннее законодательство, проблема получения Шотландией полной независимости от Англии всегда была весьма актуальной.

Шотландский сепаратизм корнями уходит в далёкое прошлое. Общеизвестный факт, что в период с 854 по 1707 годы Шотландское королевство существовало как независимое государство. С 1606 года предпринимались различные попытки объединения Англии и Шотландии. Наконец, в 1707 году был подписан «Акт об унии», на основе которого Шотландия вошла в Союз с Англией на условиях формального равенства [9]. Несмотря на то, что после заключения Союза с Англией парламент Шотландии был распущен, «Акт об унии» сохранил шотландскую автономию, касающуюся правовой системы, системы образования и органов местного самоуправления.

В 1832 году в Шотландии была проведена избирательная реформа, увеличившая количество членов парламента и количество допускаящихся к голосованию граждан. В середине XIX века в стране начал стремительно развиваться шотландский национализм, на волне которого стали учащаться призывы к автономии и требования «большого шотландского контроля над шотландскими делами», из-за чего в 1885 году был восстановлен Офис по делам Шотландии [4].

Период между двумя мировыми войнами формирует одну из самых тёмных глав

в истории Шотландии. Шотландия сыграла важную роль в Первой мировой войне, поставляя корабли, оборудование и рыбу. Около полумиллиона шотландцев отправились на войну, приблизительно четверть из них погибла, а 150 тысяч были серьёзно ранены. В послевоенные годы последовал период экономической стагнации как городов, так и аграрных районов Шотландии. Этому во многом способствовала политика централизации британского правительства. К примеру, шотландские железные дороги были переданы в ведение двух ведущих английских компаний, а независимость большинства шотландских банков была значительно урезана [7].

Результатом передачи контроля над шотландской промышленностью и торговлей английским компаниям и предприятиям были не только обедневшее шотландское население и растущая безработица, но и катастрофическое снижение уровня шотландского патриотизма в отношении Соединённого Королевства. Ситуацию ухудшало постепенное истощение большого угольного и железного пояса Ланаркшира. В последующие десятилетия после 1945 года во многом подтвердилась относительная экономическая отсталость Шотландии по сравнению с Англией. С конца 1950-х годов Министерство по делам Шотландии приступило к привлечению иностранных инвестиций в основном североамериканских и японских компаний, чтобы дать транснациональным корпорациям точку опоры в Европе. Это, в свою очередь, сыграло большую роль в переориентации экономики Шотландии.

Отдельно бы хотелось отметить, что английское безразличие к проблемам Шотлан-

дии не могло не способствовать укреплению шотландских национальных сил. В 1918 году была создана шотландская Ассоциация самоуправления. В 1927 году Ассоциация внесла законопроект о самоуправлении Шотландии на рассмотрение в Палате общин. Законопроект потерпел сокрушительную неудачу.

В 1928 году шотландская Ассоциация самоуправления объединилась с Национальной лигой шотландцев, которая была основана в 1919 году. Объединённая организация получила название Национальной партии Шотландии [9]. Успехи Национальной партии Шотландии на парламентских выборах в Великобритании 1931 года были незначительными, главным образом потому, что выборы проходили в условиях раскола в либеральной и лейбористской партиях, что вылилось в победу кандидатов от Консервативной партии в большинстве избирательных округов Великобритании. В 1934 году в результате слияния левоцентристской Национальной партии Шотландии и правоцентристской Шотландской партии была образована Шотландская национальная партия. Цели Шотландской национальной партии были обозначены предельно ясно: самоуправление для Шотландии, восстановление шотландского государственного суверенитета, учреждение демократического шотландского правительства [7]. Впервые Шотландская национальная партия получила места в британском парламенте в 1945 году. Однако до 1960-х годов эта партия не имела значимых успехов на выборах из-за опасения шотландцев голосовать за националистов, а также из-за доминирования в Шотландии лейбористов.

Первые избирательные успехи у Шотландской национальной партии появились между 1965 и 1975 годами. Изначально умеренная центристская партия, Шотландская национальная партия к 1960-м годам под руководством Вильяма Вольфа постепенно перешла на более левые позиции (за счёт роста влияния в индустриализированных городах, профсоюзах и движении за ядерное разоружение и критики просчётов лейбористов, до того доминировавших в Шотландии).

В 1970-х годах Шотландская национальная партия подняла волну национализма в Шотландии, воспользовавшись тем, что в Северном море у берегов Шотландии были обнаружены крупные нефтяные месторождения. Впервые с 1707 года для Шотландии стал реален выбор альтернативного

будущего за пределами британского государства. Шотландская национальная партия утверждала, что деньги, полученные от добычи нефти, могут быть потрачены исключительно для развития Шотландии в случае её независимости. Для парламентских выборов 1974 года Шотландской национальной партией был предложен лозунг «Это шотландская нефть» [8]. Благодаря этому лозунгу шотландские националисты значительно упрочили своё положение и добились успеха, которого ни одна из националистических партий до этого не получала. В это же время партия подняла вопрос о воссоздании шотландского парламента, имеющего полномочия частично распоряжаться местными финансами, в том числе нефтяными доходами, и последующего полного суверенитета Шотландии.

В 1978 году Парламент Великобритании принял закон о Шотландской Ассамблее, однако её создание было поставлено в зависимость от результатов референдума, который следовало провести после принятия закона. Таким образом, в 1979 году состоялся первый референдум о деволюции – создании специального законодательного органа в Шотландии [2]. За создание Шотландской Ассамблеи проголосовали 51,62 % избирателей, против – 48,38 %. Несмотря на победу, лейбористское правительство Великобритании отказалось признать результаты референдума, считая, что столь малый перевес не отражает полноты мнения жителей Шотландии. В связи с этим закон о Шотландской ассамблее был отменён, и властные полномочия между Лондоном и Эдинбургом не были разделены.

В дальнейшем с 1979 по 1997 год реформы конституционного значения не проводились. Однако в 1970–1980-х годах шотландский национализм только укреплялся в силе [1]. В 1980-х годах сторонники воссоздания шотландского Парламента по-прежнему разделяли ту точку зрения, что британское центральное правительство уделяет слишком мало внимания к проблемам Шотландии, а политика Маргарет Тэтчер во многом воспринималась в качестве «антишотландской» [2].

В 1988 году в Шотландии был создан Шотландский Конституционный конвент, в рамках которого объединились представители различных партий, общественных движений и церквей. В 1989 году Шотландский Конституционный конвент принял заявление о

полной независимости Шотландии. Впрочем, данный документ не имел никакой юридической силы, но смог консолидировать многих сторонников независимости [3]. Таким образом, 11 сентября 1997 года состоялся второй референдум о деволюции. В 1998 году Парламент Великобритании принял «Акт о Шотландии 1998 года», в соответствии с которым в Шотландии создавались собственный парламент и администрация – аналог кабинета министров [6]. Стоит отметить, что после этого стремление к независимости среди шотландцев не только не снизилось, а наоборот набрало силу. Так, поддержка независимости Шотландии достигла 31 % в 2007 году, и 41 % – в 2008 году.

Первый министр Шотландии в 2007–2014 годах и бывший лидер Шотландской национальной партии Алекс Салмонд сказал,

что стремление к независимости является не самоцелью, а средством, благодаря которому шотландская экономика будет стабильно расти, а Шотландия займёт своё законное место как полноценный член мирового сообщества [5].

Прошедший 18 сентября 2014 года референдум продемонстрировал, что, несмотря на общий отрицательный для националистов результат, существенная часть шотландцев настроена голосовать «за». Шотландская национальная партия не получила необходимого результата, но продемонстрировала свою силу. Более того, Brexit возродил интерес к возможности проведения нового шотландского референдума о независимости – на этот раз для того, чтобы позволить независимой Шотландии остаться в Европейском союзе.

Список источников и литературы

1. Cassidy J. Can Great Britain Survive a Scottish “No” Vote? [Электронный ресурс] // The New Yorker. 2014. September 17. Режим доступа: <http://www.newyorker.com/news/john-cassidy/can-great-britain-survive-scottish-vote> (дата обращения: 25.04.2018).
2. Dardanelli P., Mitchell J. An Independent Scotland? The Scottish National Party's Bid for Independence and its Prospects [Электронный ресурс] // The International Spectator. 2014. Vol. 49. Режим доступа: <http://www.dx.doi.org/10.1080/03932729.2014.935996> (дата обращения: 26.04.2018).
3. Gibernau M. Devolution and Independence in the United Kingdom: the case of Scotland [Электронный ресурс] // Revista d'estudis autonòmics i federals. 2010. Vol. 11. Режим доступа: www.raco.cat/index.php/REAF/article/viewFile/250667/335525 (дата обращения: 26.04.2018).
4. Hassan G. Free Scotland [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 2012. February 16. Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.com/2012/02/16/free-scotland> (дата обращения: 28.04.2018).
5. King C. The Scottish Play [Электронный ресурс] // Foreign affairs. 2012. September 1. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-kingdom/2012-09-01/scottish-play> (дата обращения: 29.04.2018).
6. Lees Kevin A. Be Prepared for an Independent Scotland [Электронный ресурс] // The National Interest. 2014. April 15. Режим доступа: <http://www.nationalinterest.org/feature/be-prepared-independent-scotland-10262> (дата обращения: 30.04.2018).
7. Lockhart Sir R. H. Bruce. Home Rule for Scotland [Электронный ресурс] // Foreign affairs. 1946. July 1. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-kingdom/1946-07-01/home-rule-scotland> (дата обращения: 30.04.2018).
8. McCrone D. Scotland out of the Union? The rise and rise of the Nationalist Agenda [Электронный ресурс] // The Political Quarterly. 2012. Vol. 83. Режим доступа: <http://www.dx.doi.org/10.1111/j.1467-923X.2012.02262.x> (дата обращения: 30.04.2018).
9. Nagel K. Transcending the national/asserting the national: How stateless nations like Scotland, Wales and Catalonia react to European integration [Электронный ресурс] // Australian Journal of Politics & History. 2004. Vol. 50. Режим доступа: <http://www.dx.doi.org/10.1111/j.1467-8497.2004.00320.x> (дата обращения: 30.04.2018).

УДК 94(476.7)
ББК ТЗ(2)6

Наталья Николаевна Ковалева,
*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Историческая ретроспектива промышленного развития Брестского региона (с конца XIX до конца XX в.)

Статья отражает специфику промышленного развития Брестского региона. Используя статистические данные, а также архивные материалы, автор статьи выявляет факторы внутреннего и внешнего порядка, вызвавшие так называемые первый и второй промышленные подъёмы, сопоставляет особенности их проявления, интенсивность, значимость и последствия.

Ключевые слова: регион, промышленность, факторы, специализация, отрасль

Natalia N. Kovaleva,
*Brest State Technical University,
Brest, Belarus*

Historical Retrospective of Industrial Development of the Brest Region (from the end of the XIX – before the end of the XX century)

The article reflects the specifics of the industrial development of the Brest region. Using statistical data, as well as archival materials, the author of the article reveals the factors of internal and external order that caused the so-called first and second industrial upsurge, compares the features of their manifestation, intensity, significance and consequences

Keywords: region, industry, factors, specialization, industry

В истории Бреста прослеживается два переломных момента, когда город переживал промышленный подъём. Первый такой подъём произошёл в конце XIX века. При сохранении преобладания аграрного сектора экономики и интенсификации сельскохозяйственного производства в конце XIX века в западно-белорусском регионе уже явно прослеживалась тенденция формирования собственной отраслевой специализации промышленности, характерные черты которой можно выделить как для региона в целом, так и для отдельных его составляющих, в частности, для Брестского региона. В пореформенное время промышленность в Бресте практически не развивалась в силу недостатка капиталов (что характерно для всей Беларуси), бедности сырьевой базы (например, для развития деревообрабатывающей отрасли). Помимо факторов внутреннего порядка, на процесс развития промышленности влияли и внешние (по отношению к региону) обстоятельства: геополитическое положение, политика российского царизма. В первой половине XIX века некоторые

протекционистские мероприятия российского правительства (дискриминационные по отношению к польским производителям текстиля мероприятия) косвенным образом помогли становлению текстильной промышленности в Гродненской губернии, не затронув при этом Брестский регион. К концу XIX века промышленность региона получила новый импульс к развитию благодаря изменению демографической ситуации, интенсификации сельского хозяйства и росту спроса на продукцию местных предприятий как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Выгодное географическое положение Бреста на перекрёстке торговых путей давало возможность местным предпринимателям принимать участие в комиссионной торговле, используя для этого помимо железнодорожных путей водную систему Днепровско-Бугского канала.

Строительство Брестской крепости, размещение в ней крупного воинского гарнизона, затем развернувшееся во второй половине XIX века железнодорожное строительство превратило Брест-Литовск, уезд-

ный город Гродненской губернии, в крупный железнодорожный узел, содействовало росту численности населения и предопределило специфику структуры промышленности. К 1900 году Брест-Литовск по численности населения сравнивался с Гродно (примерно по 50 тысяч человек в каждом из городов). Правда, собственно горожан в Бресте было 41 937 человек, кроме них в городе размещалось 8260 солдат и офицеров регулярных войск российской армии [2, л. 241–253]. Промышленность Брест-Литовска ориентировалась в основном на удовлетворение потребностей жителей города, пассажиров железной дороги и солдат гарнизона, поэтому структура фабричной промышленности региона выглядит нетипичной для Беларуси. Преобладающая в белорусских губерниях пищевая промышленность была представлена в Бресте в основном табачными фабриками, винокуренными предприятиями и предприятиями по переработке продукции молочного животноводства. Если для большинства предприятий пищевой промышленности использовалось местное сырьё, то табачная отрасль обеспечивалась сырьём из других регионов: Лидского и Ошмянского уездов Виленской губернии, а также из украинских губерний. Гродненская губерния давала более 60 % производства табач-

ных изделий белорусских губерний. Причём большая часть табачных фабрик концентрировалась в Гродно и Бресте. В 1882 году в Гродненской губернии работало 14 табачных фабрик из них 7 – в Бресте [3, л. 49–52].

К началу XX века структура промышленных предприятий Бреста выглядела следующим образом: в 1902 году в Брест-Литовске работало 6 гильзовых (производство папиросных гильз) фабрик, 1 чугунно-литейное предприятие, 2 конвертных и бумажных предприятия, 4 мыловаренных, 2 кожевенных, 11 газовых вод, 1 табачная фабрика, 3 пиво-медоваренных [6, с. 72–74]. Брест относился к числу немногих белорусских городов, где промышленные предприятия размещались в основном в городе, а не в сельской местности. Данные представленной таблицы свидетельствуют, что среди немногочисленных и очень небольших предприятий Брестского уезда лидировала промышленность по обработке минеральных веществ, что не типично для белорусских губерний [6, с. 70–74]. Эта третья по значимости в Беларуси отрасль представлена в Брестском уезде рядом кирпичных заводов, появление которых связано со строительством оборонительных сооружений на западе страны и необходимостью восстановления города после двух пожаров.

Таблица

Отраслевая структура промышленности Брестского уезда (1902 г.)*

<i>Предприятия по обработке питательных веществ</i>	<i>Предприятия по обработке шерсти</i>	<i>Предприятия по обработке минералов</i>	<i>Предприятия по обработке животных продуктов</i>	<i>Предприятия по производству бумажных изделий</i>	<i>Предприятия по обработке дерева</i>	<i>Всего</i>
$\frac{19}{69}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{23}{559}$	$\frac{8}{34}$	нет	$\frac{3}{46}$	$\frac{62}{735}$
$\frac{30,6\%}{9,4\%}$	$\frac{1,6\%}{0,4\%}$	$\frac{37\%}{76\%}$	$\frac{13\%}{4,6\%}$	$\frac{0\%}{0\%}$	$\frac{4,8\%}{6,2\%}$	

* В числителе показано число предприятий, в знаменателе – число работающих, процентное отношение подсчитано нами.

Начавшаяся Первая мировая война не только нанесла серьёзный урон экономике города, но и радикально изменила его роль в регионе. В результате эвакуации, беженства, военных разрушений, эпидемий Брест-Литовск лишился своего промышленного потенциала и практически обезлюдел. К 1919 году в городе осталось всего 7 тыс. чел. [1, л. 6а] из 60 тыс. в 1913 году. После заключения Рижского мира и передачи территории западной Беларуси Польше, Брест (с 1921 г. – Брест-над-Бугом) стал центром Полесского воеводства, которое во II Речи

Посполитой считалось самым отсталым. Изменение геополитического положения негативно отразилось на экономическом развитии города. До 1939 года Брест-над Бугом не смог вернуть своё значение торгового и промышленного центра. Ввиду того, что торговые отношения с Советским Союзом не развивались, пришёл в упадок Днепровско-Бугский канал, сократилось количество грузов, перевозимых по железным дорогам. Значение Бреста-над-Бугом как центра коммуникаций сохранялось только на местном уровне, в пределах региона.

После воссоединения Западной Беларуси с БССР и в послевоенное время промышленный потенциал Брестской области значительно уступал восточным областям Республики. В 1965 году в Брестской области насчитывалось 100 тыс. чел., не занятых в общественном производстве (из 1236 тысяч населения) [5, с. 354]. Второй промышленный подъём Бреста стал целенаправленно осуществляться руководством Республики в 1960-е годы, в контексте выполнения программы рационального использования материальных и трудовых ресурсов.

Территория области была разбита на три экономических района: Западный, Северный и Восточный. Индустриализация наиболее крупного из них, Западного, включавшего 2/5 территории области, шла, главным образом, за счёт Бреста. Отраслевая специализация промышленности города формировалась с ориентацией на трудоёмкие отрасли. При этом учитывались не столько потребности местного и республиканского, сколько союзного рынка, а отчасти, – и потребности могущественного военно-промышленного комплекса. Стратегическое положение города (Брест вновь становится крупным железнодорожным узлом, «западными воротами страны») не играло определяющей роли в процессе его индустриализации. В 1960-е годы в Бресте ведущие позиции занимают лёгкая и пищевая отрасли, а в 1970-е – начале 1980-х годов наиболее быстро развиваются машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли. К середине 1980-х годов в Бресте было сконцен-

трировано 29,4 % всего промышленно-производственного персонала области, производилось около 28 % стоимости товарной продукции области [4, с. 42]. Причём около половины стоимости товарной продукции давали именно предприятия машиностроения и металлообработки. Ориентация на развитие металлообработки и машиностроения делает город зависимым от поставок сырья и материалов из других регионов страны, требует дополнительных энергоносителей. Довольно активное развитие получили и традиционные для республики и области в целом отрасли: лёгкая (производство ковровых и чулочно-носочных изделий, одежды и верхнего трикотажа), а также пищевая промышленность (производство мясной и молочной продукции).

Проводимый в соответствии с пятилетними планами государственного развития при мощной финансовой поддержке государства второй промышленный подъём оказался более эффективным и быстрым, чем первый, обеспечил трудоустройство населения, рост города, его социальное развитие. Однако, специализация промышленности, формирующаяся вопреки законам рынка, волевым методом, без ориентации на местные сырьевые источники, не обеспечила устойчивого экономического процветания города на длительную перспективу. Как показало время, наиболее устойчивыми и перспективными оказались отрасли пищевой промышленности, перерабатывающие местное сельскохозяйственное сырьё, и отрасли лёгкой промышленности.

Список источников и литературы

1. ГАБО (Государственный архив Брестской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 598.
2. НИАБ в г. Гродно (Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно). Ф. 18. Оп. 1. Д. 5.
3. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1241.
4. Брест: энцикл. справ. Минск: Белорус. сов. энцикл. им. Петруся Бровки, 1987. 408 с.
5. Партийное руководство промышленностью (1966-1985 гг.) // Очерки истории Брестской областной партийной организации / Н. Н. Ковалёва [и др.]; под ред. В. А. Бобкова. Минск: Беларусь, 1989. 448 с.
6. Погожев А. В. Учёт численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. Издание императорской Академии наук. СПб., 1906. 224 с.

УДК 94
ББК ТЗ(2)634

Максим Викторович Васильев,
Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия

Борьба за контроль псковского приграничного пространства в начале 1990-х годов

В статье раскрывается сложный процесс становления государственной границы на Северо-Западе России и оформление псковского приграничного пространства. Автор показывает, как псковская граница в 1990-е годы являлась предметом интересов дипломатов и силовых структур, московских воров в законе и псковских десантников, казаков и генерала-сепаратиста Дудаева.

Ключевые слова: Псковская область, приграничное пространство, территориальные споры, криминал, чеченские сепаратисты

Maxim V. Vasiliev,
Pskov State University,
Pskov, Russia

The Struggle for Control of the Pskov Frontier area in the beginning of the 1990s

The article reveals the complex process of the formation of the state border in the North-West of Russia and the design of the Pskov border area. The author shows how the Pskov border in the 1990s was the subject of the interests of diplomats and law enforcement agencies, Moscow thieves in law and Pskov paratroopers, Cossacks and separatist general Dudayev.

Keywords: Pskov region, border area, territorial disputes, crime, Chechen separatists

Кардинальное изменение баланса сил на политической карте мира, вызванное распадом СССР, стало отправной точкой новой геополитической игры. Изменилась тактика действий и стилистика дипломатических отношений. На арену большой политической игры вышли новые игроки из числа бывших союзных республик, от позиции которых во многом зависела расстановка сил в регионе и логика исторического развития [2, с. 98]. С 1991 г. псковская земля вновь стала приграничной и выполняет важное стратегическое и геополитическое значение. Началом формирования псковского приграничного пространства следует считать январь 1991 г., когда начался процесс распада СССР и прибалтийские республики открыто заявили о своём отделении. Так, в январе 1991 г. главы Верховных Советов России и Эстонии, Б. Ельцин и А. Рюйтель, встретились в Таллине и подписали договор, регулирующий отношения между двумя странами [1]. Легитимность этого документа можно долго оспа-

ривать, однако следует признать, что именно он стал отправной точкой установления российско-эстонских отношений на современном этапе. Некоторые подробности встречи этих лидеров засекречены по сей день. В январе 1991 г. Ельцин вылетел в Таллин, чтобы обсудить ситуацию с прибалтийскими лидерами. Эти переговоры можно в полной мере считать отправной точкой распада СССР, так как тенденции децентрализации государства теперь приобретали подобие легитимности. Известно, что Горбачев направил вслед за лидером РСФСР спецподразделение «Альфа». Точная задача, которая была поставлена перед этим подразделением, нам не известна, однако можно предположить, что оно должно было не допустить подписания договорных обязательств с лидерами прибалтийских республик. Самолёт с «Альфой» должен был совершить посадку на военном аэродроме под Тарту, но командир дивизии, а им оказался генерал Джохар Дудаев, не дал разрешение на приземление. И «Альфа», не

выполнив задания, вернулась домой. Подробности этого задания нам не известны. Но однозначно – КГБ пытался вмешаться в происходящие события. Известно, что именно Дудаев предупредил Ельцина о том, что его самолёт при возвращении из Прибалтики может и не долететь до Москвы и выделил ему охраняемую машину, на которой Президент России добрался из Таллина в Ленинград.

С лета 1992 г. начались активные переговоры между Россией и Эстонией по вопросу оформления общего приграничного пространства, на которых сразу оформились противоположные точки зрения сторон по военным и пограничным вопросам. На шестом Съезде народных депутатов России прозвучало сообщение о том, что в Печорском районе создаются дружины и отряды самообороны. Несмотря на то, что реальной активности эти дружины народного ополчения не проявляли, сам факт их существования позволял российским представителям на переговорах Эстонией твёрдо заявлять о нежелании признавать права Эстонской Республики на российские территории. По официальным данным, основу этих групп составляли жители, входящие в общества охотников, и ветераны боевых действий. Как отмечалось в прессе того времени, независимых политических заявлений они не делали, но была опасность влияния на дружины экстремистских и националистических идей. Само существование подобных вооружённых формирований, не имеющих правовой основы своего существования, на неоформленной российско-эстонской границе давало повод западным СМИ преподносить их как неуправляемые автономные группировки, доказывающие несостоятельность российской государственности. Следует отметить, что с другой стороны формирующейся границы активно создавалось добровольческое военизированное формирование – Харьковская дружина «Кайтселлит», у которого также были непростые отношения с эстонскими властями на первом этапе становления Эстонской Республики [5]. Достаточно большая концентрация в приграничной полосе вооружённых людей, контрабандистов и правовая неопределённость порождали дополнительные трудности для политиков и напряжённость среди местного населения.

Псковское приграничное пространство практически сразу привлекло к себе различные политические силы и общественные организации, желавшие иметь свою долю влия-

ния на границе. 17 октября в Пскове прошла конференция атаманов казачьих землячеств и войск России. До конца не понятно, кто стал инициатором этого мероприятия, то ли руководство Псковского гарнизона, то ли с инициативой выступила военизированная организация «Приднестровское братство». Конференцию проводили по очереди два лидера возрождаемого казачества: атаман станицы «Невская» (Санкт-Петербург) Б. Алмазов и атаман Союза казаков России А. Мартынов. Основной темой дискуссии на конференции была координация действий казачества, взаимоотношения с властями, деятельность землячеств. Мартынов призвал представлять деятельность казаков в «горячих точках» личной инициативой добровольцев, чтобы не осложнять отношений с властными структурами. Из его выступлений можно было сделать вывод, что Союз казаков России представляет интерес для Совета безопасности, поскольку упоминалось о неоднократных «консультациях». Организаторы казачьего движения в Пскове открыто заявляли, что среди главных целей их деятельности являлось создание казачьих поселений на границе с Эстонией и Латвией. Очень любопытен тот факт, что, говоря о ситуации в Чечне, Мартынов упомянул о том, что генерал Джохар Дудаев предлагал экипировать и вооружить два казачьих полка [8].

Где должны были располагаться создаваемые под эгидой чеченских сепаратистов казачьи формирования, не указывалось. Однако можно предположить, что им должна была отводиться роль дестабилизирующего фактора именно на прибалтийской границе. В 1992 г. чеченский лидер проводил активную «внешнюю политику», устанавливая контакты с новым Президентом Азербайджана и разместив у себя в Грозном свергнутого лидера Грузии З. Гамсахурдия, который первым признал независимость Чечни. По личному приглашению лидеров Кувейта и Саудовской Аравии Дудаев посетил эти страны, и хотя по результатам этих визитов не было подписано никаких документов, на неофициальном уровне монархи всячески демонстрировали Дудаеву своё расположение. Побывал Дудаев в Турецкой Республике Северного Кипра и Турции, Боснии и США. Согласно официальным источникам, целью визита было установление контактов с американскими предпринимателями для совместной разработки чеченских нефтяных месторождений. Визит завершился 17 октя-

бря 1992 г. По стечению обстоятельств эта дата совпала с началом работы конференции казаков в Пскове [3, с. 3]. Сведений о контактах чеченского лидера в 1992 г. с официальными представителями прибалтийских стран у нас нет, однако отрицать их не стоит. Не будем забывать, что ещё во время службы в Тарту генерал Дудаев изучил эстонский язык и относился с «пониманием» к эстонскому национализму, проигнорировав приказ заблокировать эстонское телевидение и парламент в 1991 г. Западным странам было необходимо втянуть нашу страну в максимально возможное количество пограничных споров и территориальных конфликтов. Играя на национальных чувствах народов бывшего СССР, Запад уверенно реализовывал технологию «управляемого хаоса» на постсоветском пространстве, и генерал Дудаев был одним из её проводников. Поэтому внимание сепаратиста Дудаева к псковскому казачеству в 1992 г. не видится чем-то удивительным.

Ещё одной силой, пытавшейся оседлать псковское приграничное пространство, стали псковские десантники. Так, в марте 1992 г. военнослужащие разведывательной роты одного из подразделений 76-й гвардейской дивизии ВДВ получили от начальника УВД Псковской области С. Осипова документы, позволяющие осуществлять осмотр грузов, следующих через границу. Количество выданных документов, являвшихся единственным основанием для подобных действий военных, осталось неизвестным. По некоторым данным, инициатива привлечения военнослужащих принадлежала руководству района, Комитету по сохранению Печорского района в составе России и УВД. Однако долго закрепиться десантникам на границе не удалось, уже в декабре, неподалеку от границы на территории Эстонии в лесу были найдены два трупа. Один из убитых являлся военнослужащим ВДВ. Задержанные по подозрению в убийстве сразу заявили, что убитые получили 1000 долларов за пропуск машины с контрабандой, однако потом догнали контрабандистов, потребовали ещё, за что и были застрелены [6]. В июле 1993 г. при попытке провоза контрабанды был задержан гражданин Эстонии. Ему инкриминировали убийство российского десантника. В прессу просочились сведения о том, что обвиняемый является начальником отдела связи штаба эстонской военизированной организации «Кайтселийт», а работники МБ

РФ прорабатывали версию о причастности этой организации к решению экономических проблем Эстонии за счёт контрабанды через российско-эстонскую границу.

В феврале 1993 г. Печорский район стал объектом внимания первого секретаря МИДа России И. Муравьева и руководителя консульской службы МИДа В. Никифорова. Цель их поездки была связана с проверкой по факту обвинения эстонских СМИ и общественно-политических структур о фактах притеснений, которым подвергаются православные эстонцы (сету) в Печорском районе. По результатам проведённой проверки фактов препятствий переходу границы обнаружено не было [4, с. 2]. Народ сету в начале 1990-х гг. был превращён эстонской стороной в инструмент политического давления на Россию и средство привлечения внимания западных СМИ к территориальной проблеме.

По мере обустройства прибалтийской границы обострилась ситуация с нелегальным вывозом энергоресурсов за рубеж. Незаконные операции с нефтепродуктами по-прежнему продолжали совершаться, но в основном были представлены мелкими партиями. Попытки использования водного транспорта, предпринятые, в частности, фирмой «Благо-Творитель», были пресечены правоохранительными органами. Со второй половины 1992 г. коммерческие фирмы Балтии активно искали, кроме официальных лицензированных сделок, иные каналы для удовлетворения высокого спроса на топливо в своих странах, и находили их на Кавказе. Так, осенью 1992 г. в Псковском аэропорту правоохранительными органами были задержаны 200 миллионов рублей наличной предоплаты за нефтепродукты в Латвию из Чечни [8].

Своей прозрачностью и юридической неопределённостью, эстонская граница привлекала криминал практически со всей России. Именно здесь пересекались интересы продавцов оружия, наркотиков, энергоресурсов и металлов, фальшивых денег и антиквариата. Криминальные и полуполициальные организации, общественные комитеты и радикальные партии – все пытались максимально приблизиться к границе и иметь свои интересы в этом регионе. В 1993 г. на псковскую границу обратили пристальное внимание крупные представители столичного криминала. Так, газета «Новости Пскова» отмечала, что в апреле 1993 г. под Москвой

состоялся большой сход «воров в законе», где было заявлено, что псковский теневой бизнес должен быть обложен солидным оброком. Вероятнее всего, потому, что основной источник «грязных» денег крупных преступных группировок Пскова и некоторых коммерческих структур – это контрабандные операции и «плата за содействие» их осуществлению [9, с. 4]. Нелегальный экспорт нефтепродуктов из Чечни в Эстонию и Латвию также был невозможен без успешного решения проблем с псковским участком границы. Решение этих проблем было затруднительно без завоевания ключевых позиций в областном центре. Использовалась эстонская граница и как коридор для нелегальной миграции в Европу. Так, в июне 1993 г. в Пыталовском районе за несколько километров от российско-латвийской границы сотрудниками милиции были обнаружены три автобуса с находящимися в них 150 иракскими курдами. Вероятно, курды оказались жертвой обмана, поскольку обещанные им автобусы из Риги в псковский лес так и не приехали. Мигранты с Ближнего Востока прибывали в СНГ как туристы или по гостевым визам в

Азербайджан, а затем пытались попасть в Западную Европу через страны Балтии [7].

Говоря о развитии приграничного пространства Псковской области, отметим, что первая половина 1990-х гг. была связана с постепенным оформлением границы, созданием пограничных и таможенных постов и необходимой инфраструктуры. В условиях внутренней политической нестабильности в России, политического кризиса 1993 г., усиления криминогенной обстановки, военных конфликтов на Кавказе, дело обустройства границы представлялось крайне сложным мероприятием. Однако к 1996 г. значительную часть проблем на границе удалось преодолеть, силовые структуры стали качественнее работать, согласовывая свои действия. По мере усиления государственных позиций на границе с прибалтийскими республиками начались существенные подвижки в решении спорных территориальных споров. Это было связано с тем, что прибалтийским республикам необходимо было решить свои приграничные проблемы как одно из требований для вступления в Евро-союз.

Список источников и литературы

1. Андреев Н. Лётчик оказался не лучшим президентом. Приход к власти Джохара Дудаева. 1991 год [Электронный ресурс] // Трагические судьбы. Как это было на самом деле. М., 2001. PROFILIB. Режим доступа: <https://www.profilib.com/chtenie/68181/nikolay-andreev-tragicheskie-sudby-78.php#t1> (дата обращения: 29.03.2018).
2. Васильев М. В., Шагин И. А. Власть и общество. Политический мониторинг Псковской области. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2017.
3. Джохар Дудаев посетил Америку // Коммерсантъ. 1992. № 11. С. 3.
4. Златинский Н. Вражья сила // Печорская правда. 1993. 9 февр. С. 2.
5. Кайтселийт возвращается [Электронный ресурс] // Израильский портал «Союз». Режим доступа: <http://www.souz.co.il/israel/read.html?id=583> (дата обращения: 29.03.2018).
6. Псковская область в декабре 1992 года [Электронный ресурс] // Выпуски политического мониторинга Международного института гуманитарно-политических исследований. Режим доступа: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/1292/60.html> (дата обращения: 29.03.2018).
7. Псковская область в июне 1993 года [Электронный ресурс] // Выпуски политического мониторинга Международного института гуманитарно-политических исследований. Режим доступа: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jun1993/pskov.html> (дата обращения: 29.03.2018).
8. Псковская область в октябре–ноябре 1992 года [Электронный ресурс] // Выпуски политического мониторинга Международного института гуманитарно-политических исследований. Режим доступа: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1992/1192/60.html> (дата обращения: 29.03.2018).
9. У нас не Сицилия, но... // Новости Пскова. 1993. 28 мая. С. 4.

УДК 94
ББК ТЗ(2)6

Елена Семеновна Косых,

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак, Россия*

Ялта-45: архитектура новой мировой политики

В статье рассматривается значение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в сохранении послевоенного мира, анализируются причины пересмотра результатов Второй мировой войны в формировании нового мирового порядка. Показаны попытки стран Запада фальсифицировать итоги Второй мировой в информационной войне против России.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, биполярная система, униполярность, пересмотр итогов Второй мировой войны, фальсификация истории, ООН

Elena S. Kosykh,

*Bashkir State University (Branch in Sterlitamak),
Sterlitamak, Russia*

Yalta-45: the New Architecture of World Politics

In this article examines the importance of the Yalta-Potsdam system of international relations in maintaining the post-war world; the reasons for revision of the results of the Second World War in the formation of a new international world order are analyzed. The attempts of Western countries to falsify the results of the Second world war in the information war against Russia are shown.

Keywords: Yalta conference, bipolar system, unipolarity, revision of the results of the Second World War, falsification of history, UN

Проблема переоценки итогов Второй мировой войны регулярно поднимается в последние годы. Ревизии подвергаются послевоенные границы, вопрос об ответственности за развязывание войны, освободительная миссия Красной Армии в Европе, наконец, само послевоенное мироустройство – Ялтинско-Потсдамская система международных отношений.

В феврале 2015 г. знаменитой Ялтинской (Крымской) конференции «Большой тройки» – Сталина, Рузвельта и Черчилля – исполнилось 70 лет. Этому событию была посвящена конференция «Ялта-1945: прошлое, настоящее, будущее», местом проведения которой стал Ливадийский дворец. Конференция показала, что история в очередной раз используется как инструмент политики, и «послевоенное поколение должно вступить в бой за историческую правду» [3].

Со времени окончания Второй мировой войны до конца 2010-х гг. мировой порядок сменился дважды. В 1945 г. на смену многополярности пришел биполярный ялтинско-потсдамский мир. Он просуществовал до 1991 г.,

до распада СССР. В середине 1990-х гг. возник переходный постбиполярный порядок, который в настоящее время приобрёл черты однополярности. США и их союзники стремятся создать универсальное мировое общество, основанное на западных идеалах и ценностях. В связи с этим вновь актуально стало обращение к урокам Крымской (Ялтинской) конференции, чтобы понять, насколько события начала XXI века являются следствием столкновения глобальных геополитических интересов ведущих мировых держав.

Переоценка итогов войны странами Запада, подмена её смысла и значения является частью современной антироссийской информационной войны. В сознание западной общественности последовательно внедряются представления о схожести фашистской Германии и сталинского СССР, о их соперничестве за мировое господство. В их интерпретации, Запад поневоле вступил в союз с одним из тоталитарных режимов, чтобы разгромить другой, а затем сумел ослабить и добиться саморазрушения оставшегося противника [9, с. 5–6].

В 2008 г. Европарламент, а в 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ осудили нацизм и сталинизм «как режимы, равно ответственные за развязывание Второй мировой войны, как идеологии, несущие угрозу геноцида и преступлений против человечности». Европейским странам было предложено учредить День памяти жертв сталинизма и нацизма 23 августа – в день подписания пакта Молотова – Риббентропа. Парламенты Эстонии и Литвы приняли соответствующие постановления [6]. Польский сейм 23 сентября 2009 г. принял резолюцию, в которой квалифицировал освобождение Красной армией в сентябре 1939 г. Западной Украины и Западной Белоруссии как агрессию против Польши. Впервые на официальном уровне СССР был объявлен агрессором, развязавшим совместно с Германией Вторую мировую войну [7].

Дегероизация подвига советских воинов сопровождается восхвалением коллаборационистов, предателей родины и откровенных нацистов. В интервью немецкому телеканалу ARD 9 января 2015 г. премьер-министр Украины А. Яценюк сравнил Российскую Федерацию с Советским Союзом, войска которого «вторглись как на Украину, так и в Германию» [10]. Эти заявления вызвали скандал в российской прессе. «Просвещённые европейские политики» предпочли не замечать слова Яценюка – действующего премьер-министра европейской страны.

В 2015 г. 70 лет исполнилось как Крымской (Ялтинской) конференции «Большой тройки», так и окончанию Великой Отечественной войны. Эта конференция является одной из мишеней фальсификации. В 2005 г. президент США Джордж Буш заявил о нелегитимности Ялтинских соглашений: «Ялтинские соглашения стали такими же несправедливыми, как Мюнхенские и пакт Молотова – Риббентропа... Континент оказался разделён... Это пленение миллионов людей в Центральной и Восточной Европе будет вспоминаться как одно из величайших преступлений истории... Когда вы объединились в протесте и империя распалась, легитимность Ялты была наконец-то похоронена – раз и навсегда...» [1].

После распада СССР США последовательно осуществляют передел послевоенного мира, что свидетельствует о схожести интересов Германии в начале и в середине XX в. и тех задач, которые на рубеже XX – начала XXI в. поставили перед собой Сое-

динённые Штаты. Имперские устремления США распространяются на Восточную Европу и Балтию, на Украину, страны Кавказа и Средней Азии. «Цветные революции», произошедшие в 2000-х гг. на постсоветском пространстве, имели целью смену геополитической ориентации с пророссийской на прозападную.

Гегемонистские претензии США высказывали ещё во время Парижской мирной конференции 1919 г., закрепившей итоги Первой мировой войны. Западные политики и тогда преследовали свои цели: не только большевики, призывавшие к мировой революции, не пользовались их симпатией, но и белые, отстаивавшие идеи возрождения сильной, неделимой России. Как подметил У. Черчилль: «Можно подумать, что мы стремимся просто продлить эту войну, помогая обеим сторонам одновременно сражаться друг с другом» [5, с. 19]. Запад хотел видеть Россию раздробленной, вне зависимости от того, будет она белой или красной.

Советский Союз смог восстановить свою историческую преемственность по отношению к геополитическим интересам Российской империи. Новый международный порядок был закреплён на двух ключевых конференциях: в Ялте 4–11 февраля и в Потсдаме 17 июля – 2 августа 1945 г. В Ялте лидеры «Большой тройки» договорились о совместной политике по отношению к побеждённой Германии и освобождённой Европе. Обсуждая вопросы, связанные с малыми европейскими странами, союзники де-факто согласились, что вся Восточная Европа остаётся в сфере советского влияния. Сталин не оспаривал западное влияние в Италии и Греции.

По итогам конференции была подписана «Декларация об освобождённой Европе». Главы государств договорились согласовывать свою политику по разрешению демократическими способами политических и экономических проблем освобождённых стран в период «временной нестабильности», создавать условия для развития демократии [2]. Однако эти договорённости не имели правовой базы, а оставались только декларативными заверениями; некоторые из них были секретными.

Основой мировой политики была провозглашена коллективная дипломатия, механизмом которой должна была стать Организация Объединённых Наций. В Ялте было принято решение об открытии учреди-

тельной конференции Объединённых Наций 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско. ООН должна была содействовать реализации права народов на демократический режим, защите человечества от угрозы диктатуры, сотрудничеству всех стран и народов в самых разных сферах. Совет Безопасности, в который на постоянной основе вошли пять держав-победительниц, имевших право вето, должен был играть роль «мировых полицейских» [11, с. 402–403].

Но ни «мировым правительством», ни «мировым полицейским» ООН не стала, слишком острыми оказались противоречия между ведущими членами – США и СССР. Главной функцией ООН стало не распространение демократии и справедливости, а предупреждение вооружённого конфликта между двумя сверхдержавами [12, с. 20]. С этой задачей ООН вполне успешно справилась.

Обе сверхдержавы стремились расширить и упрочить сферы своего влияния. Ялтинско-Потсдамская система приобрела биполярный характер. Для сохранения такого международного порядка достаточно было согласованного мнения всего двух держав. Спорные вопросы решались посредством переговоров. ООН и другие органы с помощью международного права создавали поле для таких консультаций, для предотвращения открытых военных столкновений. Немаловажную роль сыграло и обладание обеими сторонами ядерным оружием.

Ялтинская конференция стала кульминацией сотрудничества трёх великих держав – союзниц по антигитлеровской коалиции. Принципиальные решения, принятые

в Ялте, легли в основу новой послевоенной системы международных отношений – Ялтинско-Потсдамской.

Противников у Ялты всегда было немало. По словам Г. Киссинджера, «Ялта стала символом позора с точки зрения формирования облика послевоенного мира» [4, с. 369]. Оставшись единственной сверхдержавой после распада Советского Союза, США стремятся к ревизии международных договорённостей, к пересмотру границ в Европе. По словам Н. А. Нарочницкой, англосаксы ведут «Европу и демократическую Германию по стопам рейхсвера на Восток», оказывая «давление на уже некоммунистическую Москву» [8, с. 507].

В конце XX в. Ялтинская система прекратила своё существование. В начале XXI в. Россия предлагает признать новый порядок мироустройства: наличие нескольких крупных наднациональных интеграционных союзов. Такая организация уже существует на Западе – Евросоюз. Таким должен стать Евразийский союз. Какие-то из них будут сотрудничать, например, в формате БРИКС; какие-то – конкурировать [13]. Мир идёт своим путём, и не надо ему мешать.

Запад стремится установить полный контроль над всем миром, распространить свои ценности и создать некий универсалистский порядок. Сильная независимая Россия всегда была и будет соперником Запада. Но Западу нужно помнить, что в начале XXI в. появились новые глобальные угрозы – мощные миграционные процессы, рост терроризма, истощение природных ресурсов, и без России найти нужный баланс, сохранить равновесие между цивилизациями невозможно.

Список источников и литературы

1. Гушин В. Почему США вдруг признали факт оккупации стран Балтии? [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.repead.ru/souamic/main.html> (дата обращения: 28.05.2018).
2. Декларация об освобождённой Европе // Конференция руководителей трёх союзных держав – Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании в Крыму [Электронный ресурс] // PPT.RU. Режим доступа: <http://www.ppt.ru/texts/index.phtml?id=17139> (дата обращения: 11.05.2018).
3. Депутат ЕП призвала вступить в бой за историческую правду [Электронный ресурс] // РУССОБАЛТ. Режим доступа: <http://www.russobalt.org/forum/topic/577363-vzru-deputat-ep-prizvala-poslevoennoe-rokolenie-v> (дата обращения: 22.05.2018).
4. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. 903 с.
5. Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос»: решения Версальской мирной конференции 1919–1920 годов и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15–29.
6. Литовский премьер уравнил преступления сталинизма и нацизма [Электронный ресурс] // NEWSru.com. Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/24aug2009/ura.html> (дата обращения: 18.05.2018).
7. Назаров О. Польские виновники Второй мировой войны [Электронный ресурс] // РИА новости. Режим доступа: http://www.ria.ru/zinoviev_club/20140916/1024327042.html (дата обращения: 19.05.2018).

8. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. 536 с.
9. Нарочницкая Н. А. Ялтинская конференция 1945 года и современная геополитика // Ялта-45: Начертания нового мира / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. М.: Вече, 2010. 288 с.
10. Премьер-министр Украины Арсений Яценюк сравнил действия России с «вторжением» советских войск [Электронный ресурс] // NEWSru.com. Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/09jan2015/yatzenukussragres.html> (дата обращения: 10.05.2018).
11. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2006. 480 с.
12. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 2 / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Культурная революция, 2006. 720 с.
13. Сорокин А. Уроки Ялты и «дорожная карта» для обустройства современного мира [Электронный ресурс] // Однако. Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/uroki-yalti-i-do-rozhnaya-karta-dlya-pereformatirovaniya-sovremennogo-mira> (дата обращения: 22.05.2018).

УДК 94(470-571)

ББК ТЗ(2)535:ТЗ(2)64

Константин Николаевич Лобанов,

*Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина,
г. Белгород, Россия*

1917–2017: уроки столетия для России и мира

В сознании россиян прошедший 1917 год связывается, прежде всего, со столетием Февральской революции и последующими за ней октябрьскими событиями. И не случайно. Ведь тысяча девятьсот семнадцатый справедливо считается переломным моментом новейшей истории, после которого Россия и мир уже не могли быть прежними и начали развиваться по новой социальной траектории. Многие государства под влиянием идей русского революционизма и практики постреволюционной модернизации развернулись от дикого капитализма к социально ориентированной экономике, отказались от авторитаризма и формальной демократии в пользу открытой и диверсифицированной системы власти и управления, перестали подавлять личность и предоставили людям больше прав для самореализации. Всё это стало возможным благодаря глубокому осмыслению русского опыта, его творческой переработке в сферах экономического моделирования, государственного строительства и социальных взаимоотношений. А что же россияне? Как у них обстоит дело с рефлексией? Иначе говоря, усвоили ли они собственный опыт, извлекли ли уроки из своего прошлого? На эти вопросы пытался найти ответы автор статьи.

Ключевые слова: революция, постреволюционная модернизация, исторический опыт, Россия, мировое сообщество

Konstantin N. Lobanov,

*Belgorod Law Institute of MIA of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia*

1917–2017: Lessons of the Century for Russia and the World

In the minds of Russians in 1917 associated, first of all, with the centenary of the February revolution followed by the October events. And not by accident. After all, one thousand nine hundred and seventeenth rightly considered a turning point of modern history, after which Russia and the world could not be old and have started to develop a new social trajectory. Many States under the influence of the ideas of Russian revolutionism and practices of the post-revolutionary modernization turned from wild capitalism to social economy, abandoned authoritarianism and formal democracy in favor of an open and diversified systems

of power and control, no longer overwhelm the person and gave people more rights for self-realization. All this became possible thanks to a deep understanding of the Russian experience, his creative processing in the areas of economic modeling, state-building and social relationships. And what about the Russians? As they are dealing with reflection? In other words, did they own the experience, draw lessons from his past?

Keywords: revolution, post-revolutionary modernization, historical experience, Russia, world community

Глядя с высоты текущего дня на минувшее, трудно дать однозначный ответ на поставленные выше вопросы. Вероятно, правильнее было бы сказать, что что-то россияне усвоили и извлекли из своего прошлого, а что-то нет. Да и вряд ли за сто лет – по историческим меркам – ничтожный срок, можно было целиком «переварить» всю эту глыбу исторического наследия, чтобы потом спокойно произвести селекцию рациональных и позитивных сторон от одиозных, а затем плавно инкорпорировать их в своё социальное бытие. У россиян на это просто не было времени, ведь весь постреволюционный период новейшей нашей истории страна либо воевала, либо готовилась к войне, сама находясь в перманентном состоянии незатухающего гражданского противостояния в тех или иных его формах. Весь этот опыт глубоко выстрадан и переживаем народом до сих пор. Можно сказать, что россияне только совсем недавно стали уходить от начальной, чувственной стадии отражения событий 1917 года, когда *sensus* перестали возобладать над *ratio*. Тем не менее, несмотря на экстремальность условий бытия и остроту восприятия и оценки прошлого в национальном коллективном сознании, российскому социуму удалось, на наш взгляд, постичь главные максимы, всеобщие жизненные правила своего дальнейшего существования с опорой на предшествующий опыт развития. Хотя и не в полной степени, как уже отмечалось.

Так, например, мало кто в российском обществе сомневается в том, что очередная социальная революция для нашей страны противопоказана. Люди понимают в силу именно исторического опыта, что новые рукотворные катаклизмы приведут к гибели нацию и государство, а техногенные факторы современности могут придать этому процессу глобальный размах. Россияне, можно сказать, выработали иммунитет к революционности. Иначе, чем объяснить тот факт, что в 1991 и 1993 годах подавляющая часть граждан не позволила вовлечь себя в очень опасное противостояние властей, а в наши дни категорически не желает пополнять про-

тестную массу, достаточную для запуска в России очередного «цветного» проекта. В то же время мы видим, что в стране существует немало факторов, прямо или подспудно вызывающих недовольство людей. Прежде всего, это разительное имущественное расслоение, фактическое правовое неравенство, дефицит справедливости в обществе, слабая система социальной защиты, бедность значительной части населения. Вкупе эти неблагоприятные социальные явления свидетельствуют об относительном регрессе общественной системы и архаизации структуры общества, ведут к возрождению давно изжитых в мире классовых подходов и принципов социальной жизни. Обращаясь к событиям начала XX столетия, можно сказать, что череда российских революций как раз была вызвана резкой социальной дифференциацией, которая возмущала подавляющую часть общества, поднимая её против остальной части общества [1; 3; 7]. Не понимание или игнорирование этого исторического опыта есть прямой путь к социальной турбулентности и катаклизмам. Отсюда видится один из главных уроков 1917 года: само общество и особенно избыточно богатая часть его не должны провоцировать революции поощрением и консервацией резких имущественных и иных социальных диспропорций. Наоборот, нужно работать над тем, чтобы диспропорции общественного развития могли быть сглажены.

Однако эти диспропорции никогда не будут нивелированы сами по себе, ибо, насколько трудно отдельному человеку психологически расстаться с обладанием части богатства в пользу ближнего, настолько же проблематично это для целых социальных страт. Значит, должна быть некая сила, способная инициировать определённые поведенческие программы на макроуровне, стимулировать или принуждать к следованию им большие массы людей. Такой силой является государство. Обладая механизмами суверенной власти, эта политическая организация задаёт курс движения всему обществу в выбранном направлении. Например,

так называемое «социальное государство» проводит политику перераспределения материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. При таком подходе со стороны власти общество начинает осознавать и ценить преимущества социального мира, активизирует свои солидаристские и интеграционные возможности, становится малочувствительным к радикальным идеям и их носителям. Напротив, классовое государство оберегает традиционный порядок асимметричного распределения материальных и социальных ресурсов в обществе. Большинство населения воспринимает такой уклад как несправедливый, социум раскалывается, и часть его поднимается на протест, создавая революционную ситуацию. В случае же успеха революции или переворота вместе с социальным порядком сметается и защищавшая его государственная власть, начинаются «окаянные дни» [2]. Такие вот простые в доктринальном смысле, но, к сожалению, весьма сложно постигаемые в социальной практике причинно-следственные связи – это тоже бесценный исторический опыт. Его суть состоит в том, что современное государство по своей природе и сущности может быть только общесоциальным, но никак не классовым. Это почти аксиома нынешнего бытия, ибо не нужно доказывать то, что государственная власть становится полноценно легитимной лишь в случае признания её широкими массами народа, равно как и то, что стабильность в обществе напрямую зависит от способности государства выполнять социальную функцию.

Безусловно, если государство не желает революционных потрясений, то оно должно быть не только социальным, но ещё и сильным. Ведь советская государственность была общенародной, но не смогла уберечь страну от эрозии и развала. Несравнимо более слабыми были власть Временного правительства и царский режим. Последний разложился настолько, что, по словам политического деятеля начала XX столетия Василия Шульгина, «...не нашлось и батальона солдат для защиты трёхсотлетней монархии» [8, с. 214]. Сегодня, когда по миру катится волна «цветных» революций [5, с. 85–100], безжалостно сметающая нестабильные, внутренне не прочные режимы власти, это назидание прошлого приобретает особенно актуальный смысл.

Размышляя о периоде революций и войн в новейшей истории России, нельзя не упомянуть о роли человеческого фактора в ходе социальных потрясений и перемен. Наряду с общественным и институционально-политическим измерениями этот срез анализа заслуживает не меньшего внимания. Как показывает пережитое, люди участвуют в революционных и постреволюционных событиях под воздействием определённых идеологий, побуждаемые заинтересованными политическими организациями. В зависимости от содержания доктрин и политического руководства, *l'homme revolt* [4] становится либо деструктивной, либо конструктивной силой социальных изменений. Так, человек-разрушитель был востребован «майданной», «оранжевой», «бульдозерной» и всякого рода иными «цветными» революциями. Однако никакой созидательной деятельности масс «цветные» идеологии не предполагали, поэтому человек-творец оказался не нужен. И, напротив, вспомним, как под влиянием коммунистической идеологии советский человек-ниспровергатель всего старого превратился в строителя и защитника своей обновлённой великой страны. Не хочу, чтобы меня поняли превратно, я вовсе не призываю ранимизировать монополию марксистско-ленинского учения в своём или в чьём-либо ещё обществе. Вместе с тем мы отчётливо видим в окружающем нас пространстве, к чему приводит идеологический вакуум. Сегодня перед российским обществом и властью стоит задача начертить контуры новой национальной идеи, которая несла бы в себе созидательный смысл и могла бы сплачивать людей. Базовыми концептами нарождающейся идеологии станут гражданственность, государственность, патриотизм, сопричастность к великой национальной культуре и героическому прошлому народа. Об этом сейчас все настойчивее задумываются и говорят простые россияне и представители властных структур. Если такая идеологическая система будет предложена и принята общественным большинством на уровне сознания и практики, то в российском социуме весьма затруднительно будет устроить *rebelión de las masas* [6], а человеку не придется делать мучительный для него выбор между социальной организацией и дезорганизацией.

Революционная тема, безусловно, обширна. Она не исчерпывается обозначенными измерениями: социальные связи – государственная власть – личность человека – глобальное развитие социума. И не за-

канчивается констатациями. Очевидно одно: ставить крест на русском революционном наследии и на том, что оно означает для самих россиян и для других народов, рано, поскольку не на все вопросы найдены ответы, не весь опыт освоен и не все уроки извлечены. По разным причинам многое ещё остаётся вне объективного, честного и глубоко-

кого анализа. И пока этого не произойдёт – останется до конца не удовлетворённым главный запрос нашего времени на достижение и сохранение единства общества, на недопустимость гражданских расколов и противостояний, что, в свою очередь, является залогом безопасности и процветания для всего мирового сообщества.

Список источников и литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бунин И. А. Окаянные дни. М.: АЗЪ, 1991. 67 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 432 с.
4. Камю А. Бунтующий человек: пер. с фр.; общ. ред., сост. предисл. и примеч. А. Руткевича. М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 1999. 416 с.
5. Лобанов К. Хибридне и “обојене” технологије као претња националној безбедности // Политика националне безбедности. 2015. № 2. С. 85–100.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: AST Publishers, 2016. 256 с.
7. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Захаров, 2001. 256 с.
8. Шутьгин В. В. Дни. Россия в революции 1917. СПб.: Питер, 2015. 288 с.

РАЗДЕЛ 2. Сибирь и Забайкалье в исторической ретроспективе

SECTION 2. Siberia and Transbaikalia in Retrospect

УДК 902
ББК Т4(2Рос-4Чит)

Сергей Борисович Верещагин,
*Забайкальский государственный университет,
Забайкальское краевое отделение ВООПИиК,
г. Чита, Россия*

Таптанайский археологический комплекс культуры плиточных могил. Итоги и перспективы исследований

Статья посвящена результатам исследований могильников, входящих в Таптанайский археологический комплекс (с. Таптанай, Дульдургинский район Забайкальского края). В комплекс входят 5 могильников культуры плиточных могил, относящихся к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку. В работе даётся характеристика топографии групп погребений, особенностям надмогильной архитектуры. Впервые вводятся в научный оборот объекты древнего искусства, связанные с могильниками комплекса, – выбитые символы на сторожевом камне и терракотовая бляшка-медальон с изображением оленя.

Ключевые слова: культура плиточных могил, каменное изваяние, солярный знак, скифо-сибирский звериный стиль, терракотовый медальон

Sergey B. Vereshchagin,
*Transbaykal State University,
Transbaykal Regional Department of All-Russian Society
for the Protection of Historical and Cultural Monuments,
Chita, Russia*

The Taptanay Archaeological Complex of the Culture of the Plate Graves. And Prospects of Research

This article is devoted to the results of research of the burial grounds included in the Taptanay archaeological complex (Russia, Zabaikalsky Krai, Dul'durginskaya district, Taptanay village). The complex includes 5 burial grounds of "culture of tile graves" belonging to the Late bronze age – the Early iron age. The paper gives a characterization of the topography of the groups of burials, the features of tomb architecture. For the first time, objects of ancient art associated with the burial grounds of the complex – embossed symbols on the watch stone and a terracotta plaque-medallion with the image of a deer-are introduced into scientific circulation.

Keywords: culture of tile graves, stone statue, solar sign, Scythian-Siberian animal style, terracotta medallion

Культура плиточных могил (далее – КПМ) – яркая и своеобразная культура первых кочевых сообществ Центральной Азии.

Памятники данной культуры представлены могильниками, поселениями, писаницами и петроглифами, остатками рудодобывающих

и металлургических пунктов. В широком диапазоне они датируются с конца II тысячелетия до н. э. до первых веков н. э. Расцвет приходится на VIII–III вв. до н. э. [4, с. 188]. Территория распространения памятников оставленных носителями КПМ, необычайно широка: от оз. Байкал на севере до Ордоса и предгорий Наньшаня (возможно, и Тибета на юге) и от Хингана на востоке до предгорий Алтая на западе [5, с. 22].

Административно они расположены на территории трёх государств: Китая (северо-восточные регионы), Монголии и Российской Федерации (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край).

Наиболее многочисленные объекты КПМ – погребальные. Согласно современным учётным данным, на территории Забайкальского края в настоящее время зафиксировано 470 погребальных комплексов КПМ. Это локальные группы из прямоугольных каменных оград, называемые в научной литературе и учётной документации как «могильники культуры плиточных могил» или «плиточные могильники» [2; 3; 6].

Могильники КПМ Забайкальского края в большей своей части – это группы по 5–10 каменных оградок. Известна и серия крупных некрополей данной культуры, включающих в себя несколько десятков и даже сотен оградок. На территории крупных могильников также присутствуют экземпляры древнего камнетёсного искусства – «сторожевые камни» (сэргэ) и «оленные камни».

На территории Забайкальского края в настоящее время довольно проблематично зафиксировать древние каменные изваяния в своём природно-историческом контексте. Это связано с негативным антропогенным воздействием. Так, например на протяжении XIX–XX вв. каменные стелы и камни из оград плиточных могил использовались в качестве строительного материала местным русским населением и приезжими стройбригадами. Часть каменных изваяний были увезены советскими исследователями (А. П. Окладников, В. И. Асеев, А. В. Тиваненко) в 1970–1980-х гг. в музеи под открытым небом в г. Новосибирск и г. Улан-Удэ. Серия каменных стел экспонируется и на дворовых территориях краеведческих музеев в г. Чите и пос. Агинское.

На территории Забайкальского края погребальные объекты КПМ зафиксированы в степных, лесостепных и лесных районах. Они связаны с поверхностью большинства единиц современного рельефа: склоны и

вершины сопок, конусы выноса распадков, пойменные уровни и надпойменные террасы мелких и крупных рек.

В 2017 г. автором данной статьи проведено обследование могильников КПМ у с. Таптанай Дульдургинского района Забайкальского края. По результатам работ обследованные объекты были объединены в Таптанайский археологический комплекс «культуры плиточных могил».

Село Таптанай и объекты КПМ, входящие в комплекс расположены в медиальной части долины р. Таптанай, в районе впадения в неё р. Шонтуй. Зафиксированные объекты занимают остепнённые, пологие склоны и пойменные уровни долины реки (см. рис. 1).

История археологических изысканий в долине р. Таптанай связана с именем А. К. Кузнецова. В конце XIX в. в ходе полевых работ им был описан и увезён камень с надписями, располагавшийся на въезде в с. Таптанай. Скорее всего, им также были посещены и могильники КПМ. В 2006 г. объекты Таптанайского комплекса были зафиксированы и поставлены на учёт автором статьи [1].

Ниже приводится краткая характеристика объектов, входящих в комплекс.

Могильник Таптанай-1 расположен в южной части села, у водокачки. Зафиксировано 3 сохранившиеся оградки из гранитных плит, размером 4×3 м, вытянутые в цепочку по линии север-юг. Оградки сильно повреждены. У северной оградки могильника с востока сохранился сторожевой камень, в виде торчащей из земли гнейсовой плиты. Камень с треугольной вершиной, возвышается над современной поверхностью на 0,5 м. По длинной оси каменные оградки ориентированы с запада на восток.

Могильник Таптанай-2 зафиксирован в северной части села, между огороженными земельными участками местных жителей. В него входит 4 оградки размерами 4×3 и 3×2 м, также вытянуты в цепочку по линии север-юг. Максимальная высота плит оград могильника – 0,4 м. Плиты вытесаны из гнейса, оградки задернованы без явных следов разрушения, по длинной оси ориентированы с запада на восток.

Могильник Таптанай-3 расположен в 1,5 км севернее окраины с. Таптанай, в пойме р. Таптанай, в устьевой части р. Шонтуй. На современной поверхности могильника визуально определимы 7 сооружений: 5 каменных оградок из тёсаных плит сланца и гнейса и 2 тёсаных стел, лежащих на земле

в медиальной части могильника с востока. Видимые на поверхности размеры оградок в пределах 4×3; 6×4; 5×3,5 м, высота плит оград от 0,3–1 м. Объекты вытянуты в цепочку, ориентированную по линии север-юг. Визуально фиксируются следы грабительских работ (западины, ямы и отвалы в пределах территории оградок погребений). Сторожевые камни объекта представляют собой тесаные столбы из гнейса и песчаника. Первое столбообразное, прямоугольное в сечении, длиной 2,2 м. Второе изваяние клиновидное, прямоугольное в сечении в верхней части.

Общая длина объекта 1,4 м, он расколот на две части. Изваяние имеет лицевую сторону с гладкой, хорошо обработанной поверхностью. В верхней её части зафиксированы выбитые изображения. Одно из них – солярный символ в виде кольца, внешний диаметр которого 10 см. Ниже проходит пояс из двух параллельных друг другу линий, рассеченных перпендикулярными им черточками, длиной по 5 см каждая. Помимо основной плоскости, продолжение пояса нанесено и на менее подготовленную боковую поверхность изваяния (см. рис. 2).

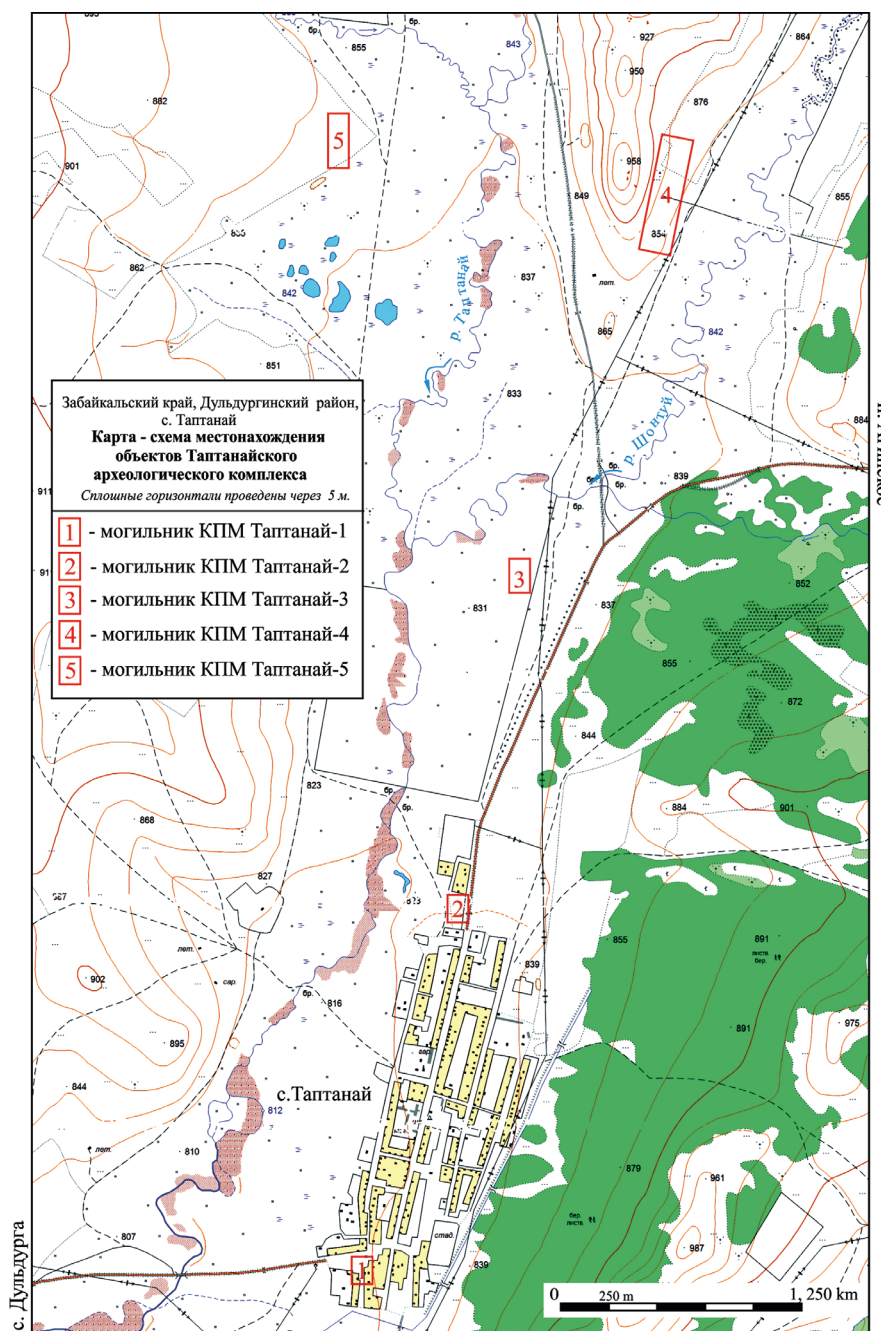

Рис. 1. Карта-схема расположения объектов Таптанайского археологического комплекса

Рис. 2. Таптанайский археологический комплекс. Могильник Таптанай-3. Каменная стела с изображениями

Могильник Таптанай-4 зафиксирован на удалении 3–3,7 км севернее окраины с. Таптанай. Объект занимает поверхность восточного ската мысовидной возвышенности, в междуречье р. Таптанай и р. Шонтуй. Визуально определимы 27 сооружений: 25 каменных выкладок, из тёсаных плит сланца и гнейса, и 2 тёсанные стелы, «сторожевые камни», расположенные восточнее погребений могильника. Первое изваяние – гнейсовая плита со скошенным верхом, высота над поверхностью – 0,7 м. Второе изваяние из гранита, имеет закруглённый верх и возвышается на 0,5 м над современной поверхностью. Длинной осью конструкции оградок ориентированы по линии запад-восток. Видимые на поверхности размеры оградок колеблются в пределах 1,5×1; 2×2; 4×2; 4×3; 4×4 м, макс. высота плит оград – 1,2 м. Могильник состоит из 2 групп. Погребения северной группы условно можно разделить на четыре цепочки, трое из которых, параллельные друг другу, вытянуты вдоль склона по линии север-восток. Четвёртая, крайняя западная цепочка, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, и вытянута вверх по склону.

Южную группу оградок условно можно объединить в одну цепочку, ориентированную по длинной оси – север-юг. В центре южной группы погребений могильника зафиксирован также ветхий деревянный столб – коновязь, с затёсанным под конус верхом и 3 желобами для привязи повода. На территории южной группы могильника, у одной из оградок обнаружена керамическая бляшка-медальон, со стилизованным изображением летящего оленя. Изделие выполнено, в характерном для скифо-сибирского мира, зверином стиле. К сожалению, оно плохой сохранности, утрачены многие композиционные части предмета: голова, часть ноги, рога. Хорошо читаемы и определимы: круп животного, подогнутые под себя ноги, шея, основания рогов. Лицевая часть изделия является штампованной, изготовлена, скорее всего, с применением формы-оттиска. На внутренней поверхности фиксируются следы вдавлений пальцев древнего мастера. Изделие равномерно и качественно обожжено. Тесто плотное, отошитель – мелкозернистый песок. Цвет изделия – красно-коричневый (см. рис. 3).

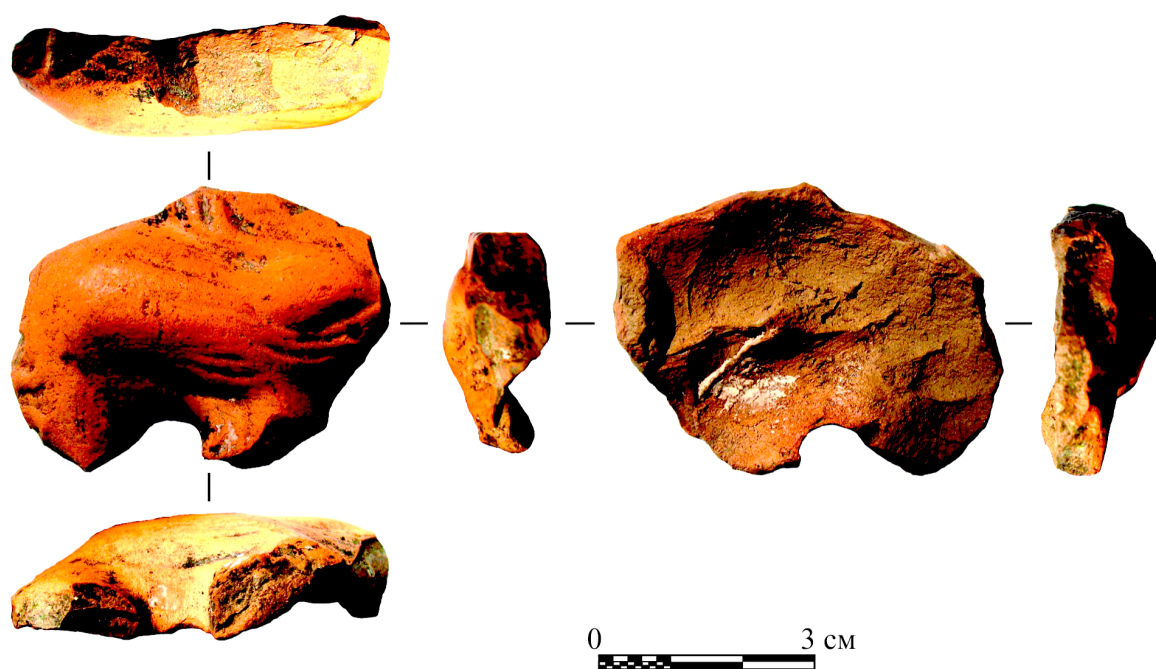

Рис. 3. Таптанайский археологический комплекс. Могильник Таптанай-4. Терракотовая бляшка-медальон

Могильник Таптанай-5. Объект приурочен к поверхности склона сопки правосторонней части долины р. Таптанай, на удалении в 3,7–3,9 км севернее окраины села. Обнаружено 11 сооружений: 9 каменных выкладок, из тёсаных плит сланца и гнейса, поставленных на ребро и образующих оградки, и 2 тёсаных стелы, «сторожевых камня». Одна из них установлена в юго-восточной части могильника и представляет собой тёсаную плиту из гнейса высотой 1,1 м. Вторая, гранитная плита вытянутой формы с закруглёнными концами, лежит на грунте. Длина изваяния 1,76 м. Видимые на поверхности размеры оградок в пределах 4×3, 6×4, 5×3,5 м, высота плит оград от 0,3–1 м. Длинной осью конструкции ориентированы по линии запад-восток. Могильник состоит из двух групп погребений – северной и южной. Погребения обеих групп представлены цепочками, ориентированные, как и во всех могильниках комплекса, по линии север-юг.

В целом исследованный комплекс можно считать представительным погребальным

объектом КПМ на территории Забайкальского края. Он хорошо иллюстрирует все особенности топографии и погребальной архитектуры этой своеобразной археологической культуры первых забайкальских nomadov. Связанные с комплексом уникальные и редкие объекты – «сэргэ» с изображением соляного знака и терракотовая бляшка-медальон, будут, безусловно, интересны для исследователей объектов искусства позднего бронзового века Центральной Азии.

Также объектам КПМ, входящим в комплекс, в дальнейшем можно придать статус достопримечательных мест. После проведения работ по музеефикации и облагораживанию территории могильников комплекса их можно включать в программы познавательного туризма. При должном оформлении и презентации данные объекты могут повысить уровень туристической привлекательности региона, тем более, что они расположены на трассе «Агинское – Дульдурга», по которой проходят современные транзитные маршруты российских и зарубежных туристов, направляющихся в НП «Алханай».

Список источников и литературы

1. Верещагин С. Б. Результаты археологических исследований на территории Красночико́йского, Ононского, Агинского и Дульдургинского районов Забайкальского края в 2017 г. // Научный отчёт в ОПИ ИА РАН. Чита, 2018.
2. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 108 с.

3. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.
4. Кириллов И. И., Кириллов О. И. Культура плиточных могил // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 188–190.
5. Константинов М. В., Константинов А. В. Историческое наследие в археологических открытиях и эпохах // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 12–40.
6. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.

УДК 572.9

ББК Т5

Базар Догсонович Цыбенков,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

О даурском происхождении группы «гогули» русских источников XVII века¹

В работе приводятся данные о группе населения бассейна р. Зея, известного как «гогули» в материалах русских казаков-первопроходцев. Автор, соглашаясь с мнением отдельных учёных о родстве гогулей с даурами, дополняет эту версию своими размышлениями.

Ключевые слова: дауры, русские источники, река Зея, гогули, говол, дючеры, маньчжуры

Bazar D. Tsybenov,

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Daur Origin of “Goguli” Group in Russian Sources of the XVII century

The article examines a group of people in the Zeya river basin, known as the “goguli” in the materials of Russian Cossack pioneers. The author supports the opinion of scientists that goguli is a part of Daur people.

Keywords: Daur, Russian sources, Zeya river basin, goguli ethnic group, govol, dyucher, Manchus

Вопрос о «гогулях», живших в XVII в. в Приамурье, продолжает оставаться дискуссионным. Исследователи имеют различные точки зрения в изучении проблемы этнической принадлежности этой группы населения. Прежде чем начать рассмотрение этих версий и наши размышления по означенному вопросу, обратимся к собственно русским источникам XVII в., в которых имеют место данные о «гогулях». В 1643–1644 г. русский землепроходец В. Д. Поярков впервые побывал в «Даурской земле», записи продви-

жения его отряда были отражены в «Актах о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море». Сведения о группе «гогули» имеются в следующем отрывке: «...он Василей собрався с достальными служилыми людьми в суды и вниз по Зию поплыл; а от Селимбы реки плыл до речки до Гогулкургу трои сутки, и та речка пала в Зию на низ пловучи с левую сторону, а на усть той речки на Зие волость Гогули, а в той волости Даурской острожек, а в том острожке два князца Омуты да Ломбо, а

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии».

улусу у них в том острожке 200 человек, все пашенные и скотные сидячие люди, а хлеба у них родится много, а ясак платят хану соболми, а против Гогул за Зиєю волость Шепки, а в той волости 100 человек, Дауры же, пашенные же; а от Гогул плыл до речки до Тома, плыл судном одне сутки, а Тома речка пала в Зию на низ идучи с левую же сторону, а по ней живут Дауры и Тунгусы пашенные многие; а от Тома плыл до Даурского князца Балдачи сутки, а от Гогул до него Болдачи по Зию живут, по обе стороны, Дауры пашенные его Балдачины улусные люди...» [1]. Другой источник, где упоминаются «гогулы», связан с именем Е. П. Хабарова. Он называется «Отписка якутскому воеводе Димитрию Францбекову от служивого человека Ерофея Хабарова» от 1652 г. Описывая малочисленное население по Амуру в районе Малого Хингана, Хабаров писал: «...а тут все улусы частые невеликие юрты, по десяти юрт в улусе... сто двадцать; а Каменем плыли два дни да ночь и, Каменем все улусы невеликие, а людем выше Камени и в Каменю зов им Гогулы, и тут людей нет...» [7]. Как мы видим, из этих источников наиболее информативными в плане освещения «гогулей» являются сведения В. Д. Пояркова. Данные Е. П. Хабарова также важны, поскольку указывают на новое местоположение изучаемой группы. Таким образом, «гогулы» в 1644 и 1652 гг. зафиксированы в разных местах: по Гогул-курга – притоке р. Зея и по Амуру в районе «Камня» (Малого Хингана).

Обратимся теперь к известным нам мнениям учёных об этнической принадлежности группы «гогулы». Для удобства повествования и в связи с частым употреблением изучаемого этнонима мы далее употребляем термин без кавычек. Наиболее распространённой является версия о маньчжурской или тунгусо-маньчжурской этнической принадлежности гогулей. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что гогулы были народом, ставшим известными позже как гольды [4, с. 590]. Л. Шренк считал гогулей и дючеров близкородственными маньчжурскими народами, у которых имелись небольшие различия в языке. По мнению исследователя, гогулей следовало бы называть верхними дючерами, проживавшими вверх от устья р. Сунгари [14, с. 162]. Б. О. Долгих также полагал, что гогулы являлись самой верхней по Амуру группой маньчжуроязычного населения. По его мнению, верхние дючеры (гогулы) жили выше «камня», а собственно дючеры про-

живали ниже «камня» и в низовьях Сунгари. Большую роль в формировании мнения Долгих сыграли лингвистические исследования Н. А. Липской. Ею были проанализированы названия со значениями «живущие (по отношению к другой группе) вверх по течению реки». Такие значения имели этнонимы «гольды» (уст. назв. нанайцев) и «сологон/шелогон» у эвенков. Взяв на вооружение эти сведения, Долгих провёл собственный анализ нанайских слов «гогды», «ды» (сторона), «голо» (народ). В ходе анализа он пришёл к выводу о возможности существования словосочетания «гог-голо», означающего «верхний народ». Отсюда и собственно название – гогулы [4, с. 591]. Гогулы, по данным Б. О. Долгих, относились к первой группе дючерского населения. Всего таких групп насчитывалось четыре [5, с. 133; 13, с. 268]. Маньчжурская этническая принадлежность гогулей поддерживается и венгерской исследовательницей К. Ураи-Кехальми. По её данным, по среднему течению Амура проживали монго-хорха, а на р. Зея – говалча-хорха. Далее учёный пишет, что монго-хурха – это раннее маньчжурское название дауров, говалча-хорха – название племени чжурчженей, в русских источниках известное как гогулы [18, с. 316]. Современные дальневосточные археологи также солидарны с общепринятым мнением. Так, Д. П. Болотин, О. А. Шеломихин отмечают, что гогулы – это зейские дючеры [3, с. 25]. Немного отличается от вышеуказанных версий гипотеза С. М. Широкогорова, относившего гогулей к тунгусам. Основанием для этого послужили предания эвенков-оленьеводов правобережной Аргуни [8, с. 153]. Как мы видим, насчитывается довольно большое число сторонников маньчжурского (или тунгусо-маньчжурского) происхождения гогулей. Надо полагать, что имеются и другие, не отмеченные нами, исследователи, придерживающиеся вышеуказанной версии. Между тем, имеется и другая версия – о принадлежности гогулей к даурам. Первым подобное мнение высказал В. И. Огородников. Рассуждая о том, кем были жители даурского острожка в волости Гогулы, он пришёл к выводу о принадлежности их к даурам. Ключевым моментом в его анализе стало предложение «...а против Гогул за Зиєю же – волость Шепки, а в той волости 100 человек, дауры же пашенные же» [6, с. 18]. Другую основу монгольской версии предложил Б. И. Панкратов, в 1914–1915 и 1929–1930 гг. изучавший даурский язык и культуру. Поскольку его гипотеза

значима для нашего анализа, приведём полностью отрывок из работы учёного: «...к имеющимся уже гипотезам относительно народа “гогулы” я позволю себе добавить ещё одну. Среди дагурских кланов имеется один, очень многочисленный, по имени гобол. Этот клан, согласно дагурскому преданию, до прихода русских жил по Зее и вниз от неё по Амуру, а имя своё получил от названия местности. Мне кажется, вполне допустимо высказать предположение, что Поярков, плывя по Зее, достиг местности, носившей название Гобол, по которой протекала речка Гобол-хуарг, что по-дагурски значит – речка Гобол. Народ “гогулы”, о которых говорит Хабаров, можно думать, назывался “гобол”, что было не племенным, а клановым самоназванием дагуров, жителей нескольких маленьких деревушек, встретившихся Хабарову на его пути» [1, л. 6; 15, с. 135]. На наш взгляд, обе версии, Огородникова и Панкратова, верно отражают исторические реалии того периода. Несомненно, речь в записях русских землепроходцев идёт о даурском роде говол (или гобол), который проживал на притоке р. Зея, известном как Гогулкурга. Как указывают дауры-информаторы, данный приток также известен как Говол-аян (маленькая речка Говол) [10, с. 55]. Род говол является одним из четырёх основных родов даурского народа. Известно, что из него вышло много известных военачальников, политических деятелей. Например, к роду говол относился известный в монгольском мире политический деятель начала XX в. Мэрсэ [16, с. 125–127]. Возвращаясь к этнической принадлежности гогулей, отметим, что своё имя представители этого рода получили по названию реки Гогулкурга (или Гобол-хуарг). Как известно, названия ряда даурских родов связаны с гидронимами или местностями Приамурья. Например, этноним «мэрдэн» с эвенкийского и даурского языков переводится как «излучина реки» и связан с известным Корсаковским кривуном на Амуре. Род жинкэр берёт своё название от р. Зея (по-даурски Жинкэр), род бирьян – от названия р. Берея, род онон – от притока Амура – р. Онон (около с. Кузнецово Амурской области) [9].

Очевидно, ко времени прихода дауров на земли Приамурья указанные гидронимы и топонимы, имеющие эвенкийское и/или маньчжурское происхождение, уже имелись. И согласно древней традиции монгольских народов, прибывшие на новые места обитания предки дауров приняли и новые

названия для обозначения своих родов. В целом традиция принятия названий рек в качестве собственных этнонимов существовала у средневековых монгольских народов. Так, согласно монгольским источникам, известно, что «предком маньчжурского племени *ехэ* был монгол из тумэдского племени. Прибыв в местность Чжан, он прогнал представителей рода *нара* Хулуны. Заселив их территорию проживания, стали именовать себя *нара*. Позже они стали называть себя *ехэ* по реке Ехэхэ, на берегах которой проживали» [17, с. 12].

Если с гогулями, жившими на р. Гогулкурга (или Гобол-хуарг), ситуация всё более склоняема в пользу даурского происхождения, то в отношении гогулов Хабарова, который располагает их в районе «Камня», возникают очевидные затруднения. Можно лишь предположить многочисленность рода говол в середине XVII в., и его вероятное распространение вниз по течению Амура, вплоть до упоминаемого «Камня». Под ним понимается хребет Малый Хинган. По данным челобитной С. В. Полякова, дауры в первой половине XVII в. проживали ниже междуречья Амура и Зеи, вплоть до пересечения Амуром вышеуказанного хребта. В ней достаточно определённо говорилось о восточном рубеже даурских владений: «...дадим де мы и на осень государю ясак со всей Даурской земли по камень. А тот камень рубеж з Дючерской землей» [12]. Данное место находится на территории Архаринского района Амурской области [11]. Таким образом, дауры в первой половине XVII в. могли проживать вплоть до пересечения Амуром хребта Малый Хинган. Вероятно, этими даурами были люди рода говол, и их в районе «Камня» было мало. Об этом пишет Хабаров, отмечая «...Каменем все улусы невеликие... и тут людей нет...» [7].

Этническая принадлежность гогулей остаётся сложным вопросом, требующим своего окончательного разрешения. Несмотря на большое количество приверженцев маньчжурской версии гогулей, мы поддерживаем мнение В. И. Огородникова и Б. И. Панкратова о принадлежности их к даурам. Волость Гогули из данных В. Д. Пояркова, с большой степенью вероятности, можно отнести к району былого обитания даурского рода говол. Гогули района р. Зея, на наш взгляд, являются даурами. Более затруднительным представляется вопрос о гогулах из описаний Е. П. Хабарова, и лишь продолжение исследований в этом направлении позволит сделать объективные выводы.

Список источников и литературы

1. Акты о плавании письменного головы Василия Пояркова из Якутска в Охотское море [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: http://www.sibrelc.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1640_1649gg/akty_istoricheskie_1646g/1646_06_12_ne_ranee/108-1-0-464 (дата обращения: 07.05.2018).
2. Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 145. Оп. 1. № 1–17 (фонд востоковеда Б. И. Панкратова).
3. Болотин Д. П., Шеломихин О. А. Центральнo-азиатские элементы в позднесредневековых традициях Приамурья // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2016. С. 25–28.
4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
5. Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С. 125–142.
6. Огородников В. И. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. Владивосток: Тип. Дальневост. гос. ун-та, 1927. 94 с.
7. Отписка якутскому воеводе Димитрию Францбекову служивого человека Ерофея Хабарова; о военных действиях его на р. Амур и о проч. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sibrelc.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1652g/1652_08_01_neranee/84-1-0-576 (дата обращения: 07.05.2018).
8. Симченко Ю. Б., Лукьянченко Т. В., Васильев В. И. Этническая история народов Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. 269 с.
9. Цыбенков Б. Д. Даурские роды в XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8. Востоковедение. 2011. С. 238–246.
10. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.
11. Цыбенков Б. Д. К изучению древних культур Западного Приамурья // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 4. С. 66–72.
12. Челобитная С. В. Полякова и его спутников о поведении Я. П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг. [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: http://www.sibrelc.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1650_1659gg/akty_istoricheskie_1653g/1653_09_06/85-1-0-334 (дата обращения: 28.05.2018).
13. Шевченко В. В. Расселение этносов Приамурья в XVII в. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 265–272.
14. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб.: Изд-во Импер. АН, 1883. Т. 1. 304 с.
15. Яхонтов К. С. Дагурский язык. Введение // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. С. 132–149.
16. Atwood C. P. Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931 (Младомонголы и каратели во Внутренней Монголии в период междувластия, 1911–1931). Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.
17. Daiçing ulus-un mongyul-un maýad qauli. True records of the Mongols of the Qing Empire (Подлинная история монголов Цинской империи). Hohhot, 2013. Vol. 1. 1236 p.
18. Käthe U.-Köhalmi. Über einige Dagurische Ortsnamen aus dem 17. Jahrhundert // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. Vol. 36, No. 1/3. Pp. 315–319.

УДК 271.2
ББК Э372

Ирина Викторовна Ковалева,
Забайкальский государственный университет,
Чита, Россия

«Наставления наместнику Тихону» как один из источников по истории Нерчинского Успенского монастыря

Статья посвящена одному из наиболее интересных источников, характеризующих различные аспекты жизни монастыря XVIII в., – наставлениям монастырскому наместнику. На основании наставлений, выданных наместнику Нерчинского Успенского монастыря Тихону, сделаны выводы о хозяйственно-экономических, социальных и других сторонах деятельности обители.

Ключевые слова: Нерчинский Успенский монастырь, наместник Тихон, наставления наместнику, источники по истории монастыря

Irina V. Kovaleva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

“Instructions for Viceroy Tihon” how one of the Sources of the History of the Nerchinsk Uspensky Monastery

The article is devoted to instructions for the viceroy. It is one of the most interesting sources that characterizes aspects of the life of the monastery XVIII century. The author draws conclusions about economic, social and other activities of the monastery based on instruction.

Keywords: Nerchinsk Uspensky monastery, viceroy Tihon, instructions for the viceroy, sources on the history of the monastery

Письменные источники, связанные с историей церкви в Забайкалье в XVII–XVIII вв., довольно немногочисленны. Наиболее представительные и информативные из них связаны с историей Нерчинского Успенского монастыря. Они позволяют рассмотреть жизнь обители в продолжительный период её существования и с различных сторон. Определённый интерес представляют наставления монастырским должностным лицам: посельщикам, подушным сборщикам, десятникам и т. д. Среди них важное место занимают инструкции, выдаваемые наместникам. Монастырским наместником (настоятелем) называли первое лицо обители, осуществлявшее административные функции. Наставления, выдаваемые ему, включают в себя информацию, связанную с различными хозяйственно-экономическими и социальными аспектами жизни Успенского монастыря.

Так, в 1746 г. наместником стал иеромонах Тихон. Его можно считать одним из наиболее эффективных настоятелей, при котором в монастырском хозяйстве наметился определённый подъём [2, с. 110]. По приезду

в обитель, в соответствии с инструкциями (полученными от Иркутской духовной консистории), прежде всего вновь назначенный наместник должен был во время собрания монастырского братства и бельцов получить от иеродиакона Даниила (прежде управлявшего монастырём) текущую документацию. В дальнейшем в обязанности нового наместника входил и контроль за исполнением ранее поступивших указов от Иркутской консистории. По вновь поступившим указам Тихон, как ответственный управленец, составлял реестры.

Во всех своих действиях наместнику необходимо было руководствоваться положениями 4 главы Генерального регламента [3, с. 143], устанавливающей строгие сроки для исполнения государственных предписаний. Помимо этого, полученные указы должны были доводиться до всенародного известия, в том числе и в монастырских вотчинах, «чтоб никто неведением не оговаривался» [1, л. 302 об.].

После ознакомления и передачи документации новому наместнику предписыва-

лось совместно с иеромонахом Даниилом составить опись церковной утвари, монастырской товарной и денежной казны. Особое внимание уделялось контролю за монастырским хлебом. Наместник документально фиксировал, где и сколько какого хлеба засеяно, платят ли пашенные крестьяне с десятины деньгами или зерном. Составленная ведомость отправлялась в Иркутскую духовную консисторию, второй экземпляр оставлялся в монастыре. Среди документов по истории Успенского монастыря имеются подобные хлебные ведомости, а также описи монастырского имущества. В документах сохранилось немало описей монастырского имущества разной степени подробности. Казённый монастырский хлеб не должен раздаваться просто так. Например, если крестьянин, находящийся в крайней нужде, просил себе хлеба, то перед выдачей предварительно осматривался его амбар.

Далее, согласно инструкции, новый наместник был обязан узнать проживающих в обители людей, поэтому следующим этапом после составления описи имущества являлась перепись насельников. При этом внимание акцентировалось на тех, кто жил «в отлучности», таковых полагалось переселить на территорию монастыря или монастырских заимок.

Одной из важных задач наместника было поддержание и развитие монастырского хозяйства. Наставления прописывали необходимость в том, «чтобы всякое строение и заводы во всём имели своё удовольствие». О любых проблемах и неудобствах Тихон мог заявлять в Иркутскую консисторию, она же, в свою очередь, могла издавать указы на сооружение новых построек. То есть без согласования с консисторией строительство новых хозяйственных и жилых объектов на территории монастыря и монастырских угодьях запрещалось.

К функциям наместника относился также контроль над монастырскими работами. Он должен был следить, чтобы работники трудились «неленостно и без роптания». Кроме того, инструкции указывали, что никто из монастырских вкладчиков и служителей не должен оставаться незанятым. В этом контексте упоминаются также такие должностные лица, как разрядный и нарядчик, а также поселные, в обязанности которых входило «на работу работников возбуждать и наряжать». Так как особую ценность для монастыря представлял хлеб, то его обработка становилась первоочередной зада-

чей: наместник следил, чтобы хлеб «молотили чисто, чтобы в соломе зёрен отнюдь не оставалось» [1, л. 304 об.]. Для предотвращения обмана он должен был сам «чинить опыт», узнавая, сколько «с овина какого хлеба молотится».

К Нерчинскому Успенскому монастырю относился ряд сёл, расположенных в различных частях Забайкалья, управление ими осуществлялось посельщиками (или поселеными). Для более результативного сотрудничества и работы с посельщиками наместнику следовало лично ездить по монастырским заимкам. Этот пункт наставлений позволяет составить определённое представление о деятельности посельных. Например, в их обязанности входило контролировать денежные и хлебные приходы и расходы, записывая их в шнуровые книги. По истечении года приходо-расходные книги и прочие документы отсылались в Иркутскую духовную консисторию.

Один из пунктов наставлений характеризует судебную функцию наместника. Крестьяне, по каким-либо причинам недовольные судом посельщика, могли обращаться к Тихону как к вышестоящему представителю судебной власти в монастыре, а ему, в свою очередь, предписывалось «разбирать без всякого пристрастия». Он же мог и наказывать: наставления позволяли бить «шелепами», либо заковывать в «цепи и железо». Большой проблемой того времени являлись беглые люди, таких, а также людей с «неуказными паспортами» следовало немедленно под караулом отсылать в светский суд. Посельщики должны же были следить, чтобы «люди без паспортов в их посельях не селились».

Отдельная часть наставлений посвящалась монастырским мельницам. Мельницы являлись ключевыми объектами монастырского хозяйства. При них устанавливался запечатанный ящик. Деньги, уплачиваемые за помол («помольные деньги») опускались в этот ящик, а по истечении каждого месяца он доставлялся в монастырь, где вскрывался. Полученные средства вносились в приходную книгу, также выдавалась квитанция, где указывалось, сколько, в каком месяце и от какого сборщика было принято денег. Далее ящик вновь опечатывался и отправлялся обратно на мельницу [1, л. 306 об.]. Особое внимание, уделяемое мельницам, свидетельствовало о большой важности роли, которую они играли в хозяйственной жизни монастыря.

Можно также отметить, что в XVIII в. при Нерчинском Успенском монастыре имелся значительный скотный двор. Следить за ним также входило в обязанности наместника. Инструкция предписывала составить опись всех животных. Опись должна была входить в книгу, где отмечалось, сколько скота убывало и сколько прибавлялось [1, л. 314 об.]. Отдельный пункт посвящался лошадям, их запрещалось давать кому-либо без разрешения наместника. Всю конскую сбрую полагалось подробно описать.

Ко всему прочему наместник занимался пресечением непотребного поведения в монастыре. В частности, он пристально следил за сохранностью монастырского имущества. Одной из больших проблем того времени было пьянство, поэтому наместник «накрепко смотрел», чтобы жители обители «вина не курили и на кабаки не ходили и не пьянствовали». В один ряд с пьянством ставились азартные игры. Автор инструкции резонно замечал, что вино и игры часто становятся причиной ссор и разорений, так как люди «последний свой хлеб, скот и прочее продают и на вине пропивают» [1, л. 308 об.]. Наместнику следовало выяснить, имеются ли на территории монастыря кабаки, и когда они были построены.

Помимо светских хозяйственных вопросов, наместник решал проблемы, связанные с повседневной жизнью монастырской братии. Например, наместник должен был пресекать «неприличные разговоры» во время трапезы. Для этого монастырские служители или их дети, знающие грамоту, могли во время еды вслух читать жития святых, либо правила духовного регламента. Кроме этого, инструкции приписывали Тихону следить за тем, чтобы монахи, посещая кельи друг друга, не пьян-

ствовали и не шумели, каждый вёл себя благочинно. Монахам строго запрещалось покидать монастырь, посещать мирские дома. За нарушение этого правила предусматривалось суровое наказание: виновника могли посадить на цепь или отдать на мукозейные работы. Если же монаха «позовёт благословная нужда», уехать в другое село он мог только с письменного разрешения наместника.

Помимо монахов, наместник следил и за деятельностью монастырских служителей: казначеев, писчиков и прочих. В одном из пунктов наставлений несколько раз акцентируется внимание на то, что Тихон обязан препятствовать их пьянству и «прочим непорядочным поступкам», используя различные наказания.

Таким образом, опираясь на текст наставлений, можно говорить о монастырском наместнике как должностном лице, ведавшем, прежде всего, хозяйственной стороной жизни монастыря. Монастырское имущество, постройки, проведение сельскохозяйственных работ – всё это находилось в поле зрения наместника. Хозяйство обители представляется как многоаспектное и разнообразное: упоминаются скотный двор, монастырская мельница и т. д.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что наставления являются интересным и информативным документом по истории Нерчинского Успенского монастыря XVIII в., отражающим различные стороны жизни обители. Должность наместника, согласно наставлениям, помимо духовной стороны, в первую очередь подразумевала административно-хозяйственную, в какой-то степени судебную деятельность и требовала кропотливого и скрупулезного выполнения своих обязанностей.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 282. Оп. 1. Д. 11.
2. Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – нач. XX в. Иркутск: Межрегион. ин-т общественных наук при Иркут. гос. ун-те, 2006. С. 329.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года: в 48 т. Т. 6. 1720–1722. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 823 с.

УДК 94
ББК ТЗ(2)522

Дмитрий Вячеславович Скажутин,
*Забайкальский краевой музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия*

Перри Макдон Коллинс «Путешествие вниз по Амуру»

В статье предпринята попытка обобщения сведений о П. М. Коллинсе и его путешествия по Сибири 1856–1857 гг., рассмотрен ряд выдвинутых им коммерческих проектов. На основе материалов опубликованной П. М. Коллинсом книги даётся представление о нём не только как о предпринимателе, но и весьма разносторонней личности.

Ключевые слова: П. М. Коллинс, «Путешествие вниз по Амуру», российско-американские связи, Забайкальский край, Амур

Dmitriy V. Skazhutin,
*Zabaikal Regional Museum of Local lore A. K. Kuznetsova,
Chita, Russia*

Perry McDonough Collins “A Voyage down the Amur”

An article is made to generalize information about P. M. Collins and his journey through Siberia 1856–1857, considered a number of their commercial projects put forward. Based on materials published by P. M. Collins book attempted to give an idea of it, not only as a businessman, but also a very versatile personality.

Keywords: P. M. Collins, “A Voyage Down the Amur”, Russian-American relations, Transbaikal Region, Amur

В 1860 году увидело свет издание «Путешествие вниз по Амуру» (“A Voyage Down the Amur”) Перри Макдона Коллинса (Perry McDonough Collins). Известно, что автор родился в 1813 году в Гайд-Парке (Нью-Йорк), изучал право в своём родном городе [9], работал банковским служащим и брокером на бирже в Сан-Франциско [1, с. 42]. В Калифорнии П. М. Коллинса привлекли перспективы развития торговых связей в тихоокеанском регионе, с Сибирью и Дальним Востоком, в частности. Сам Коллинс во вступлении книги пишет: «Мой разум поглотила навязчивая идея о предназначении Амура как канала, по которому американские торговые предприятия проникнут в неизведанные глубины Северной Азии и откроют новый мир для торговли и света; когда в 1855 году появились новости о том, что русские освоили Приамурье и в устье реки основали поселение» (здесь и далее – *пер. Д. С.*; “I had already fixed in my own mind upon the river Amoor; as the destined channel by which American commercial enterprise was to penetrate the obscure depths of Northern Asia, and open a new world to trade and civilization, when news arrived in 1855 that the Russians

had taken possession of the Amoor country, and formed a settlement at the mouth of the river”) [7, с. 1–2].

Однако, несмотря на активное освоение Дальнего Востока русскими, идея-фикс не оставляет в покое П. М. Коллинса. Заручившись поддержкой и необходимыми сопроводительными письмами Президента США Франклина Пирса, госсекретаря Уильяма Лернда Марси и российского посла, П. М. Коллинс 24 марта 1856 года был назначен коммерческим представителем США на реке Амур. Со всеми необходимыми документами 12 апреля 1856 года он отправляется в Санкт-Петербург, чтобы заручиться поддержкой влиятельных особ для путешествия по территории России с запада на восток [7, с. 1–2]. При этом П. М. Коллинс выдвигает в Сибири ряд коммерческих проектов поистине сибирских масштабов.

Сам себя П. М. Коллинс называет первым американцем, пересекшим Сибирь и сплавившимся по Амуру. До него аналогичная попытка предпринималась американцем Джоном Ледиардом в 1787–1788 гг. Участник экспедиции Кука, Ледиард предполагал, преодолев Сибирь через Камчатку и северо-за-

падное побережье Северо-Американского континента, возвратиться в Соединённые Штаты. Однако излишний интерес со стороны Д. Ледиарда к положению дел в Сибири и на Дальнем Востоке вызвал подозрения со стороны администрации и путешественника, добравшегося до Якутска, отправили обратно к западной границе России [4, с. 311–313].

Прибыв в Кронштадт 17 мая 1856 года с первым пароходом, П. М. Коллинс, как он пишет, оказался единственным пассажиром на его борту. Главной задачей коммерческого представителя на этом этапе стало согласование поездки и получение разрешения от правительства на пересечение Сибири и сплав по Амуру. Встретиться с генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым-Амурским, без чьего согласования поездка не мыслима, Коллинсу удалось лишь в августе 1856 года. Ожидания для П. М. Коллинса более чем оправдались: Н. Н. Муравьев пообещал со своей стороны всяческую поддержку в путешествии и рекомендовал выехать зимой по более комфортному санному пути. Генерал-губернатор предложил П. М. Коллинсу свою компанию, сообщив, что отправится в Иркутск в ноябре. Москву П. М. Коллинс покинул 3 декабря 1856 года, успев посетить в сентябре коронацию Александра II. В путешествии компанию ему составил американец Пэйтон и офицер Н. Н. Муравьева Анаков. От генерал-губернатора Восточной Сибири П. М. Коллинс получил подорожную за личной подписью и печатью, гарантирующую право свободного проезда, правовую защиту и оказание всяческого иного содействия в случае необходимости. По словам П. М. Коллинса, вскоре выяснилось, что документ обладал просто магическими свойствами в устранении трудностей и препятствий, возникавших в пути: “passport, which we soon found was of almost magical efficiency in smoothing down difficulties and removing obstacles on the road” [7, с. 5–8].

Чувство благодарности к генералу-губернатору Н. Н. Муравьеву-Амурскому П. М. Коллинс начинает выражать с посвящения книги и не перестаёт это делать на протяжении всего её текста. Отмечая его содействие путешествию, указывая, что иногда не в силах понять происходящее, все проявления внимания и обходительности со стороны местных властей он приписывал заслугам «нашего друга и палочки-выручалочки – генерала Муравьева», при этом сравнивая силу возможностей Муравьева в Сибири с

волшебной лампой Аладдина (“...I attributed the whole affair to the magic wand of our friend, General Mouravieff; which, in Siberia, is almost equal in potency to the lamp of Aladdin...”) [7, с. 70]. Естественно, местные власти на местах заранее оповестили о прибытии иностранца и на протяжении всего пути ему оказывали всяческую поддержку.

Проделав путь по маршруту Москва – Нижний Новгород – Екатеринбург – Омск – Иркутск, П. М. Коллинс 5 февраля 1857 года пересекает Байкал, следуя в Кяхту [7, с. 64–67], где в составе делегации русских чиновников и торговцев посещает Праздник фонарей в Маймачене. Чтобы избежать дополнительных объяснений и вопросов от принимающей китайской стороны, П. М. Коллинса представили как купца из Санкт-Петербурга. Сам Коллинс иронизировал по этому поводу: «чтобы взглянуть на Праздник фонарей, я готов был на время отказаться от гражданства» (“I was perfectly willing to forego my nationality for the time, in order to attend the Feast of Lanterns”) [7, с. 73]. В целом стоит отметить, что текст издания местами походит на приключенческий роман и не лишён ироничных оборотов. В частности, по поводу образовавшихся на Байкале трещин и полыней автор иронизирует: «Как неприятно принимать ванну в ледяных водах, да ещё и в двадцати милях от берега» (“It would have been unpleasant to take a bath in such icy waters twenty miles from land”) [7, с. 65]. Описывая многочисленные торговые лавки в Маймачене, П. М. Коллинс вновь создаёт аллюзию на тему «Тысячи и одной ночи»: «...Фарфоровые чаши и вазы, лакированные шкатулки, безделушки и прочие заморские диковинки из Пекина и Нанкина, Мукдена и Кантона; мускус из Тибета и шали из Кашмира, рубины и гранаты, жемчуг и опалы из Бухары, Кабула и Балха...» [7, с. 72]. Несомненно, подобные ассоциации свидетельствуют, что путешествие для автора стало одним из значительных событий в его жизни.

Из Кяхты П. М. Коллинс на некоторое время возвращается в Иркутск, где его покидает мистер Пэйтон, отправившийся обратно в США через Москву, а сам он, продолжая путь на восток, к своей цели, посетив Петровский Завод и Верхнеудинск, прибывает в Читу. Здесь гостя ожидали, и, как писал П. М. Коллинс, – не с пустыми руками: «Ещё до моего отъезда из Москвы генерал Муравьев написал генералу Корсакову о прибытии американского гостя, и попросил

его подарить один из колокольчиков – первому американцу, пересекающему Алтай и побывавшему в его провинции» (“Previous to my leaving Moscow, General Mouravieff had written to General Korsackoff that the Americans were coming, and told him to give one of those bells – ... to the first American who should cross the Altai and penetrate into his province”) [7, с. 142]. Речь идёт о ритуальном серебряном буддийском колокольчике.

Проявляя интерес к местному религиозному культу, но оставаясь предпринимателем, П. М. Коллинс встречается под Читой с буддийским ламой. Описанная в одной из глав книги встреча прекрасно иллюстрирует предприимчивый характер автора, несмотря на «сказочное» окружение, не терявшего деловую хватку. Подчёркивая финансовые возможности буддийского населения, П. М. Коллинс сообщает о востребованности паломнического пути по Амуру, затем на океанских судах вдоль китайского побережья, через Калькутту в Тибет (sic! – прим. авт.) [7, с. 140]. В таком изложении чётко можно усмотреть маркетинговый ход, направленный на привлечение потенциальных инвесторов планируемого паромства из числа американских читателей. Если в самой встрече П. М. Коллинса с ламой (учитывая широту его интересов) можно не сомневаться, то текст приведённой беседы, мы полагаем, не лишён некоторой степени «авторской обработки».

В Забайкалье П. М. Коллинс посещает рудные шахты Нерчинска, Зерентуйска и Онона. Весьма предприимчивый и деятельный в коммерческом отношении П. М. Коллинс выдвигает целый ряд масштабных проектов: железной дороги Иркутск – Кяхта – Чита [7, с. 383]; Американской паромной компании на Амуре [7, с. 139–142], а позже и линии межконтинентальной телеграфной связи через Сибирь, Берингов пролив и Аляску [5].

Общение с русскими и китайскими торговцами не прошли даром. В отдельной главе «Торговля и ресурсы Сибири» П. М. Коллинс подчёркивает существование устойчивых 200-летних русско-китайских связей, отмечая, что подписание Айгунского договора обеспечивает «новую либеральную основу» для дальнейшего тесного развития отношений между двумя странами [7, с. 381]. Стоит напомнить, что в это время иную политику по отношению к Китаю проводили европейские державы. Прямым её следствием явилась вторая опиумная война (1856–1860 гг.) и тайпинское восстание (1850–1864 гг.). В то время, когда европейские государства военными

методами открывали для себя рынки Китая, П. М. Коллинса в составе русской делегации тепло встречали китайские власти Маймачена. Таким образом, можно усмотреть, что П. М. Коллинс подталкивает к очевидной мысли – зачем настраивать против себя китайское население, когда можно использовать устоявшиеся и проверенные временем российско-китайские связи. В журнале *Hunt's Merchant Magazine commercial review* в статье «Исследование реки Амур» сообщалось, что по предварительным подсчётам, потенциальный рынок Сибири, Амура, Монголии и Маньчжурии даст двадцать миллионов долларов в год, что составит одну треть от суммы потребляемых в Соединённых Штатах товаров [8]. Интерес российской стороны заключался в наращивании поставок в толькo что приобретённое по Айгунскому договору Приамурье товаров, необходимых для его дальнейшего освоения.

В транспортном проекте П. М. Коллинса Чите отводилась роль связующего узла двух путей – железнодорожного и водного. В книге приводится текст писем с предложением по созданию железной дороги, написанных П. М. Коллинсом в марте 1857 года, во время его пребывания в Чите и адресованных военному губернатору Забайкальской области М. С. Корсакову и Н. Н. Муравьеву-Амурскому [7, с. 382–390]. Для строительства железной дороги на правах концессии П. М. Коллинс предложил создать акционерное общество “The Amoor Railroad Company”. Конечно, ни М. С. Корсаков, ни Н. Н. Муравьев-Амурский не имели полномочий для самостоятельного решения этого вопроса, насколько бы целесообразным они его не считали. Как указывает в своей работе Л. Н. Гарусова, «проект Коллинза стал первым в череде других, аналогичных ему планов транспортной модернизации Сибири, отвергнутых российским правительством» [2, с. 24; 3]. Каким бы заманчивым не являлось это предложение, создание транспортного пути снижало зависимость Дальнего Востока от метрополии, чего не могло допустить российское правительство.

После сплава по Ингоде и далее к устью Амура, которого П. М. Коллинс достиг 10 июля 1857 года, он возвращается в США, где в марте 1858 года представляет отчёт в Государственный департамент о торговых возможностях и перспективах Сибирского рынка, пытаясь вызвать бум интереса Америки к Сибири [8]. Не получив желаемого эффекта, П. М. Коллинс выдвигает проект

межконтинентального телеграфа, который оказывается для него более успешным. Он второй раз отправляется в Россию. Новым проектом П. М. Коллинсу удаётся заинтересовать правительства США, России и Англии [6]. Содействие в продвижении идеи межконтинентальной линии связи оказывает сам «отец телеграфа» С. Морзе [1, с. 44]. Не удивительно, что проект привлек внимание президента Western Union Telegraph Company Х. Сибли [6], которому П. М. Коллинс перепродаёт право концессии. Надо заметить, что весьма удачно – с прокладкой трансатлантического кабеля проект телеграфа через Берингов пролив потерял свою актуальность, и Х. Сибли понёс значительные финансовые потери [1, с. 44].

Безусловно, П. М. Коллинс преследовал, в том числе, и личную выгоду, но нельзя не видеть в его проектах характерный масштабный подход, в основе которого формирование единого, общего пространства и изменение мира с помощью транспортно-логистических и информационных путей. В настоящее время, благодаря развитию и реализации схожих идей на практике, автор данной статьи в своей работе (как и многие другие исследователи) может опираться, в том числе, и на зарубежные источники. На наш взгляд, кипучая деятельность, да и сама личность П. М. Коллинса заслуживает более значительного и детального исследования со стороны отечественных историков.

Список источников и литературы

1. Волмар К. Транссибирская магистраль. История создания железнодорожной сети России / пер. с англ. О. И. Сергеевой; предисл. и примеч. Д. Д. Зелова. М.: Кучково поле: Русская история, 2016. 272 с.
2. Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения: исторические аналогии и параллели // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2007. № 4. С. 21–26.
3. Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность [Электронный ресурс] // ВГУЭС. Режим доступа: https://www.abc.vvsu.ru/books/m_rosamo/page0004.asp#_ftn55 (дата обращения: 30.04.2018).
4. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. М.: Междунар. отношения, 1997. 480 с.
5. Константинов М. В., Постников А. В. Международный телеграф [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <http://www.ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=8577> (дата обращения: 30.04.2018).
6. Постников А. В. Продажа Аляски и международная телеграфная экспедиция // Вопросы истории, естествознания и техники. 1997. № 1. С. 3–38.
7. Collins Perry McDonough. A voyage down the Amoor: with a land journey through Siberia, and incidental notices of Manchooria, Kamschatka, and Japan. New York: D. Appleton and Company, 1860. 390 p.
8. Explorations of the Amoor River // Hunt's Merchant Magazine Commercial review. 1858. Vol. 39. Pp. 176–182.
9. Perry McDonough Collins [Электронный ресурс] // Информационный портал «Встречи у границ». Режим доступа: <http://www.frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfpercep/perceptcollins.html#rustxt> (дата обращения: 30.04.2018).

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Роман Артурович Евтехов,

*Колледж современных технологий им. Героя Советского Союза М. Ф. Панова,
г. Москва, Россия*

Ольга Анатольевна Малыгина,

*Институт Внутренней Азии Бурятского государственного университета,
г. Улан-Удэ, Россия*

Управленческая система Забайкальской области после введения должности военного губернатора во второй половине XIX века¹

В докладе рассматривается вопрос трансформации административно-управленческого аппарата Забайкальской области после внедрения системы военного губернаторства. Институт военного губернатора предполагал качественно изменение административных органов управления в регионе с целью их полного подчинения единому центру. В результате все основные ветви администрации были сосредоточены в руках губернатора, что по мнению законодателей той эпохи давало максимальную мобильность управления.

Ключевые слова: Забайкальская область, административно-управленческий аппарат, военный губернатор, полицейские органы, региональное управление

Roman A. Evtekhov,

*College of Modern Technologies named after Hero of the Soviet Union M. F. Panov,
Moscow, Russia*

Olga A. Malygina,

*Institute of Inner Asia, Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Administrative System of the Transbaikal Region after Introduction of the Position of the Military Governor in the second half XIX centuries

The report examines the transformation of the administrative and administrative apparatus of the Transbaikal region after the introduction of the military governorship system. The Military Governor's Institute assumed a qualitative change in the administrative authorities in the region in order to fully subordinate them to a single center. As a result, all the main branches of the administration were concentrated in the hands of the governor, which, according to the vision of the legislators of that era, gave the maximum mobility of management.

Keywords: Zabaikalsky region, administrative and administrative apparatus, military governor, police bodies, regional administration

Забайкальский регион с момента своего присоединения к России, как и всё восточное пограничье, имел своеобразные особенности на фоне других сибирских регионов. К середине XIX в. эти особенности игнорировать стало невозможным. Ссылка приобретала всё большие масштабы, положение становилось угрожающим. Учитывая значитель-

ную удалённость региона и его трансграничность, было принято решение о создании особой области.

11 июля 1851 г. «из Забайкальских округов Иркутской губернии: Верхнеудинского за исключением Троицкосавска и слободы Кяхтинской и Усть-Кяхтинским с прилегающим к ним землям и Нерчинского» была обра-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта на проведение инициативных научных исследований ФГБОУ ВО Бурятского государственного университета № 18-09-0502 «Основные направления деятельности Забайкальского областного аппарата в условиях трансграничья (вторая половина XVIII – нач. XX в.)».

зована Забайкальская область с центром в г. Чита [9]. Новый регион получил упрощённую и, соответственно, более вертикальную систему управления.

Административный аппарат области составили военный губернатор, одновременно он являлся наказным атаманом Забайкальского казачьего войска, областное правление, канцелярия губернатора, областной прокурор, землемер и инспектор по медицинской части. Областное правление исполняло роль высшей исполнительной власти в Забайкалье, подчинявшейся непосредственно генерал-губернатору и совету ГУВС (до 1884 г.). Забайкальское областное правление состояло из вице-губернатора, старшего советника, трёх советников и ассессора [3, л. 79–94 об.]. Советники заведовали отделениями областного правления, управляли в качестве начальников отделений канцелярией губернатора, и они же были членами общего присутствия (губернаторского совета). Все дела в общей канцелярии военного губернатора и областном правлении распределялись между тремя отделениями. Они ведали делами областной полиции; здесь же было сосредоточено делопроизводство по всем хозяйственным и социальным вопросам – народному продовольствию, земской и дорожной повинностям, общественному призрению и иным делам губернского правления, казённой палаты и управления государственными имуществами. К предметам ведения областного правления также относился и рекрутский набор [5, с. 41]. Ведомство дел пограничных и управление казачьим сословием определялось особым положением.

Делопроизводство велось в порядке, установленном для сибирских губерний. Однако в Забайкалье упрощённая схема губернского управления вела к противоречиям в делопроизводстве. Общий порядок рассмотрения дел предполагал отмену вышестоящей инстанцией решения, принятого на нижнем уровне. В сибирских губерниях дело рассматривалось несколькими лицами: губернное правление – общее губернное управление – губернский совет с участием председателей губернаторских присутственных мест [3, л. 79–94 об.]. Суть системы, существовавшей в Забайкальской области, заключалась в том, что все ступени администрации имели один и тот же состав чиновников: областное правление – общее областное правление, что делало апелляцию недозволенной бессмысленной. Поэтому военный

губернатор направлял дело на рассмотрение в ГУВС, из чего следует, что высшее руководство области даже в рамках такой упрощённой системы считало необходимым наличие инстанционного разделения, предполагавшего фактическое рассмотрение дел. К примеру, чтобы председатель и два советника рассматривали и подписывали дела по делам губернского правления, а два других советника рассматривали бы только дела по делам казённых палат. В этом случае для общего присутствия привлекался бы только вице-губернатор, областной прокурор, старший советник и советник того отделения, по которому рассматривается дело.

Прямое подчинение Иркутскому генерал-губернатору почты, народного просвещения и акцизного управления Забайкалья создавало сложности для областного правления, так как принятие совместного с этими ведомствами решения требовало обращения в Иркутск. Поэтому военные губернаторы неоднократно выходили с предложением создания отдельных областных ведомственных управлений. В Забайкальской области было два окружных акцизных управления, наблюдавших за торговлей алкоголем, но их надзор признавался местными властями неэффективным. Для управления врачебной частью в области был учреждён инспектор медицинской части, что признавалось неудобным и предлагалось образовать по примеру европейской России врачебное отделение.

Полиция с созданием области не претерпела значительных изменений. Почти в каждом городе сохранялись в том или ином виде отдельные городские полиции, кроме земских в округах, появилась новая – в г. Чите как областном центре, определённые изменения в связи с созданием Кяхтинского градоначальства коснулись городской полиции Троицкосавска.

Судебные дела в Забайкальской области находились в ведении забайкальского окружного суда, который по исковым и тяжёлым делам представлял собой первую, по уголовным делам – вторую степень суда. В Верхнеудинске, Нерчинске и Троицкосавске с учреждением городских ратуш исковые, тяжёлые и уголовные дела между мещанами и купцами отнесены к суду первой степени. Все полицейские учреждения области также имели право суда по маловажным проступкам лиц известного звания и по преступлениям ссыльных. Суд над инород-

цами происходил в соответствии с нормами обычного права, кроме случаев, изложенных в ст. 1155 «Устава о судопроизводстве». Для особого рода дел учреждалась комиссия военного суда.

Городское управление вплоть до 1875 г. – введения нового «Городового положения», осуществлялось городскими ратушами и словесными судами. Участие в общественных собраниях принимали только лица городских сословий, взаимоотношения с администрацией ограничивались утверждением росписей и наблюдением за правильностью расходов, назначаемых по ним сумм, поступлением дохода, за правильным производством дел, утверждением общественных приговоров и публичных торгов, изысканием средств усиления городского дохода. При этом военно-губернская власть, стремясь улучшить состояние городского хозяйства, была заинтересована в скорейшем введении городского положения, в надежде на активизацию участия в общественных делах обывателей городов, которые ранее старались избегать материальных затрат, молчаливо перекладывая их на начальство.

С образованием Забайкальской области были упразднены окружные управления, канцелярские служащие которых были переведены в Забайкальское общее окружное управление [2, л. 20]. Особое устройство в регионе имели Нерчинский округ – основное место каторги и г. Троицкосавск – пункт приграничной торговли. Последний и слободы Кяхтинская и Усть-Кяхта вошли в состав Кяхтинского градоначальства, во главе которого был поставлен градоначальник, действовав-

ший на правах губернатора. В 1863 г. Кяхтинское градоначальство было упразднено, заведывание слободой было передано полицейскому управлению, подчинённому Забайкальскому правлению.

С созданием окружного суда в г. Чите был упразднён Верхнеудинский окружной суд [2, л. 1 об.]. Постепенно эти процессы коснулись и городских ратуш (Верхнеудинской, Нерчинской и Кяхтинской), функции суда в 1864 г. были переданы в Забайкальский окружной суд, хотя приговоры по мелким проступкам продолжали выноситься ратушами вплоть до их полного упразднения в 1875 г. с введением городского управления в Забайкальской области. Городами Баргузин, Селенгинск и Акша управляли словесные суды [1, л. 5–9].

Созданием отдельного региона с собственным губернским управлением был реализован проект создания обособленной, самостоятельной административно-управленческой единицы за Байкалом, необходимость в которой назрела давно. Несмотря на значительные противоречия, новое устройство являлось передовым для того периода и позволило решить определённые геополитические и стратегические задачи. Кроме этого, военный губернатор, обладая широкими полномочиями и правами, был гарантом разрешения конфликтов не только общества, но и властных структур. Благодаря институту военного губернатора предполагалось решать проблемы и противоречия законодательства, что он делал в соответствии со своим видением ситуации и целесообразности.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7512.
2. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 86.
3. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 24. Оп. 10. Д. 219.
4. Дроботушенко Е. В. Китай в геополитических устремлениях России в XVII – начале XX в. // История в подробностях. 2011. № 12. С. 62–65.
5. Кальмина Л. В., Малыгина О. А. «Блюстителю неприкосновенности»: институт военного губернатора Забайкальской области. Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2016. 184 с.
6. Малыгина О. А., Евтехов Р. А. Projects for the Administrative Transformation of Military Governors in the Trans-Baikal Transboundary Area (second half of the XIX century) // Былые годы. 2018. № 47. С. 242–250.
7. Малыгина О. А. Геополитическая стратегия усиления позиций Российской империи в Забайкалье в середине XIX в. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 47–49.
8. Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 13. С. 26–33.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. 1851. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1852. Т. XXVI, № 25394. 803 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)52

Алексей Владимирович Мясников,
Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия

Медицинское обслуживание на Карийских золотых приисках в XIX – начале XX века

В статье на основе ранее не опубликованных архивных источников освещена история становления медицинского обслуживания на Карийских золотых промыслах. Особое внимание уделено борьбе с тифом, цингой, которые в XIX в. были наиболее распространёнными заболеваниями приисковых рабочих. Показана деятельность докторов А. Е. Ризенкампа и Г. Л. Кржиwickого.

Ключевые слова: Карийские золотые прииски, история медицины, эпидемии

Alexey V. Myasnikov,
State Archive of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia

The Medical Service in the Carian Gold Mines in XIX – the beginning of XX centuries

The history of the formation of medical service in the Carian gold mines is described in this article on the basis of previously unpublished archival sources. Special attention is paid to the fight against typhus, scurvy, which were the most widespread diseases of mine workers in the XIX century. Also the author of the article shows the activity of doctors A. E. Rizenkampf and G. L. Krzywicki.

Keywords: Carian gold mines, the history of medicine, epidemics

В 1838 г. горный инженер Антон Иванович Павлуцкий открыл на речке Каре, притоке Шилки, богатейшую золотоносную россыпь. Это открытие дало начало знаменитым карийским промыслам. В первые годы горная администрация края направляла туда рабочих – вольных и ссыльнокаторжных, которые должны были добывать золото, строить жильё. В начале 1850-х гг. по проекту горного инженера И. Е. Разгильдеева на Кару из разных уголков края было переброшено сотни людей.

Тяжёлые изнурительные работы, суровый климат, отсутствие хорошего жилья негативно сказывались на здоровье карийцев. На приисках периодически вспыхивали эпидемии, уносившие сотни и даже тысячи жизней. Поэтому горное начальство было озадачено улучшением медицинского обслуживания рабочих Кары.

На Карийских промыслах ещё при Павлуцком начали строить лазареты. В 1846 г. на Нижне-Карийском промысле за здравоохранение отвечали 4 лекарских ученика.

На Верхнем промысле состоял всего один лекарский ученик. Лекарь здесь был редким гостем.

Летом 1850 г. на Каре были зафиксированы первые случаи заболевания тифом. Однако тогда им никто не придал серьёзного значения. Осенью болезнь приняла характер эпидемии. Управляющий медицинской частью Нерчинских заводов статский советник Негодяев констатировал: «С внезапным появлением около середины октября месяца жестоких морозов, последовало быстрое и непомерное умножение числа заболевающих этой горячкой» [2, л. 316 об.–317]. Он также отметил, что в лазаретном отделении Нижней Каре больные лежали в тесноте, не имели постельного белья и одежды. Многие из них спали на голых нарах или тюфяках, «ничем не набитых». Больным арестантам для приготовления пищи отпускали мясо без крупы и чёрный хлеб.

Тифом заболели не только рабочие, но и чиновники, медицинские служащие. Так, к концу ноября на Нижне-Карийском промысле

тиф был диагностирован у всех 5 лекарских учеников. Из них к 11 декабря на поправку пошли трое. На Верхнем промысле умерло двое учеников, двое болели [8, с. 113].

Негодяев просил начальника Нерчинских заводов снабдить карийские лечебные заведения пшеничной и овсяной мукой, китайским сахаром, крупой и семенем конопли. Вдобавок он предлагал построить новые палаты, организовать уход за больными, соорудить для их перевозки специальные тёплые повозки, прислать из Нерчинского Завода 150 халатов, бельё и как можно больше холста и сукна для шитья халатов и постельных принадлежностей. Его просьба была удовлетворена. В ноябре 1850 г. на Карийские промыслы поступили 22 простыни, 82 фартука, 57 пар чулок, 50 колпаков, 87 пододеяльников, 150 халатов, а также съестные припасы [3, л. 280].

Существенный вклад в борьбу с эпидемией внёс лекарь и друг Ф. М. Достоевского Александр Егорович Ризенкампф, служивший на Нерчинских заводах с 1848 г. Работая на Каре, он наблюдал развитие эпидемии, пытался найти способ лечения болезни. Рапортуя Негодяеву об эпидемиологической обстановке, он перечислил, что считает главными факторами быстрого распространения тифа: «внезапное появление в октябре месяце жестоких морозов, скопление народа в большом числе, недостаток удобного помещения этому народу, недостаток тёплой одежды охраняющей от простуды, неудобное стеснённое устройство на Карийских промыслах больничных помещений» [3, л. 270–271]. Александр Егорович подробно описал течение болезни: «Горячка сия при появлении своём обыкновенно бывает свойства воспалительного, нередко гастрического; тифозный характер большею частию развивается через несколько дней существования ея (обыкновенно на 3-ий или 4-ый), он проявляется бредом, спячкою, кровотечениями, нервными припадками; тифозный процесс локализуется большею частию на четырнадцатый или на двадцать первый день болезни, то на внутренних органах, производя чахотку, нарывы лёгких и печени, желтуху, параличи, эпилепсию, поносы, то наружных, производя гангрены, нарывы на коже, поты; исцеление всегда бывает медленно и продолжительно» [3, л. 270 об.–271].

Ризенкампф в соответствии с перечисленными симптомами проводил лечение противовоспалительными, успокаивающими

и слабительными средствами, но с сожалением признавал, что не нашёл специфических средств [3, л. 271]. Во время эпидемии Александр Егорович, стараясь помогать страждущим, сам дважды переболел тифом.

Опираясь на данные Ризенкампфа и собственные наблюдения, Негодяев настаивал на смягчении режима работ и рекомендовал не выпускать рабочих на мороз без тёплой одежды и обуви. Начальник заводов И. Н. Ковригин приказал управляющему золотыми промыслами И. Е. Разгильдееву по возможности смягчить работы и действовать в соответствии с рекомендациями врачей. Тогда же на Кару был командирован лекарь Орлов и два лекарских ученика.

Весной 1851 г. эпидемия прекратилась. Сведения о ней генерал-губернатор Н. Н. Муравьев приказал изучить доктору Юлию Ивановичу Штубендорфу, который представил ему подробную записку о тифе на Карийских промыслах. В 1852 г. Муравьев переслал её начальнику Нерчинских заводов. В записке излагались причины заболевания и меры борьбы с ним. Доктор Штубендорф, вслед за Негодяевым и Ризенкампфом, предлагал улучшить питание, не изнурять рабочих, снабжать их одеждой [1, л. 75–86].

Кроме тифа, у населения Кары часто фиксировались случаи заболевания цингой. К примеру, с апреля по июнь 1851 г. в трёх лазаретных отделениях Карийских промыслов находилось свыше тысячи цинготных больных. Специально для этой категории пациентов генерал-губернатор Н. Н. Муравьев рекомендовал построить отдельный лазарет.

В качестве противочинготного средства медики Нерчинских заводов использовали местные лекарственные растения. Больным давали препараты, изготовленные из почек и хвои сосны, плодов шиповника. Особые надежды при лечении и профилактике цинги врачи возлагали на черемшу. Им хорошо было известно, что жители долин Хилка и Чикоя успешно противостояли болезни, питаясь этим растением. Однако в Восточном Забайкалье, где находилась большая часть Нерчинских рудников и приисков, черемша не встречалась. Начальник Нерчинских заводов Оскар Александрович Дейхман распорядился заготавливать черемшу в окрестностях Петровского Завода. Обычно собранную черемшу засаливали и в таком виде отправляли в Нерчинско-Заводскую аптеку, откуда её рассылали по золотым промыслам. Но лекарь Карийских золотых промыслов Ловиц-

кий считал, что от солёной черемши больше вреда, нежели пользы. Лекарь Негодяев придерживался сходного мнения и предложил испытать лекарственные свойства сушёной черемши [4, л. 1947 об.].

Дейхман, прислушавшись к мнениям специалистов, приказал выяснить, «не полезнее ли будет употреблять в пищу рабочим людям, вместо солёной сушёной черемши» [4, л. 1946 об.]. В течение в 1857–1858 гг. на разных приисках края лекари изучали эффективность лечения цинги сушёной черемшой. Результаты были противоречивыми. Одни врачи утверждали, что польза от такого средства невелика, а другие считали, что оно действительно оказывает положительный эффект. Управляющий лазаретами Шилкинского округа лекарь Генрих Людвигович Крживицкий, в ведении которого находились и лазареты Кары, был удовлетворён исследованиями. Вот что он сообщал об итогах своих медицинских опытов: «Я делал опыты лечения больных цынготных сухою черемшою, а по опытам оказалось действие оным довольно удовлетворительным хотя и медленным, опухоли, затверделости и багровые пятна проходили довольно скоро от примочки, сделанною с сей травы декокта (отвара – *примеч. авт.*), раны проходили медленно от припарок оной же, т. е. из оставшегося отвара после декокта, но очищались довольно скоро и принимали лучший вид; зубная боль и повреждения десен проходили довольно скоро, после полоскания помянутым декоктом... словом можно сказать, что хотя действие черемши вообще медленное, но однозначно полезное» [4, л. 1975 об.].

В конце 1850-х гг. в Усть-Каре работало лазаретное отделение, предназначенное для цынготных больных. Оно было рассчитано на 180 пациентов и имело просторные палаты, которые плохо отапливались. Больные жили здесь в тёплое время года. Им полагались отдых, прогулки на свежем воздухе, усиленное питание. Тяжелобольные переводились в Нижне-Карийское лазаретное отделение. В нём помещалось до 130 коек. При отделении имелись кухня, прачечная и баня. Неподалеку стояла аптека.

Помимо тифа и цинги, на Каре были распространены кожные заболевания, спровоцированные антисанитарией, неустроенностью домашнего быта. Обычными были производственные травмы. Каторжане, чтобы получить хотя бы короткую передышку от работ, нередко наносили себе увечья.

Рабочие и каторжные, если чувствовали себя плохо, заявляли перед раскомандировкой на работы о недомоганиях смотрителям или сотенным, которые направляли их в лазарет. Здесь их осматривали. В случае необходимости оказывали медицинскую помощь, прописывали лекарства, могли рекомендовать освободить от работ. Симулянтов, – а их было немало – направляли обратно. С подобными обманщиками начальство поступало сурово: их секли розгами, садили в карцер. Лекарь, принимавший жалобщиков, обязан был записывать результаты их осмотра в особую тетрадь.

В 1873 г. Кару вновь охватила эпидемия тифа. Врач и писатель В. Я. Кокосов был свидетелем того, как десятки людей ежедневно умирали в лазарете. В том же году в тюрьме на Нижней Каре для больных цингой было открыто новое отделение на 150 кроватей [7, с. 29].

Судя по рапортам лекарей, в конце XIX – начале XX в. на Карийских промыслах рабочие часто страдали от простудных болезней, фиксировались случаи заболевания оспой, корью, туберкулезом. Нередко в карийские лазареты попадали люди с обморожениями, ожогами, ранами. Больным, не нуждавшимся в госпитализации, оказывалась помощь на дому. Местные медики активно вели борьбу с инфекционными заболеваниями, регулярно ставили прививки от оспы.

По материалам инспекторской проверки лазарета Нижней Кары, проведённой в 1912 г., выяснилось, что ежедневно в нём проходят лечение около 40 амбулаторных больных. При этом здесь не было перевязочной и операционной. Для лазарета требовались: хирургический стол, скамья для обследования больных, стойка для бутылей с дезинфекционными растворами, хирургические инструменты [5, л. 6 об.].

К 1917 г. многие из указанных недостатков удалось ликвидировать. В лазарет привезли хирургические инструменты, оборудовали операционную и перевязочную. Впрочем, само здание лазарета было старым и холодным, но содержалось в чистоте [6, л. 296–296 об.].

Следует заметить, что медицинские учреждения на других золотых промыслах начала XX в. мало чем отличались от карийского лазарета. Это заведение, хотя и имело ряд недостатков, но было единственным местом, где жители приисковых посёлков могли получить медицинскую помощь.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 1648.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1951.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1961.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2799.
5. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1058.
6. ГАЗК. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1992.
7. Кокосов В. Я. На Карийской каторге. Чита: Чит. кн. изд-во, 1955. 156 с.
8. Патронова А. Г. «Разгильдеевщина» // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. Вып. 1. С. 108–116.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2Рос-4Чит)53

Мария Ивановна Гантимуrowa,

*Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

**Источники по генеалогии инородцев в XIX – начале XX века
в фондах Государственного архива Забайкальского края**

В статье представлен краткий обзор источников по истории инородцев Забайкалья за период XIX – начала XX в., которые хранятся в Государственном архиве Забайкальского края. Отмечаются особенности выявления документов по указанному вопросу. Среди основных видов источников выделяются: ревизские сказки, материалы Всероссийской переписи населения 1917 г., послужные списки и т. д.

Ключевые слова: генеалогия, архивные источники, Забайкалье, ревизские сказки, перепись населения

Mariya I. Gantimurova,

*State Archve of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia*

**Sources on Genealogy of Foreigners of the 19th and early 20th centuries
in the Funds of the State Archives the Transbaikal Region**

The article provides a brief overview of sources on the history of foreigners of the Transbaikalia during the period of the 19th and early 20th centuries, which are stored in the State Archives of the Zabaikalsky kray. The specifics of identifying documents on this issue are noted. The main types of the sources are: Revision lists, materials of the Allrussia population census of 1917, records, etc.

Keyword: genealogy, archival sources, Transbaikalia, Revision lists, population census

Генеалогические исследования в последние годы вызывают всё больший интерес. Не только история известных личностей становится объектом изучения. Актуальным является представление и интерпретация данных по истории малой родины, отдельных семей, роли человека в истории. Но среди исследователей, занимающихся поиском сведений по истории своей семьи, часто наблюдается попытка собрать документы только из метрических книг, т. е. о рождении,

бракосочетании, смерти. Как и в любом исследовании, в такой ситуации необходим комплексный подход в изучении родословной, расширение круга источников, интервьюирование родственников, знакомых на предмет выявления первичных сведений (что тоже наблюдается очень редко среди обратившихся в архив).

В данной статье представлен краткий обзор и примеры источников Государственного архива Забайкальского края, которые могут

помочь в поиске сведений по генеалогии коренных народов Забайкалья. На основе архивных документов регулярно публикуются результаты исследований по истории вопроса как российскими учёными и краеведами, так и зарубежными. Можно выделить труд А. В. Соломина, в котором рассматривается история происхождения рода Гантимуровых, родственных связей, описаний владений и т. д. [23]. В научных работах Р. Г. Жамсарановой приводятся данные о происхождении, расселении коренных народов, численный состав, вероисповедание и т. д. [21; 22].

В Государственном архиве Забайкальского края наиболее востребованными являются документы, связанные с восстановлением родословных казачьего и крестьянского сословий второй половины XIX – начала XX в. Большой проблемой остаётся выявление сведений по истории семей коренных народов Забайкалья, которые в документах определяются под терминами: «инородцы», «братские народы», «тунгусы», «буряты» и т. д. Архив располагает источниками с генеалогической и биографической информацией по истории инородцев, но не в полном объёме. Сложность заключается в том, что в случае, если инородцы не приняли крещение, то метрические данные выявить практически невозможно. А население шаманского и буддийского вероисповеданий чаще всего фиксировались только в статистических материалах. Таким образом, круг источников сужается. По мнению Р. Г. Жамсарановой, «к переписи 1858 г. почти всё тунгусское население было приведено в православие» [21, с. 14]. В метрических и исповедных книгах коренное население также фиксируется в конце XVIII – начале XIX в., но уже в большинстве случаев с русскими фамилиями и именами, данными при крещении. Факт принятия православия также отражается в метрической записи, в которой отмечались возраст, происхождение и т. д. Среди таких документов начала XIX в. можно выделить: «Метрическая книга ясажных новокрещённых тунгусских родов о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в 1810 году» [17]. Кроме того, сведения о смене фамилий и имён при крещении содержатся в таких документах, как «Дело о даче трёхлетней льготы инородцам за принятие ими святого крещения в 1859 г.» [12].

Базовыми источниками в составлении родословных инородцев по документам госархива дореволюционного периода выступают такие классические источники по генеалогии, как ревизии населения. Например,

документы ревизий хранятся в фондах «Нерчинский горный округ» (фонд № 31), «Забайкальское областное правление» (фонд № 1), «Урульгинская степная дума» (фонд № 29). В них содержится информация о составе семьи, возраст, название рода, название инородного ведомства, населённый пункт (в случае оседлости). Из наиболее ранних вышеуказанных источников можно выделить: «Ревизские сказки хоринских бурят и тунгусов Баргузинского округа» за 1795 г., «Ревизская сказка Баунтовских оленных эвенков» за 1813 г., «Ревизские сказки тунгусов Нерчинского уезда Иркутской губернии» за 1816 г. и др. [19; 18; 16].

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916–1917 гг. хранятся в фонде «Забайкальский областной статистический комитет», а в фонде «Забайкальское губернское статистическое бюро» находятся документы сельскохозяйственной переписи за 1923 г. В них содержатся сведения о составе семьи, имуществе.

Среди источников можно также выделить сведения о переходе из одного рода в другой, о смене ведомств, инородных управ [9, л. 49 об.–74; 13; 14; 15]. В документах инородных управ, степных дум представлены списки семей по населённым пунктам. Особо отметим отчётные документы инородных управ, где также находятся посемейные списки инородцев с их территориальной принадлежностью.

Формулярные и послужные списки – главные документы о службе чиновников гражданского и военного ведомств, а также канцелярских служащих, отложились в фондах «Забайкальское областное правление» (фонд № 1), «Военный губернатор Забайкальской области» (фонд № 13). В этих фондах представлены документы о назначении переводчиков, личные дела (урядника Тархаева, Гонбо-хана Чимытова, Санжиева, Доржиева, Абидуева Гармы Жимбеевича и др.), списки [4; 5; 8; 10; 11]. В указанных фондах находятся документы о выборах на общественные должности, в Государственную думу. Среди подобных источников можно выделить дела «Об утверждении инородцев в общественных должностях», в которых содержатся приговоры родовых старост на монгольском языке с русским переводом, образцы подписей, характеристики и списки претендентов в управы и инородных управлениях инородцев в 1890–1894 гг. [6; 7]. В фонде «Забайкальское областное правление», врачебное отделение также встреча-

ются дела о назначении на должности оспопрививателей. В них иногда встречаются и фотографии, и анкеты слушателей оспопрививательных курсов: Дойнхора-Жаб Очирова, Шири-Загда Базарова, Радна Ширапова и др. [1, л. 7; 2, л. 37; 3, л. 43].

Документы персонального учёта военнослужащих и военнообязанных представлены в фондах рекрутских и по воинской повинности присутствий. Например, в фонде Р-867 «Читинское уездное воинское управление» хранится «Дело со списками о призыве тунгусов, родившихся в 1898–1900 гг. Читинского уезда» за 1919 г. [20].

Кроме биографических сведений можно выявить интересную информацию об учебных успехах родственников, а также их фотографии в фондах учебных заведений, в таких как «Вторая Читинская женская гимназия» (фонд № 74), «Читинская мужская гимназия» (фонд № 61) и др.

Работа по исследованию родословных своих семей вносит большой вклад в воспитание патриотизма, восстановление исторической памяти. Круг источников постоянно расширяется. Отдельное внимание заслуживают документы XX в., где также можно выявить генеалогическую информацию.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1 (вр). Д. 251.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (вр). Д. 252.
3. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (вр). Д. 253.
4. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2316.
5. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2445.
6. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2802.
7. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2814.
8. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2879.
9. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 3314.
10. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 5449.
11. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 6507.
12. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 11870.
13. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 13246.
14. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 13630.
15. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 16136.
16. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 17513.
17. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 106.
18. ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 25.
19. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 351а.
20. ГАЗК. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 8.
21. Жамсаранова Р. Г. Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 3. С. 11–17.
22. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии. Чита: Экспресс-изд-во, 2013. 288 с.
23. Соломин А. В. Князья Гантимуровы. М.: Старая Басманная, 2013. 268 с.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2Рос-4Чит)531

Татьяна Ефремовна Санжиева,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Забайкальский период деятельности М. Н. Богданова: поиски и решения

Статья посвящена деятельности лидера национального движения бурят начала XX в. М. Н. Богданова в Забайкалье. Выдающийся политический деятель, инициатор создания Бурнацкома – первого легитимного органа управления всеми бурятами, автор концепции автономии бурят, член партии социал-революционеров, он многое сделал для демократизации общественного строя в Забайкалье после падения царизма. М. Н. Богданов был не только лидером национального движения, но и политическим лидером в масштабах Забайкальской области.

Ключевые слова: Забайкалье, политический лидер, национальное движение, Февральская революция, Гражданская война

Tatiana E. Sanzhieva,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia

Transbaikal Period of Activity M. N. Bogdanova: Search and Solutions

The article is devoted to the activities of the leader of the national movement of the Buryat beginning of the XX century M. N. Bogdanov in Transbaikalia. An outstanding political figure, the initiator of the creation of the Burnatskom – the first legitimate governing body of all Buryats, the author of the concept of autonomy of Buryats, a member of the party of social revolutionaries, he did a lot for the democratization of the social system in Transbaikalia after the fall of tsarism. M. N. Bogdanov was not only the leader of the national movement, but also a political leader in the Transbaikal region.

Keywords: Transbaikalia, political leader, national movement, February revolution, civil war

Первая четверть XX в. в истории Забайкальской области явилась временем появления общественно-политических движений и политических лидеров. В эти годы выделилась бурятская интеллигенция, взявшая на себя функцию выражения и защиты этнических интересов, функцию поиска оптимальных путей развития своего народа, функцию управления стихийного движения массы против существующего порядка. В их числе одно из первых мест занимает Михаил Николаевич Богданов (1878–1920).

Имя М. Н. Богданова, как и других организаторов национального движения начала XX в., стало широко упоминаться относительно недавно, поскольку советская историография отнесла их к разряду буржуазных националистов. Конец XIX в. и начало XX в. оказались для бурят чрезвычайно сложным периодом: административная реформа лишила их органов самоуправления – степных дум, земельная реформа привела к сокращению земельных угодий. В этих условиях передовые представители бурятской интеллигенции: М. Н. Богданов, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино и другие участвовали в организационном оформлении движения, в защиту национальных интересов.

Период с Февральской революции до 1920 г. стал самым плодотворным в общественно-политической деятельности М. Н. Богданова. Это был период реализации цели национального движения – автономизации бурят, выработанная им в 1905 г. Политическая деятельность М. Н. Богданова была посвящена не только национальным вопросам, но и демократическому движению в Забайкальской области.

М. Н. Богданов, уроженец улуса Укыр Идинской степной думы (ныне Боханский

район Иркутской области) – сын зажиточного бурята, получил образование в Иркутском городском училище. Затем поступил в Казанский учительский институт, завершив обучение в нём, он продолжил образование в Томском университете. Недолго проучившись в Томске, уехал в Петербург, затем в Берлин, где становится слушателем университета по вопросам философии права. Гонения на студентов-социалистов из России вынудили его переехать в Швейцарию, где он учится в Цюрихском университете. Вернувшись в Россию, М. Н. Богданов оказался в обстановке бурного подъёма национального движения, в которое он включился и стал активным участником. Перед тем, как оказаться в Забайкальской области, он прослушал лекции о кооперации в университете Шанявского (Петербург). В 1909–1913 гг. М. Н. Богданов работал в переселенческом управлении Минусинского уезда Енисейской губернии, куда его пригласил Н. Н. Козьмин. Вместе с профессором Козьминым они выполнили большую работу по статистико-экономическому изучению хозяйства и землепользования минусинских инородцев.

Забайкальский период жизни М. Н. Богданова начался в 1913 г., когда он стал помощником волостного писаря в Цугольской инородческой волости Забайкальской области и уполномоченным по земельным делам в Забайкальской области, одновременно служа в кооперации. Выбор района, где особенно были сильны традиционные национальные отношения, был не случаен, так как Михаил Николаевич стремился понять, какова реальная политика, общественная ситуация среди бурят.

С 1913 по 1917 г. он активно занимался публицистикой, основной темой которой

были земельные проблемы. Здесь им была написана «весьма обстоятельная, могущая считаться исчерпывающей докладная записка об основах поземельного устройства агинских и цугольских бурят» [5, с. 25].

6 марта 1917 г. в г. Чите по инициативе М. Н. Богданова и Э.-Д. Ринчино был сформирован Временный организационный национальный комитет – первый в истории бурятского народа общенациональный орган управления (впоследствии Центральный Бурятский национальный комитет – Бурнацком). В состав комитета вошли Ш. Б. Бадмаев, Ш. Б. Базаров, М. Н. Богданов, Н. Н. Намдаков, Э.-Д. Ринчино и С. С. Сампилов. М. Н. Богданов стал его председателем, а Э.-Д. Ринчино – секретарем [4, с. 2]. Комитету поручалось до созыва общенационального съезда представлять во всех общественных организациях. В частности, представителем в Забайкальский комитет общественных организаций был избран М. Н. Богданов.

Глубокое знание земельных отношений позволило М. Н. Богданову участвовать в разрешении этого вопроса в масштабах области. 15–22 апреля 1917 г. в Чите прошёл съезд представителей сельского населения Забайкальской области. Председателем съезда был избран представитель Агинской волости М. Н. Богданов. По земельному вопросу была принята резолюция, подготовленная М. Н. Богдановым: «1) вся земля (недра и воды) должны быть изъяты из монопольного владения частных лиц и из торгового оборота и объявлена общим достоянием всех народов, живущих в России; 2) отчуждение земель помещичьих, удельных, казённых, кабинетских, монастырских и частновладельческих в пользу народа должно быть произведено без выкупа; 3) вся земля передаётся в распоряжение народной власти, т. е. народного самоуправления центрального и местного, которое ведает распределением земель; 4) при распределении должно приниматься во внимание не только количество, но и качество земли, и каждый трудящийся должен получить земли столько, сколько ему нужно для удовлетворения своих потребностей и потребностей своей семьи» [3, с. 8].

На первом общепурятском съезде, состоявшемся 23–25 апреля 1917 г. делегат от Агинской волости М. Н. Богданов был избран председателем съезда. По основному докладу, сделанному М. Н. Богдановым, был при-

нят проект положения о национальной автономии. Съезд принял решение: «1) выделить бурят в особые аймачные административно-хозяйственные единицы, применительно к территории прежних степных дум; 2) предоставить аймакам право распоряжения земельными угодьями на их территории...» [2, с. 10], съезд постановил ввести аймаки явочным порядком. Бурнацком провел работу по разделению территории, населённой бурятами на аймаки, хошуны и сомоны/булуки.

После съезда М. Н. Богданов вплотную занялся областными делами. М. Н. Богданов избирался председателем областной Земской управы, областным комиссаром, председателем Забайкальского областного организационного комитета общественных организаций, председателем областного комитета общественной безопасности, председателем Бурятского национального комитета. Так, с конца апреля и до конца мая М. Н. Богданов в должности областного комиссара занимался в основном исполнением циркуляров, исходящих от Временного правительства. Главным образом они сводились к поддержке армии на фронте Первой мировой войны. «В виду значительного некомплекта врачей в армии Военный министр признал необходимым призвать на действительную военную службу врачей выпуска 1917 г. ратников ополчения второго разряда. Забайкальское областное по воинской повинности Присутствие приглашает врачей, проживающих в Забайкальской области, независимо от возраста безотлагательно подать в Присутствие (г. Чита, Большая улица, д. Полуторова) заявление о себе, с приложением документов, удостоверяющих их звание на предмет принятия их на учёт и призыва в действительную службу и назначения в части войск и военно-врачебные заведения» [4, с. 2]. 1 июня 1917 г. по ст. стилю он – Председатель комитета по делам мелкого кредита, заместитель Областного комиссара [4, с. 4].

М. Н. Богданов был членом партии социал-революционеров. Большинство лидеров национального движения состояли в этой партии, стоявшей на защите сельского населения. По протоколу № 3 заседания Бурнацкома от 4 мая 1917 г. в г. Читу приехала лидер левых эсеров М. А. Спиридонова, которую встречали М. Н. Богданов и П. Данбинов [6, с. 45].

Политическим успехом М. Н. Богданова стало его избрание депутатом Учредитель-

ного собрания. На Втором общебурятском съезде, состоявшемся 10–16 июля 1917 г. при Гусиноозерском дацане, кандидатами в список по выборам в Учредительное собрание были выдвинуты М. Н. Богданов и Э-Д. Ринчино. В итоге в список кандидатов вошли ещё Ц. Ж. Жамцарано и С. Ж. Цыбыктаров. В Учредительное собрание от бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области был избран М. Н. Богданов. В Петрограде он вошёл во фракцию социал-революционеров и записался в две комиссии – земельную и национальную [1, л. 5].

Во время Гражданской войны в Забайкалье Бурнацком, преобразованный в Бурнардуму, постепенно переходит под контроль походного атамана Г. М. Семёнова. М. Н. Богданов изо всех сил борется с этим: устраивает собрания, требуя продолжить решение Бурнацкома – буряты не должны участвовать в Гражданской войне.

Чтобы помочь бурятам избежать участия в Гражданской войне, он ищет пути спасения своих соплеменников за пределами России. В конце 1917 г. он и Н. Д. Дылыков, Базарайн Намдык, Раднын Абида, Жамсаранэ Аюш и ещё один человек отправляются в Баргу (Маньчжурия) в поисках земель, пригодных для заселения бурятами. В Китае они заключили договор с амбанем Хулун-Буира об отводе бурятам земель по доли-

нам Шэнэхэн-гол, Эмин-гол и Хулгайта-гол на 90 лет. Договор подписал цугольский волостной старшина Н. Д. Дылыков [5, с. 26]. В 1910-х гг. эпидемия выкосила кочевья элетов и эту опустевшую землю отвели российским эмигрантам. Летом 1918 г. туда прибыли первые 700 переселенцев [7, с. 39]. Уход бурят в сторону Шэнэхэна продолжался сперва открыто, затем тайно вплоть до конца 1920-х гг. Старики раньше помнили западного бурята с русской фамилией, столько сделавшего для своих восточных братьев, но молодое поколение, рассказывая свою историю, не вспоминают М. Н. Богданова, считая, что они оказались в Китае благодаря Б. Намдыку, внуку тайши Тугулдура Тобоева.

В 1919 г. М. Н. Богданов полностью связывает свою жизнь с Забайкальем: он с семьёй селится в Аге. Зимой 1920 г. (или в 1919 г.) он был арестован и убит по приказу Семенова.

В истории России и, в частности, Забайкальской области первая четверть XX в. – это целая эпоха, ибо именно в этот конкретный исторический период произошли события самого масштабного и поворотного характера. Ярким явлением этой эпохи стал М. Н. Богданов – лидер национального движения, а также выдающийся политический деятель, пытавшийся повлиять на последующую историческую судьбу населения Забайкальской области.

Список источников и литературы

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р-438. Оп. 1. Д. 49.
2. Бурят-Монгольская автономная область (экономическое и статистическое исследование). Отчёт Совету труда и обороны на 1-е октября 1922 года. Иркутск: Первая гос. тип., 1922. 202 с.
3. Гирченко В. П. Этапы революционного движения в Бурятии. 1917–1918 г. (Хроника). Верхнеудинск: Жизнь Бурятии, 1927. 39 с.
4. Известия Забайкальского областного комитета общественной безопасности. 1917.
5. Козьмин Н. Н. Михаил Николаевич Богданов (из личных воспоминаний) // Жизнь Бурятии. 1925. № 3–4. С. 18–26.
6. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы. Улан-Удэ: Сибирь, 1994. 197 с.
7. Санжиева Т. Е. Формирование хозяйственно-культурного комплекса локальной бурятской этнической общины в Китае // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики: материалы 1-й Научной экспедиции НГИ. 2004. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. С. 38–46.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)533

Елена Васильевна Севостьянова,
Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Читинская уездная комиссия Елизаветинского комитета в годы Первой мировой войны

На основании выявленных архивных материалов рассматривается деятельность одной из уездных комиссий «Забайкальского отделения Комитета её Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну». Анализируется создание, состав, формы благотворительной помощи.

Ключевые слова: Читинский уезд, Елизаветинский комитет, благотворительность, призрение, Первая мировая война, Забайкалье, сельскохозяйственная помощь

Elena V. Sevostyanova,
Chita Institute (branch) of Baikal State University,
Chita, Russia

District Commission of the Elizabethan Committee in Chita District of Transbaikalia during the First World War

In the article on the basis of the revealed archival materials, examines the activities of one of the County commissions of "Transbaikal branch of the Committee of her Imperial Highness Grand Duchess Elisabeth on the provision of charitable assistance to families of persons called up for war". The author analyzes the creation, composition and forms of charitable assistance.

Keywords: Chita district, Elizabethan Committee, charity, charity, First World War, Transbaikalia, agricultural assistance

В Первую мировую войну (по закону 25 июня 1912 г.) основную нагрузку по обеспечению семей мобилизованных нижних чинов приняло на себя государство. Право на получение казённого продовольственного пайка имели ближайшие родственники, если они содержались за счёт призванного. Паёк не выдавался гражданским (невенчанным) жёнам. Выдачей пайков занимались волостные, станичные и городские попечительства, открытые в области к 29 июля 1914 г. В августе 1914 г. на оказание помощи семьям мобилизованных МВД выделило кредит на Забайкалье в размере 200 тыс. р. Размер пайка определялся для каждого уезда в зависимости от рыночных цен. Областное по крестьянским делам присутствие установило ежемесячный паек в Читинском уезде на члена семьи старше 5 лет в размере 3 р. 12 к. К сентябрю 1917 г. размер пайка в уезде вырос до 10 р. 46 к. [16; 17; 12, л. 359]. Однако индексация значительно отставала от роста цен.

Восполнить недостаточное казённое обеспечение помогали благотворительные общества и комитеты разных типов. «Забайкальское отделение Комитета её Императорского высочества Великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну» (ЗОКЕФ) было открыто под председательством военного губернатора. Открытие Комитета носило полубюрократический характер. С одной стороны, инициировалось властью: Елизавета Федоровна и министр МВД просили губернатора оказать личное «всевозможное содействие». С другой стороны, работа Комитета была невозможна без общественной поддержки. Первое собрание состоялось 22 сентября 1914 г., организационная деятельность началась с 1 ноября, а к 15 декабря было образовано в селениях 72 комиссии. Для координации помощи было решено открыть уездные комиссии под председательством атаманов военных отделов ЗКВ и уездных начальников. Механизм их

открытия был типичен. Военный губернатор обратился к населению с воззванием, к чиновникам разных ведомств и атаманам с прямыми указаниями и приглашениями. Населению разъяснялось, что образование уездных комиссий не налагает никаких обязательств по сбору пожертвований для центрального или областного Елизаветинского комитета: все собранные средства будут расходоваться на местные нужды [2, л. 1, 22].

Первым председателем уездной Читинской комиссии стал уездный начальник Е. П. Костылев, с 1916 г. был назначен военным губернатором товарищ прокурора А. О. Булах. В члены комиссии вошли: советник Областного правления В. В. Маргойт, инспектор народных училищ Н. А. Соколов, податные инспекторы Е. Я. Ларев и И. Ф. Смыкалов, врач Н. Н. Макаров, и. о. заведующего справочным бюро по рабочему вопросу Я. И. Байчер; читинский врач Г. М. Криворучко; заведующий Урульгинским переселенческим подрайоном Н. И. Ведерников, читинский полицмейстер С. Ф. Букас; крестьянский начальник А. И. Дьяконов. Заседала комиссия в Чите, в помещении уездного полицейского управления, куда «население привыкло уже обращаться». В 1916 г. из ведения уездной комиссии были изъяты жители Читы, которым подлежало обращаться в городское попечительство [7, л. 55, 65, 70, 94].

Каждая уездная комиссия ЗОКЕФ открывала свои подкомиссии в селениях. В Читинском уезде их было открыто 10 [8, л. 96]. В 1915 г. их было меньше, чем в Селенгинском (11), Акшинском (16), Нерчинском (18), Верхнеудинском (20), Нерчинско-Заводском (26) уездах, но больше, чем в Троицкосавском (8) и Баргузинском (6). В 1916 г. в Читинском уезде было 16 сельских отделений. ЗОКЕФ оповестил уездные комиссии о необходимости безотлагательно «озаботиться обеспечением себя собственными средствами» [3, л. 93]. ЗОКЕФ просил при планировании помощи учитывать масштаб войны и её затянувшийся характер, предупреждал, что благотворительность только тогда имеет смысл, когда направлена на «удовлетворение истинной нужды» [13, л. 194]. О значимости целеполагающей информационной поддержки писал корреспондент газеты «Забайкальская Новь», рассказывая, что комиссия с. Елизаветинское, спустя 4–5 месяцев после открытия, пожертвованные зерно и деньги раздала солдаткам – «нуждающимся, а большей ча-

стью совсем не нуждающимся». Это «сильно отразилось» на членах комиссии, они стали «неохотно вносить свои рубли, некоторые и вовсе отказались от взносов».

Современники отмечали, что «главными руководителями в образовании комиссий в селах были народные учителя», отметим значительную роль чиновников и священников [1; 2, л. 15]. Состав сельской комиссии зависел от того, в какой местности она создавалась – казачьей или крестьянской. В Кайдаловской станице председателем выбрали станичного атамана вахмистра Номоконова, секретарём – учителя И. Г. Сергиенко, казначеем – урядника Н. А. Пушкарева. Записалось в комиссию 22 человека, согласившихся внести 2 р. взноса [7, л. 59]. В с. Елизаветинское комиссия была открыта по инициативе священника в составе 15 человек: псаломщика, двух учительниц, лесного смотрителя, попечителя школы, церковного старосты, сельского старосты и нескольких крестьян. Взнос установили в 1 р. Количество женщин было небольшим во всех сельских комиссиях, в исполнительные комитеты они не входили. Так, в состав Икоральской сельской комиссии Читинского уезда вошли 27 мужчин и одна женщина [7, л. 105; 11, л. б/н].

Каждая уездная комиссия ЗОКЕФ выбирала исполнительную комиссию, которая принимала ходатайства, проводила обследования материального положения семей, выдавала пособия, отчитывалась о проделанной работе перед ЗОКЕФ. Работы было много, поэтому когда управляющий делами И. В. Скопиченко в мае 1916 г. отказался от своих обязанностей, то никто не пожелал его заменить. Хотели пригласить служащего на платных условиях, но запретил военный губернатор. Поначалу, в «интересах скорейшего рассмотрения прошений», обследование семей просили проводить полицейских. Решение было неудачным: зачастую чины полиции ограничивались опросом самих просителей, которые «показывали всё то, что в их прошении было изложено». Поэтому комиссия «признала целесообразным» проверку ходатайств производить собственными силами [5, л. 1, 8, 9; 8, л. 164–165].

По формам оказания благотворительной помощи мнения современников разнились. Одни считали необходимым выдачу денежных пособий, другие полагали, что это нерационально, воспитывает иждивенчество, замечали, что «некоторые солдатки стали

тратить деньги не на предметы необходимости». Другими формами помощи были: выдача удостоверений на бесплатный проезд по железной дороге для приехавших из Европейской России семей, выдача билетов на получение дров, выдача семян, одежды. Например, с 1 мая по 1 июня 1915 г. в уездные комиссии ЗОКЕФ обратились с ходатайствами 439 человек. Было выдано 408 пособий на сумму 1288 р. 89 к., вещи получили 8 человек, семян было выдано 642 пуда [5, л. 1–9].

С весны 1915 г. основным видом помощи стала сельскохозяйственная. Цель её была поставлена Министерством земледелия и земствами – не допустить сокращения посевных площадей. В целом по области весной 1915 г. ЗОКЕФ привлёк к помощи 50 приходских попечительств, 88 учреждений мелкого кредита, 54 волостных и 63 станичных попечительств. Перед полевой страдой уездные комиссии ЗОКЕФ собирали сведения о нуждах каждой волости. Например, в 1915 г. в Татауровской волости 162 семьям требовалось убрать 268 дес. сенокоса и 152 дес. хлебов. ЗОКЕФ аккумулировал сведения и распределял материальные средства по уездам, помогал с техникой. Так, за 1915–1916 гг. Читинская уездная комиссия получила в своё распоряжение 11 жатвенных машин, 9 сенокосилок, 7 конных грабель, 25 точил наждачных и распределила их между селами. Всего по области в 1916 г. за счёт средств ЗОКЕФ было приобретено 32 сенокосилки, 23 конных грабель, 38 жаток самосбросок, 58 жатвенных аппаратов, 76 точил наждачных. По восьми уездным комиссиям было распределено 9000 руб. на наёмных рабочих [подсчитано по: 7, л. 124; 18].

Одной из форм помощи солдаткам были ученические дружины [15]. Дружина из 15 учащихся Читы помогала на сенокосе в с. Доронинское. Под квартиру приспособили школу, обеспечили медицинской помощью, закупили косы, утвердили расходы на питание (30 к. в день на человека). Однако по мнению областного агронома, такая помощь была нецелесообразна: «малая производительность труда, большая затрата средств и энергии на организацию» [10, л. 14]. Незначительным было и привлечение труда военнопленных (например, на 1 июля 1916 г. – 46 чел.).

Финансовое положение Читинской уездной комиссии было нестабильным. Можно отметить три тенденции: осенью жертвовали

больше, чем весной; существенно снизилась популярность сборов в церквях; значительную финансовую помощь оказывало коренное население. Например, в популярный у населения «День колоса ржи» 23 апреля 1915 г. Читинская уездная комиссия собрала 526 р. За сентябрь 1916 г. удалось собрать 1263 р. 63 к. В период проведения Всероссийского тарелочного сбора 1915 г. от 18 церквей поступило 54 р. 04 к. К 1 января 1916 г. на счетах числилось 4446 р. 95 к. Из них к 1 сентября было израсходовано 3650 р. А уже в октябре комиссия просила ссуду в ЗОКЕФ, который выделил 840 р. ввиду «исключительно неблагоприятных условий», но велел «принять энергичные меры к изысканию» собственных средств [4, л. б/н].

Читинская уездная комиссия с 3 марта 1915 г. и по 1 января 1916 г. расходовала на пособия в среднем 135 р. в месяц [5, л. 22]. Если за 10 месяцев 1915 г. было подано 300 прошений, то только за январь–февраль 1916 г. поступило 565 (на 1577 р.). В сентябре 1916 г. комиссия докладывала, что на пособия требуется ежемесячно 300 р., и «цифра эта из месяца в месяц прогрессивно увеличивается».

Особенно много прошений поступало от гражданских жен. Члены Читинской комиссии отмечали, что к 1916 г. изменился кардинально и характер ходатайств: стали просить не только о пособиях, но и о снабжении одеждой, об оказании медицинской помощи с покупкой медикаментов за счёт комиссии. Из сохранившихся документов видно, что увеличилось количество жалоб на «глухоту местных властей», направленных в адрес губернатора, в адрес центральных Комитетов, действующих под эгидой царской семьи. Изменился тон прошений: если раньше солдатки взывали к христианскому милосердию, то теперь стали требовать «законных прав», указывали на то, что власть «обязана поддержать в нужде». Основным мотивом ходатайств было стремление получить пособие «по примеру других ополченок». Поэтому проверки иногда выявляли такие семьи, которые могли обойтись без дополнительной помощи. На одном из заседаний комиссия, рассмотрев 15 прошений, отклонила 8. Так, в числе нуждающихся была указана семья крестьянина Николаевской волости М. Богодухова, которая имела 6 лошадей, 16 быков, 18 коров, 73 головы мелкого скота, получала семь казённых пайков (по 2 р. 90 к.). В июле 1915 г. были

проверены сведения по шести селениям Николаевской волости. Из представленных в списках 212 семей нуждающимися были признаны 87 [7, л. 88–90, 124, 133].

По мнению Б. Энгл, получение пайка повышало статус солдатки в семье, давало ей возможность иметь собственные средства, бывало, что родственники требовали от неё обращения за помощью [19]. Так, Читинская уездная комиссия, рассматривая прошение Кабаковой, выяснила, что она получала казённого пайка 23 р. 58 к., получила от Забайкальского общества помощи семьям запасных 25 р. и «жила при состоятельной матери». С другой стороны, ясные и точные «параметры нужды» (насколько это возможно в условиях войны и снижения уровня жизни) не были определены. Сплошной просмотр протоколов свидетельствует о том, что Читинская уездная комиссия нередко была непоследовательна в своих решениях и действиях. На заседании 19 июня 1915 г. комиссия постановила выдать Л. Я. Терebilкину «пока 5 руб.» и «собрать сведения о степени нужды»; гражданской жене М. Шибелевой – «выдать пока 6 руб. и обследовать её положение»; выдать Перебоеву «пока 10 руб. и собрать дополнительные сведения». Такое не раз повторявшееся в резолюциях «пока» (выдача пособия до проведения обследования материального положения семьи), вероятно, давало надежду на получение хотя бы единовременного пособия тем, кто объективно его не заслуживал.

В конце 1915 г. Читинская комиссия, «считаясь с выявившимися несомненными фактами злоупотреблений», решила, что нужно найти форму объединения деятельности всех благотворительных организаций, которая бы «не стесняла свободы действий каждой», но позволяла координировать помощь. Был выработан проект «Книжки на получение пособий и пожертвований», в которой нужно было отмечать суммы и сроки их выдачи. Было решено проводить совместные заседания благотворительных обществ [6, л. 162; 7, л. 179].

К 1 апреля 1916 г. через Читинскую уездную комиссию «прошло» 18 990 р. 93 к. Из них были получены из земских сборов 10 000 р., от ЗОКЕФ – 1000 р., собраны в уезде – 7999 р. [5, л. 80]. В целом, в условиях Забайкалья ЗОКЕФ и его уездные комиссии помогли объединить усилия общественности и местных властей разных уровней. Однако уже в конце 1916 г. не хватало ни людских, ни материальных ресурсов. Обострился хозяйственный кризис, уровень жизни падал, цены росли, расширилась номенклатура призреваемых: с зимы 1916 г. в Читинском уезде призревало 107 беженцев. Многие активные общественные деятели работали и в попечительствах, и в областной ЗОКЕФ, и в уездной комиссии, и в беженских комитетах (городском и уездном), и в прочих благотворительных Обществах. После февраля 1917 г. созданная уездная сеть Елизаветинских комиссий развалилась.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 12. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 22.
3. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 25.
4. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 44.
5. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 45.
6. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50.
7. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52.
8. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 57.
9. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 77.
10. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87.
11. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 99.
12. ГАЗК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4721.
13. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 827.
14. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 880.
15. Корреспонденции // Забайкальский хозяин. 1916. № 17. С. 22.
16. Пособия семьям запасных // Забайкальский хозяин. 1914. № 21–22. С. 12.
17. Правительственная помощь // Забайкальский хозяин. 1914. № 17–18. С. 8.
18. Сельскохозяйственная хроника // Забайкальский хозяин. 1916. № 7–8. С. 25.
19. Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1, т. 4. С. 148–178.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)534

Анна Андреевна Филимонова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Участие железнодорожников Забайкалья в Революции 1917 года

В статье освещаются вопросы участия железнодорожников Забайкалья в революционных событиях 1917 года. Дается краткая характеристика социально-экономического положения железнодорожников. Акцентируется внимание на причинах участия железнодорожников в забастовках, в том числе, во Всероссийской забастовке железнодорожников. Итогом статьи является вывод о том, как результаты Революции повлияли на положение рабочих железной дороги Забайкалья.

Ключевые слова: Революция, Забайкальская железная дорога, железнодорожники, забастовка, стачки

Anna A. Filimonova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Participation of Transbaikal Railwaymen in the Revolution of 1917

The article gives coverage the issues of the participation of railway workers of Transbaikalia in the revolutionary events of 1917. A brief description of the social and economic situation of railway workers is given. Attention is focused on the reasons of the participation of railway workers in strikes and strikes, including the Allrussian railway workers' strike. The outcome of the article is a conclusion about the influence of the results of the Revolution on the condition of the workers of the railway of Transbaikalia.

Keywords: Revolution, Transbaikal Railway, railway workers, strike, strikes

В начале XX в. по всей России поднялась волна беспорядков и рабочих забастовок, спровоцированных Русско-японской и Первой мировой войной, а также экономическим кризисом. Это не могло не коснуться рабочих Забайкальской железной дороги, столкнувшихся с новыми трудностями не только в работе, но и в быту.

В августе 1914 г. началась Первая мировая война, что обострило политическую ситуацию в стране и способствовало созреванию социально-экономических революционных предпосылок. В эти годы многие кадровые железнодорожники ушли на фронт или были мобилизованы для работы в прифронтовых районах. На сибирских дорогах, в том числе и на Забайкальской железной дороге, действовало военное положение, и при малейшем неповиновении администрация отправляла в солдаты неблагонадежных рабочих. Широко распространились и шовинистские настроения. Это вызвало в первый период войны некоторый спад рабочего движения.

В годы войны без достаточного финансирования хозяйство дорог заметно ухудши-

лось, график движения поездов нарушался, увеличилось количество крушений и аварий, поезда, особенно воинские эшелоны, продвигались крайне медленно.

Военные налоги, денежная инфляция ухудшили и без того трудное положение трудящихся, поэтому вскоре под влиянием большевистской пропаганды и выдвинутого ими лозунга «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую» революционные выступления рабочих Сибирской дороги возобновились. В 1916 г. на станциях Чита и Хилок и других станциях Забайкальской дороги активизировали работу большевистские партийные группы.

В начале войны правительство специальным указом запретило забастовки, однако это не остановило забастовочное движение, наоборот, в 1916 г. железнодорожники Сибири не раз бросали работу. Только за 10 месяцев, предшествующих Февральской революции, на Восточно-Сибирской дороге железнодорожники бастовали 113 раз, в стачках участвовало более 43 тысяч рабочих.

Февральская революция дала народу некоторые демократические свободы, в частности, впервые в стране свободно праздновался день Первого мая. Однако экономическое и политическое положение рабочих не улучшилось: продолжалась война, народ голодал. В наследство революции досталось разрушенное хозяйство. На железнодорожном транспорте положение к 1917 г. осложнилось, особенно на сибирских дорогах и, в частности, на Забайкальской, где, помимо всего прочего, возникли трудности с пропуском поездов [4, с. 156–168].

Свержение самодержавия железнодорожники встретили с энтузиазмом. От служащих железных дорог в адрес Временного правительства поступали приветственные телеграммы. «Новый режим даёт могучий приток новых сил и энергии для плодотворной работы», – говорилось в них; «под влиянием величия переживаемых событий» железнодорожники обещали удвоить силы в работе для победы, дружной работой поддерживать новое правительство. Царило радостное настроение. На улицах и площадях, в депо и на станциях шли митинги, звучали призывы к борьбе, к продолжению революции [2, с. 33].

Уже в сентябре 1917 г. началась Всероссийская забастовка железнодорожников. Последние предъявляли Временному правительству ряд экономических требований, которые оно отказалось удовлетворить. В ответ на это железнодорожники страны объявили забастовку. На сибирских дорогах под руководством большевиков организовались стачечные комитеты, которые, кроме экономических требований выдвигали и политические, в частности, передачу всей власти Советам.

Забастовка на сибирских дорогах проходила организованно, в ней участвовали все службы, прекратили работу рабочие депо и мастерских, служащие управлений дорог и контор. На дорогах поддерживался порядок,

создавались специальные подразделения по охране объектов, вооружались отряды Красной гвардии. Железнодорожников активно поддерживали рабочие других предприятий. Экономическая жизнь Сибири замерла. Викжель – Всероссийский исполком железнодорожных рабочих и служащих, исполняя просьбу Временного правительства, которое пошло на частные уступки – принял решение об окончании стачки, тем самым предав интересы широких слоёв железнодорожников. Стачка прекратилась, однако борьба рабочих за свои права продолжалась.

Рабочие Читинских мастерских приняли решение о созыве съезда трудящихся Забайкальской железной дороги.

После победы Октябрьской революции II Всероссийский съезд Советов в обращении «Ко всем железнодорожникам» призвал их принять меры «к сохранению полного порядка на железных дорогах: движение ни на минуту не должно останавливаться... усиленное внимание следует обращать на беспрепятственный пропуск продовольствия в города и на фронт. Революционная власть Советов берёт на себя заботу о материальном положении железнодорожников. В Министерство путей сообщения будут привлечены представители железнодорожников» [1, с. 23–24].

Под председательством министра путей сообщения состоялось первое организованное заседание, организованное при Министерстве путей сообщения по улучшению материального положения железнодорожных служащих и рабочих. В первую очередь министр предложил необходимым выработать и установить минимальный, необходимый для жизни заработок, меньше которого из служащих и рабочих никто не должен получать [3, с. 5].

В октябре–декабре 1917 г. советская власть была установлена в абсолютном большинстве городов и посёлков Сибири и Дальнего Востока.

Список источников и литературы

1. Железнодорожники // Власть народа. 1917. № 131. С. 25.
2. Сенин А. С. Железные дороги в марте–октябре 1917 г.: от кризиса к хаосу // Вопросы истории. 2004. № 3. С. 32–56.
3. Известия Комитета общественных организаций и совета рабочих и солдатских депутатов города Верхнеудинск. Верхнеудинск, 1917.
4. Казимиров В. Н. Великий Сибирский путь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 142 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)6

Александр Олегович Баринов,
АО «Региональное управление строительства»,
г. Чита, Россия

Когда слухи были точнее официальной информации. Беседа с первым зарубежным корреспондентом в Забайкалье после февраля 1917 года

В статье рассматривается малоизученный эпизод из культурных связей России и Японии, когда в Читу в мае 1917 года прибыл первый зарубежный журналист. Это был корреспондент крупнейшей японской газеты «Осака Майнити Симбун» Нобуо Комата. В редакции читинской газеты «Забайкальская новь» состоялась беседа, в ходе которой журналисты двух стран пытались подтвердить или опровергнуть слухи, циркулировавшие в тот момент в двух странах.

Ключевые слова: журналисты, Россия, Япония, интервенция, сепаратный мир

Alexander O. Barinov,
JSC “Regional construction management”,
Chita, Russia

When the Rumors were more Accurate Official Information. Interview with the First Foreign Correspondent in Transbaikalia after February 1917

The article deals with a little-studied episode of cultural relations between Russia and Japan, when the first foreign journalist arrived in Chita in May 1917. It was the largest correspondent of the Japanese newspaper “Osaka Mainichi Shimbun” Nobuo of Komat. In the editorial office of the Chita newspaper “Zabaikalskaya Nov” a conversation took place, during which journalists from the two countries tried to confirm or refute the rumors circulating at that time in the two countries.

Keywords: journalists, Russia, Japan, an intervention, separate peace

26 мая 1917 года газета «Забайкальская новь» поместила материал, названный неизвестным автором «Японцы и Забайкалье». В ней сообщалось: «Вчера нашу редакцию посетил представитель крупнейшей японской газеты “Осака-Майнити-Шимбун” Нобуо Комата. Последний был командирован своей редакцией в качестве забайкальского корреспондента для освещения экономической и общественной жизни нашей Забайкальской области» [3]. Это был первый зарубежный корреспондент, чье появление в регионе после Февральской революции 1917 года зафиксировано местной прессой.

Стоит пояснить, что газета «Осака Майнити Симбун» (современное прочтение этого названия) (“Osaka Mainichi Shimbun”) действительно была одной из крупнейших газет Японии, основанной ещё в 1876 году [1]. В

СССР оно прославилось тем, что было первым и некоторое время единственным зарубежным СМИ, которому в 1926 году дал интервью Иосиф Сталин [1].

В 1917 году эта газета была первым японским изданием, сообщившим об исторических переменах в соседней стране. «Известия о Февральской революции в России достигло Японии с опозданием на несколько дней, – отмечал в 2007 году хабаровский исследователь Ю. С. Пестушко, – а 15 марта 1917 г. Япония официально признала новое русское правительство. Вскоре на события в России откликнулась японская газета “Осака Асахи Симбун”, поместив в выпуске за 17 марта две небольшие заметки, где кратко освещалось, что произошло в конце февраля – начале марта в Петрограде и Москве. Газета констатировала, что революция

в России ставила своей целью ликвидацию прогерманской клики в правительстве, сообщала о помещении под арест и последующем освобождении Б. В. Штюрмера и А. Д. Протопопова, а также о беспорядках, охвативших Петроград и Москву» [2, с. 100].

Этот же автор впервые обратил внимание на публикацию в читинской газете, правда, узнал о ней из газеты «Приармурская жизнь», издававшейся в 1917 году в Хабаровске.

Он, со ссылкой на номер от 1 июля, констатировал: «Корреспондент “Осака Майнити Симбун” Нобуо Комата в интервью читинской газете “Забайкальская новь” постарался опровергнуть все домыслы относительно японской опасности, заявив, что антияпонские настроения инспирируются главным образом русской прессой, так как ничего подобного в японских газетах ему встречать не доводилось» [2, с. 103].

Вместе с тем в первоисточнике слухи о «японской опасности» были второй темой, и к ней вернёмся ниже. Первая тема, которую обсудили в редакции читинской газеты, касалась слухов, которые беспокоили японскую сторону.

Гость из Японии задал такой вопрос: «Верно ли, что Россия собирается заключить сепаратный мир с Германией?»

Что же ответили ему в редакции? «Наш сотрудник (имя которого так и осталось неизвестным – *авт.*) объяснил г. Комата, что это вздорный и необоснованный слух» [3].

В подтверждение он заявил следующее: «Ни одна из политических партий революционной России не высказывается за сепаратный мир с Германией. Революционная Россия решительно заявила, что она заключит мир только в полном согласии со всеми союзными демократиями на основе декларации, объявленной Временным Правительством 27 апреля. Революционная Россия устами своего социалистического военно-морского министра Керенского прямо и открыто заявила, что наша армия окажет самую действительную поддержку нашим союзникам, – Франции и Англии, – на которых теперь всей своей мощью набросилась Германия» [1].

Читинский журналист сказал, что своё мнение он и его коллеги почерпнули из центральных СМИ и от политических партий: «Так смотрит на создавшееся положение вещей русская демократия. Это мнение, которое вы можете почерпнуть также из русской печати...» [3].

Известно, что уже в апреле лидер большевиков В. И. Ленин объявил о необходимости перехода к социалистической революции, подтвердив старый тезис о «превращении войны империалистической в гражданскую». И спустя всего несколько месяцев произойдёт Октябрьская революция, и Совет народных комиссаров, возглавляемый В. И. Лениным, начнёт сепаратные переговоры с Германией и её союзниками. Так что верным оказался слух, который пытался проверить японский журналист.

После этого первого диалога читинский журналист решил проверить и те слухи, что касались позиции Страны восходящего солнца. Он спросил, «насколько верны упорно циркулирующие у нас и на всём Д. Востоке слухи, что Япония собирает огромное количество войск в Корее и Маньчжурии и эскадру около Владивостока, чтобы напасть на нас с суши и с моря и отрезать весь русский Д. Восток до Байкала» [3].

Ответ гостя был таким же категоричным, как только что прозвучавший ответ хозяев: «Всё это я слышал, – ответил Комата, – от многих русских и читал в ваших газетах. Могу заверить вас, что опасения русских за Японию напрасны. Мы, как были, так и остались верными союзниками России» [3].

В настоящее время известно о событиях того периода гораздо больше. В статье Ю. С. Пестушко приводится ряд интересных фактов: «Русская разведка в Китае доносила, что с весны 1917 года японская армия стала постепенно переводиться в состояние повышенной боевой готовности для переброски в Китай. 28 мая 1917 года под предлогом замены расквартированных в Маньчжурии войск из Иокогамы и Осака в Дайрен был направлен японский шеститысячный военный контингент. Однако, как удалось выяснить русской разведке, плановая замена японских войск в Маньчжурии была проведена ранее, поэтому их переброска, очевидно, преследовала цель постепенного наращивания японского присутствия в Южной Маньчжурии. Одновременно седьмая дивизия, направленная на замену японских войск в Южной Маньчжурии. Одновременно седьмая дивизия, направленная на замену японских войск в Южной Маньчжурии, была усилена двумя ротами, ранее находившимися на Сахалине» [2, с. 103].

Но это было лишь начало. Уже в январе 1918 года в порт Владивостока вошли два японских крейсера, а вскоре, воспользовавшись в качестве предлога убийством

двух японских предпринимателей, высадили первый десант. А до конца 1918 года японцы уже взяли под контроль Транссибирскую магистраль от Байкала до Тихого океана. Около 150 тысяч японских войск приняли участие в интервенции в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Лишь в октябре 1920 года японские войска вынуждены были оставить Забайкалье, а в октябре 1922 года Владивосток.

Таким образом, и слухи, которые уже в мае 1917 года беспокоили жителей Забайкалья, были достаточно серьёзными.

И японский журналист, и его забайкальские коллеги, вероятно, не имели на тот момент достаточно полной информации для того, чтобы сделать верные выводы. Это во-первых. Во-вторых, вероятно, собеседни-

кам хотелось бы верить в лучшее, в более оптимистичный вариант развития событий.

И последнее. Японский журналист чётко обозначил главную цель своей страны: «Япония чрезвычайно заинтересована теперь естественными богатствами вашего края. Нашу страну, – заявил г. Комата, – интересуют ваши горные богатства и сырьё. Японские капиталисты готовы вложить свои капиталы для учреждения торгово-промышленных предприятий» [3]. К сожалению, пока ничего не известно о том, кто же такой Нобуо Комата. Но, возможно, через какое-то время и это удастся выяснить. Это тем более интересно, что это был первый зарубежный корреспондент, прибывший в Забайкалье после Февральской революции 1917 года.

Список источников и литературы

1. Майнити Симбун [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. Режим доступа: <https://www.ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 30.04.2018).
2. Пестушко Ю. С. Недолгий альянс: русско-японский союзный договор 1916 г. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 92–106.
3. Японцы и Забайкалье // Забайкальская новь. 1917. № 2797. 26 мая.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2Рос-4Чит)612

Альберт Наилевич Валиахметов,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
г. Казань, Россия

Чехословацкий корпус в Забайкалье (по материалам легионерской исторической литературы)

Проблема пребывания и деятельности чехословацких легионеров в Забайкалье в годы Гражданской войны в России не являлась объектом самостоятельного исследования в отечественной историографии. В современной чешской историографии по этой теме имеются лишь единичные работы. Вместе с тем, «Байкальский сюжет» можно встретить в работах, посвящённых более широкой теме – пребыванию чехословацких легионеров в Сибири и на Дальнем Востоке. Предметом исследования в статье является отражение в чехословацкой легионерской историографии истории пребывания легионеров Чехословацкого корпуса в Забайкалье в годы Гражданской войны в России. Исследование этой проблемы – ключ не только к пониманию чехословацкой историографии 1920–1930-х годов, но и к объяснению логики поведения чехословацких легионеров в России в 1918–1920 годах.

Ключевые слова: Забайкалье, Гражданская война в России, Г. Семёнов, Чехословацкий корпус (Чехословацкий легион), чехословацкие легионеры, легионерская историческая литература, историография, «Байкальский сюжет», «освобожденческая легенда»

Albert N. Valiakhmetov,

*Kazan (Volga region) Federal University,
Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan, Russia*

Czechoslovak Corps in Transbaikalia (on the Materials of the Legionary Historical Literature)

The problem of the stay and activity of the Czechoslovak legionnaires in Transbaikalia during the Civil War in Russia was not the object of independent research in Russian historiography. In modern Czech historiography on this topic there are only a few works. At the same time, the "Baikal story" can be found in works devoted to a broader theme – the stay of Czechoslovak legionaries in Siberia and the Far East. The subject of the study in the article is the reflection in the Czechoslovak legionary historiography of the history of the legionnaires of the Czechoslovak Corps in Transbaikalia during the Civil War in Russia. The study of this problem is the key not only to the understanding of the Czechoslovak historiography of the 1920s-1930s, but also to the explanation of the logic of the behavior of Czechoslovak legionaries in Russia in 1918–1920.

Keywords: Transbaikalia, civil war in Russia, G. Semenov, Czechoslovak Corps (Czechoslovak Legion), Czechoslovak legionaries, legionary historical literature, historiography, "Baikal story", "legend of liberation"

В современной отечественной историографии наблюдается рост интереса к истории Чехословацкого корпуса в России. По этой теме издаются десятки статей, появляются монографические исследования [6]. Особая активность наблюдается в региональной историографии: предметом исследования региональных историков является либо характеристика истории Чехословацкого корпуса в целом, либо изучение его действий в отдельном регионе. Специальных работ по теме «Чехословацкий корпус в Забайкалье» в отечественной историографии не имеется. Отдельные сюжеты можно встретить в работах, посвящённых событиям Гражданской войны в Забайкалье. А. А. Распопина описывает сражение чехословацких легионеров с частями Красной Армии в акватории озера Байкал [5, с. 725–726]. В современной чешской историографии также практически нет исследований по заявленной теме. Следует назвать лишь одну специальную работу [16]. «Байкальский сюжет» применительно к истории Чехословацкого легиона в России можно встретить в отдельных статьях (так что в этом смысле отечественная и зарубежная историография Чехословацкого легиона в России в чём-то схожи): Д. Ваха пишет, что в районе Байкала действовал сибирский оркестр под руководством Рудольфа Карела [2, с. 92]. Автор этих строк в своё время анализировал чехословацкую легионерскую историографию, однако о «Байкальском сюжете» в упомянутой статье не было ни слова [1].

По словам современного отечественного историка А. Л. Посадкова, «с чехословацкой стороны первыми историками легионерского движения стали сами легионеры» [4, с. 31]; согласно подсчётам историка, в 1920-е годы легионеры напечатали у себя на родине не менее 202 названий книг и брошюр (исследования, воспоминания и документальные романы) [4, с. 31]. Легионерская историческая литература внесла важный вклад в создание так называемой «освободительной легенды» – концепции, согласно которой решающую роль в создании самостоятельного Чехословацкого государства сыграло заграничное движение сопротивления во главе с Т. Г. Масариком и чехословацкие легионы за границей (прежде всего, в России).

В ходе проведённого исследования в легионерской исторической литературе не удалось обнаружить работ, которые были бы посвящены пребыванию и деятельности легионеров в Байкальском регионе; однако «Байкальский сюжет» есть во многих работах, в которых рассматривается история Чехословацкого корпуса в России и их эвакуация через территорию Сибири и Дальнего Востока. О значимости и роли «Байкальского сюжета» в истории и историографии Чехословацкого корпуса в России и пойдёт речь в данной статье.

Предметом исследования является чехословацкая легионерская историография – своеобразный и интересный комплекс, который (в данном случае) включает в себя:

исторические очерки [10; 11; 13; 14; 15], доклады во время памятных мероприятий [8; 12], воспоминания [7] и дневники [9].

В чехословацкой легионерской традиции говорилось о «большом бое, который тогда разгорелся от Пензы до Тихого океана» [8, с. 5]; при этом «победное чехословацкое оружие сверкало над Волгой, на высотах Урала, в сибирских степях и глубокой тайге и на берегах жёлтых вод Тихого океана» [8, с. 13].

Такие географические названия, как Волга, а чуть ранее – Зборов и Бахмач, приобрели в легионерской традиции особое значение. Однако и Байкал в этом списке занимал важное место: по словам Б. Павлу, «наш анабазис приобрёл легендарные формы», и Байкал был одним из тех мест, куда «проникло имя чехословацкого добровольца, сражающегося за свободу, демократию, народ!» [8, с. 13]. Легионеры отмечали, что название «Байкал» «будет часто повторяться в истории нашего похода, где в августе 1918 года разгорелись ожесточённые бои с большевиками» [9, с. 20]. Важное символическое значение Байкала заключалось ещё и в том, что 6 июля 1918 года «было достигнуто соединение всех чехословацких войск западнее от Байкальского озера» [10, с. 11]. «Байкальский сюжет» встречается в легионерской исторической литературе два раза.

В первый раз это упоминание связано с событиями лета 1918 года. Чехословацкие легионеры стремились пробраться на восток (как они говорили, «своим порядком») для соединения с владивостокской группой, представители советской власти пытались это предотвратить. По воспоминаниям легионеров, большевики, для того чтобы предотвратить дальнейшее продвижение чехословацких легионеров, «заминировали 39 железнодорожных туннелей в Байкальских горах» [7, с. 138]. В случае если бы байкальские туннели были взорваны, это затруднило бы чехословацким легионерам дальнейшее продвижение на восток с целью соединения с остальными своими частями [12, с. 35]. Главной тактической целью чехословацких легионеров было нападение в тыл врага [12, с. 35–36]. Чехословацкие легионеры направили десант и смогли обезвредить все мины: «большевикам удалось испортить только один туннель, взорвав одну мину» [7, с. 138–139]. Красноармейцы, желая остановить дальнейшее продвижение чехословацких легионеров, подорвали последний,

39-й туннель у Слюдянки 20 июля 1918 года [15, с. 72], только он и оказался частично разрушен [12, с. 36]. Тем самым «были сохранены железнодорожные перевозки по Забайкальской дороге и сохранён миллиардный капитал, вложенный в железные дороги» [12, р. 36].

С падением Иркутска 11 июля 1918 года была добыта новая прочная база для проведения дальнейших операций в Байкальском регионе, «который оборонялся как неприступными горными позициями в прилегающих скалах, так и морскими силами большевиков у озера Байкал» [15, р. 72]. Период после занятия Иркутска Ф. Штейдлер назвал «славным периодом боёв на Байкале» [3, с. 12]. Легионеры контролировали «сибирскую дорогу в Забайкалье вдоль реки Уссури до устья Амура» [7, с. 140–141].

К середине августа 1918 года байкальские отряды большевиков были разбиты. Это было признано колоссальным успехом и привело к «падению советской власти по линии до 520 вёрст от Читы» [15, с. 72]. В боях 15–20 августа 1918 года «была освобождена дорога за Байкал» [12, с. 36]. Решающую роль при этом сыграли действия обходного десанта численностью 1000 человек под командованием подполковника Б. Ф. Ушакова [3, с. 13–14], которого в чехословацкой легионерской литературе называли «один из вождей чехо-русских войск» [3, с. 15]. После «освобождения дороги за Байкал» Р. Гайда «семимильными шагами приближался к главной цели своего похода, к соединению с владивостокской группой» [15, с. 72], что и было сделано в начале сентября 1918 года [12, с. 36].

Второе упоминание «Байкальского сюжета» встречается в легионерской исторической литературе применительно к событиям конца 1919 – начала 1920 годов. В конце 1919 года угрозу для чехословацких легионеров в Забайкалье представляли действия атамана Г. Семенова [10, с. 14]. По оценкам чехословацких легионеров, к началу 1920 года они находились с частями атамана Г. Семенова «в состоянии войны» [9, с. 19]. Он хотел не просто остановить продвижение чехословацких легионеров на восток, но и «вынудить их “исполнить свою повинность перед человечеством и замученной русской сестрой”» [15, с. 102].

По поводу причин подобных действий Г. Семенова в легионерской исторической литературе были различные версии.

Ф. В. Крейчи объяснял это стремлением Г. Семенова удержать чехословаков в качестве своеобразной «дамбы» между собой и частями Красной Армии [11, с. 16]. Й. Сайдль указывал на то, что Г. Семенов хотел использовать чехословацкие войска против большевиков: в своей прокламации к легионерам он называл их братьями [13, с. 107]. Й. Скацел полагает, что действия Г. Семенова в Забайкалье могли быть вызваны тем, что к нему за помощью обратился А. В. Колчак, который тем самым протестовал против действий чехословацких легионеров на железных дорогах, но ничего не мог с ними поделать, потому что они считали себя «полными хозяевами ситуации» [14, с. 329].

«Мужественный ответ» генерала Я. Сыровы привёл к тому, что «боясь вызвать серьёзный конфликт с чехословацким войском, Семенов временно капитулировал и отозвал недавно изданный приказ не пропускать наши эшелоны через Читку на восток» [15, с. 102]. Чехословацкие легионеры предприняли превентивные меры против войск атамана Г. Семенова (при этом до боя дошло только на станции Байкал). Результатом этого стало то, что чехословацкие легионеры стали контролировать побережье озера Байкал и байкальские туннели [11, с. 16]. Установить контроль за туннелями было особенно важно, так как им стало известно, что «семеновцы хотели их разрушить, и имели для этой цели на станции Байкал два вагона взрывчатых веществ» [9, с. 19]. 12 января 1920 года между сторонами было заключено перемирие [15, с. 103]. К середине января 1920 года борьба с Г. Семеновым утихла [9, с. 20].

После соглашения с большевиками в Куйтуне 7 февраля 1920 года критическая ситуация (как казалось) была преодолена и путь на восток через Забайкалье был открыт [15, с. 112]. Однако сложности сохранялись. Это было связано с тем, что «власть больше-

виков кончалась за Байкалом и дальше уже были главными деятелями Семенов и японцы» [11, с. 18]. По словам историка Ф. Штейндлера: «Свободному проезду наших эшелонов в Забайкалье наибольшие трудности создавала Чита, военный центр семеновской власти» [15, с. 112]. Помимо этого, в начале марта 1920 года в Забайкалье возникли напряжённые отношения между чехословацкими легионерами и японским командованием, которое также проводило эвакуацию своих частей на восток в этом регионе [15, с. 110].

8 апреля 1920 года чехословацкий арьергард оставил полностью Забайкалье и проехал до станции Маньчжурия [15, с. 112].

В обоих упомянутых «Байкальских сюжетах» фигурирует Чехословацкий легион. В каждом из случаев перед ним возникает одна и та же трудность – помехи при продвижении на восток, однако в обоих случаях он сталкивается с разными противниками. Если в 1918 году вопрос о передвижении был решён военными средствами, то во втором – наряду с применением силы был использован вариант ведения переговоров и последующее заключение перемирия. К слову, перемирие чехословацкие легионеры заключили и с большевиками, но это произошло не в 1918, а в 1920 году.

Легионерская историческая литература использовала «Байкальский сюжет» для создания образа доблестного войска, которое сталкивалось с трудностями, но неотвратимо шло к своей цели – на восток. В разное время с разными противниками чехословацкие легионеры действовали одинаково и следовали своей внутренней установке и декларируемым целям – «на восток своим порядком», т. е. были верны своей самоидентичности. В этом смысле «Байкальский сюжет» можно считать элементом, который органично вписывается в концепцию «освожденческой легенды».

Список источников и литературы

1. Валиахметов А. Н. Чехословацкая легионерская историография 1920-х гг. о Чехословацком корпусе в России // Вестник ТГГПУ. 2006. № 5. С. 20–30.
2. Ваха Д. Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 88–118.
3. Памяти полковника Ушакова. Иркутск: Изд. Информ.-просвет. отдела Чехословацкого Военного министерства, 1919. 15 с.
4. Посадсков А. Л. Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920–2000 гг.) // История белой Сибири: материалы 5-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 30–35.
5. Распопина А. А. Байкальское пароходство в период Революции и Гражданской войны // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 4. С. 723–743.
6. Рыбков А. Г. Чехословацкий корпус в Поволжье: 1918 год. Исторические очерки / под ред. Н. С. Яшина. Саратов: Саратов. соц.-экон. ин-т, 2017. 220 с.

7. Beamont A. Hrdinské činy československých legií. 2 vyd. Praha: Kvasnička, 1919. 147 p.
8. Československá anabase. Projevy arm. gen. Jana Syrového, vyslance Bohdana Pavlů a pluk. Rudolfa Medka na slavnostním shromáždění, pořádaném Nezávislou jednotou čsl. legionářů na oslavu 10. výročí anabase čsl. vojska na Rusi, dne 25. května 1928 v Národním domě na Král. Vinohradech. Praha: Nákladem „Legie“, 1928. Pp. 7–13.
9. Charvát J. Cestou ze Sibíře do vlasti. Pod praporem 5ho T. G. Masaryka, Pražkého pluku. Praha: Votobia, 2001. 71 p.
10. Klecanda V. V. Operace československého vojska na Rusi v letech 1917–1920. Praha: Československý vědecký ústav vojenský, 1921. 16 p.
11. Krejčí F. V. Návrat sibiřských legií. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1920. 24 p.
12. Patejdl J. Sibiřská anabase: sedmá přednáška cyklu „Československá Revoluce“: proslovena 5. dubna 1923. Praha: Památník Odboje, 1923. 61 s.
13. Sajdl J. Českoslovenští železničáři v sibiřské anabasi. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1924. 111 p.
14. Skácel J. Československá armáda v Rusku a Kolčak (Protibolševický boj v roce 1918–1920). Praha: Nákladem Památníku odboje, 1926. 433 p.
15. Štejdler F. Československé hnutí na Rusi. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1921. 116 p.
16. Veselka M. Historie srovnána s zemí. Po stopách československých legionářů na Bajrale // Dějiny a současnost. Populární historická a vlastivědná revue. 1996. № 6. Pp. 24–29.

УДК 94
ББК Т2(2)613

Светлана Александровна Червонная,
*историк-американист,
г. Москва, Россия*

Выявление документальных источников в архивах Москвы по двум приездам Маргарет Харрисон в Советскую Россию

Настоящее исследование является продолжением предпринятой в 2012–2013 гг. архивной реконструкции истории участия «торговой делегации» Дальневосточной республики в Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. об ограничении морских вооружений. Среди присутствовавших на конференции журналистов была американка Маргарет Харрисон – журналист и военная разведчица, ранее побывавшая в этом качестве в Германии, Польше и Советской России. Благодаря своей интуиции, она вскоре окажется в гуще исторических событий и международных интриг, связанных с освобождением Приморья от японских оккупантов и вхождением Дальневосточной республики в Советскую Россию, а впоследствии одной из первых расскажет американцам о Забайкалье, каким она увидела его в своей поездке по Дальнему Востоку в последние месяцы 1922 года. Объединив усилия с американским писателем и полярным исследователем Шелдоном Бартом, автор с 2015 г. предприняла исследование в архивах Москвы, что позволило выявить документальные источники в Центральном архиве ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ) и в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), позволившие реконструировать обстоятельства появления Маргарет Харрисон в Забайкалье осенью 1922 г.

Ключевые слова: Забайкалье, Дальневосточная республика, Госполит-охрана ДВР, ГПУ РСФСР, США, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ

Svetlana A. Chervonnaya,
US Studies Historian,
Moscow, Russia

Documentation of the two Visits of Marguerite Harrison to Soviet Russia in the Archives of Moscow

This research is a continuation of my archival reconstruction of the story of participation of the “trade delegation” of the Far Eastern Republic in the Washington International Conference on Naval Limitation (1921–1922), undertaken in 2012–2013. Among the journalists at the Conference, there was an American named Marguerite Harrison – a journalist and military spy, who had earlier worked in that capacity in Germany, Poland and Soviet Russia. Her intuition would soon bring her into the height of historic events and international intrigues involved in the liberation of the Russian Far East from the Japanese occupation and integration of the Far Eastern Republic into Soviet Russia – and would be one of the first to tell Americans about TransBaikal as she saw it in her trip in the Far East in the later part of 1922. Joining forces with Sheldon Bart – American writer and Polar explorer, the author of the 2015 undertaken research at Moscow archives to locate relevant documentary sources at the Central Archive of the FSB RF (TsA RF) and the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), which enabled a reconstruction of the circumstances behind the appearance of Marguerite Harrison in TransBaikal in the fall of 1922.

Keywords: Transbaikal, Far-Eastern Republic, Gospolitokhrana DVR, GPU, USA, TsA FSB RF, RGASPI

Выбор Маргарет Харрисон в качестве центральной фигуры исследования определялся рядом факторов.

В первую очередь – её личностью, о чём более подробно говорится в презентации Шелдона Барта «Вспоминая удивительную американку, которая познакомила западного читателя с Забайкальем», а также предысторией её появления на Дальнем Востоке, связанной с малоизвестной до настоящего времени ранней чекистской операцией. Под журналистским прикрытием Маргарет Харрисон с 1918 года служила агентом военной разведки США – в Германии и других европейских странах. В конце 1919 года она получила новое задание: аккредитоваться в Советской России, чтобы ответить на главный вопрос, который на тот момент интересовал Америку: насколько прочно утвердилась советская власть, удержится ли правительство большевиков, как выглядит изнутри проводимый им гигантский социальный эксперимент – и стоит ли иметь с большевиками дело?

Однако к тому времени Харрисон уже стала объектом чекистской операции, которая была частью большой политической игры. В условиях краткой мирной передышки Кремль искал выход из международной изоляции, и на тот момент видел его на пути

нормализации отношений с США, которые вступали в год президентских выборов с перспективой прихода в Белый дом, как надеялись большевики, более прагматичного президента-республиканца. А для этого была необходима информация, закулисные каналы связи и агенты влияния.

Особому отделу ЧК удалось достичь своей цели: после двух дней допросов на Лубянке в начале апреля 1920 года Харрисон подписала вербовочное обязательство. Её работа в качестве двойного агента ЧК и американской военной разведки пришлась на образование на Дальнем Востоке «буферной» Дальневосточной республики, 2-й Конгресс Коминтерна, конец мирной передышки, польско-советскую войну на западе и наступление Врангеля на юге. Но даже в этих условиях для бесстрашной американки, казалось, не существовало закрытых дверей и запретных мест. Работая на грани фола, в конце октября 1920 года она снова попала на Лубянку, на этот раз на долгие месяцы, которые она использовала для изучения русского языка и истории, пытаясь понять её логику, а также загадочный «русский характер». Тем временем на Россию надвинулся голод, и Харрисон оказалась ставкой в новой игре, целью которой был приход в Россию американской продовольственной помо-

щи (АРА). Летом 1921 года Харрисон покинула Россию – чтобы вернуться в конце 1922 года, к заключительному акту её дальневосточной драмы.

К лету 1922 года на повестку дня встало очищение российского Дальнего Востока от японских оккупантов и его воссоединение с Советской Россией. В этом были объективно заинтересованы США, которые давно вели многоходовую игру, используя возможности своей военной разведки и её закулисные контакты с дальневосточными большевиками, которые изначально шли через Владивосток, а впоследствии распространились на Читу. Первой из российских исследователей на эти контакты обратила внимание историк М. В. Фукс, ещё в 1990-е годы во время работы в РГАСПИ (тогда РЦХДНИ) выявившая ряд документов, указывавших на «интенсивное сотрудничество американской военной разведки с большевиками» [16, с. 460–487]. В ходе исследования 2012–2013 годов удалось документально подтвердить американское происхождение документов, которые были опубликованы делегацией ДВР во время Вашингтонской конференции, став её «информационной бомбой» [25]. Ещё со времени Вашингтонской конференции конца 1921 – начала 1922 года Маргарет Харрисон была наблюдателем этой игры, а с лета 1922 года объективно стала её участницей.

С июня 1922 года Харрисон на Дальнем Востоке – сначала в Японии, потом на занятом японцами Сахалине, в Приморье и в Китае, в том числе в качестве журналиста на Чанчуньской конференции, проходившей в сентябре 1922 года между ДВР, РСФСР и Японией. В её дальнейших планах было большое путешествие в Москву по Транссибирской магистрали, но в ходе контактов с советскими дипломатами в Пекине она снова стала объектом чекистской разработки: на Лубянке приняли решение арестовать её по приезду в Читу и отправить в Москву, чтобы получить интересующую чекистов информацию. Момент появления Харрисон в Чите совпал с вхождением ДВР в состав РСФСР, что дало местным чекистам формальный повод для её ареста – и отправки под конвоем по Транссибу в Москву. Чекистская операция и на этот раз достигла своей цели: Харрисон поделилась необходимой информацией, в том числе подробностями деятельности военной разведки США, и через два с небольшим месяца её отпустили домой.

Чекистская операция оказалась успешной и в долгосрочной перспективе: Харрисон

больше не вернётся в Россию, но станет поборником признания СССР и развития с ним торговых отношений. Она расскажет своим соотечественникам о России, её лидерах и народе в книгах и десятках, если не сотнях лекций. Она больше не вернётся к службе в американской военной разведке: впереди у неё была долгая увлекательная жизнь писателя, журналиста, кинематографиста и путешественницы. Она ни разу не испытает сожалений по поводу выпавших на её долю в России испытаний: «Я узнала душу России, ...поняла... всю историческую неизбежность гигантских потрясений, которые, несмотря ни на что, ведут к её модернизации».

Основным фактором, сделавшим возможным реконструкцию обстоятельств появления Маргарет Харрисон в Забайкалье осенью 1922 года, а также предшествовавшей ей дальневосточной одиссеи, явилось наличие в Центральном архиве ФСБ хорошо сохранившегося дела «Маргариты Бернардовны Гаррисон» [17; 18], причём (что весьма редко) не только двух томов её следственного дела, но и значительной части её так называемого «тюремного» дела и фрагментов дела «агентурной разработки», что в совокупности дало возможность впервые составить целостное представление о двух приездах Харрисон в Россию и в общих чертах наметить контуры ранней чекистской операции по разработке американской журналистки и военной разведчицы.

Два тома дела фактически представляют собой два отдельных дела: 1) дело Р-47767, открытое ВЧК 21 октября 1920 года и фактически заканчивающееся концом июля 1921 года; 2) дело Р-28578, открытое ГПУ 1 декабря 1922 года и заканчивающееся документами февраля 1923 года. Особую историческую ценность представляют вошедшие в состав первого тома значительные фрагменты так называемого «тюремного дела» Харрисон, содержащие её личные записки периода тюремного заключения, которые она сама считала безвозвратно утраченными, и без которых было бы трудно понять мотивы её последующего приезда на Дальний Восток.

Предметом настоящего исследования является второе дело – Р-28578, непосредственно относящееся к дальневосточной одиссее Маргарет Харрисон. Как и первое, оно весьма неоднородно по своему составу, происхождению и характеру, так как, наряду со следственным делом ГПУ, включает фрагменты дела агентурной разработки, тю-

ремного дела, а также дела «По обвинению Гаррисон Маргариты» Государственно-Полицейской Охраны Д.В.Р.

Формально открытое 22 ноября 1922 года (дата ареста Харрисон в Чите), дело Политохраны ДВР фактически (на что есть указание в деле) «началось с телеграммы из ГПУ» от 9 октября о предстоящем приезде Харрисон в Читу и необходимости её ареста и «препровождения в ГПУ» [20]. Содержащиеся в нём документы полуторамесячного периода, предшествовавшего аресту Харрисон, дают фрагментарное представление о её агентурной разработке ИНО ГПУ, а также об оперативном взаимодействии московских и сибирских чекистов с Политохраной ДВР на этапе, непосредственно предшествовавшем вхождению ДВР в состав РСФСР. Дело Политохраны было препровождено вместе с арестованной Харрисон «в Москву в распоряжение ГПУ» [20], поэтому его находка в составе дела «Маргариты Гаррисон» в ЦА ФСБ РФ представляет собой выявление интересного исторического источника не только по Маргарет Харрисон, но и по истории становления органов государственной безопасности на Дальнем Востоке.

Дело расширяет представление о дальневосточных чекистах, по которым в широкодоступных источниках имеются лишь скудные сведения. В их числе, в первую очередь, Лев Николаевич Бельский (1889–1941), в 1921–1922 годах директор Госполитохраны ДВР, и, в особенности, Борис Давидович Богданов (1901–1938), на конец 1922 года – начинающий чекист, впоследствии крупный дальневосточный контрразведчик и разведчик. Быть может, разработка и арест Харрисон были его первой крупной операцией, но в документах дела и, в особенности, в протоколах читинских допросов Харрисон, он выступает как её достойный интеллектуальный противник. Небольшое по объёму дело – своеобразный «Кто Есть Кто» в ранних органах госбезопасности Дальнего Востока и Сибири – от первых руководителей до рядовых уполномоченных.

Что касается Маргарет Харрисон, то материалы дела восполнили существовавшие пробелы в понимании предыстории её приезда в Читу в ноябре 1922 года: содержащиеся в деле протоколы допросов, письменные показания Харрисон, а также оперативные донесения и переписка дали возможность, наконец, реконструировать её контакты с советскими представителями в Китае и Монголии, а также детали маршрута её путеше-

ствия по Дальнему Востоку и Забайкалью. Значительную роль в указанной реконструкции сыграло наличие дополнительных документальных источников, выявленных в ряде фондов РГАСПИ, содержащих документы, относящиеся к Дальнему Востоку и Забайкалью.

В первую очередь это документы личного фонда Г. В. Чичерина (Фонд 159, оп. 2). Среди выявленных дел интерес представляют: дело 1 с материалами по переговорам в Чанчуне; дело 12 («Дальневосточная республика (ДВР)», с донесениями Я. Д. Янсона в НКВД и Политбюро о ходе освобождения Приморья и процессе вхождения ДРВ в состав РСФСР; дело 50 с рукописным письмом Чичерина Троцкому от 1.09.1922 года об успехах советской дальневосточной политики [7, л. 13, 13 об., 10]; дело 52 («Китай»), интересное записками Чичерина в Политбюро, В. И. Ленину, И. В. Сталину и другим о положении в Китае и советско-китайских отношениях с середины 1921 года; дело 54 («Китай») с записками и письмами А. А. Иоффе в НКВД из Китая с середины августа 1922 года – и особенно записка Иоффе о Дальневосточной республике и своих впечатлениях по пути в Китай [11, л. 21–30], а также его письмо из Чанчуна, в котором он, хотя и не называя Маргарет Харрисон по имени, рассказывает о своей полемике с ней во время конференции [11, л. 54–76]; дело 62 («Материалы конференции в Чанчуне...») и дело 65 («США»).

Интересные материалы отложились и в личном фонде Л. Д. Троцкого (Фонд 325, оп. 2), в особенности в деле 2 («Дальневосточная республика»), содержащем сообщения Янсона из Читы в Москву октября 1922 года, письмо Иоффе Троцкому из Чанчуна с предложением «возможно скорее... покончить с ДВР-овским ублюдком» [10, л. 73–77; 14, л. 51–69, 73–77, 93–94]; 24 («Материалы по Международным вопросам... ДВР и Дальневосточный край»), из которого можно составить представление о сложных закулисных взаимоотношениях с американцами на Дальнем Востоке накануне присоединения ДВР. В последнем отношении интересные материалы содержатся в деле 342 фонда 17, оп. 84 (Бюро Секретариата ЦК РКП(б) [1, л. 135–142; 2, л. 128–129] «Переписка с Дальневосточным Бюро ЦК РКП(б)»).

Дополнительный материал по ряду аспектов темы содержится в двух личных фондах, хранящихся в РГАСПИ: члена Дальневосточного бюро РКП(б) и предпоследнего

Председателя Совета министров ДВР Петра Михайловича Никифорова [3; 4; 5; 6] и одного из организаторов советской власти на Дальнем Востоке и члена делегации ДВР на Вашингтонской конференции Петра Николаевича Караваева [16; 17; 18]. Последний интересен, в том числе, в силу наличия документального свидетельства его контактов с Маргарет Харрисон, которая даже привезла в Читу багаж Караваева, возвращавшегося из Вашингтона через Москву.

Ценный материал должен содержаться в фондах Секретариата Чичерина (Фонд 04) и Л. М. Карахана (Фонд 08) Архива внешней политики РФ (АВП РФ), в особенности дела с междуведомственной перепиской за конец 1922 – начало 1923 года в Фонде 04, которые, однако, не выдаются в читальный зал.

Работа по выявлению источников, связанных с приездом Маргарет Харрисон в Забайкалье, продолжается.

Список источников и литературы

1. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 84. Д. 342.
2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 343.
3. РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 4.
4. РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 160.
5. РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 162.
6. РГАСПИ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 164.
7. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1.
8. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 12.
9. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 50.
10. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 52.
11. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 54.
12. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 62.
13. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 65.
14. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 2.
15. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 24.
16. РГАСПИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 13.
17. РГАСПИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 15.
18. РГАСПИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 16.
19. ЦА ФСБ РФ (Центральный архив ФСБ России). Д. Р-28578.
20. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-47767.
21. Азаренков А. А. Геополитический вызов России: «Вашингтонская система» региональной стабильности и возвращение СССР на Дальний Восток // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2009. № 2. С. 54–59.
22. Азаренков А. А., Азаренкова Н. Н. АРА и контакты большевистского режима с США // Человек, общество и культура: проблемы исторического развития: материалы регион. научн.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 19–21 апр. 2005 г.). Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2005. Ч. 2. С. 3–8.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 5. 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961. 786 с.
24. Документы внешней политики СССР. Т. 6. 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. М.: Госполитиздат, 1962. 646 с.
25. Советско-американские отношения. Годы непризнания, 1918–1926 / сост.: Ю. В. Иванов [и др.]; науч. ред. Г. Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М.: Материк, 2002. 629 с.
26. Фролова Е. А. Российско-американские отношения на Дальнем Востоке. автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Хабаровск, 2010.
27. Фукс М. В. Планы «сине-оранжевой» войны и первые шаги российско-американского военного сотрудничества, 1920–1923. М.: АИРО-XX, 2001. 487 с.
28. Chervonnaya S., Evans D. Left Behind: Boris E. Skvirsky and the Chita Delegation at the Washington Conference, 1921–22 // Intelligence and National Security. 2014. № 1.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)

Шелдон Барт,

*Фонд исследования дикой природы Джерси-Сити,
г. Нью-Джерси, США*

Вспоминая удивительную американку, которая познакомила западного читателя с Забайкальем

*К столетию Маргарет Харрисон –
общественной деятельницы, иностранного корреспондента,
историка и разведчицы*

В 1920-е годы Маргарет Э. Харрисон – американская журналистка и военная разведчица – одной из первых рассказала американцам о Забайкалье, каким она его увидела в своей поездке по Дальнему Востоку в последние месяцы 1922 года. Благодаря своей интуиции журналистки и разведчицы, она оказалась в гуще исторических событий и международных интриг, связанных с освобождением Приморья от японских оккупантов и вхождением Дальневосточной республики в Советскую Россию. Благодаря книгам и статьям Харрисон, а также её многочисленным лекциям американцы получили достоверное и вдумчивое описание истории и геополитики земли, которой она была очарована, и народа, к которому она почувствовала огромное влечение.

Ключевые слова: Забайкалье, Дальневосточная республика, Япония, Китай, Маньчжурия, Монголия, РСФСР, США

Sheldon Bart,

*Wilderness Research Foundation Jersey City,
NJ, USA*

Remembering the Extraordinary American Woman, who Introduced Western Readers to the Transbaikal

*The Centennial of Marguerite Harrison –
Socialite, Foreign Correspondent, Historian, Spy*

In the 1920s, Marguerite E. Harrison – an American journalist and military spy – was one of the first to tell Americans about the Transbaikal, as she saw it on her trip to the Far East in the later part of 1922. Her instincts as journalist and spy brought her into the midst of historic events and international intrigues involved with the liberation of the Russian Far East from Japanese occupation and integration of the Far Eastern Republic into Soviet Russia. The books and articles Harrison wrote on her return to the USA and her many lectures provided American audiences with an accurate and thoughtful account of the history and geopolitics of a land that fascinated her and of the people for whom she felt the deepest affinity.

Keywords: Transbaikalia, Far Eastern Republic, Japan, China, Manchuria, Mongolia, RSFSR, USA

За исключением редакции английской газеты «Балтимор Сан», члены которой собираются в конференц-зале, названном в её честь, лишь немногие американцы помнят Маргарет Харрисон, а большинство россиян вообще никогда не слышали о ней. Это большой промах как для восточного, так и для западного мира, потому что именно с её помощью, через её труды американцы получи-

ли самую глубокую и точную информацию о России и Забайкалье в первом десятилетии советского государства. Повидавшая мир и умудрённая опытом, она была одной из самых необычных женщин двадцатого века, и её личная история настолько же интересна, как и всемирная история, в описании которой Харрисон принимала непосредственное участие.

Маргарет Э. Харрисон (1878–1967), по мнению коллег из «Ассошиэтед Пресс», была «ловкой женщиной с яркой индивидуальностью»¹. Любящая приключения дочь кораблестроителя из Балтимора, она была первой женщиной-агентом разведки из Америки, действовавшей в Германии, Восточной Европе и России с 1919 по 1922 год. Выдающаяся, привлекательная 40-летняя вдова, мать-одиночка и штатный журналист газеты «Балтимор Сан», Харрисон отправилась в Берлин после Первой мировой войны, якобы в качестве иностранного корреспондента. Фактически же она работала в подразделении военной разведки военного ведомства США и была назначена для сбора информации о социальных и политических потрясениях в Германии и на оспариваемых территориях Центральной и Восточной Европы. Свободно владея несколькими языками, она создала широкую сеть контактов и информаторов, рисковала своей жизнью в перекрёстном огне революционеров и реакционеров, много путешествовала по возрождённым польским и литовским государствам, подавала конфиденциальные сообщения о беспорядках, в то время как российские и немецкие войска боролись с местными армиями за контроль территорий.

По немецкому заданию она была отправлена в большевистскую Россию. Лишь немногие тщательно отобранные иностранные журналисты получили визы для въезда в Россию, но Харрисон нелегко было смутить. Вместо этого она без всякого стеснения пересекла польско-российскую границу без ведома и разрешения советского внешнеполитического ведомства. Маргарет направилась в Москву, где была неохотно принята в качестве иностранного корреспондента и встретила с такими светилами революции, как Георгий Чичерин, Феликс Дзержинский, Карл Радек, Александра Коллонтай и Анжелика Балабанова. Снова она играла двойную роль, с одной стороны отправляя статьи в «Балтимор Сан», «Нью-Йорк Ивнинг Пост» и в «Ассошиэтед Пресс», а с другой – тайно докладывая в подразделение военной разведки США. Появились новые свидетельства того, что сеть большевистских сторонников в США выдала информацию о разведывательной деятельности миссис Харрисон советскому посланнику в Нью-Йорке. Она пережила десять месяцев тюремного заклю-

чения в советских тюрьмах, после чего была освобождена и депортирована вместе с другими американскими заключёнными в обмен на поставки продовольствия из Американской администрации по оказанию помощи. Харрисон овладела русским языком в тюрьме и разузнала всё, что могла, об истории и традициях страны. Она рассказала об этих впечатлениях в книге 1921 года «Покинутая в Москве»².

Несмотря на тюремное заключение, миссис Харрисон глубоко прониклась к русской культуре и оставалась справедливой по отношению к своим бывшим захватчикам, призывая США признать и торговать с существующим советским правительством.

Путешествие по Забайкалью³

Год спустя, в июне 1922 года, Харрисон отправилась в журналистский тур по Дальнему Востоку. Япония, «Азиатская Германия», в то время имела притязания на Сибирь, Корею и северо-восток Китая. Её агрессия в регионе была главной проблемой, важнейшей задачей, которую Харрисон пыталась осветить в своих работах. Но был ещё один интересный момент. Дальневосточная республика была технически независимым государством. Маргарет жаждала услышать русские голоса, воссоединиться с той культурой, которая так сильно очаровала её с момента её прибытия на советскую землю. И такая возможность появилась благодаря Дальневосточной республике. Маршрут Харрисон отражал её интеллектуальное любопытство, дух приключений и симпатию к русскому народу. Из Токио она отправилась на северный Сахалин, а затем села на пароход в Николаевск, чтобы переправиться на сибирский материк. Там она неожиданно встретила Эдварда Б. Томаса, вице-консула США в Чите и майора Филиппа Файмонвилля, недавно назначенного американским военным наблюдателем в Чите. Томас и Файмонвилл предложили Харрисон остановиться у них, если она окажется в Чите. Затем Маргарет, воспользовавшись пароходом на Амуре, оказалась в Хабаровске и оттуда обеспечила себе место на медленном поезде до Владивостока, который шёл в течение пяти дней

² Marooned in Moscow: The Story of an American Woman in Russia by Marguerite Harrison. – New York: George H. Doran, 1921.

³ The stages of Mrs. Harrison's eastern journey are carefully noted not only in her published writings, but corroborated in Volume II of her file (R 28578) in the Central Archive of the FSB RF. I am grateful to Dr. Svetlana A. Chervonnaya for access to these records.

через территорию, оккупированную тремя различными армиями: Народно-революционной армией Дальневосточной республики, японской армией и белыми войсками.

Будучи форпостом российского общества, Владивосток оказался именно тем местом, в котором она так хотела побывать. Через неделю, наполненную несколькими яркими интервью с генералом Михаилом Дитерихсом, командующим белыми войсками на Дальнем Востоке, Харрисон забронировала билет на пароход в Инчхон и Сеул. Время пребывания Харрисон в Корее было недолгим, и её следующей целью стала Маньчжурия, а именно Чанчуньская конференция между Японией с одной стороны и Дальневосточной республикой и Российской Социалистической Федеративной Республикой – с другой.

В Чанчуне не удалось достигнуть никаких соглашений, поскольку Япония отказалась вывести войска с острова Сахалин, но эта конференция позволила Харрисон возобновить знакомство с советским послом в Китае Адольфом Джоффе и председателем российской делегации в Чанчуне и с Яковом Янсоном – министром иностранных дел Дальневосточной республики. Она встречалась с обоими в Москве и обсуждала с ними возможность получения виз не только для Дальневосточной республики, но и для всей России – это была разумная просьба, по её мнению, поскольку она больше не занималась разведывательными мероприятиями. Вполне естественно, что Китай, находившийся в переходном состоянии от своего династического прошлого, привлёк инициативного репортёра. Миссис Харрисон провела две недели в Пекине, в течение которых она официально подала прошение в советское консульство на легальные визы, чтобы без препятствий путешествовать по Забайкалью и России. Это ходатайство привлекло внимание Аристарха А. Ригина, агента внешней разведки Москвы, проживавшего в китайской столице.

Харрисон пересекла Монголию на автомобилях и лошадиных упряжках, проносясь сквозь песчаные бури и бандитов. В Урге она получила от советского представителя Николая Лубарского верительные грамоты для Дальневосточной республики и с нетерпением ожидала получения в Чите разрешения на въезд в Россию. Но этого не произошло. Она прибыла почти в тот самый момент, когда Советская Россия вновь присоединила Дальневосточную республику. Большеви-

ские агенты следили за её передвижениями и арестовали на улицах Читы по обвинению в шпионаже. Вице-консул Томас сделал соответствующие дипломатические запросы, но не более того. Под вооружённой охраной Маргарет переправили обратно в Москву по Транссибирской магистрали на второй срок лишения свободы. Советское контрразведывательное бюро оценило её способности и в течение 10 недель пыталось убедить или принудить её работать на большевиков. Она сопротивлялась и, в конце концов, была освобождена, когда известие о её аресте достигло Вашингтона.

Дальнейшая работа

В 1928 году вышла первая публикация «Возрождение Азии», всесторонняя документальная работа, в которой прослеживалась история и геополитика России, Сибири и их азиатских соседей с конца Первой мировой войны. Книга отличалась своей глубокой проработкой истории в проникательном анализе географии и культуры региона. Она превзошла преобладавшие в то время расистские настроения, предлагая симпатичный портрет народов и культур Востока. Единственным предложением она подарила американцам понимание размера и потенциала Сибири: «Сибирь на сегодняшний день, с её огромными неразвитыми ресурсами всё ещё остаётся для России тем, чем Великий Запад для Соединённых Штатов столетие назад – страной-первопроходцем, на которую русский народ имеет преимущественное право»¹.

Как историческая работа книга была уникальной благодаря тому, что автор была лично знакома с людьми и событиями. Читатели миссис Харрисон смогли не только проследить хронологию Гражданской войны в России, но и познакомиться с общественным мнением в Сибири касаясь этой борьбы: «Проблемы в России казались слишком далёкими от среднего сибирского переселенца, чтобы оправдать его жертву для свержения нового правительства в Москве, за тысячи километров. Давным-давно, когда я путешествовала по Сибири в 1922 году, я увидела это безразличие среди крестьян. “А какое наше дело, – спросили они, – что у них за правительство в Центре?”»².

Есть ещё два примера, касающихся генерала Дитерихса и ещё одного военного

¹ Asia Reborn by Marguerite Harrison. – New York: Harper & Brothers, 1928. – P. 15.

² Ibid. – P. 254.

начальника, действующего в Забайкалье в начале 1920-х годов, барона Романа фон Унгерна-Штернберга.

Что касается Дитерихса: «Я была одним из немногих иностранцев во Владивостоке во время его кратковременного властвования... Для него Святая Русь была чем-то необыкновенным, спасённым из рук красных варваров, которые свергли монархию и срубили её божественно назначенную голову. Он твёрдо верил, что ему нужно лишь объединить силы и объявить Святую войну, чтобы всколыхнуть огромную волну религиозного энтузиазма среди крестьян и побудить их следовать за ним в Москву. «Если бы у людей была только вера, – сказал он мне однажды, – Бог совершил бы чудо!»¹.

Однако самым запоминающимся из двух генералов был «Унгерн-Штернберг, который был известен как Безумный барон... он убил всех русских, монголов или китайцев, подозреваемых в “красных” настроениях, часто с применением самых ужасных пыток. Евреи были убиты без исключения, а главный палач Унгерна, человек по имени Зипайлов, который душил своих жертв, хвастался, что своими руками он убил более двухсот человек. Об этом обычно говорили в Урге, когда я была там год спустя, что он тренировался на собаках, чтобы продолжать совершенствоваться»².

После публикации «Возрождения Азии» Харрисон выпустила мемуары «Всегда есть завтра»³ и продолжала путешествовать по

миру и погружаться в далёкие культуры даже в пожилые годы. «Блуждание, – сказала она однажды, – моё естественное состояние»⁴.

Реабилитация

Маргарет Харрисон умерла в Балтиморе, штат Мэриленд, 16 июля 1967 года в возрасте 88 лет. Она предсказала, что Советский Союз никогда не будет поражён силой. После того, как он распался, она была «реабилитирована» Российской Федерацией 30 мая 2000 года⁵. И это ей бы понравилось.

В настоящее время выходит большая биография, которая совпадает со столетней годовщиной миссии разведки Харрисон в Советской России. И она заслуживает того, чтобы её помнили не только как автора и историка, но и в числе «первых»:

– Первая женщина, занимавшаяся тяжёлым физическим трудом на судостроительном заводе в Балтиморе, штат Мэриленд, согласно заданию газеты в 1918 году.

– Первая женщина-журналистка, побывавшая в Берлине после перемирия.

– Первая женщина, которая была секретным агентом США в большевистской России.

– Первая американская женщина-агент, арестованная большевиками.

– Первая женщина-журналистка, путешествовавшая по миру через Японию, Китай, Монголию, Сибирь и побывавшая в тюрьме на Лубянке.

– Первый кинорежиссёр, которая посетила иранские горы Загрос.

Список источников и литературы

1. Архивы Института Гувера. Калифорния: Стэнфорд.
2. Библиотека Конгресса. Вашингтон.
3. Корпоративные архивы Ассошиэтед Пресс. Нью-Йорк.
4. Национальная администрация архивов и записей. Мэриленд: Колледж-Парк.
5. Харрисон М. Азия возрождается. Нью-Йорк: Harper & Brothers, 1928.
6. Харрисон М. Высадка в Москве: история американской женщины в России. Нью-Йорк: George H. Doran, 1921.
7. Харрисон М. Всегда есть завтра: история жизни в клетке. Нью-Йорк: Farrar & Rinehart, 1935.

¹ Asia Reborn by Marguerite Harrison. – New York: Harper & Brothers, 1928. – P. 263.

² Ibid. – P. 267. Harrison is referring to the Russian counter-intelligence officer, Lt. Colonel Leonid Viktorovich Sipaylo (Sipaylov).

³ There's Always Tomorrow: The Story of a Checkered Life by Marguerite Harrison. – New York: Farrar & Rinehart, 1935.

⁴ Marguerite E. Harrison to Harriet Chalmers Adams, undated letter circa 1931, Society of Women Geographers Collection, Library of Congress.

⁵ Main Military Procurator's Office of the General Procurator's Office of the Russian Federation. No. 1203. The Central Archive of FSB RF. – File R-47767. – Pp. 207–208. Courtesy of Dr. Svetlana A. Chervonnaya.

Remembering the Extraordinary American Woman, who Introduced Western Readers to the Transbaikal

*The Centennial of Marguerite Harrison –
Socialite, Foreign Correspondent, Historian, Spy*

In the 1920s, Marguerite E. Harrison – an American journalist and military spy – was one of the first to tell Americans about the Transbaikal as she saw it on her trip to the Far East in the later part of 1922. Her instincts as journalist and spy brought her into the midst of historic events and international intrigues involved with the liberation of the Russian Far East from Japanese occupation and integration of the Far Eastern Republic into Soviet Russia. The books and articles Harrison wrote on her return to the USA and her many lectures provided American audiences with an accurate and thoughtful account of the history and geopolitics of a land that fascinated her and of the people for whom she felt the deepest affinity.

Keywords: Transbaikal, Far Eastern Republic, Japan, China, Manchuria, Mongolia, RSFSR, USA

Except for the editorial staff of the Baltimore Sun, who gather in a conference room named in her honor, few Americans remember Marguerite Harrison, and most Russians have never heard of her. This is unfortunate for both east and west because it was through her eyes and writings that Americans received the most thoughtful and accurate information about Russia and the Transbaikal in the first decade of the Soviet state. Well-traveled and worldly-wise, she was one of the most extraordinary women of the twentieth century and her personal history is equally as compelling as the world history she chronicled.

Marguerite E. Harrison (1878–1967) was best described by a colleague at the Associated Press who remembered her as “a wide-awake woman with a fine personality”¹. The adventurous daughter of a Baltimore shipping magnate, she was the first American woman intelligence agent active in Germany, Eastern Europe, and Russia from 1919 through 1922. A brilliant, attractive 40-year-old widow, single parent, and staff writer of the Baltimore Sun, Harrison went to Berlin, after World War I, ostensibly as a foreign correspondent. She was actually working for the Military Intelligence Division (M.I.D.) of the U.S. War Department and had been assigned to gather intelligence on social and political upheavals in Germany and the disputed territories of Central and Eastern Europe. Fluent in several languages, she established a wide network of contacts and informants, risked her life in the crossfire of revolutionaries and reactionaries, and traveled

extensively through the revived Polish and Lithuanian states, filing confidential dispatches on the turmoil there, as Russian and German troops vied with the indigenous armies for control.

Following her German assignment, she was sent to Bolshevik Russia. Only hand-picked journalists from abroad were awarded visas to visit Russia, but Harrison was not easily discouraged. Instead, she brazenly crossed the Polish-Russian frontier without the knowledge and permission of the Soviet Foreign Office. She made her way to Moscow, was grudgingly accepted as a foreign correspondent and met and interviewed such luminaries of the revolution as Georgy Chicherin, Felix Dzerzhinsky, Karl Radek, Alexandra Kollontai, and Angelica Balabanova. Again she pursued a dual role, reporting overtly for the Baltimore Sun, the New York Evening Post, and the Associated Press, and covertly to M.I.D. New evidence has surfaced suggesting that a network of Bolshevik sympathizers in the U.S. leaked information on Mrs. Harrison’s intelligence activities to a Soviet envoy in New York. She survived ten months of incarceration in Soviet prisons, under a threatened death sentence, and was released and deported, along with other American prisoners, in exchange for shipments of food from the American Relief Administration. Harrison mastered the Russian language while in prison and absorbed all she could about the history and traditions of the country. She recounted these experiences in a 1921 book, *Marooned in Moscow*².

¹ Undated statement of DeWitt Mackenzie, circa February 1936, AP02A.03, Subject Files, Associated Press Corporate Archives, NYC.

² *Marooned in Moscow: The Story of an American Woman in Russia* by Marguerite Harrison. – New York: George H. Doran, 1921.

Despite her imprisonment, Mrs. Harrison developed a deep affinity for Russian culture and remained admirably fair-minded toward her former captors, urging the U.S. to recognize and trade with the existing Soviet government.

Travels in the Transbaikal¹

One year later, in June 1922, Harrison embarked on a journalistic tour of the Far East. Japan, the “Germany of Asia”, had designs on Siberia, Korea and northeastern China. Its aggressions in the region were headline issues, a major story Harrison sought to cover. But there was another attraction. The Far Eastern Republic was technically an independent state. Marguerite longed to hear Russian voices, to reconnect with the culture that had so fascinated her from the moment of her arrival on Soviet soil. The Far Eastern Republic provided such an opportunity. Harrison’s itinerary reflected her intellectual curiosity, spirit of adventure and feelings of camaraderie for the Russian people. From Tokyo, she journeyed to northern Sakhalin, then boarded a steamer to Nikolayevsk on the Siberian mainland. There by chance she met Edward B. Thomas, the U.S. Vice-Consul in Chita, and Major Philip Faymonville, recently appointed as American military observer in Chita. Thomas and Faymonville invited Harrison to share their quarters should she reach Chita. She next boarded a paddle-wheel steamer up the Amur River to Khabarovsk and from there secured a seat on a sluggish train to Vladivostok that chugged five days through territory occupied by three different armies, the People’s Revolutionary Army of the Far Eastern Republic, the Japanese army of occupation, and the Russian White forces.

An outpost of Russian society, Vladivostok provided the atmosphere she wished once again to breathe. Following a picturesque week there, which included interviews with General Mikhail Dieterichs, commander of the White forces in the Far East, she booked passage aboard a steamer to Inchon and Seoul. Harrison’s sojourn at Korea was brief, her immediate objective being Manchuria, to cover the Changchun Conference between Japan on one side and the Far Eastern Republic and the Russian Socialist Federative Republic on the other.

Nothing was settled at Changchun, as Japan refused to withdraw from the disputed

Sakhalin Island, but the conference enabled Harrison to renew her acquaintance with Adolf A. Joffe, Soviet ambassador to China and chairman of the Russian delegation to Changchun, and Yakov Janson, foreign minister of the Far Eastern Republic. She had met both in Moscow and discussed with them the possibility of obtaining visas for not only the Far Eastern Republic, but Russia as well – a reasonable request, she thought, as she was no longer engaged in intelligence activities. Quite naturally, China, in the throes of a turbulent transition from its dynastic glories, beckoned the enterprising reporter. Mrs. Harrison spent two weeks in Beijing, during which she formally applied at the Soviet consulate for the cherished visas to travel legally across the Transbaikal and Russia. This petition brought her under the watchful eyes of Aristarkh A. Rigin, Moscow’s foreign intelligence resident in the Chinese capital.

Harrison crossed Mongolia by automobile and horse-and-buggy, braving sandstorms and bandits. At Urga, she readily obtained from the Soviet representative, Nickolai Lubarsky, credentials for the Far Eastern Republic and looked forward to receiving at Chita permission to enter Russia. But this was not to be. She arrived almost precisely at the moment Soviet Russia re-integrated the Far Eastern Republic. Bolshevik agents had been monitoring her travels and arrested her on the streets of Chita. The charge: espionage. Vice-Consul Thomas made the appropriate diplomatic representations but could not otherwise intervene. Under armed guard, she was escorted back to Moscow via the Trans-Siberian Railway for a second period of incarceration. The Soviet counter-intelligence bureau respected her abilities and sought for 10 weeks to persuade, entice and coerce her into working for the Bolshevik regime. She resisted and was eventually released when word of her captivity reached Washington.

Further Works

The year 1928 marked the publication of Harrison’s *Asia Reborn*, a comprehensive work of non-fiction that traced the history and geopolitics of Russia, Siberia and their Asian neighbors since the end of the First World War. The book was distinguished by its depth, grounding the history in a perceptive analysis of the geography and culture of the region. It transcended the prevailing “racialist” framework, offering a sympathetic portrait of the peoples and cultures of the east. With one single sentence, it triggered in American minds an immediate empathetic understanding of the vastness and

¹ The stages of Mrs. Harrison’s eastern journey are carefully noted not only in her published writings, but corroborated in Volume II of her file (R 28578) in the Central Archive of the FSB RF. I am grateful to Dr. Svetlana A. Chervonnaya for access to these records.

potential of Siberia: "Siberia to this day, with its immense undeveloped resources is still to Russia what the Great West was a generation ago to the United States a pioneer country on which the Russian people have a prior claim"¹.

As a history text, it was unique too for the numerous indications that the author was personally conversant with the people and events being related. Mrs. Harrison's readers, for example, learned not only the chronology of the Russian Civil War, but the general thrust of public opinion in Siberia on the struggle: "The issues in Russia seemed too remote to the average Siberian colonist to warrant his making any sacrifice to overthrow the new government in Moscow, thousands of miles away. Long afterwards, when travelling in Siberia in 1922, I found this indifference among the peasants. 'What business of ours is it,' they asked, 'what sort of government they have in the Centre?'"².

Two more examples concern General Dieterichs and another military leader, active in the Transbaikal in the early 1920s, Baron Roman von Ungern-Sternberg.

Regarding Dieterichs: "I was one of the few foreigners in Vladivostok during his brief tenure of power...To him Holy Russia was a sacred thing to be redeemed from the hands of the Red barbarians who had overthrown the monarchy and slain its divinely appointed head. He believed firmly that he had but to get a small force together and proclaim a Holy War in order to start a tremendous wave of religious enthusiasm among the peasants and induce them to follow him to Moscow. "If the people would only have faith, – he once said to me, – God would perform a miracle!"³

The more colorful of the two generals, "Ungern-Sternberg, who was known as the Mad Baron...put to death all Russians, Mongolians, or Chinese suspected of Red tendencies, often

with the most horrible tortures. Jews were murdered without exception, and Ungern's chief executioner, a man named Zipailov who strangled his victims, boasted that he had killed over two hundred men with his own hands. It was commonly said of him in Urga, when I was there a year later, that he practiced on dogs to keep in training"⁴.

Following the publication of *Asia Reborn*, Harrison produced a memoir, *There's Always Tomorrow*⁵, and continued traveling the world and immersing herself in distant cultures even in her elder years. "Wandering", she once said, "is my natural state of being"⁶.

Rehabilitated

Marguerite Harrison died in Baltimore, Maryland on July 16, 1967 at the age of 88. She had predicted that the Soviet Union would never be displaced by force. After it imploded, she was, on May 30, 2000, "rehabilitated" by the Russian Federation⁷. That would have pleased her.

A major biography is in progress to coincide with the centennial of Harrison's intelligence mission in Soviet Russia. She deserves to be remembered not only as an author and historian, but for the following "firsts":

First woman to perform manual labor at the Bethlehem Shipyards, Baltimore, Maryland, pursuant to a 1918 newspaper assignment.

First woman journalist to reach Berlin after the armistice.

First woman U.S. secret agent in Bolshevik Russia.

First American woman agent incarcerated by the Bolsheviks.

First woman journalist to travel around the world by way of Japan, China, Mongolia, Siberia, and Lubyanka prison.

First woman filmmaker to cross the Zagros Mountains of Persia.

Sources and Literature

1. National Archives and Records Administration. Maryland: College Park.
2. Hoover Institution Archives. California: Stanford.
3. Library of Congress. Washington, D. C.
4. Associated Press Corporate Archives. New York, NY.
5. Harrison M. *Asia Reborn*. New York: Harper & Brothers, 1928.
6. Harrison M. *Marooned in Moscow: The Story of an American Woman in Russia*. New York: George H. Doran, 1921.
7. Harrison M. *There's Always Tomorrow: The Story of a Checkered Life*. New York: Farrar & Rinehart, 1935.

¹ *Asia Reborn* by Marguerite Harrison. – New York: Harper & Brothers, 1928. – P. 15.

² *Ibid.* – P. 254.

³ *Ibid.* – P. 263.

⁴ *Ibid.* – P. 267. Harrison is referring to the Russian counter-intelligence officer, Lt. Colonel Leonid Viktorovich Sipaylov (Sipaylov).

⁵ *There's Always Tomorrow: The Story of a Checkered Life* by Marguerite Harrison. – New York: Farrar & Rinehart, 1935.

⁶ Marguerite E. Harrison to Harriet Chalmers Adams, undated letter circa 1931, Society of Women Geographers Collection, Library of Congress.

⁷ Main Military Procurator's Office of the General Procurator's Office of the Russian Federation. No. 1203. The Central Archive of FSB RF. – File R-47767. – Pp. 207–208. Courtesy of Dr. Svetlana A. Chervonnaya.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)614

Игорь Викторович Чапыгин,
*Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Иван Игоревич Чапыгин,
*Иркутский кадетский корпус им. П. А. Скороходова,
г. Иркутск, Россия*

Из истории сретенской периодической печати (начало – 30-е годы XX века)

В статье анализируется забайкальская периодическая печать кануна революционного и начального периодов советской истории. Автор доказывает, что это настоящий клад информации, отразивший все основные события и перипетии исследуемого времени. Исторический опыт забайкальской периодики будет, несомненно, актуален в настоящее время.

Ключевые слова: Забайкалье, Сретенск, периодика, типография, журналистика, газета

Igor V. Chapygin,
*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Ivan I. Chaplygin,
*Irkutsk Cadet Corps. P. A. Skorokhodova
Irkutsk, Russia*

From the History of the Sretensky Periodicals (beginning 30-ies of the twentieth century)

The article analyzes the Transbaikal periodical press of the revolutionary and initial periods of Soviet history. The author proves that this is a real storehouse of information, reflecting all the main events and vicissitudes of the investigated time. The historical experience of the Transbaikal periodicals will undoubtedly be relevant at the present time.

Keywords: Transbaikalia, Sretensk, periodicals, printing press, journalism, newspaper

Уникальный вклад в пласт нашего недалёкого прошлого внесла провинциальная журналистика, обогатившая его местными «соками» литературы и печати. Внесла, выполняя одну из основных функций журналистики – просветительскую и образовательную в самом широком смысле этого слова. Длительное время периодическая печать Забайкалья, и в частности, Сретенска, оставалась главным объединяющим звеном многочисленных населённых пунктов, была рупором и контролёром многих событий и начинаний, оказала огромное влияние на постановку общественного мнения и решение ряда проблем, которые имели здесь свою специфику, но были и общими для всей Сибири.

В начале XX века бывший актёр театра Александр Петрович Потёмкин открыл в Сре-

тенске первую типографию. Размещалась она по улице Береговой, в здании, принадлежавшем представителям чайной компании «Кокавин и Басов» братьям Замошниковым. Хозяин типографии нанимал несколько человек рабочих, сам был и наборщиком, и печатником, вместе с ним трудилась в издательстве его жена Мария Максимовна [6, с. 6].

Первая печатная газета в Сретенске вышла в 1905 году. Это было время небывалой политической активности, связанной с волной революционного движения. В проходивших митингах и демонстрациях принимали участие солдаты Сретенского гарнизона и казаки, рабочие и мещане, учителя и учащиеся. Сам станичный атаман М. В. Шайдуров ходил с красным бантом на груди. С 15 ноября 1905 года по 10 января 1906 года

в Сретенске проходила политическая стачка работников почты и телеграфа, а 9 января 1906 года началась политическая стачка приказчиков.

Примерно в это же время в станице выходит газета «Протоколы и постановления Сретенских союзов» как издание Сретенского военного союза – беспартийной массовой революционной организации. 1 января 1906 года вышел первый номер «Сретенского листка». Это была четырёхполосная газета небольшого формата в два писчих листа. С 1 по 24 января 1906 года вышло 11 номеров газеты и одно приложение. 27 января 1906 года в редакции был произведён первый обыск. Типографию опечатали, а супругов Потемкиных арестовали и с двумя малолетними дочерьми отправили в Нерчинскую тюрьму, откуда они в Сретенск больше не возвратились. Позднее типография была разгромлена: шрифты и одну печатную машину погрузили в вагон и увезли в неизвестном направлении. Четверо типографских рабочих скрылись, а двое перешли в типографию И. М. Неклюдова [5].

В том же году в Сретенске вышла ещё одна ежедневная газета более умеренного характера – «Колючка». Издавал газету Иван Михайлович Неклюдов, человек высокообразованный, до этого свыше десяти лет работавший в Благовещенском окружном суде переводчиком с корейского и китайского языков. Типографию он купил в марте 1905 года у М. Д. Бутина и перевёз её из Нерчинска в Сретенск. «Колючка» также продержалась недолго. Уже в 1907 году типография у И. М. Неклюдова была изъята Русско-китайским банком за долги, а затем продана. Управление ею перешло в руки купцов Танхимовичей. В 1910 году эту типографию купил Н. М. Штейн, который перевёз оборудование с улицы Береговой к себе во двор на Штейнском переулке [9, с. 7].

В течение нескольких лет после этого газеты в Сретенске не издаются. Тем не менее, интерес к периодике у населения был велик. До начала Первой мировой войны выписывались газеты «Забайкальская новь», «Русское Слово», «Биржевые Ведомости», «Копейка», «Чита», «Тайга», журналы «Нива» и «Пробуждение». «Выписывались также две немецкие газеты, пять татарских, четыре еврейских, две эстонских, по одной польской, латышской, греческой и датской; четыре немецких, два французских и один датский журнал» [8, с. 14].

И только 6 апреля 1914 года в типографии Н. М. Штейна большим форматом, на четырёх полосах вышла «Пасхальная неделя». Это был пробный номер давно задуманной газеты, о которой мечтала сретенская интеллигенция, и первый номер которой уже под названием «Восточное Забайкалье» вышел 17 мая 1914 года. Редактором её являлся А. А. Цинбал (Дергачёв). Деятельное участие в создании газеты принимал инженер Муравьевского затона Дитрих, активнейшим сотрудником стал видный забайкальский краевед А. К. Белявский. Он не только писал статьи и редактировал материалы, но вёл корректуру, выполнял всю техническую работу. Именно в нескольких номерах этой газеты было опубликовано его «Медико-топографическое описание Сретенска» – поистине бесценное для историков краеведческое исследование, основанное на богатейшем статистическом материале автора. Впрочем, предоставим слово самому Александру Капитоновичу. «В том же месяце в Сретенске основалась газета “Восточный Забайкалец”, в которой ответственным редактором был Цимбал-Миклашевский, а я соредактором. Издавалась газета на 25-рублевые паи (моих было сначала 6, да затем ещё 6), купечество шло туго на помощь газете, и крупные купцы участвовали денежно гораздо меньше нас, рядовых подписантов. Я отдавал много времени газете, писал статьи, вырезал из газет сообщения, корректировал, редактировал корреспонденции, правил стихи наших доморощенных поэтов. Газета захватывала меня, я с удовольствием посвящал ей много времени, даже опаздывал на дачу к обеду. Без меня в августе наша газета начала хиреть и превратилась в телеграфный листок. На фронте я с удовольствием получал нашу газетку» [1].

В начале 1918 года, чрезвычайно насыщенного политическими событиями, Л. П. Кожуров организовал выпуск газеты «Казачья воля». Лука Павлович являлся инспектором высшего начального училища в Сретенске, а по политическим убеждениям был ярким монархистом и идеологом казачьего «культурно-просветительского общества» [10, с. 41–42]. Весной 1918 года в Забайкалье была провозглашена советская власть, а летом вышел в свет первый номер «Известий Сретенского Совета рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов». Первая советская газета в Сретенске печаталась на некачественной бумаге коричневого цвета в

четырёх полосах. В период «белой государственности» газеты в станице Сретенской не издавались [6, с. 6; 7].

В августе 1920 года последние белокачаьи части покинули Сретенск, а 20 апреля следующего года на заседании президиума и секретариата уездного комитета РКП(б) решался вопрос о газете. Ввиду того, что в типографии не было ни бумаги, ни краски, а также наборщиков и печатников, принимается решение издавать газету объединёнными усилиями парткома, политотдела Забайкальской кавалерийской дивизии и коммунистической фракции районного бюро профсоюзков. Так в период ДВР рождается политическая газета «Красная заря», выходившая два раза в неделю тиражом в 800 экземпляров. 16 июня ответственным редактором утверждается Я. П. Попов [6, с. 6; 7].

Чтобы как-то компенсировать расходы на издание газеты, было решено выпускать её «на продажу», так как до этого «Красная заря» распределялась между политотделом дивизии и укомом. Печаталась газета в типографии нарревкома, но в июле пришлось обратиться к частной типографии Н. М. Штейна и платить за издание золотом и серебром. 24-й номер газеты оказался последним ввиду полного отсутствия средств [6, с. 6; 7].

В 1926 году в пределах бывшей Забайкальской губернии было образовано два округа – Читинский и Сретенский, входившие в состав Дальневосточного края. Окружкомы ВКП(б) и окрисполкомы в Чите и Сретенске приступают к выпуску своих печатных органов. В Сретенском округе газета называлась «Восточный Забайкалец». Первым её редактором стал А. Н. Шишкин, ответственным секретарем – Давид Файбушевич. Немало хлопот в создание газеты и организацию работы редакции вложил председатель Сретенского окрисполкома В. А. Бородавкин. Из Читы также был направлен в Сретенск литературный сотрудник Анатолий Шевелев. Первый номер газеты увидел свет 14 декабря 1926 года. Газета выходила тиражом 2000 экземпляров на шести страницах. С первых дней своего существования «Восточный Забайкалец» стал активным борцом за культурные преобразования. Почти в каждом номере отводилось место вопросам культпоходов, ликвидации неграмотности среди взрослого населения, дошкольного воспитания, всеобщего обучения. В 1928 году газета выходит большим форматом на четырёх, шести и даже восьми полосах. Периодичность с трёх раз в неделю увеличивается до четырёх, а с 15 авгу-

ста 1929 года, как и другие газеты Дальневосточного края, выпускается ежедневно.

Помимо В. А. Бородавкина, с газетой активно сотрудничает его заместитель – И. Е. Фадеев. Иван Ефимович – легендарная личность времен Гражданской войны в Сибири и Забайкалье, награждённый орденом Боевого Красного Знамени. В конце своей жизни он работал министром финансов Дагестанской АССР, писал стихи. Именно ему принадлежит известное стихотворение, ставшее песней, «Памяти П. Н. Журавлева», начинавшееся словами:

Ружья в гору заблестали,
Три дня сряду дождик лил.
Против белых мы восстали,
Журавлев там с нами был.

Сама типография «Восточного Забайкальца» принадлежала Окружному потребительскому правлению, занятому организацией кооперативной торговли, типографскими делами не особо интересовалось. Газетчиков это не устраивало, и они настойчиво «проби-вали» идею выкупа типографии. Вот тогда-то вспомнили ещё об одной сретенской типографии – «штейновской». В годы НЭПа некогда могущественному и богатому Н. М. Штейну оставили баню и типографию. В последней хозяин с рабочими печатал пригласительные билеты, афиши заезжих гастролёров и кинотеатра, различные бланки и другую продукцию. Кстати, именно в этой типографии в 1925 году тиражом в 500 экземпляров была отпечатана брошюра А. К. Белявского «Декабристы в Забайкалье» [1].

Окружная газета активно включилась в это время и в освещение процесса коллективизации сельского хозяйства. Мало того, из стен редакции вышел организатор первой коммуны в Сретенске – Т. Горбунов. Один из комсомольцев-активистов того времени, Тимофей Горбунов с 1926 года заведовал конторой издательства «Печатное дело», принимая самое непосредственное участие в выпуске газеты. Позднее, в 1930-е годы он окончил факультет журналистики, а затем жил и работал в Москве. 16 октября 1928 года в № 77 «Восточного Забайкальца» была опубликована корреспонденция «У молодых коммунарков земли», где рассказывалось о первой комсомольской коммуне и её руководителе. Окружная газета с этими материалами шла нарасхват. Мальчишки-газетчики с удивлением рассказывали в редакции, что крестьяне, приезжавшие в Сретенск, покупали «Советское Забайкалье» целыми пачками [3].

Летом 1930 года в стране начинается очередная административно-территориальная реформа. Округа упраздняются, а первичной ячейкой территориального управления становится район. Упраздняется и окружная газета. Последним её редактором был заведующий агитационно-пропагандистским отделом окружкома К. А. Рубцов, впоследствии один из видных забайкальских журналистов, до последних дней своей жизни редактор газеты «Забайкальский рабочий». 11 августа 1930 года выходит постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов», в соответствии с которым создаётся целая сеть районных газет в промышленных и важнейших сельскохозяйственных районах. Таковыми признаны Сретенский, Жидкинский, Нерчинско-Заводский и Усть-Карийский районы теперь уже Восточно-Сибирского края с центром в г. Иркутске. Принято решение создать в этих районах, соответственно, газеты: «Советское Забайкалье», «Забой», «На советском рубеже» и, позднее – «Ударник» [4].

На Дальний Восток возвращается Б. Н. Завьялов, «ставить» районные газеты едут К. А. Рубцов, П. Н. Файерштейн, Г. Б. Иодко, разъезжаются и другие сотрудники «Советского Забайкалья». Из ветеранов остаётся только Н. А. Шаров. Редактором «Советского Забайкалья» как печатного ор-

гана Сретенского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсовета 13 августа 1930 года утверждается С. Милейковский, бывший ответственный секретарь «Тихоокеанской Звезды». Затем газету подписывает И. Г. Михайлов, а в дальнейшем её редактирует Н. А. Шаров. Уезжая создавать новые «районки», газетчики забирали с собой шрифты, печатные машины, оборудование. В конце концов, в Сретенской типографии остались лишь плоскочечатная машина-«пятилистка» и две «американки» с ножным приводом. Штат редакции состоял из редактора, инструктора массовой работы, литправщика, выпускающего и машинистки-делопроизводителя. Уменьшился и формат газеты до 1/2 «Правды», а тираж – до 1500 экземпляров. Так началась новая эпоха в истории «Советского Забайкалья».

Как показывает анализ материала, в исследуемый период, и особенно к началу 30-х годов XX века, периодика Сретенского района Забайкальского края достаточно полно отражала происходящие общественно-политические процессы, оставалась зачастую единственным средством выражения общественного мнения, выполняла функции ликвидации безграмотности и просвещения и оказывала эффективное воздействие на формирование сознания жителей Забайкалья.

Список источников и литературы

1. Белявский А. К. Записки военного врача. Чита: Экспресс-изд-во, 2016. 212 с.
2. Восточный Забайкалец. 1926. 14 дек.
3. Восточный Забайкалец. 1928. 28 апр.
4. Восточно-Сибирская правда. 1930. 8 дек.
5. Игнатик Е. Сретенский листок // Забайкальский рабочий. 1986. 3 янв.
6. Коптелов Л. Е. Газета и время. Родословная забайкальской периодики. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 135 с.
7. Солодов П. Н. Первые газеты в Сретенске // Советское Забайкалье. 1966. 15 дек.
8. Чапыгин В. П. Город Сретенск и его окрестности: кр. ист.-геогр. очерк. Сретенск: Сретен. районная тип., 1991. 46 с.
9. Чапыгин В. П. Родословная сретенской печати. Сретенск, 2002.
10. Чашин А. И., Черенщиков О. Ю. Сретенск на старых открытках и фотографиях. Чита: Экспресс-изд-во, 2011. 204 с.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)63

Ирина Витальевна Мезенцева,
Читинский институт (филиал)
Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Японские военнопленные: к вопросу о трудовом использовании на предприятиях золотодобывающей промышленности Читинской области (1945–1946 гг.)

Тема японских военнопленных и их пребывания на территории СССР достаточно подробно изучена, и к настоящему времени освещены основные её аспекты: численность военнопленных и интернированных, размещение в лагерях на территории Сибири и Дальнего Востока, условия жизни и трудовое использование, причины высокой смертности и места захоронения. Данная статья посвящена проблемам содержания и результатам работы японских военнопленных на золотодобывающих предприятиях Читинской области, что отчасти проливает свет на некоторые региональные аспекты данной темы.

Ключевые слова: японские военнопленные, спецконтингент, трудовое использование, золотодобывающая промышленность, Читинская область, «Балейзолото»

Irina V. Mezentseva,
Chita Institute (branch) Of Baikal State University,
Chita, Russia

Japanese Prisoners of War: on the Issue of Human Resources Employment at the Gold Mining Enterprises of Chita Region (1945–1946)

The subject of Japanese prisoners of war and their stay on the territory of USSR is studied quite particularly and its main aspects have been covered: number of prisoners of war and internes, accommodation at prison camps on the territories of Siberia and Far East, life conditions and human resources employment, causes of high mortality rate and burial places. This article is devoted to the problems of Japanese prisoners of war subsistence and results of their work at the gold mining enterprises of Chita region, that partly clears in regard to some regional aspects of this subject.

Keywords: Japanese prisoners of war, special groups, human resources employment, gold mining industry, Chita region, "Balejzoloto"

Большинство документов, архивных материалов, мемуарных источников по пребыванию японских военнопленных на территории СССР в основном введены в научный оборот и представлены в фундаментальных исследованиях российских историков в начале 2000-х гг., в частности, в монографии Е. Л. Катасоновой «Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав», вышедшей в 2003 г. При этом продолжается детальное изучение вопросов трудового использования японских военнопленных в различных регионах Сибири и Дальнего Востока, так как этот вопрос носит, в том

числе, и нравственно-политический оттенок. М. Н. Спиридонов исследовал размещение, содержание и организацию труда японских военнопленных в лагерях НКВД (МВД) Красноярского края [9]. С. В. Карасев, рассматривая вопросы пребывания японских военнопленных на территории Читинской области, считает, что «размещение японцев в системе лагерей внутренних дел в СССР (созданной с опорой на многолетний опыт ГУЛАГа) являлось наказанием для Японии за ущерб, нанесённый СССР в годы Гражданской войны и в ходе приграничных конфликтов» [7, с. 123]. Именно С. В. Карасев предпринял комплекс-

ный анализ истории плена японских военнослужащих, в том числе пленение японских военнослужащих войсками Забайкальского фронта в Маньчжурии, перемещение их в Читинскую область, трудовое использование, проблемы захоронений японских военнопленных.

Пребывание бывших солдат и офицеров Квантунской армии в трудовых лагерях НКВД с 1945 г. по 1956 г. закрепилось в зарубежной историографии как «сибирское интернирование» (по-японски: «сибэриа ёкюрю»; по-английски: “siberian internment”). За несколько последних десятилетий в Японии был опубликован ряд работ, посвящённых этой теме. В работах японских исследователей научное изучение «сибирского интернирования» осуществляется в контексте событий, связанных с Японией, которые завершили Вторую мировую войну. Общей чертой для всех работ японских исследователей, отмечает С. П. Ким, является не только схожесть изучаемых проблем (размещение, труда, быта), но и их единая оценка, согласно которой «советские власти не предпринимали мер для устранения проблем, связанных со снабжением, размещением и организацией труда японцев» [8, с. 29]. В представленной работе рассматривается вопрос о размещении, содержании и результатах трудового использования японских военнопленных в золотодобывающей промышленности Читинской области.

Одним из последствий Великой Отечественной войны для СССР стала нехватка трудоспособного населения. В Сибири и на Дальнем Востоке недостаток рабочих рук ощущался особенно остро. Это обстоятельство ставило под сомнение высокие темпы выполнения заданий четвёртого пятилетнего плана по восстановлению довоенного уровня производства в отраслях тяжёлой промышленности и разработке сырьевой базы. Руководство краёв и областей было вынуждено изыскивать разные способы и варианты привлечения трудоспособного населения в Сибирь и на Дальний Восток.

Вопросы кадрового обеспечения предприятий золотодобывающей промышленности Читинской области (Восточного Забайкалья) были труднопреодолимыми на протяжении всех военных лет. Особенно напряжённой была обстановка в тресте «Балейзолото». Производственные мощности предприятия позволяли добывать и обрабатывать до 1200 тонн золотосодержащей руды в сутки,

но из-за отсутствия необходимой рабочей силы перерабатывалось лишь 600–700 тонн. По запасам золота, имеющейся мощности горного и обогатительного цехов, обеспеченности основного производства энергетическими ресурсами трест «Балейзолото» мог добывать значительно больше драгоценного металла, причём самого дешёвого в СССР. Для полного использования мощности основной производственной единицы треста – рудника «Балей» требовалось дополнительно 1500 рабочих, что позволило бы ликвидировать простои. Остро не хватало специалистов основных подземных квалификаций – бурильщиков, крепильщиков, откатчиков. Учитывая сложившиеся обстоятельства на руднике «Балей», руководство треста обратилось с просьбой в НКВД СССР о выделении необходимого числа рабочих из состава так называемого «спецконтингента», а именно заключённых исправительно-трудовой колонии (ИТК) [1, л. 26]. Но после завершения Маньчжурской стратегической наступательной операции и Великой Отечественной войны в составе «спецконтингента» произошли изменения.

Дефицит рабочих рук был восполнен привлечением сотен тысяч военнопленных японцев, труд которых нашёл своё применение в угольной, лесозаготовительной, горнодобывающей отраслях, использовался для восстановления инфраструктуры промышленности и для строительства жилья. К концу февраля 1946 г. японские военнопленные были размещены в Хабаровском, Приморском краях; в Сибири: в Читинской, Кемеровской и Иркутской областях, в Красноярском, Алтайском краях, в Бурят-Монгольской АССР и на территории Средней Азии: в Казахской, Узбекской и Туркменской республиках. В Читинской области численность японских военнопленных составляла 32 922 человек [8, с. 92]. Иркутский исследователь А. В. Шалак приводит данные об общей численности японских военнопленных по отраслям народного хозяйства Читинской области на начало 1946 г., которая составляла 24 157 тыс., в том числе в горной промышленности – 10 798 чел. или 44,7% [10, с. 9].

На территории Читинской области в период с 1945 по 1947 гг. располагалась сеть лагерей и лагерных отделений, где содержались военнопленные бывшей Квантунской армии. Первоначально предусматривалось разместить 50 тыс. военнопленных японцев,

в том числе 10 тыс. планировалось использовать для работы на предприятиях цветной металлургии. В соответствии с этим намечалась организация четырёх лагерей. В итоге было создано три, в которых по состоянию на 20 ноября 1945 г. содержались 32 230 военнопленных, из них 9629 были переданы для работы на горнодобывающих предприятиях [2, л. 44, 45, 60-62]. Лагерь № 24 и № 25 имели отделения в Вершине Шахтамы Шелопугинского района, Вершине Дарасуна нынешнего Тунгокоченского района, в Холбоне Шилкинского района и в Балее, в районах, где были локализованы золотодобывающие предприятия. Здесь контингент военнопленных использовался на работах по добыче золота (комбинаты «Балейзолото», «Дарасунзолото»), лесозаготовках и был объединён в рабочие батальоны, состоявшие из бывших рядовых, сержантов, старшин, унтер-офицеров, не имевших навыков работы в промышленности, тем более в горной.

Основной задачей лагерей, наряду с изоляцией военнопленных, предусматривалось эффективное использование их труда в народном хозяйстве, для чего руководство лагерных отделений и хозяйственные органы должны были принять необходимые меры для обеспечения «здорового физического профиля военнопленных» и правильной организации их трудовой деятельности в соответствии с «Положением об использовании труда военнопленных», но руководство большинства лагерей, создаваемых для содержания военнопленных японцев, не было знакомо с указанным документом. На момент прибытия военнопленных в октябре 1945 г. многие лагеря не были укомплектованы интендантскими работниками, переводчиками, медицинским персоналом, работниками по организации труда военнопленных и конвоем. Были нередки перебои в снабжении лагерей продуктами, тёплой одеждой и постельными принадлежностями. В результате отсутствия твёрдого порядка в соблюдении лагерного режима наблюдались случаи самостоятельного ухода военнопленных с работы, воздействия пленных офицеров на рядовой состав по сдерживанию их от выполнения производственных норм. Ежедневный вывод военнопленных на работу в среднем составлял всего 20–30 % от общего количества военнопленных [3, л. 31–32].

Процесс обучения навыкам работы значительно осложнялся отсутствием кадровых

переводчиков. Имевшиеся японские офицеры-переводчики плохо знали русский язык. Кроме того, они не могли заслуживать полного доверия в точной передаче указаний, которые делались руководителями производства. Из положенных 58 кадровых офицеров-переводчиков лагерное отделение в г. Балее располагало только тремя [4, л. 15]. Эффективное обучение военнопленных и использование их труда сдерживалось и тем обстоятельством, что военное японское командование, отвечавшее с разрешения администрации лагеря за комплектование рабочей силы, ввиду слабого контроля систематически, особенно в течение первых месяцев работы, подменяло состав обучаемых забойной группы – бурильщиков, откатчиков, крепильщиков. Ещё одной причиной, мешавшей улучшению организации труда и ускорению процесса обучения, были частые отказы администрации лагеря в предоставлении военнопленных для работ, что объяснялось отсутствием конвоя, условиями карантина, санитарными обработками лагеря и т. д. [5, л. 29–32]. Не оказали существенного действия и введённые на комбинате «Балейзолото» в декабре 1945 г. специальные технические нормы, невыполнение которых грозило значительным удлинением их рабочего дня, иногда до 10 часов [4, л. 16, 80, 81].

Ситуация с трудовым использованием японских военнопленных в Читинской области стала меняться с весны 1946 г. «К этому времени, – замечает А. В. Шалак, – удалось не только существенно поправить социальное обслуживание военнопленных, но и наладить агитационно-пропагандистскую работу среди них. Условия материального стимулирования были доведены до каждого военнопленного, организовано соревнование между отдельными военнопленными, так и между бригадами» [10, с. 11–12]. Но и это не могло поправить положение. Неравномерное обеспечение производства рабочей силой из состава «спецконтингента», низкий уровень квалификации и производственных навыков военнопленных отрицательно сказывались на рентабельной работе комбината «Балейзолото» в целом. Из числа японских военнопленных 98 % рабочих не выполняли норм выработки. Кроме того, рабочие-военнопленные горного цеха, составлявшие 83 % к общему числу работающих на руднике «Балей», систематически «открыто выражали нежелание работать на советском предприятии» [6, л. 46].

Использование труда военнопленных японцев на комбинате «Балейзолото» не могло существенно отразиться на решении проблемы восполнения рабочей силы в первые послевоенные годы. Постоянно меняющийся

численный и низкий квалификационный уровень рабочих-военнопленных оказывал отрицательное влияние на производительность труда, что приводило в свою очередь к удорожанию себестоимости добычи металла.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1487.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1992.
3. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1982.
4. ГАЗК. Ф. Р-1246. Оп. 6. Д. 72.
5. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 2125.
7. Карасев С. В. Японские военнопленные на территории Читинской области, 1945–1949 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2002. 22 с.
8. Ким С. П. Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1949 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: Ин-т РАН, 2016. 291 с.
9. Спиридонов М. Н. Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Красноярск, 2001. 15 с.
10. Шалак А. В. Трудовое использование японских военнопленных на территории Восточно-Сибирского экономического района в 1945-1949 гг. // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 3. С. 29-42.

УДК 271.2(571.5)
ББК 3372

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Сравнительный анализ количественного состава православных храмов, молитвенных домов и священнослужителей по регионам Восточной Сибири в середине 1940-х – первой половине 1950-х годов

В статье даётся сравнительная характеристика количественного состава православных храмов, молитвенных домов и духовенства в регионах Восточной и Западной Сибири в годы своеобразного «расцвета» религий в советское время и последующего за ними периода новых гонений. На основании архивных источников приводятся фактографические данные по количеству действующих построек культового назначения, числу священнослужителей. Приводятся количественные данные по СССР и РСФСР в целом, что позволяет говорить о процентном соотношении храмов, молитвенных домов и священнослужителей региона к общему количеству по стране. Отмечается, что в Восточной Сибири только Иркутская область в рассматриваемом аспекте развивалась достаточно активно, что предопределено статусом Иркутска как епархиального центра.

Ключевые слова: православие, храмы, молитвенные дома, духовенство, священнослужители, Восточная Сибирь

Evgeny V. Drobotushenko,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Comparative Analysis of the Quantitative Composition of Orthodox Churches, Chapels and Clergy in Eastern Siberia in the mid-1940s and the first half of the 1950s

The article provides comparative characteristics of the quantitative composition of Orthodox churches, chapels and clergy in Eastern and Western Siberia in the years of a kind of "blossoming" of religions in the Soviet period and the new period of persecution. Based on archival sources provide factual data on the number of existing buildings for religious purposes, the number of priests. Quantitative data for the USSR and the RSFSR as a whole, that allows to speak about the percentage of churches, prayer houses and of the clergy of the region to the total number in the country. It is noted that in the East of Siberia and Irkutsk oblast in the considered aspect was developing quite actively, the predefined status of Irkutsk as a diocesan center.

Keywords: Orthodoxy, temples, houses of worship, clergy, Eastern Siberia

Православие в советское время в разной степени нашло отражение как в обобщающих трудах, так и в специальных узких исследованиях по отдельным аспектам истории Православной церкви, по отдельным периодам или регионам [14; 15; 22; 24; 29; 30]. Однако особенность практически всех публикаций в том, что некоторые регионы либо остались за границами изучения, либо рассмотрены в рамках предметного поля статьи только частично. Такими регионами являются некоторые территории Восточной Сибири, к примеру, Бурятская автономная Советская Социалистическая Республика (в рассматриваемый период – Бурят-Монгольская автономная Советская Социалистическая Республика) и Читинская область.

История Русской Православной церкви в Восточной Сибири в советское время нашла относительно слабое отражение в обобщающих трудах по истории православия. Основная же масса специальных работ, т.е. исследований не общего плана, а с анализом особенностей развития православия в конкретном регионе, посвящена досоветскому или началу советскому периоду. История же православия в регионах Восточной Сибири в период после Великой Отечественной войны получило освещение в научной литературе только отчасти. При этом какие-то регионы охарактеризованы больше, какие-то меньше. Нет серьёзного сравнительного исследования по всему советскому времени.

Несмотря на отсутствие специальных серьёзных или обобщающих исследований по проблеме, определённое количество разнотипных публикаций существует.

Интереснейшей видится достаточно свежая публикация одного из ведущих специалистов в области изучения сибирского православия В. А. Овчинникова «К вопросу о периодизации истории Русской Православной церкви в Сибири в советский период (1917–1991)». Материалы статьи дают чёткое представление о том, что по истории православия в Сибири в советское время публикаций совсем мало, единичны они по рассматриваемому нами периоду [23].

Вслед за В. А. Овчинниковым мы назовём относительно рассматриваемой проблематике такого исследователя, как А. В. Горбатов. На наш взгляд, на сегодняшний день он является главным специалистом в проблематике. С использованием большого объёма документов автор воссоздаёт общую картину развития религий в большом макрорегионе Сибирь. Им, в частности, приводятся фактографические данные по истории православия на востоке региона в первой половине 50-х гг. XX в. [18–21]. Однако нам представляется, что некоторые аспекты могут быть уточнены.

Несомненно, следует назвать исследования И. В. Смолиной. Это статьи и объёмное диссертационное исследование, посвящённое анализу особенностей существования Иркутской (Иркутско-Читинской) епархии в период 1940–1980-х гг. Работы данного автора представляются очень интересными и несут в себе много фактографических данных. В то же время, большее внимание уделяется всё же Иркутской области. Мы находим некоторое расхождение в цифрах, которое требует уточнения в ходе дальнейшей работы (о них ниже) [25–28].

Собственно, относительно периода первой половины 1950-х гг. найти какие-либо иные публикации на сегодня представляется проблематичным.

Отсутствие серьёзных обобщающих научных публикаций по проблеме обусловило использование в работе архивных документов. В связи с тем, что региональные архивы, если и содержат по данному времени, то отрывочную информацию, либо, на сегодняшний день, требуемые документы не обнаружены, источником стали документы Государственного архива Российской Федерации, а именно отчётная документация уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви при Совете министров СССР.

Главным для нас в данном исследовании является упор на сравнительный анализ наименее изученных субъектов РСФСР в Восточной Сибири – Якутской и Бурят-Монгольской автономной Советской Социалистической Республики, а также Иркутской и Читинской областей. Мы заведомо оставляем за пределами предметного поля статьи Красноярский край и Республику Тыва (Тува). С одной стороны к этому подталкивает не до конца решённый вопрос, где проходит граница Западной и Восточной Сибири. Согласно одной из трактовок, по р. Енисей, а значит, к Восточной Сибири относится только часть Красноярского края. Несмотря на отмеченное в литературе, и Красноярский край и Республику Тыва чаще относят к Восточно-сибирскому макрорегиону. Однако оба эти субъекта РСФСР в церковно-административном плане в рассматриваемое время относились к Новосибирской и Барнаульской епархии, что, на наш взгляд, могло предопределить несколько иные тенденции в развитии православной церкви. Мы рассматриваем православие, в рамках данной статьи, в границах Иркутской епархии.

Хронология статьи определена следующим. После кратковременного «потепления» отношений между советской властью и Русской Православной церковью в середине 1940-х гг., к концу пятого десятилетия XX в. наступает период своеобразного «отката» в негативную сторону.

Разные авторы предлагают разные периодизации истории Православной церкви в советское время. Основная масса из них говорит о данной периодизации для истории РПЦ в целом. Остановимся на некоторых с выделением периодов, затрагивающих рассматриваемое в данном исследовании вре-

мя. Так, О. Васильева третьим и четвёртым периодами выделяет: 3. 1943–1953. Автор именуется данное время новым курсом. Это период потепления отношений между властью и религиозными институтами; 4. 1953–1958. Изменение отношения к религии в негативную сторону. Борьба сторонников прежнего и нового курсов [16].

Ю. В. Гераськин и А. Ю. Михайловский выделяют общий период конца 1930-х – конца 1950-х гг. [17, с. 112–113].

Более верной представляется периодизация М. В. Шкаровского, который отдельным периодом выделяет 1948-1954 гг. [29, с. 4]. В 1948-1950 гг., по некоторым данным, в РСФСР было закрыто 749 храмов и молитвенных домов [9, л. 26, 27].

Некоторые исследователи предлагают выделение периодов конкретно для сибирского православия в советское время. Здесь обратимся к периодизации того же В. А. Овчинникова. Нам интересны предлагаемые им седьмой и восьмой периоды: «7. Изменения в политике государства по отношению к РПЦ (1943 – конец 1940-х). 8. Ужесточение государственной политики по отношению к РПЦ (конец 1940-х – 1960-е)» [23, с. 73].

Периодизация, предложенная В. А. Овчинниковым укладывается в целом в общую периодизацию того же М. В. Шкаровского, только с учётом региональных особенностей. На наш взгляд, она приемлема для Сибири. Это предопределено тем, что прекратившееся открытие храмов и регистрация религиозных организаций в 1947 г. ввели православие в регионе в состояние стагнации вплоть до начала 1960-х гг. Если в иных регионах в середине 50-х гг. XX в. начинается закрытие культовых построек, открытых в середине 1940-х гг., то на территории регионов Восточной Сибири это случится позднее. Хотя отчасти негативные явления можно будет наблюдать уже с середины 50-х гг. XX в.

Первая же половина 1950-х гг. даёт нам картину состояния православия, ставшую итогом всплеска середины – второй половины 40-х гг. XX в., ситуации перед началом нового витка гонений со стороны власти.

Сказанное выше предопределило появление данной статьи, задачей которой стало проведение сравнительного анализа количества православных храмов, молитвенных домов, священников, дьяконов и псаломщиков в регионах Восточной Сибири в период, позволяющий подвести своеобразный итог активизации Православной церкви в середине – начале второй половины 1940-х гг.

Как достаточно широко известно, переломным моментом в истории Русской Православной церкви в советское время стал 1943 г., когда прошла встреча И. В. Сталина с высшими иерархами православной церкви. Её итог – наступление периода открытия храмов и регистрации православных религиозных сообществ. Данный период оказался кратким, продлившись с 1944 по 1947 гг. В 1948 г. регистрация религиозных общин была прекращена [13, л. 105]. Основная же масса соборов, церквей и молитвенных домов была открыта в 1944–1945 гг. Это относится и к регионам Восточной Сибири. Итогом стало коренное изменение ситуации ко второй половине пятого десятилетия XX в.

К 1943 г. по регионам Восточной Сибири картина с наличием действующих православных храмов и молитвенных домов выглядела следующим образом: в Читинской области, а также Бурят-Монгольской и Якутской автономных Советских Социалистических Республиках таковых не было вообще, а в Иркутской области был один действующий храм. Изменение ситуации показано ниже. Мы приводим данные на основе ряда документов Государственного архива Российской Федерации.

Количество действующих соборов, церквей и молитвенных домов в регионах Восточной Сибири в 1944–1945 гг. представлено в табл. 1 [1, л. 107; 2, л. 123; 3, л. 7, 79; 7, л. 16]

Таблица 1

Количество действующих соборов, церквей и молитвенных домов в регионах Восточной Сибири (1944–1945 гг.)

<i>Административно-территориальная единица</i>	<i>Количество действующих соборов и церквей/молитвенных домов</i>
Иркутская область	10
Читинская область	3
Бурят-Монгольская АССР	1
Якутская АССР	-1

Несколько иные цифры приводит И. В. Смолина. Так, она говорит об открытии в 1943–1948 гг. 15 храмов в Иркутской области, по два в Читинской области, Бурятской и Якутской АССР. Из 15 храмов Иркутской области было 13 церквей и 2 молитвенных дома [26; 28, с. 22]. Отметим, что количество могло увеличиться в 1945–1948 гг., однако в Читинской области в 1944–1945 гг. было открыто именно три храма.

Количество действующих православных храмов и молитвенных домов на территории СССР к концу 1947 г. составило 14 172. В РСФСР же их было 3217 [3, л. 79; 5, л. 2].

Приведённые цифры по Восточной Сибири говорят нам о том, что в регионе, относительно всей РСФСР, а тем более СССР, в процентном соотношении храмов и молитвенных домов было очень мало. Относительно РСФСР – менее 0,5 %, относительно СССР – чуть больше 0,1 %. При этом основная масса располагалась в Иркутской области.

Общее число храмов и молитвенных домов предопределило количество православных священников, дьяконов и псаломщиков. Очевидно, что регионом, где их было больше всего, являлась Иркутская область.

Количественный состав священнослужителей по регионам Восточной Сибири в 1946–1947 гг. представлен в табл. 2 [3, л. 95; 4, л. 94; 6, л. 4; 7, л. 8; 8, л. 3].

Таблица 2

Количественный состав священнослужителей по регионам Восточной Сибири (1946–1947 гг.)

<i>Административно-территориальная единица</i>	<i>Количество священников, дьяконов и псаломщиков</i>
Иркутская область	9 священников, 2 диакона, 5 псаломщиков
Читинская область	3 священнослужителя
Бурят-Монгольская АССР	1 священнослужитель
Якутская АССР	3 священнослужителя

После краткого периода всплеска православия, приходившегося, главным образом, на 1944–1946 гг., в 1948 г., как отмечалось выше, прекращается регистрация новых храмов и религиозных организаций.

Количественный состав храмов, молитвенных домов, а также священников, дьяконов и псаломщиков Православной церкви по регионам Восточной Сибири, который останется почти неизменным относительно длительное время, сформируется к началу 1950-х гг.

Интересные документы с характеристикой различных сторон религиозной жизни рассматриваемых регионов содержит дело 1100 «Переписка с обл./край/ и исполкомами РСФСР о положении и деятельности РПЦ на местах, где уполномоченных Совета не было» первой описи фонда Р-6991. Оно от-

носит к 1953 г. и несёт в себе как цифровые данные, так и текстовой отчётный материал из регионов. Отметим, что в данном деле встречаем информацию и по регионам, где уполномоченные были. Вообще, относительно Восточной Сибири уполномоченные Совета по делам Русской Православной церкви при Совете министров СССР были во всех субъектах РСФСР. Даже в Якутской АССР, с её достаточно слабым развитием православия работали, как минимум, исполняющие обязанности уполномоченных Совета.

Количественный состав православных храмов по регионам Восточной Сибири в первой половине 1950-х гг. представлен в табл. 3 [11, л. 28; 12, л. 23].

Таблица 3
Количественный состав православных храмов по регионам Восточной Сибири (первая половина 1950-х гг.)

Административно-территориальная единица	Количество действующих соборов и церквей/ молитвенных домов
Иркутская область	14
Читинская область	3
Бурят-Монгольская АССР	2
Якутская АССР	-2

Отметим, что относительно начала 1950-х гг. о 14 храмов в Иркутской области говорит и И. В. Смолина [28, с. 24].

Общее количество храмов и молитвенных домов по СССР на вторую половину 1950-х гг. составляло 14 273, т. е., несмотря на закрытие действующих культовых строений православной церкви в 1948 г. – начале 1950-х гг. их количество не просто не сократилось, а в итоге выросло. По РСФСР действовало 3159 храмов и молитвенных домов, т. е. общее число сократилось всего на 58. Практически не изменилось процентное соотношение храмов и молитвенных домов Восточной Сибири относительно количества таковых по СССР и РСФСР, так же, как абсолютным лидером по количеству осталась Иркутская область [3, л. 79; 5, л. 2; 10, л. 154].

С увеличением числа храмов в Иркутской области, Якутской и Бурят-Монгольской АССР там увеличилось и количество священнослужителей и псаломщиков.

Количественный состав священнослужителей и псаломщиков по регионам Восточной Сибири в первой половине 1950-х гг. представлен в табл. 4 [7, л. 8; 11, л. 28].

Таблица 4
Количественный состав священнослужителей и псаломщиков по регионам Восточной Сибири (первая половина 1950-х гг.)

Административно-территориальная единица	Количество священников, дьяконов и псаломщиков
Иркутская область	9 священников, 1 протоиерей, 5 дьяконов, 12 псаломщиков
Читинская область	3 священнослужителя
Бурят-Монгольская АССР	1 священник, 2 диакона
Якутская АССР	2 священнослужителя

Известно, что в начале 1950-х гг. в СССР было более одиннадцати с половиной тысяч священнослужителей, в РСФСР, соответственно, более трёх тысяч восьмисот шестидесяти человек. На этом фоне цифры по Восточной Сибири выглядят незначительными. Предопределено это, в свою очередь, количеством действующих православных храмов и молитвенных домов [10, л. 158].

Наличие значительного, по сравнению с иными территориями Восточной Сибири, количества храмов и молитвенных домов, а в итоге и священнослужителей, определяется несколькими факторами. Во-первых, Иркутск являлся епархиальным центром, в котором располагалась резиденция архиерея – архиерейский дом. Очевидно, что развитие православия проходило проще вблизи от центра епархии, как минимум в связи доступностью населённых пунктов. Во-вторых, Иркутск и Иркутская область изначально обладали преимуществом по отношению к иным субъектам на территории Восточной Сибири. В царской России – это губернский город – центр с 1822 г. Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, охватывавшего всю Восточную Сибирь, с 1884 г. – Иркутское генерал-губернаторство на тех же территориях, в дальнейшем, с 1925 г. – Сибирский край. Очевидно, что губернский город и относительно близкие к нему территории развивались активнее, чем периферия. В-третьих, в рассматриваемое время епархиальные архиереи уделяли отдалённым регионам мало внимания. Серьёзных действий, направленных на развитие православия, не было.

Приведённые выше данные позволяют сказать, что, в целом, тенденции развития Православной церкви на территории Восточной Сибири схожи с общегосударственными. Открытие храмов и молитвенных домов про-

исходило в период «расцвета» православия в 1944–1945 гг. В дальнейшем же ситуация будет вплоть до начала 1960-х гг. оставаться без серьёзных изменений в плане открытия новых действующих культовых построек. Однако будет закрыто значительное количество из имевшихся.

Некоторые расхождения в приведённых нами количественных данных по архивным источникам и данных, к примеру, в исследованиях И. В. Смолиной, заставляют говорить о необходимости дальнейшей работы в рамках предметного поля настоящей статьи.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 31.
3. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 80. Т. 1.
4. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 124.
5. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 153.
6. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 163.
7. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 213.
8. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 516.
9. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 602.
10. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 604.
11. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1100.
12. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1206.
13. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 4. Д. 52(2).
14. Алексий (Марченко), протоиерей. Религиозная политика Советского государства в годы правления Н. С. Хрущева и её влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. 325 с.
15. Болотов С. В. Русская Православная церковь и международная политика СССР в 1930–1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2011. 315 с.
16. Васильева О. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание [Электронный ресурс] // Православие.ru. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm> (дата обращения: 09.05.2018).
17. Гераськин Ю. В., Михайловский А. Ю. Проблема периодизации истории отношений советского государства и Русской Православной церкви // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2010. № 3. С. 110–122.
18. Горбатов А. В. Государственно-конфессиональные отношения в Сибири (1947–1974 гг.) // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. 2004. Вып. 8. С. 85–98.
19. Горбатов А. В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949–1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 3, т. 310. С. 166–170.
20. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 408 с.
21. Горбатов А. В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35–47.
22. Молодов О. Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах европейского севера) // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 121–137.
23. Овчинников В. А. К вопросу о периодизации истории Русской Православной церкви в Сибири в советский период (1917–1991) // Исторические науки и археология. 2015. № 1, т. 1. С. 72–80.
24. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
25. Смолина И. В. Возобновление деятельности православных приходов Иркутской области в 1940–1950-е гг. // Земля Иркутская. 2007. № 2. С. 74–82.
26. Смолина И. В. Возрождение православных приходов Иркутской области в 1940–50 годы [Электронный ресурс] // Иркутская епархия. Режим доступа: <http://www.iemp.ru/statiji/detail.php?ID=1276> (дата обращения: 09.05.2018).
27. Смолина И. В. Возрождение приходской жизни. Иркутская область в 1940–1950-е гг. // Сибирь. 2008. № 329/2. С. 41–52.
28. Смолина И. В. Иркутская епархия в системе государственно-церковных отношений в 1940–1980-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск: ИГУ, 2010. 26 с.
29. Шкаровский М. В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.
30. Якунин В. Н. История Самарской епархии в 1851–2011 гг. // Наука и культура России: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара, 2011. С. 133–135.

УДК 94(571.55)
ББК ТЗ(2Рос-4Чит)633

Олеся Васильевна Ульянова,

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета,
г. Чита, Россия

Текстильная промышленность в Восточном Забайкалье в 1969–1990 гг.

Рассматриваются причины строительства камвольно-суконного комбината в Читинской области, анализируются проблемы, связанные с кадровой политикой, нерациональным планированием, сущность и эффективность бригадного подряда.

Ключевые слова: текстильная промышленность, Читинский камвольно-суконный комбинат, промышленное производство

Olesya V. Ulianova,

Chita Institute (branch) Of Baikal State University,
Chita, Russia

The Textile Industry in Eastern Transbaikalia 1969–1990

The reasons for the construction of a Worsted-Cloth Factory in the Chita region are considered, problems related to personnel policy, irrational planning, the nature and effectiveness of the team contract are analyzed.

Keywords: textile industry, Chita Worsted-Cloth Factory, industrial production

В середине 1960-х гг. в Читинской области было положено начало новой отрасли промышленности – текстильной, становление которой было продекларировано постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от ноября 1959 г. № 1313 «О мерах по дальнейшему подъёму текстильной промышленности». В Чите в 1960 г. было намечено строительство камвольно-суконного комбината.

Выбор территории Забайкалья определялся двумя причинами. Во-первых, отраслю специализации сельского хозяйства региона являлось овцеводство. Область могла обеспечивать себя сырьём для производства шерстяной продукции, была выведена забайкальская порода тонкорунных овец. В 1965 г. поголовье овец составляло 3 млн, государству было сдано 12 206 т шерсти, из неё 97,6 % тонкой и полутонкой, которая как раз и использовались текстильной промышленностью [1, л. 8]. Во-вторых, необходимо было ликвидировать диспропорции в развитии народного хозяйства Восточного Забайкалья: отсутствие предприятий, осуществляющих комплексное использование сырья и получающих готовую продукцию, отставание в развитии отраслей группы «Б» (лёгкая

промышленность). Удельный вес продукции лёгкой промышленности в общем объёме промышленного производства в 1965 г. составлял только 5,2 %, в этой отрасли было занято 7,5 % от общего числа всех трудящихся в промышленности области [3, л. 26]. Строительство камвольно-суконного комбината должно было сгладить эти несоответствия. Планировалось к 1970 г. повысить удельный вес продукции лёгкой промышленности до 17 % [2, л. 18–19]. Строительство, начатое в 1960 г., стало приоритетной задачей. Площадь застройки составляла 25 га, из них 16 приходилось на производственные площади. Одновременно создавался жилой микрорайон. Строительство вело Читинское строительное управление «Главвостоксибстроя» [16, с. 334].

Сметная стоимость комплекса комбината составляла 93,4 млн р. Проектная мощность комбината была рассчитана на выпуск готовых тканей объёмом 28,3 млн м², товарной пряжи – 880 т. Первая очередь комбината мощностью 50 тыс. прядильных веретён была сдана в декабре 1968 г. [5, л. 2]. В 1970 г. вступила в строй и вторая очередь предприятия – 37,7 тыс. прядильных вере-

тён и цех крашения. В 1971 г. были введены в строй 605 ткацких станков и 6,6 тыс. веретён аппаратно-прядельного производства. Комбинат состоял из пяти основных производств: чесального, прядельного, аппаратно-прядельного, ткацкого, отделочного. Производство располагалось в 15 цехах, где работало 2140 единиц разнообразного оборудования, включая импортное (японского, итальянского, французского производства).

Благодаря началу эксплуатации первой очереди КСК в 1969 г. производство продукции лёгкой промышленности Читинской области только за восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) увеличилось более чем в 2 раза (среднегодовой темп прироста 25 %) [4, л. 15]. За девятую пятилетку (1971–1975 гг.) в области в целом сложилась текстильная промышленность с законченным циклом производства, которая давала 19 % всей промышленной продукции области [8, л. 4]. Для выработки ткани и пряжи использовались привозные шерсть и химические волокна. Шерсть поступала с фабрик первичной обработки Улан-Удэ, Омска, Красноярска, химические волокна – с заводов Калинина, Барнаула, Рязани. Продукция Читинского КСК неизменно пользовалась спросом не только у жителей Забайкалья. Продукция комбината направлялась в 150 городов СССР, в Италию, Афганистан, Корею, Венгрию, Монголию. Наиболее известными тканями, производимыми Читинским камвольно-суконным комбинатом, были «Школьная», «Лето», «Виола», «Тверь». В 1976 г. на комбинате началось производство полушерстяной ткани для школьной формы мальчиков, которой в 1979 г. был присвоен государственный «Знак качества» [15].

С введением в строй комбината было необходимо решить не только сырьевую, но и кадровую проблему. Подготовка кадров осуществлялась в ПТУ № 12 (1-й выпуск в 1968 г. – 258 рабочих), учебно-курсовом комбинате (1969 г.), Читинском вечернем текстильном техникуме, открытом при комбинате в 1973 г. 13 работников Читинского КСК были награждены орденом Трудового Красного Знамени, 22 – орденом «Знак Почёта», 5 – орденом «Трудовой славы» 3-й степени [15].

Комбинат внедрял новаторские методы организации труда. Одним из первых предприятий области в 1980 г. стал работать в условиях бригадного подряда. Был проведён анализ действующих положений об оплате

труда и премирования рабочих, на основании которого осуществлены меры по улучшению нормирования и совершенствования структуры управления [12, л. 2]. В подготовительный период была проведена учёба инженерно-технических работников и рабочих, во время которой основной упор был сделан на изучение особенностей коллективных форм организации труда, планирования оплаты и т. д. [12, л. 2]. Создание бригад осуществлялось по технологической цепочке: от начального цикла (промывка шерсти) до конечного (выпуск готовых тканей). Численный состав бригад определялся с учётом запланированного количества оборудования и фактических зон обслуживания [12, л. 2]. За каждой созданной бригадой было закреплено оборудование, а результатом труда бригады считалось любое готовое изделие, либо законченная его часть. Все созданные бригады имели коллективный трудовой паспорт, в котором отражались технико-экономические показатели работы; перечень закреплённого оборудования; план повышения эффективности и качества труда; социалистическое обязательство; график отпусков; протоколы рабочих собраний; распределение заработной платы с учётом КТУ [12, л. 2].

Задание бригаде устанавливалось исходя из плановой производительности оборудования, количества оборудования, закреплённого за бригадой, времени работы оборудования по графику. Оплата труда производилась с учётом количества выпускаемой продукции бригадой, эффективности производства, производительности труда и личного вклада. Для оценки личного вклада велся индивидуальный учёт количества и качества продукции. По результатам применялась сдельно-премиальная и повременно-премиальная оплата. Общий размер премии за конечные результаты труда составлял 30–35 % сдельного заработка. Общий заработок бригады формировался из сдельной заработной платы, начисленной по комплексным сдельным расценкам, премии, оплаты за простой. В бригадах через КТУ распределялся сдельный приработок и премия. Все положения об оплате труда были разработаны по единой методике [12, л. 4]. Внедрение нового опыта шло ускоренными темпами: если в 1981 г. на комбинате работало 10 бригад (180 чел.), то в 1982 г. – 120 бригад (1864) чел. или 42 % общей численности рабочих [12, л. 4].

Внедрение бригадного метода позволило увеличить выпуск пряжи с 21 до 27 т в сут-

ки. В большинстве цехов и участков улучшились технико-экономические показатели, повысились производительность труда, сортность выпускаемой продукции, сократились простои оборудования, количество прогулов [12, л. 5].

Однако, несмотря на рост объёмов производства в восьмой, девятой, десятой пятилетках, Читинский КСК испытывал ряд трудностей. Во-первых, предприятие за всё время своего существования так и не освоило проектные мощности. Введённые мощности КСК в течение девятой пятилетки (1971–1975 гг.) использовались на 48 % [7, л. 99]. В десятой пятилетке (1976–1980 гг.) производственные мощности комбината осваивались так же медленно: в прядении – на 63 %, в ткачестве на – 55 %, в отделке – на 33 % [7, л. 99]. В течение же одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) произошло снижение объёмов производства на 6,2 % по сравнению с 1980 г. [14, л. 2]. Из-за неосвоенных мощностей комбинат систематически не выполнял государственные планы. В 1972 г. он не дал продукции на 37 млн р., в течение 1973 г. – на 116,4 млн р., а в 1975 г. не выполнил план реализации продукции на 53 млн 24 тыс. р. [9, л. 9].

Рассматривая причины систематического невыполнения плановых заданий, представляется возможным выделить ряд основных. Во-первых, перманентная нехватка рабочих кадров. Недостаток трудовых ресурсов был вызван, с одной стороны тем, что в проектно-технической документации предприятия была указана меньшая численность промышленно-производственного персонала, чем требовалась комбинату для освоения всех производственных мощностей [6, л. 14]. В 1973 г. Министерство лёгкой промышленности СССР увеличило Читинскому камвольно-суконному комбинату численность работников на 700 чел. [5, л. 10]. Однако это не решило кадровой проблемы. С другой стороны, комбинат испытывал трудности с набором даже уменьшенного контингента: большая текучесть кадров не позволяла набрать плановую численность персонала предприятия.

Для эффективной эксплуатации первой очереди (в 1969 г.) на 50 тыс. веретён было необходимо иметь 3282 рабочих. Фактическая же численность работников предприятия за 1969 г. составила 1500 человек [5, л. 6]. За 1972 г. текучесть кадров составляла 32 %. Предприятие покидало большое

количество молодёжи. Из 2240 выпускников профтехучилища, прибывших на комбинат в 1968–1972 гг., оставили производство более 1000 чел. [7, л. 99]. К 1973 г. предприятию не хватало более 3000 рабочих [6, л. 14]. В 1976 г. на комбинат было принято 2793 чел., а уволено 2288 [10, л. 52]. За четыре года десятой пятилетки (1976–1979 гг.) с комбината уволилось 6411 человек, что было почти равнозначно плановой численности работников предприятия [11, л. 17]. С начала же 1980-х гг. численность работающих на комбинате падала в среднем за год на 300–400 человек [13, л. 4]. Большая текучесть кадров обуславливалась тремя факторами: спецификой контингента работников, тяжёлыми условиями труда и бытовой неустроенностью. Подавляющее большинство работников предприятия были женщинами, а значит, декретные отпуска, необходимость ухода за малолетними детьми приводили к большим потерям рабочего времени и текучести кадров. Так, в 1988 г. на комбинате работало более 5 тыс. чел., из которых 80 % составляли женщины. Условия труда на предприятии были крайне тяжёлыми и вредными – пыль, красители, шум, значительная физическая нагрузка. Также одной из причин увольнений с предприятия являлась неустроенность быта [7, л. 99]. Хотя комбинат располагал 5 молодёжными общежитиями, 9 ДОУ на 2600 мест, 4 здравпунктами, аптекой, водолечебницей, процедурным и стоматологическим кабинетами, ингалярием, на предприятии остро ощущалась нехватка жилья, детских дошкольных учреждений.

Второй причиной систематического невыполнения плановых заданий были нерациональные плановые задания. Министерство лёгкой промышленности СССР при определении плана предприятию исходило из проектно-технической документации, где указывалась неверная численность работников, что приводило к нерациональному увеличению плановых заданий [7, л. 101]. В результате, за 1969–1983 гг. (14 лет) комбинат ни один год не выполнял план по главным показателям – производству пряжи и готовой ткани [13, л. 3]. Следует отметить, что Читинскому КСК неоднократно меняли плановые показатели в течение года. Например, предприятию только за десятое пятилетие (1976–1980 гг.) десятки раз корректировали квартальные, месячные и годовые планы [11, л. 15].

Третья причина – невыполнение плановых заданий обуславливалось срывами поставок сырья из других экономических районов страны: химических волокон, шерсти и пряжи (например, Чайковский текстильный комбинат систематически срывал поставки пряжи). Особенно напряжённой была ситуация в 1976–1977 гг., когда возникли проблемы с поставкой химических волокон на комбинат из Западной Сибири [13, л. 3]. Наконец, в-четвёртых, существовали и недостатки в организации производства. Невыполнение плановых заданий существенно ограничивало возможности развития предприятия за счёт самофинансирования по таким направлениям, как внедрение новой техники, механизации производственных операций, обновление основных фондов,

совершенствование организации производства и труда, освоение новых видов продукции.

С 1990 г. объёмы производства стали снижаться. В условиях системного кризиса и распада советского общества шансов на выживание у первенца текстильной промышленности Восточного Забайкалья не оставалось. Сказались отмена государственного финансирования, падение овцеводства в Читинской области, разрыв экономических связей, сложившихся в годы существования плановой, директивной экономики. Предприятие так и не смогло приспособиться к новым экономическим условиям. В 1997 г. предприятие было признано банкротом. В 2001 г. АООТ «Читинский камвольно-суконный комбинат» был ликвидирован.

Список источников и литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-3. Оп. 10. Д. 45.
2. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 163.
3. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 249.
4. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 15.
5. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 19. Д. 29.
6. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 17.
7. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 25.
8. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 16.
9. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 32. Д. 115.
10. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 33. Д. 24.
11. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 45. Д. 128.
12. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 48. Д. 193.
13. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 51. Д. 193.
14. ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 54. Д. 182.
15. Майзлингер Т. И., Макаренко Т. Д. Камвольно-суконный комбинат (КСК) [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4 т. Т. 3. И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Режим доступа: <http://www.ez.chita.ru/encycl/person/?id=4349> (дата обращения: 25.04.2018).
16. Очерки истории Забайкальского края / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-изд-во, 2009. Т. 1–2. 336 с.

УДК 94(571.53)
ББК Т3(2)64

Татьяна Петровна Урожаева,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Развитие таможенной службы в Иркутской области во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов

Создание и развитие таможенной службы в Иркутской области произошло в очень короткие исторические сроки. В 1997 г. таможенная служба вышла на новый этап своего развития. Итоги развития таможенной службы Иркутской области свидетельствуют о том, что многие вопросы, возникшие при её создании на начальном этапе развития, были решены. Главной целью стала дальнейшая модернизация, способная усилить позиции на международном уровне, включить регион Приангарья в процесс международной торговли в качестве полноправного участника.

Ключевые слова: таможня, контрабанда, незаконный экспорт, таможенные платежи

*Tatiana P. Urozhaeva,
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

The Development of the Customs Service in the Irkutsk Region in the second half of the 1990s – early 2000s

The creation and development of the customs service in the Irkutsk region took place in a very short historical time. In 1997, the customs service entered a new stage of its development. The results of the development of the customs service of Irkutsk region indicate that many of the issues that arose during its creation at the initial stage of development have been resolved. Its goal was to further modernize, able to strengthen the position at the international level, to include the region of Angara in the process of international trade as a full participant.

Keyword: customs, smuggling, illegal export, customs payments

Таможенная служба изначально призвана регулировать внешнюю торговлю, обеспечивать наполняемость бюджета, пресекать контрабанду товаров, оружия и наркотиков, обеспечивая тем самым экономическую безопасность страны. Фактически строительство таможенной службы РФ началось ещё до распада Советского Союза. Поворотным событием в создании таможенной службы России явилось образование 25 октября 1991 г. Государственного таможенного комитета РСФСР. Перед Государственным таможенным комитетом стояла непростая задача: переход России к рыночным отношениям вызвал необходимость создания принципиально новой системы таможенных органов.

Новый этап реформирования таможенной службы начался с 1997 г. В соответствии с Приказом ГТК РФ № 677 от 10 ноября 1997 г. в целях практической реализации Федеральной целевой программы развития таможенной службы РФ на 1996–1997 г. и на период до 2000 г. предусматривалось апробирование её положений на примере конкретного таможенного органа. Суть модернизации лаконично изложил Председатель ГТК России в 1991–1998 г. А. С. Круглов. Она состояла в том, чтобы, не ломая созданного механизма, выполняя задание по формированию федерального бюджета, одновременно создавать таможенную службу XXI века: современную, хорошо оснащённую, технологическую, управляемую и эффективную, которая определялась как «служба для торговли».

На территории Иркутской области было создано две таможни (Иркутская и Братская), а также несколько таможенных постов (в Ангарске, Шелехове, Усть-Илимске, Нижнеудинске, Тайшете).

Иркутск, Ангарск, Братск, Шелехов, Черемхово, да и все другие крупные города

области «заполнили» пункты приёма цветных металлов. Только в областном центре за 1998 г. было зарегистрировано 622 преступления, связанных с хищениями цветных металлов, из которых было раскрыто лишь 279, а 250 уголовных дел передано в суды. В 1998 г. было возбуждено семь уголовных дел по незаконному вывозу крупных партий лома через Читу и Маньчжурию, в Китай. В 1999 г. управление по борьбе с экономическими преступлениями УБЭП КМ УВД и Иркутская таможня договорились о совместном обмене данными по фирмам, занимающимся подобным вывозом [14, с. 3].

В 1999 г. за пределы РФ с территории региона было вывезено 35 тыс. т лома цветных металлов на сумму около 13,5 млн долл. За полтора года, включая первое полугодие 2000 г., Иркутской и Братской таможнями было заведено 194 дела, наложено штрафных санкций на сумму более 16 млн р. [13, с. 7].

В августе 2001 г. Иркутская таможня была реорганизована и объединилась с Новосибирской. Для вывоза в Китай металлов устанавливалось лишь два перехода – Пограничный и Махалино. Оба они находились на Дальнем Востоке. При таких расстояниях даже «китайская» маржа (годовая чистая прибыль) становилась не столь привлекательной, как раньше [7, с. 2].

Нередкими были случаи контрабанды воздушным транспортом. В зале прилёта Иркутского аэропорта производилось таможенное оформление пассажиров, прибывших из Китая. В 1997 г. количество рейсов за месяц по сравнению с 1996 г. сократилось на 90, пассажиров – на 1041, число мест багажа – на 8724. Летать в дальнее зарубежье через Иркутск стали меньше. Однако нарушений не убавилось. В 1996 г., например, в

международном аэропорту было выявлено 13 нарушений таможенных правил, 12 случаев контрабанды. За первый квартал 1997 г. таможенные правила были нарушены 14 раз [1, с. 2].

Ассортимент конфискованных таможенниками товаров был самый разнообразный: автомобили, оргтехника, одежда, продукты питания. Зачастую предприниматели по неопытности закупали за рубежом товар, по которому потом не могли оплатить таможенные пошлины, и отказывались от него в пользу государства. Например, при покупке автомобиля в Европе за 500 марок пошлину надо было заплатить 2 тыс. долл. [11, с. 2].

Злободневной оставалась проблема незаконного экспорта леса и лесоматериалов из региона. Только в 1999 г. с территории Иркутской области было экспортировано более 2,5 млн м³ лесопроductии на сумму свыше 191 млн долл. Таможенными органами было зафиксировано более 1300 нарушений, связанных с непоступлением валютной выручки от экспорта леса. Было возбуждено 309 административных дел о нарушении таможенных правил на сумму около 13,4 млн долл. [13, с. 7].

Только за 1999 г. в зоне деятельности Иркутской таможни объём вывезенной лесопроductии возрос почти в три раза. Поставлялась она в 32 страны, в числе которых были Япония, Китай, Египет, Германия, Латвия, Иордания. До 1996 г., как утверждают специалисты, лесной экспорт отличался организованностью. Можно было проконтролировать уровень цен и объёмы. Поскольку действовало спецэкспортёрство, занимались вывозом крупные предприятия: «Иркутсклеспром», «Иркутсклесэкспорт», Братский и Усть-Илимский лесохолдинги. С отменой спецэкспортёрства и лицензирования началось разграбление лесных угодий. И только в августе 1999 г. появилось постановление главы администрации области «Об упорядочении экспорта сырьевых ресурсов». Однако для такого органа федерального подчинения, как таможня, оно не имело законной силы. Экспертное заключение о его результатах выдавала Восточно-Сибирская региональная таможенная лаборатория. Она проводила идентификационный досмотр [2, с. 12]. Особую тревогу властей всех уровней вызывал бесконтрольный вывоз в Китай, Японию лесопроductии (прежде всего пиловочника) и лома цветных металлов. На этом страна и регион теряли десятки, если не сотни миллионов долларов [4, с. 3].

С июля 2001 г. в соответствии с приказом федеральных органов был упразднён отдел таможенного контроля, работавший в пос. Чуне. И теперь предприятия, занимающиеся экспортом лесопроductии в г. Тайшете, Тайшетском, Чунском районах, были вынуждены ехать за 200–250 км на Нижнеудинский таможенный пост за оформлением декларации. По данным 2000 г., 89 % производимой в области лесопроductии вывозилось на экспорт. При этом Нижнеудинский таможенный пост оформлял 185 участников внешнеэкономической деятельности, преимущественно лесозаготовителей и лесопереработчиков. Из них более половины объёма декларирования приходилось на г. Тайшет и пос. Чуну [6, с. 1].

Следующим шагом в упорядочении экспорта лесоматериалов с территории Иркутской области стало сокращение мест отгрузки и создание лесных терминалов по зонам деятельности таможенных постов Иркутской и Братской таможен [9, с. 3].

Таможенные органы Восточно-Сибирского региона за девять месяцев 2001 г. перевыполнили план, перечислив государству около 9 млрд р. Более половины этой суммы приходилось на таможни Иркутской области. Достижению высоких результатов способствовало наличие в Иркутском управлении высокопрофессиональных специалистов и совершенствование технологий оформления. Значимость Иркутской области в сборе платежей по Сибирскому региону возросла, и теперь она делила первое место с бесменным лидером – Красноярским краем [10, с. 2].

В регионе деятельности Иркутской таможни были зарегистрированы более 700 организаций и предприятий, постоянно осуществляющих внешнеэкономическую деятельность. Подавляющее большинство являлись добросовестными участниками внешнеэкономической деятельности и серьёзно относились к соблюдению норм таможенного законодательства [8, с. 3].

Количество участников, осуществляющих внешнеторговую деятельность, с начала 2003 г. сократилось с 717 до 649. Также в пресс-службе сообщили, что по итогам первого полугодия 2003 г. Иркутская таможня заняла первое место среди подразделений СТУ по сумме таможенных платежей [3, с. 4]. Наибольшие объёмы экспортно-импортных операций произведены в Иркутской и Братской таможнях. Увеличение объёмов товарооборота в Братской таможне было связано

с ростом экспортных поставок алюминия. В Иркутской таможне – с увеличением экспорта топливно-энергетических товаров, машин, оборудования и транспортных средств.

Внешнеторговые операции осуществлялись с партнёрами из 81 страны мира. Доля торговли со странами дальнего зарубежья составила 95 %. Как и прежде, основным торговым партнёром Восточной Сибири был Китай – чуть больше 40 % от всего товарооборота. Затем шли Япония и США. Из стран ближнего зарубежья наиболее активно развивались взаимоотношения с Казахстаном и Украиной [5, с. 3].

В 2004 г. Иркутская таможня по собираемости платежей в Сибирском федеральном округе находилась на первом месте, а по товарообороту – на втором, после Красноярска. У красноярцев объёмы товарооборота были очень велики, потому что там велась переработка алюминия – это дорогой продукт, но сбор таможенных платежей при толлинге незначительный. Также у них экспортировались никель и медь – тоже очень дорогостоящие продукты, но облагались сравнительно невысокими пошлинами. А вот нефть облагалась очень высокими пошлинами (до 60 % от стоимости), поэтому по сбору Иркутская таможня была на первом месте [15, с. 3].

Иркутская таможня также была заинтересована в развитии брокерских услуг в

Приангарье. В 2005 г. в регионе осуществляли свою деятельность 14 таможенных брокеров. Доля оформленных брокерами таможенных деклараций составляла 38,1 % от общего числа деклараций, зарегистрированных в Иркутской таможне. Кроме того, как отмечали таможенники, по сравнению с другими участниками околотаможенной сферы деятельность брокеров была наиболее регламентирована и «прозрачна», находилась под постоянным контролем таможенных органов [12, с. 3].

Введение информационных программ позволило отслеживать прибытие товара в место назначения, организация таможенного сопровождения грузов и создание института таможенных перевозчиков дали возможность контролировать перемещение товаров. Создание и развитие таможенной службы в Иркутской области произошло в очень короткие исторические сроки. В 1997 г. таможенная служба вышла на новый этап своего развития. Итоги развития таможенной службы Иркутской области свидетельствуют о том, что многие вопросы, возникшие при её создании на начальном этапе развития, были решены. Главной целью стала дальнейшая модернизация, способная усилить позиции на международном уровне, включить регион Приангарья в процесс международной торговли в качестве полноправного участника.

Список источников и литературы

1. Артемьева Л. «Левая» обувь и пиратские диски // Пятница. 1997. 19 июня. С. 2.
2. Артемьева Л. Пока законы издают, лес рубят и продают // Лесная газета. 2000. 20 апр. С. 2.
3. Внешнеторговый оборот // СМ-номер один. 2003. 31 июля. С. 4.
4. Волков Н. Таможня удвоит доходы // Восточно-Сибирская правда. 2000. 10 февр. С. 3.
5. Вот такой оборот // Восточно-Сибирская правда. 2004. 17 сент. С. 3.
6. Грешилова С. Лесная аритмия // Бирюсинская новь. 2001. 13 окт. С. 1.
7. Кинцак В. Правила «игры» для «металлистов» введены. Хотелось бы, чтобы они выполнялись // Восточно-Сибирская правда. 2001. 21 авг. С. 2.
8. Красавина Т. Таможня получила право на повторные проверки // СМ-номер один. 2001. 22 окт. С. 3.
9. Кузнецов Г. Таёжный импульс // Восточно-Сибирская правда. 2006. 20 июня. С. 3.
10. Подгорная О. Таможня даёт «добро» // Вечерний Иркутск. 2001. 26 нояб. С. 2.
11. Предеин С. Таможня – регион: стратегия на сотрудничество // СМ-номер один. 1999. 1 апр. С. 2.
12. «Прозрачные» брокеры // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2006. 2 нояб. С. 3.
13. Трифонова Е. Болевые точки экономической безопасности // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2000. 6–13 сент. С. 7.
14. Федоров В. Здесь скупают краденое // СМ-номер один. 1999. 30 марта. С. 3.
15. Фролов Г. «Заплатите пошлины и торгуйте спокойно» // Сибирский энергетик. 2004. 28 окт. С. 3.

Сведения об авторах

Information about authors

Баринов А. О. – канд. ист. наук, заместитель генерального директора по связям с общественностью, АО «Региональное управление строительства», г. Чита, Россия.

Barinov A. – Candidate of Historical Sciences, Deputy General Director for public relations of “Regional construction management”, Chita, Russia.

Барт Шелдон – магистр политических наук, историк, Фонд исследования дикой природы Джерси-Сити, г. Нью-Джерси, США.

Bart Sh. – The Master of political science, historian, Wildlife Research Foundation Jersey City, New Jersey, USA.

Батаев Д. Ю. – студент 4-го курса исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Bataev D. – The fourth course student of the Faculty of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Батуева И. Б. – д-р ист. наук, профессор, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия.

Batueva I. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the East Siberian State Institute of culture, Ulan-Ude, Russia.

Вайраух Т. – внештатный учёный, офис Министерства внутренних дел Германии, г. Хойхельхайм, Германия.

Weyrauch T. – Freelance scientist at the office of the German Ministry of the interior, Heuchelheim, Germany.

Валиахметов А. Н. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Valiakhmetov A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Russian history of Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia.

Васильев М. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

Vasiliev M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of Russian history of Pskov State University, Pskov, Russia.

Верещагин С. Б. – заведующий музеем археологии Забайкалья, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Vereshchagin S. – Head of the Archaeology Museum of Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Гавриков А. А. – канд. ист. наук, преподаватель, Педагогический институт Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Gavrikov A. – Candidate of Historical Sciences, Lecturer of Pedagogical Institute of Irkutsk state University, Irkutsk, Russia.

Гантимурова М. И. – начальник отдела научно-справочного аппарата, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Gantimurova M. – Head of Department of scientific-reference apparatus of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Дашхорлоо Дэмбэрэл – канд. ист. наук, ст. преподаватель, Монгольский национальный университет, г. Улан-Батор, Монголия.

Dashkhorloo Dehmberehl – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Mongolian national University, Ulan Bator, Mongolia.

Дроботушенко Е. В. – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Drobotushenko E. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Евтехов Р. А. – канд. ист. наук, преподаватель истории, Колледж современных технологий им. Героя Советского Союза М.Ф. Панова, г. Москва, Россия.

Evtchov R. – Candidate of Historical Sciences, History teacher of the College of Modern Technologies named after Hero of the Soviet Union M. F. Panov, Moscow, Russia.

Забузов О. Н. – канд. полит. наук, доцент кафедры, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия.

Zabuzov O. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Moscow state linguistic University, Moscow, Russia.

Кальмина Л. В. – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Kalmina L. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher of Chair of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Камнева Г. П. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия.

Kamneva G. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and philological Institute of Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Карасев С. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин заочно-вечернего института, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия.

Karasyov S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of General Education of the Faculty of Extramural Education at Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia.

Ковалева И. В. – магистрант 1-го года обучения исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Kovaleva I. – Undergraduate 1 year students of the Faculty of History of Transbaikals State University, Chita, Russia.

Ковалева Н. Н. – канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук машиностроительного факультета, Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь.

Kovaleva N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of Humanities, faculty of engineering of the Brest state technical University, Brest, Belarus.

Костяев Э. В. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры «История Отечества и культуры» Института социального и производственного менеджмента, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия.

Kostyaev E. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Chair of “History and culture” of the Institute for social and production management of Saratov state technical University named after Yu. A. Gagarin, Saratov, Russia.

Косых В. И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Kosyh V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Косых Е. С. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия.

Kosykh E. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law of Bashkir State University Sterlitamak Branch, Sterlitamak, Russia.

Кулинок С. В. – канд. ист. наук, заведующий отделом информации и использования документов, Белорусский государственный архив научно-технической документации, г. Минск, Беларусь.

Kulенок S. – Candidate of Historical Sciences, Head of Department of the information and use of documents of the Institution Belarusian state archive of scientific-technical documentation, Minsk, Belarus.

Курас Л. В. – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Kuras L. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Chief Researcher of Department of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Ланцова Ю. Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, ведущий специалист по воспитательной работе исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Lantsova Yu. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, Leading Expert on Educational Work of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Лобанов К. Н. – д-р полит. наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Lobanov K. – Doctor of Political Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Humanitarian and Sociopolitical Disciplines of I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Belgorod, Russia.

Малыгина О. А. – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, Институт Внутренней Азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия.

Malygina O. – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Institute of Inner Asia, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Маркелова А. А. – аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Markelova A. – The Post-graduate student of the Ural Federal University name after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Мезенцева И. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Mezentseva I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of World economy, Entrepreneurship and Humanities of the Faculty of Finance and Economics Chita Institute (Branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Мендюков А. В. – канд. ист. наук, науч. сотрудник, Университет Дмитрия Пожарского, г. Москва, Россия.

Menduykov A. – Candidate of Historical Sciences, Research assistant of the University of Dmitry Pozharsky, Moscow, Russia.

Мясников А. В. – архивист первой категории, Государственный архив Забайкальского края, г. Чита, Россия.

Myasnikov A. – Archivist of the first category of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Пешков И. Г. – индивидуальный предприниматель, г. Санкт-Петербург, Россия.

Peshkov I. – Businessman, Saint-Petersburg, Russia.

Постников А. В. – д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Postnikov A. – Doctor of Technical Sciences, Full Professor, Chief scientific officer of Russian Academy of Sciences S.I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Moscow, Russia

Санжиева Т. Е. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Бурятии исторического факультета, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия.

Sanzhieva T. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of the Chair of History of Buryatia of the Faculty of history of Buryat state University, Ulan-Ude, Russia.

Севостьянова Е. В. – канд. ист. наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Sevostyanova E. – Candidate of Historical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of World economy, Entrepreneurship and Humanities of the Faculty of Finance and Economics Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Скажутин Д. В. – науч. сотрудник, Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова, г. Чита, Россия.

Skazhutin D. – Researcher of the Zabaikal Regional Museum of local lore named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia.

Сотников А. А. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени историко-филологического института, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия.

Sotnikov A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History of Russia of the middle ages and modern times of Historical and philological Institute of Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Сотников С. А. – канд. ист. наук, доцент, доцент, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия.

Sotnikov S. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of Moscow Region State University, Moscow, Russia.

Сурнаа До – иностранный студент, докторант, Монгольский государственный университет образования, г. Улан-Батор, Монголия.

Surnya Do – The Foreign student, Doctoral student, Mongolian state University of Education, Ulan Bator, Mongolia.

Ульянова О. В. – ст. преподаватель кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета, Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия.

Ulianova O. – The Senior Lecturer Chair of world Economy, Entrepreneurship and Humanities of the Faculty of Finance and Economics of Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, Russia.

Урожаева Т. П. – канд. ист. наук, сотрудник лаборатории исторической демографии, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Urozhaeva T. – Candidate of Historical Sciences, Researcher laboratory of Historical demography of the Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Филимонова А. А. – магистрант 2-го года обучения исторического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия.

Filimonova A. – The Undergraduate 2 year students of the Faculty of History of Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Харитонов А. М. – науч. сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Kharitonov A. – Researcher of the Pacific Geographical Institute of FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Цыбенков Б. Д. – канд. ист. наук, доцент, ст. науч. сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

Tsybenov B. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher, Chair of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Чапыгин И. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Chapugin I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of World History and International Relations of the Faculty of History of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Чапыгин И. И. – ученик, Иркутский кадетский корпус им. П. А. Скороходова, г. Иркутск, Россия.

Chapugin I. – Student of Irkutsk Cadet Corps. P. A. Skorokhodova, Irkutsk, Russia.

Червонная С. А. – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник, независимый историк-исследователь, американист, г. Москва, Россия.

Chervonnaya S. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Free-lance historian-researcher, American Moscow, Russia.

Якунин В. Н. – д-р ист. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, Россия.

Yakunin V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for scientific and innovative activities of the Volga Region State University of Service, Togliatti, Russia.

Научное издание

Scientific publication

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Часть 2

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION

Part 2

Редактор В. К. Демиденко
Вёрстка И. Н. Аргуновой

Подписано в печать 09.08.2018.
Формат 60×84/8. Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22,7. Уч.-изд. л. 18,5. Заказ № 18118.
Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

